

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2017

Сборник материалов
III Международной научной конференции

(г. Белгород, 27–28 апреля 2017 г.)

Белгород 2017

УДК 81'374
ББК 81.054
Л 43

Редакционная коллегия:

ответственный редактор

А.П. Седых, доктор филологических наук, профессор;

члены редколлегии:

А.М. Аматов, доктор филологических наук, профессор;

И.А. Котенева, кандидат филологических наук, доцент;

Т.М. Тимошилова, кандидат филологических наук, доцент;

Е.И. Трубаева, кандидат филологических наук, доцент;

Ю.Е. Балабаева, ассистент кафедры немецкого и французского языков

Л 43 Лексикография и коммуникация – 2017: сборник материалов
III Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 27–28 апреля 2017 г.) / отв. ред.
А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 256 с.

ISBN 978-5-9571-2326-2

В сборнике представлены материалы докладов III Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2017». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области теории и практики лексикографии и коммуникации, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает два основных раздела – «Методологические и лингвистические аспекты лексикографии» и «Текст, дискурс, коммуникация: категории описания».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям вузов, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой взаимодействия словарного дискурса и коммуникации.

УДК 81'374
ББК 81.054

ISBN 978-5-9571-2326-2

© НИУ «БелГУ», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Методологические и лингвистические аспекты лексикографии

Прюво Ж. (Сержи-Понтуаэ, Франция) DICTIONNAIRES ET CULTURE(S)	10
Глазырин В.А., Казарин Ю.В. (Екатеринбург, Россия) АВТОРСКИЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (на материале книги стихотворений О.Э. Мандельштама «Камень»)	25
Доборович А.Н., Кузьмичева В.А. (Белгород, Россия) АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «CREATIVITY» ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	32
Дудорова М.В. (Екатеринбург, Россия) СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ТОЛСТЫЙ – ХУДОЙ»: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ	38
Ермакова Л.Р., Таранова Е.Н., Колесникова К.А. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СЛОВАРЕЙ В ТЕОРИИ ОБЩЕЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	43
Иванищева О.Н. (Мурманск, Россия) СЛОВАРЬ ИСЧЕЗАЮЩЕГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	51
Иващенко А.Н., Трещёва Н.В. (Белгород, Россия) АНАЛИЗ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПОСТРОЕНИЯ ТЕЗАУРУСА	56
Литовкина И.В. (Белгород, Россия) МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	60
Мельникова Ю.Н., Балабаева Ю.Е. (Белгород, Россия) НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В УЧЕБНЫХ ПЛАНАХ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ШКОЛ	63
Носова М.В., Пряникова Е.Б., Мишанова Ю.В. (Белгород, Россия) СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	68
Перевышина И.Р., Щербинина Е.М. (Белгород, Россия) СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ	72
Радченко В.Г., Трещёва Н.В. (Белгород, Россия) ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ	76
Таранов А.О. (Белгород, Россия) ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ И СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ	81
Тимошилова Т.М., Вальчук Т.Г. (Белгород, Россия) АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРОДУКТИВНЫХ СУФФИКСОВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ	88
Ухналёва Е.А., Моисеева С.А. (Белгород, Россия) ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА <i>ВРЕМЯ</i> (на материале английского, французского и русского языков)	93

Раздел 2. Текст, дискурс, коммуникация: категории описания

Акимова А.В. (Белгород, Россия) ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ДИАЛОГЕ	99
Альтергот Ю.А. (Белгород, Россия) ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА И ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА Ю. ХАБЕРМАСА «DER PHILOSOPHISCHE DISKURS DER MODERNE»	104
Артебякина О.А. (Белгород, Россия) ДИНАМИКА ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ЖАНРЕ «ФЭНТЕЗИ»	108
Архангельская А.В. (Белгород, Россия) МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА	113
Безрукова Е.И. (Белгород, Россия) ПРЕДИКАТИВНАЯ МОДИФИКАЦИЯ ДЕФИНИЦИОННЫХ СТРУКТУР	115
Бекетова А.О., Котенёва И.А. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ АССИМИЛИРОВАННОЙ КОННОТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ МОДОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И КОННОТАЦИЙ ДАННЫХ МОДОНИМОВ В ЯЗЫКЕ-ИСТОЧНИКЕ	119
Бузинова Л.М. (Москва, Россия) АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО МЕСТО В ДИСКУРСОЛОГИИ	123
Воронина Л.В. (Белгород, Россия) ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПОЗИТОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	127
Воронина Т.М., Черкасова Е.М. (Екатеринбург, Россия) КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ЗВУЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале синонимико-антонимического комплекса <i>тихий — громкий</i>)	133
Дробот Д.С. (Белгород, Россия) КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «STRESS» (на примере глянцевого журнала для женщин)	139
Жуйкова О.В. (Воронеж, Россия) ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА, ОБЪЕКТИВИРУЮЩАЯ КОНЦЕПТ «ЯЗЫК» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДА	144
Киреева Я.И. (Белгород, Россия) ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НОМИНАНТЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ У. ФОЛКНЕРА «THE HAMLET»	149
Кирсанова А.И. (Екатеринбург, Россия) ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ АВТОРСКОГО ТОЛКОВО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ (на материале книги Юрия Казарина «Каменские элегии. Изборник»)	152
Константинова А.Н. (Белгород, Россия) О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ	157
Котенева И.А. (Белгород, Россия) МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБОНЯТЕЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА (на материале признаков номинаций французского языка)	160
Лагоденко Д.В., Лагоденко Ж.М. (Белгород, Россия) РЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВ-ПРЕДИКАТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на примере произведений Дж. Лондона)	163
Мацкова И.А. (Белгород, Россия) ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ	169
Мирошниченко Н.С., Белоусов В.Ю. (Белгород, Россия) ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СПОСОБНЫЕ АКТИВИЗИРОВАТЬ ФРЕЙМ «ВОССТАНОВЛЕНИЕ» НА ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ	173
Мирузаева Е.А. (Белгород, Россия) МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	178

Мухина И.К. (Екатеринбург, Россия) ОППОЗИТИВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТОВ «ЖАРА» – «ХОЛОД» В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ.....	182
Найдёнова М.В., Кудрявцева Н.Б. (Белгород, Россия) СТАТУС И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ ГЛАСНЫХ В СОСТАВЕ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ – ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ.....	189
Невенгловская Н.Ю. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА, КОНЦЕПТОСФЕРЫ И КУЛЬТУРЫ.....	192
Огнева Е.А. (Белгород, Россия) ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИДИОСТИЛИЯ ПИСАТЕЛЯ: МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	195
Осинцева Т.В., Дружлякова А.В. (Белгород, Россия) ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ В СЛОВАРНОМ ДИСКУРСЕ.....	200
Пономарёва А., Кривчикова Н.Л. (Белгород, Россия) О ПОЛИТКОРРЕКТНОМ ЛЕКСИКОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ.....	206
Раздабарина Ю.А., Шеховцева Т.М. (Белгород, Россия) КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.....	209
Седых А.П., Седых Н.В. (Белгород, Россия) МИФОЛОГЕМЫ И ПРАГМАТОНИМЫ СФЕРЫ ПИТАНИЯ.....	213
Скляр М.С. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ СМИ.....	216
Скокова Т.Н. (Белгород, Россия) ОТНОШЕНИЕ «КОГНИТИВНЫЕ ↔ ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ» И ДЕКОДИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ.....	220
Сопова И.В., Долуденко О.С. (Белгород, Россия) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	223
Стрижнёва М.Ю. (Белгород, Россия) КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ-ТРАВЕЛОГАХ.....	227
Томонова А.А. (Белгород, Россия) НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КВАНТИТАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....	232
Харченко В.К. (Белгород, Россия) ЛЕКСИКОН МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (М.П. БУЛГАКОВА).....	238
Щербинина Е.М., Бондарева М.М. (Белгород, Россия) ПРОБЛЕМЫ СИНОНИМИИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	243
Шокова О.Н. (Белгород, Россия) МАТИЗМЫ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СКВЕРНОСЛОВА.....	246
Юдина Н.А. (Белгород, Россия) СЕРЕБРЯНЫЙ ОБРАЗ РОМАНА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦВЕТА В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ».....	249

CONTENT

Section I. Methodological and linguistic aspects of lexicography

Pruvost Jean (Cergy, France) DICTIONNAIRES ET CULTURE(S)	10
Glazyrin Viacheslav, Kazarin Yuri (Yekaterinburg, Russia) AUTHOR'S IDEOGRAPHIC DICTIONARY: THEORY AND PRACTICE (based on «The Stone» collection by O.E. Mandelstam)	25
Doborovich Anna, Kuzmicheva Vita (Belgorod, Russia) ACTUALIZATION OF THE CONCEPTUAL FEATURES OF THE «CREATIVITY» SYSTEM OF CONCEPTS IN THE FRAMEWORK OF LEXICO- GRAPHIC ANALYSIS	32
Dudorova Maria (Yekaterinburg, Russia) SYNONYMIC-ANTONYMIC COMPLEX «FAT-SLIM»: PROBLEMS OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION	38
Ermakova Larisa, Taranova Elena, Kolesnikova Ksenia (Belgorod, Russia) THE PROBLEM OF THE DICTIONARY TYPES IN LEXICOGRAPHIC THEORY	43
Ivanishcheva Olga (Murmansk, Russia) DICTIONARY OF THE «DYING» LANGUAGE: PROBLEMS AND PROSPECTS	51
Ivashenenko Anastasia, Tresheva Natalia (Belgorod, Russia) ANALYSIS OF COMPUTER TERMS IN FRENCH LANGUAGE AS ONE OF THE METHODS FOR CONSTRUCTING THE THESAURUS	56
Litovkina Irina (Belgorod, Russia) MULTIMEDIA ELECTRONIC DICTIONARIES AS A MEANS OF ACTIVATING THE CREATIVE POTENTIAL OF STUDENTS IN ENGLISH CLASSES	60
Melnikova Yuliya, Balabaeva Yuliya (Belgorod, Russia) GERMAN LANGUAGE IN THE EDUCATIONAL PLANS OF RUSSIAN AND GERMAN SCHOOLS	63
Nosova Marina, Pryanikova Evgenia, Mishanova Julia (Belgorod, Russia) METHODS FOR FORMING POSITIVE MOTIVATION ON LESSONS OF GERMAN LANGUAGE	68
Perevyshina Irina, Shcherbinina Elena (Belgorod, Russia) SEMANTICS AND STRUCTURE OF AGRICULTURAL LEXICOGRAPHICAL TERMINOLOGY	72
Radchenko Valeria, Tresheva Natalia (Belgorod, Russia) LEXICAL-SEMANTIC VARIABILITY OF THE VOCABULARY OF THE FRENCH LANGUAGE IN NORTH AMERICA	76
Taranov Alexey (Belgorod, Russia) THE ISSUES OF MAKING TERMINOLOGICAL DICTIONARIES	81
Timoshilova Tamara, Valchuk Tamara (Belgorod, Russia) ANALYSIS OF SOME PRODUCTIVE SUFFIXES IN MODERN ENGLISH IN THE COMMUNICATIVE ASPECT	88
Ukhnaeva Ekaterina, Moiseeva Sofia (Belgorod, Russia) LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF <i>TIME</i> CATEGORICAL CONCEPT (on the material of English, French and Russian languages)	93

Section II. Text, discourse, communication: description category

Akimova Anastassia (Belgorod, Russia)	
LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONS IN DIALOGUE	99
Altergot Yulia (Belgorod, Russia)	
CASE NAMES AND STAGES OF J. HABERMAS' PHILOSOPHICAL DISCOURSE IN «DER PHILOSOPHISCHE DISKURS DER MODERNE»	104
Artebyakina Olga (Belgorod, Russia)	
DYNAMICS OF THE MAIN HERO IN THE GENRE «FANTASY»	108
Arhangelskaya Arina (Belgorod, Russia)	
YOUTH SLANG AND NATIONAL LINGUISTIC CULTURE	113
Bezrukova Elena (Belgorod, Russia)	
PREDICATIVE MODIFICATION OF DEFINITIONAL STRUCTURES	115
Beketova Alina, Koteneva Inna (Belgorod, Russia)	
DIVERGENCE BETWEEN ASSIMILATED CONNOTATION OF FRENCH LOAN MODONIMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND CONNOTATION OF THESE MODONIMS IN THE SOURCE LANGUAGE.....	119
Buzinova Ludmila (Moscou, Russia)	
ACADEMIC DISCOURSE AND ITS PLACE IN DISCURSOLOGY.....	123
Voronina Larisa (Belgorod, Russia)	
DISCOURSE NATURE OF COMPOUNDS FUNCTIONING IN MODERN GERMAN LANGUAGE.....	127
Voronina Tatiana, Cherkasova Yevgenia (Yekaterinburg, Russia)	
CONCEPTUALIZATION OF SOUND INTENSITY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (based on synonymic-antonymic block <i>quiet — loud</i>).....	133
Drobot Darya (Belgorod, Russia)	
COGNITIVE-COMMUNICATIVE ANALYSIS OF THE «STRESS»CONCEPT (in glossy magazines for women).....	139
Zhujkova Oxana (Voronezh, Russia)	
THE PHITOMORPHICAL METAPHOR OBJECTIFYING «LANGUAGE» CONCEPT IN THE PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF W. VON HUMBOLDT.....	144
Kireeva Yana (Belgorod, Russia)	
SPACE NOMINEES OF THE CONCEPT SPHERE OF W. FAULKNER'S NOVEL «THE HAMLET».....	149
Kirsanova Aleksandra (Yekaterinburg, Russia)	
THE EXPERIENCE OF MAKING AUTHOR'S IDEOGRAPHIC DICTIONARY (based on the book «Kamenskiye elegii. Izbornik» by Yuriy Kazarin).....	152
Konstantinova Anna (Belgorod, Russia)	
ON REASONS OF LOAN WORDS.....	157
Koteneva Inna (Belgorod, Russia)	
METAPHOR AS THE METHOD VERBALIZATION OF OBJECTIVE HUMAN FEELINGS (on the material of the recognized French language nominations).....	160
Lagodenko Julietta, Lagodenko Janeta (Belgorod, Russia)	
PREDICATIVE WORDS IN LITERAL DISCOURSE (based on Jack London's novels).....	163
Matskova Irina (Belgorod, Russia)	
POLITENESS AS AN IMPORTANT CONDITION OF SUCCESSFUL COMMUNICATION.....	169
Miroshnichenko Natalia, Belousov Vladimir (Belgorod, Russia)	
LEXICAL UNITS ACTIVATING THE 'RESTORATION' FRAME ON THE LINGUISTIC LEVEL.....	173
Miruzaeva Ekaterina (Belgorod, Russia)	
METAPHOR IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE.....	178

Mukhina Irina (Yekaterinburg, Russia) APPOSITIVE COGNITIVE SIGNS OF CONCEPTS «HEAT» – «COLD» IN RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS.....	182
Naydenova Margarita, Kudryavtseva Natalia (Belgorod, Russia) STATUS AND ORIGIN OF CONNECTING VOWELS IN GERMAN COMPOUND NOUNS WITH A NOUN AS FIRST COMPONENT.....	189
Nevenglovskaya Natalia (Belgorod, Russia) ON THE INTERACTION OF LANGUAGE, CONCEPTOSPHERE AND CULTURE.....	192
Ogneva Elena (Belgorod, Russia) LINGUO-CULTURAL ASPECT OF WRITER'S STYLE: MODELING AND INTERPRETING.....	195
Osintseva Tatiana, Druzhliakova Anna (Belgorod, Russia) THE FUNCTIONAL ASPECT OF THE METAPHOR IN THE DICTIONARY DISCOURSE.....	200
Ponomareva Anastasia, Krivchikova Nelya (Belgorod, Russia) ON POLITICAL CORRECTNESS IN CONTEMPORARY FRENCH MEDIA.....	206
Razdabarina Yuliya, Shekhovtseva Tatiana (Belgorod, Russia) COGNITIVE AND MATRIX ANALYSIS AS RESEACH METHOD OF WIDE SEMANTICS NOUNS.....	209
Sedykh Arkadiy, Sedykh Natalia (Belgorod, Russia) MYTHOLOGIES AND PRAGMATONS OF NUTRITION SPHERE.....	213
Sklyar Maria (Belgorod, Russia) METAPHORICAL REPRESENTATION OF POLITICAL LIFE OF RUSSIA IN THE GERMAN MEDIA DISCOURSE.....	216
Skokova Tatjana (Belgorod, Russia) RELATION «COGNITIVE ↔ LANGUAGE STRUCTURES» ABD DECODING OF MEANING.....	220
Sopova Irina, Doludenko Oxana (Belgorod, Russia) PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE POLITICAL DISCOURSE.....	223
Stryzhnova Mariana (Belgorod, Russia) COMMUNICATIVE STRATEGIES OF TOURIST DISCOURSE IN THE RUSSIAN JOURNALS-TRAVELOGUES.....	227
Tomonova Anna (Belgorod, Russia) NATIONAL SPECIFICITY OF QUANTITATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES.....	232
Kharchenko Vera (Belgorod, Russia) VOCABULARY OF METROPOLITAN MAKARIUS (BULGAKOV).....	238
Shcherbinina Elena, Bondareva Marina (Belgorod, Russia) THE PROBLEM OF SYNONYMY IN AGRICUTURAL LEXICOGRAPHICAL TERMINOLOGY.....	243
Shokova Olga (Belgorod, Russia) «MATISMS» AND LANGUAGE PERSONALITY OF SWEARER.....	246
Yudina Nadezhda (Belgorod, Russia) SILVER NOVEL VISUALIZATION: COLOUR CONCEPT ANALYSIS IN NEIL GAIMAN'S NOVEL <i>STARDUST</i>	249

Вместо предисловия...

В рамках ежегодной научной сессии на факультете иностранных языков Педагогического института 27-28 апреля 2017 года с успехом прошла третья Международная научная конференция «Лексикография и коммуникация – 2017». Конференция была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (Россия), при участии Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Беларусь), Университета Сержи-Понтуаз (Франция) и Фрайбургского педагогического института (Германия).

Главной задачей данной конференции явилось обсуждение и обмен мнениями по актуальным вопросам современной лексикографии и коммуникации, изучение перспектив адекватного словарного отражения состояния национального языка и коммуникативных процессов в современном меняющемся мире.

Темы докладов вызвали живой интерес слушателей и активную дискуссию после выступления ораторов, среди которых, в частности на пленарном заседании выступили:

Жан ПРЮВО – ведущий французский лингвист, Командор Ордена академических палм, Кавалер ордена Искусств и изящной словесности, профессор, доктор филологических наук (Сержи-Понтуаз, Франция). Учёный раскрыл концепцию исторического подхода к лексикографической практике и к исследованию языкового материала, а также рассказал о типологии современных словарей.

Аркадий СЕДЫХ, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, профессор, доктор филологических наук, представил доклад на тему «Его величество – словарь».

По следам конференции выходит сборник, в котором собраны статьи по широкому спектру вопросов теории и практики лексикографирования и коммуникации, такие как: функционирование словарного дискурса, анализ и словарное отражение коммуникативных, информационных, культурологических аспектов. Важными направлениями исследований, что также отражено в сборнике, стали следующие темы: изучение языковых средств вербализации концептов посредством словарей различного типа, отражение словообразовательных процессов в национальных словарях, вопросы классификации онимов, проблемы создания двуязычных и электронных словарей.

Наряду с лексикографической и терминологической проблематикой в сборнике представлены результаты исследований по общим вопросам лингвистики и коммуникации, культурологии, литературоведению, категориям лингвистического описания текста, по теории дискурса и коммуникативного поведения.

Свои материалы представили учителя школ, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты.

Надеемся, что сборник второй Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2017» найдёт своего заинтересованного читателя».

Оргкомитет

Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

DICTIONNAIRES ET CULTURE(S)

Jean PRUVOST

Université de Cergy-Pontoise,
Laboratoire CNRS LDI
Directeur éditorial des Éditions Honoré Champion,
Prix de l'Académie française

Жан ПРИОВО

д.филол. н., проф., университет Сержи-Понтуа
Командор Ордена академических пальм,
Кавалер ордена Искусств и изящной словесности,
Издательский директор (ОНОРЕ ШАМПЬОН)
Национальный центр научных исследований
(CNRS, Франция)

Dans la 5e édition du *Dictionnaire de l'Académie française*, on signale pour la première fois, parmi les exemples, l'expression suivante : «C'est un dictionnaire vivant», c'est-à-dire une personne très cultivée. C'est bien en effet ce que représente le dictionnaire aux yeux du grand public : un objet de culture.

«Le dictionnaire est certainement l'une des plus grandes inventions intellectuelles de l'humanité»¹, affirme de son côté Jean-Claude Boulanger, linguiste et lexicographe distingués, que l'on a aucune envie de contester.

Ainsi, pour le public de spécialistes comme pour le grand public, le dictionnaire s'assimile-t-il spontanément à un outil privilégié de la culture transmise. Certes, «dictionnaire» et «culture» ne sont pas synonymes, mais les deux notions demeurent indéniablement en étroite relation.

Pour mieux cerner les rapports existant entre cet ouvrage si particulier, support privilégié des savoirs, et ce que l'on retient sous le concept de culture, on s'intéressera, sans pouvoir être exhaustif, à quelques éléments plus particulièrement porteurs de la dimension culturelle dans le dictionnaire. Ce sera au demeurant, en termes de «culture(s)», d'une part passer progressivement du singulier au pluriel – d'où l'insertion nécessaire de la parenthèse –, et d'autre part s'acheminer vers un nouveau type de dictionnaire, le *dictionnaire culturel*, par essence «interculturel». Il suffit à cet égard de se rendre dans l'Université de Belgorod pour comprendre à quel point un dictionnaire est chose appréciée universellement et combien l'amitié entre les peuples y est forte. Que cet article soit considéré comme un hommage au département de langue française, à ses collègues enseignants si chaleureux et son directeur si dynamique, sans oublier les étudiants si bien formés.

1. L'omniprésence de la culture dans les dictionnaires....

Même si Josette Rey-Debove a judicieusement mis en relief le caractère utopique de la distinction établie par les linguistes entre le « dictionnaire de langue » – dont l'objet serait la présentation du mot en tant qu'élément de la langue – et le « dictionnaire encyclopédique » – dont la nature serait surtout référentielle –, nous continuerons d'appréhender ce binôme conventionnel, pour examiner le rôle et la représentation de la culture dans les dictionnaires avec, en arrière plan, la différence clairement ressentie par l'utilisateur cultivé entre, par exemple, les *Dictionnaires Le Robert* et les *Dictionnaires Larousse*.

1.1. Les éléments constitutifs d'un dictionnaire, témoins culturels privilégiés

Quels éléments constitutifs semblent devoir être privilégiés dans un dictionnaire de la langue ou dans un dictionnaire encyclopédique pour évaluer la présence ou l'absence relative d'éléments culturels ?

¹ *Les inventeurs de dictionnaires, De l'eduba des scribes mésopotamiens au scriptorium des moines médiévaux*, Les Presses de l'Université d'Ottawa, 2003.

Le titre de l'ouvrage constitue de fait le premier élément pouvant être interprété culturellement, en rappelant qu'il est plus facile d'en prendre conscience *a posteriori*, dès lors que sont identifiées les caractéristiques culturelles de l'époque concernée. On ne traitera pas dans les pages qui suivent cet aspect particulier : soulignons ici simplement qu'intituler un dictionnaire « Dictionnaire universel », comme le fait Furetière en 1690, l'opposant au « Dictionnaire de l'Académie française », ou l'intituler « Dictionnaire national » à la manière de Bescherelle en 1843, cherchant à s'imposer dans une perspective étatisante, ou encore, en 1966, « Dictionnaire du français contemporain », comme le fait Jean Dubois, en structuraliste distributionnaliste rejetant l'analyse diachronique, et enfin « Dictionnaire culturel » à la manière d'Alain Rey à l'aube du XXIe siècle, en 2005, est assurément à chaque fois révélateur d'un mouvement de pensée en train de s'affirmer.

À la suite du titre, vient immédiatement la préface du dictionnaire, lue en théorie avant même de consulter l'ouvrage. Nous n'insisterons cependant pas longuement sur le caractère éloquent de ce type de paratexte, parce que chacun a pleinement conscience que la préface représente par essence le lieu de l'identité culturelle affichée du dictionnaire. Au reste, se prêtant à la diffusion d'un message qui peut dépasser l'ouvrage présenté, dans la mesure où y sont souvent appréhendés la langue et ses référents et donc le monde et ses réalités, la préface peut parfois prendre une valeur philosophique et littéraire telle, qu'elle sera considérée aux yeux des générations suivantes comme une œuvre méritant d'être publiée à part.

Ensuite, il faut faire une place de choix à la définition des mots, qui en dépit d'une apparente et sincère recherche d'objectivité, se révèle inéluctablement imprégnée de la doxa du moment. Sans s'appesantir, montrer ici que la définition et plus encore le processus définitoire sont affaire de culture, n'est pas inutile.

Enfin, plus discret, mais pour autant plus subtil et efficacement insidieux, vient l'exemple qui, s'il est cité, reste puisé dans un ensemble d'œuvres dont le choix est forcément le résultat d'un choix culturel. Et si l'exemple est forgé, il représente alors très souvent un support de savoirs orientés, un moyen secondaire d'acculturation, particulièrement significatif de la dimension didactique du dictionnaire.

1.2. Le dictionnaire sur support informatique: un corpus culturel intégralement offert

Faut-il en rester à l'analyse des éléments constitutifs? En vérité, si la préface et les articles (définitions et exemples) constituent autant d'éléments en grande partie autonomes du grand texte fractionné que représente le dictionnaire, rarement lu de part en part aux XXe siècle et XXIe siècles, le dictionnaire doit aussi être appréhendé comme un texte complet, œuvre culturelle marquée par ses auteurs et son contexte historique.

On essaiera ainsi de montrer, que grâce aux supports informatique et aux outils d'investigation qui y correspondent, de la même manière que l'on conduit en ce moment des études bibliométriques, avec leurs faiblesses puisque tout reste nécessairement dans le domaine de l'interprétation, le dictionnaire peut aussi devenir, pour celles et ceux qui en font un support d'analyse, un corpus étonnant pour mesurer l'évolution des représentations culturelles.

En réalité, la culture étant installée dans le relatif et dans une dynamique de permanente évolution, les dictionnaires correspondent à un type de discours tout à fait propice à la recherche de ce que l'écrivain sémioticien de génie Umberto Eco a proposé en évoquant les « limites de l'interprétation » culturelle. Les dictionnaires constituent sans aucun doute un « lieu d'interprétation » privilégié et les témoins d'une culture qui s'y trouve omniprésente.

2. Les préfaces, témoins d'une étape et témoignage culturel

Quelques préfaces sont restées célèbres et se sont installées dans la culture générale. On pense notamment à celle de l'*Encyclopédie* de Diderot et d'Alembert. On retient aussi la préface de Pierre Larousse qui, au reste, se situe d'emblée dans le sillage de Diderot, puisque le

lexicographe y cite dès les premières lignes la *Préface* de l'*Encyclopédie*². Dans le même esprit, et parce qu'elle marque une étape nouvelle, on peut également deviner que la préface du *Dictionnaire culturel en langue française* (2005) sera pour le moins marquante.

D'autres préfaces, moins connues, font date parmi les spécialistes de la langue française et les passionnés. Ce n'est évidemment pas sans raison que les grands lexicographes accordent à ce type de texte un soin particulier. Il ne s'agit pas seulement de présenter l'ouvrage et d'en expliciter les caractéristiques, il s'agit en effet aussi d'inscrire l'œuvre dans une mouvance. Ainsi, la préface du *Dictionnaire de la langue française* de Littré est-elle délibérément marquée par le positivisme, celle du *Dictionnaire général* d'Hatzfeld et Darmesteter par la linguistique historique avec, en l'occurrence, un véritable livre dans le livre, le corps du dictionnaire étant en quelque sorte précédé d'un tome d'histoire de la langue française occupant plus du tiers du premier volume.

C'est parfois dans la préface d'un *Supplément* que se transmettent les savoirs fondamentaux sur la langue pour celles et ceux qui justement souhaitent partager à cet égard la culture de leur époque. Ainsi, la préface du *Supplément du Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*, qui allait vite s'appeler plus couramment le « Grand Robert », a-t-elle révélé Alain Rey. Le grand lexicographe vivait forcément dans le sillage de Paul Robert occupant le devant de la scène, cette Préface permit de mettre au grand jour l'animateur linguistique de l'ouvrage.

De la même manière, le *Trésor de la langue française (TLF)* bénéficie-t-il avec Paul Imbs d'une préface significative de l'œuvre, s'inscrivant dans un courant philologique moderne. Et lorsque Bernard Quemada prendra la direction de cet ouvrage, pour le huitième volume, une nouvelle Préface, précise et efficace, viendra valoriser l'œuvre. Sans oublier les *Postfaces*, qu'il s'agisse par exemple de celle du *Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle* ou de celle du *TLF*.

Au reste, l'étude de la fréquence hors norme des mots au cœur des préfaces, sur le mode des mots témoins chers à George Matoré, n'est pas sans refléter l'orientation et les préoccupations culturelles des auteurs : ainsi, dans la *Préface* de Pierre Larousse pour son *Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle*, reviennent constamment le mot « monument » et les métaphores qui s'y associent. C'était bien en effet l'intention du boulimique Pierre Larousse : laisser une œuvre marquante par sa démesure, un « monument », une œuvre totalisante et progressiste, dans le droit fil d'un siècle marqué par le culte du progrès et d'un monde à construire.

De la même façon, pour ne prendre que quelques exemples, le mot « interprétation » revient pas moins de dix-sept fois dans la Préface de Paul Imbs, soucieux de faire à la fois œuvre philologique et œuvre linguistique, traduisant sa dimension romaniste et sa volonté de ne pas être hors des nouveaux courants. « Interpréter » la langue, en essayant de ne pas la trahir, en définitive c'est bien la nouvelle ambition et la modestie des linguistes à la fois traditionnels et en pleine métamorphose au cœur d'une période dominée par le structuralisme.

Enfin, la grande préface du XXIe siècle commençant, c'est celle d'Alain Rey pour le *Dictionnaire culturel*, avec l'adjectif « culturel » mis en relief par les guillemets dès la première page de l'*Avant-propos et après-faire*. Un tel adjectif est de fait porteur non pas d'une culture étroite et hexagonale, mais de « concepts », de « symboles », de « visions du monde [...] qui s'élaborent à partir du langage dans différentes cultures ». Comme celle de Pierre Larousse, de Paul Imbs, de Bernard Quemada, cette préface marque effectivement une étape, et la marque autonymique récurrente du concept³ signale à la fois la nouveauté du propos et la continuité d'une pratique, le lecteur ayant, déclare Alain Rey, « à découvrir ici un texte inscrit dans la

² Premier paragraphe de la *Préface* de Pierre Larousse : « Trois préfaces célèbres ont marqué jusqu'ici dans l'histoire littéraire de notre pays : celle de la grande *Encyclopédie du XVIIIe siècle*, par d'Alembert ; celle qui figure en tête de la sixième édition du *Dictionnaire de l'Académie*, due à la plume si attique et si compétente de M. Villemain, et enfin celle qui fut pour le romantisme ce que la Déclaration des droits de l'homme est à la Révolution, nous voulons dire la préface du drame de *Cromwell*, de M. Victor Hugo. »

³ L'adjectif « culturel » se trouve une nouvelle fois entre guillemets page XV.

tradition des ouvrages publiés par *Le Robert*, avec nombre d'enrichissements et de transformations qu'il faut se résoudre à qualifier de "culturels" : étymologies développées et précisées, définitions revisitées, descriptions terminologiques mises à jour, reflet des innovations langagières... » Ainsi, démarqué par une « culture sans frontière » (p. XVII), des « articles culturels » (p. XVIII), ce « Dictionnaire culturel » (p. XX) riche d'un « *interculturalisme* » (p. XX)⁴ se signale significativement dès la préface par un concept et une famille de mots qui en constituent le filigrane inoubliable.

S'il fallait rappeler le rôle de témoin culturel des préfaces des dictionnaires, au-delà des grands préfaces qui viennent d'être citées, il faudrait assurément rappeler aussi les préfaces peu lues par le grand public, mais très lues par les pédagogues et les spécialistes, et on citera par exemple celle du *Nouveau Dictionnaire de la langue française*, par Pierre Larousse en 1856, celle du *Dictionnaire du français contemporain*, par Jean Dubois en 1966, et celle de Josette Rey-Debove pour le *Nouveau Petit Robert*, en 1993. La première de ces préfaces offre aux instituteurs une réflexion lexicologique pionnière et didactique sur la langue et son lexique, la seconde illustre la nouvelle dynamique inscrite dans le structuralisme et plus précisément le distributionnalisme, la troisième se présente comme un exposé complet, précis sur ce qu'une personne cultivée doit savoir d'essentiel sur la langue, sur le lexique et tout dictionnaire de langue française, le tout avec un message optimiste qui tranche avec les puristes chagrins.

3. Les définitions, résultantes obligées d'une culture explicite et implicite....

Sans rechercher la précision d'une analyse qui mériterait un livre, rappelons tout d'abord que chaque période engendre des définitions qui sont fonction des représentations inhérente aux savoirs et aux philosophies du moment, tout comme la définition est dépendante de la conception même de l'acte intellectuel et didactique propre à la rédaction d'un article à l'époque concernée.

Nous n'en donnerons que quelques aperçus anecdotiques, pour ne pas entrer dans le vif d'une analyse. On est par exemple souvent surpris par certains articles de Furetière dont le contenu encyclopédique nous paraît devoir relever de la naïveté d'une époque ou éventuellement de celle de l'auteur. En vérité, on se tromperait en pensant que Furetière « objective » les savoirs dont il rend compte. La conception d'un *Dictionnaire universel* au XVIIe siècle n'est pas en effet de rendre objectif les connaissances, d'arbitrer les savoirs, mais de transmettre, de diffuser tout ce qu'on dit sur un sujet : il s'agit de livrer un trésor de « connaissances » dans lequel l'auteur ne s'implique pas toujours. Il rend compte, souvent sans « juger ». Le discours est en réalité offert en mosaïque : des faits supposés vrais se mêlent à des clichés du moment, rapportés sans jugement, des points de vues rapportés sans commentaires succèdent à des prises de position, ces dernières surgissant notamment quand il s'agit de religions ou de la société. Ainsi, comparer un article du *Grand Larousse encyclopédique* de 1964 et un article du *Dictionnaire universel* de 1690 n'a en réalité pas de sens. La conception même de l'article n'est pas du même ordre : Furetière ne cherche ni à être neutre, ni à « vérifier » ou « objectiver » les données selon la formule chère à Bergson (*Essai des données immédiates de la conscience*, 1889). Le plus souvent, il rapporte et séduit.

Au siècle suivant, au cours du Siècle des Lumières, cette conception même disparaît. Diderot ne manque pas effectivement de faire de la définition un acte à la fois rationnel et militant, ce qui bien sûr relève d'un exercice délicat et pour tout dire impossible. Mais toute l'*Encyclopédie* s'installe dans cette perspective du progrès, entre techniques, sciences et philosophies : il importe avant tout d'éclairer. Et par exemple, consulter l'article « vin », c'est bénéficier de presque dix pages sur la « fermentation » avant même d'en aborder la définition, l'histoire et la consommation.

Au XIXe siècle, à Bescherelle par exemple de se vouloir « national » et, sans trop le savoir, romantique. Du même coup, la définition perd de son poids au profit des premières

⁴ « Interculturalisme » bénéficie aussi de la marque autonymique à travers l'usage de l'italique.

citations brillantes et surtout d'une nomenclature pléthorique, en écho au foisonnement romantique du lexique.

Il est tout aussi inutile de rappeler que lorsque Larousse propose un *Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle*, cette dernière précision étant synonyme d'une perception du siècle comme celui « du progrès » dont on attend tout, on se trouve dans une perspective totalement différente de celle propre au début du XXIe siècle, dans la quelle on se méfie du « progrès », un « progrès » dont on commence à craindre tout. Quant à l'article, et par conséquent la notion définitoire, il est scindé en deux parties, en reprenant le modèle offert par Dupiney de Vorepierre : on procède d'abord à la description du mot en tant qu'unité de la langue, en tenant compte en l'occurrence de la linguistique historique, on s'intéresse ensuite au référent encyclopédique, qui pour Pierre Larousse s'assimile à la reprise personnalisée, militante et volontairement anecdotique du sujet. C'est un principe didactique auquel tient Larousse : instruire sur la langue et sur le monde.

On oublie par ailleurs toujours de signaler que Pierre Larousse rédigeait son *Grand Dictionnaire universel* « fascicule » après « fascicule » pour un public régulier qu'il cajolait, flattait, tout en n'hésitant pas à le secouer. L'homme est instituteur : la définition doit « instruire » et convaincre.

Quant au *Dictionnaire de la langue française* d'Émile Littré, le consulter c'est découvrir l'érudite positiviste et sa conception historique de la langue française, pour ainsi dire darwiniste, avec une langue qui est déjà sur le déclin, et des lecteurs qu'il faut orienter vers son sommet, la langue française du Grand siècle et du Siècle des lumières. Ainsi, conçoit-il ses articles comme une série de filiations sémantiques liées à l'histoire de la langue, en partant de ce qu'il pense être la souche sémantique du mot. Et l'on prend conscience de l'absurdité lexicographique et même de la trahison qu'il y a à publier aujourd'hui un « nouveau » *Littré* sans remettre l'œuvre dans son contexte et sans offrir au seuil de l'ouvrage la préface si clarificatrice d'Émile Littré.

Au XXe siècle, au cours du demi-siècle d'or qui commence avec le développement du structuralisme aux lendemains de la Seconde Guerre mondiale, comme on le sait pertinemment, la définition fait écho à une vision du monde dialectique, marxiste en somme, très prégnante chez les intellectuels des années 1960. C'est alors le grand retour aristotélicien rénové de la recherche du *genre suprême* ou *prochain* et de l'*espèce*, des « traits spécifiques », pour le coup « objectivés » à travers la recherche éperdue desdits traits sémantiques, avec l'aporie propre à la recherche exhaustive des sèmes, cellules nourricières du sémème. Peu importe au reste que l'espoir ait été déçu, selon la formule bergsonienne, « l'idée de l'avenir est plus féconde que l'avenir lui-même », et l'analyse sémique, l'analyse distributionnelle, ont fait considérablement progresser la lexicographie. On retrouvera par exemple ce type de démarche dans le *Dictionnaire du français contemporain* dirigé par Jean Dubois chez Larousse et publié en 1966. Il n'en reste pas moins que ni les lexicographes du *TLF*, ni ceux du *Grand Robert* n'ont viré de bord, ces grands navires ont seulement sagement infléchi leur cours et tirer profit de ces vedettes légères fendant en éclaireurs les mers lexicales.

Retenons surtout qu'à la fin du XXe siècle, d'une part Alain Rey rappelait l'irremplaçable apport de l'histoire de la langue avec le *Dictionnaire historique de la langue française* (1992), en vérité déjà une histoire « culturelle » de la langue et, d'autre part, Jacqueline Picoche, avec son *Dictionnaire du français usuel* (2001), renouvelait la conception guillaumienne du *signifié de puissance*. On se souvient que ledit *signifié de puissance* intégrait la dynamique historique dans l'évolution et la création des sens d'un mot et, ce faisant, redonnait force à l'approche unitaire du mot à travers les grands polysèmes. Cette interprétation du lexique s'oppose forcément à celle des dégroupements homonymiques systématiques pratiqués par Jean Dubois, tenant convaincu de la conception distributionnaliste de la langue. Et bien entendu tout deux ont raison, puisqu'il ne s'agit en somme que d'une perspective différente choisie pour décrire le fonctionnement d'un mot, les deux perspectives étant complémentaires.

Enfin, au XXIe siècle, la définition reprend vigueur culturelle avec Alain Rey, et le bien nommé *Dictionnaire culturel en langue française*, premier du genre, marque assurément une

nouvelle étape. On y prend en effet conscience que le mot ne s'assimile pas seulement à une suite de sèmes ou à sa distribution syntaxique dans la langue, ou encore au signifié de puissance qui s'exprime dans tous ses sens, mais que le contexte culturel est essentiel pour en peser la vraie dimension et la résonance qui, au demeurant, ne sont pas seulement nationales. En développant cette dimension, Alain Rey fait cause commune et utile avec Robert Galisson qui avait développé le concept opératoire de la *lexiculture*, pionnière dès les années 1980. Celle-ci était alors ciblée non pas sur la culture savante qui irrigue les mots, mais sur la culture parfois sous-jacente que les dictionnaires ne mentionnent pas : par exemple le symbole d'épargne que représente l'*écureuil* pour un français. De fait, lorsqu'Alain Rey évoque tout aussi bien Roland Barthes que Coluche, en fonction du sujet porté par le mot, il fait rayonner le mot au-delà d'une analyse étroite, purement linguistique.

On retiendra de cette rapide rétrospective que les courants sont toujours portés par des « visionnaires » : disons-le sans hésiter, un grand lexicographe est tout à la fois un artisan de génie et un linguiste visionnaire. Pierre Larousse, Émile Littré, Hatzfeld et Darmesteter, Jean Dubois, Bernard Quemada, Josette Rey-Debove, Paul Robert à sa manière, Alain Rey intensément, sont de cette trempe.

4. Les exemples cités et forgés : la culture implicite et la fausse objectivité

Si la définition d'un mot, d'un sens, est forcément très contrainte, de par le choix de l'approche descriptive propre au dictionnaire, mais aussi tout simplement parce que l'interprétation a ses limites vite atteintes, au point que parfois les définitions de tel ou tel mot sont pour ainsi dire identiques d'un dictionnaire à l'autre, il n'en va pas de même pour l'exemple qui peut porter sur des aspects très variés.

De manière générale, les exemples sont destinés à présenter la diversité d'emplois du mot et à éclairer ainsi les définitions. Mais cette mission peut être remplie de mille manières tant, pour l'exemple forgé, dans le choix assez libre de l'usage à mettre en valeur et l'approche personnelle du lexicographe libre du fond que, pour l'exemple cité, dans le choix extrêmement large de l'époque, de l'auteur et de la pensée. Et dans les deux cas, la culture personnelle du lexicographe et celle de la période concernée ne manquent pas d'y être perceptibles : l'exemple reste assurément dans l'article de dictionnaire un lieu d'ouverture, à dire vrai la rare fenêtre lexicographique offrant au rédacteur une liberté certaine pour s'exprimer à titre individuel, témoignant ainsi d'une culture consciente et inconsciente. On en donnera ici quelques échantillons.

4.1. L'ambiguïté possible: exemple cité ou forgé ?

La frontière entre la citation et l'exemple forgé n'est pas toujours explicite, alors même que des critères objectifs de présentation (guillemets, italiques, mention de l'auteur) devraient rendre parfaitement perceptible la différence de nature. Ainsi en est-il dans l'article de Maurice Lachâtre, saint-simonien puis proudhonien qui, en 1856, au moment de rédiger l'article *femme* dans le *Dictionnaire français illustré, Panthéon scientifique, littéraire, biographique*, offre un exemple ressemblant diablement à une citation mais qui, sans référence, s'assimile à une sorte d'aphorisme qui pourrait bien tout simplement relever d'une maxime créée par Maurice Lachâtre lui-même. Une lecture rapide de l'article laisse cependant croire qu'il s'agit d'une citation pour laquelle Lachâtre a oublié de mentionner l'auteur, ce qui arrive, ou d'un aphorisme, tant la formule est construite sur un mode percutant.

Voici en effet l'exemple donné à la suite de la définition : « La femme chez les sauvages est une bête de somme ; dans l'Orient, un meuble, et chez les Européens, un enfant gâté. » Ici, l'exemple prend de fait une dimension hybride, il est apparemment forgé mais paraît cependant cité, à mi-chemin du proverbe qui fait force de loi.

Le commentaire « philosophique » qui suit et termine l'article reflète bien au reste l'opinion généralement admise dans la « culture » en vigueur au cours de la seconde moitié du XIXe siècle : « Considérée philosophiquement, la *femme* est la tige essentielle, primordiale de notre espèce, comme toute femelle elle est, parmi les animaux et les plantes, le centre, l'essence principale de leurs espèces. Elle est la depositaire, la matrice originelle des germes et des œufs

d'où naît et se renouvelle le genre humain. Source féconde et sacrée de la vie, la *femme* est la créature la plus respectable de la nature, c'est d'elle que découlent les générations sur la terre ; c'est Ève ou l'être vivifiant qui nous réchauffe dans son sein, qui nous allaite de ses mamelles, nous recueille entre ses bras et protège notre enfance dans le giron de son inépuisable tendresse. C'est pour ce rôle important et sublime, d'élever le genre humain et d'en être le plus bel ornement, que la femme est physiquement et moralement organisée. »

Ainsi, à travers l'exemple, de nature indéfinie, et le commentaire « philosophique » qui accompagne la définition et l'exemple, se révèle, dans le cadre d'une fausse objectivité, la culture implicite d'une période marquée par une conception « biologique » de la femme.

4.2. Les exemples cités, vecteurs de points de vue, significatifs d'une culture marquée

4.2.1. Émile Littré et Pierre Larousse misogynes ?

En restant dans un même article, celui consacré au mot « femme », propice à une interprétation liée à la personnalité du lexicographe et au contexte culturel, on se contentera de mettre en avant deux grands dictionnaires, considérés comme des monuments de la lexicographie positiviste, celle-là même qui dans la seconde moitié du XIXe siècle paraissait aux yeux des contemporains et de leurs auteurs particulièrement objective.

Quelles sont par exemple les trois premières citations choisies par Émile Littré, positiviste et républicain, pour son *Dictionnaire de la langue française*, en 1873 ? « Et perdez-vous encor le temps avec des femmes ? CORN. *Hor.* II, 7. Que la vengeance est douce à l'esprit d'une femme ! ID. *Cinna*, V, 2. Mon père, je suis femme et je sais ma faiblesse, ID, *Poly.*, I, 4 ». On se situe là pour le moins dans une perspective assez peu bienveillante... Et l'article ainsi illustré d'exemples cités, très nourri de citations pour la plupart de même nature accompagnant les 17 acceptions données au mot, se termine de fait avec la partie historique et étymologique à laquelle tenait beaucoup le grand philologue, dont la dernière citation, en réalité inutile, s'inscrit dans la même veine complaisante : « Souvent femme varie, bien fol est qui s'y fie, François Ier. »

Qu'en est-il, dans le même temps, chez Pierre Larousse, dans son *Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle* achevé en 1876 ? « FEMME [...] Collectiv. Femme en général, ensemble des personnes du sexe féminin : *J'ai trouvé la FEMME plus amère que la mort.* (Ecclésiaste) », citation suivie immédiatement d'un nouvel exemple forgé de même orientation négative : « *La FEMME est quelque chose d'éternellement changeant.* (Virgile) ». Et on a déjà compris que lire l'article dans son ensemble, c'est de fait rencontrer invariablement des citations de même veine.

Faut-il en conclure naïvement que Pierre Larousse et Émile Littré sont misogynes ? Sans doute pas : ils incarnent en vérité une période où, d'une part, peu de femmes lisent des dictionnaires et elles ne sont donc pas en mesure de protester et, d'autre part, une culture dominante où il est de bon ton de caricaturer cette dernière, un réflexe masculin qui il faut bien l'avouer n'est pas encore totalement vaincu. Cependant, on conçoit aisément qu'au XXIe siècle, aucun dictionnaire ne pourrait ainsi, sans critique immédiate, offrir un cortège de citations aussi dense dans la dérision.

4.2.2. Les citations cachées du *Petit Larousse illustré* de 1905

On le sait, le *Petit Larousse illustré* ne contient pas en principe d'exemples cités, mais seulement des exemples forgés. Cependant, contrairement à ce que chacun imagine, les citations ne sont pas absentes du *Petit Larousse illustré* de la première moitié du XXe siècle. On les trouve effectivement dans la partie consacrée aux noms propres, ce qui peut *a priori* surprendre. En fait, la démarche est pertinente, puisque c'est à l'occasion de l'œuvre insigne de tel ou tel auteur, Boileau, Corneille, Racine, etc., à laquelle correspond un article, que sont en effet présentés quelques vers célèbres. Ainsi, pour l'article correspondant à l'*Art poétique*, « poème didactique de Boileau », « excellent ouvrage de saine et judicieuse critique, qui a fait appeler son auteur *le Législateur du Parnasse* (1674) », « un grand nombre de vers de poétique sont cités comme de véritables proverbes. » Et les éditeurs d'en donner « les principaux ». Suivent alors une quarantaine de vers avec, par exemple : « La rime est une esclave et se doit d'obéir », « Enfin Malherbe vint... », « Ce que l'on conçoit bien s'énonce clairement, Et les mots pour le dire,

arrivent aisément », « Vingt fois sur le métier remettez votre ouvrage, Polissez-le sans cesse et le repolissez. » Ce sont là indéniablement des joyaux de notre culture, et le *Petit Larousse* s'en fait à la fois le garant et le passeur auprès du grand public.

La même démarche est d'ailleurs reprise pour *Athalie*, avec un florilège de vingt-sept vers célèbres que Racine a composés pour cette pièce. De la même façon, *Le Misanthrope* de Molière, *Le Paysan du Danube* de Lafontaine, les *Satires* de Boileau, etc., font l'objet d'un relevé des meilleures citations, celles qui sont en quelque sorte passées dans la culture commune et, par ce biais, dans la langue. C'est ainsi qu'à travers la littérature qui fonde la culture française se transmettent des vers qui pour ainsi dire prennent leur indépendance par rapport à l'œuvre concernée, cimentant une pensée française encore gorgée de culture classique dans la première moitié du XXe siècle.

4.2.3. Une image accessible de la culture littéraire convoquée, grâce à la consultation informatisée

Il est un moyen assez simple de « tester » le type de culture littéraire offerte par les dictionnaires, grâce à la recherche dite en « plein texte » dans un dictionnaire proposé sur un support informatisé. Ainsi, il suffit de consulter les tableaux donnés ci-dessous pour prendre conscience des variables et des choix propres à chaque dictionnaire, tout en sachant que les chiffres restent toujours à interpréter.

Représentation comparative de quelques écrivains cités dans le *Petit Robert*, dans le *Grand Robert* et dans le *Trésor de la langue française* à partir du nombre d'exemples cités (les citations) choisis dans leur œuvre

Citations du Petit Robert (1996), dans l'ordre décroissant :

Balzac : 1436 citations	S. de Beauvoir 222
Gide : 1430	Marcel Aymé : 221
Victor Hugo : 1332	Pierre Corneille : 218
Zola : 881	Montherlant : 217
Proust : 650	Malraux : 175
Sartre : 626	Paul Bourget : 95
Pierre Loti : 618	Apollinaire : 76
Molière : 451	Paul Nizan : 40
Camus : 434	Mallarmé : 27
Aragon : 431	Yourcenar : 21
Colette : 409	Roger Vaillant : 10
Voltaire : 398	Corneille Thomas : 2
Racine : 327	Richard Jorif : 1.
Céline : 227	

Le Grand Robert (1994)

et

le TLF (Internet 2000 : <http://zeus.inalf.fr/tlf.htm>).

<i>Le Grand Robert (Cédérom 1996)</i>	<i>Le TLF (2000) sur Internet</i>
Molière : 5216 citations	Balzac : 12157 citations
Balzac : 4879	Zola : 10913
Victor Hugo : 4564	Victor Hugo : 9587
Gide : 3709	Gide : 8206
Racine : 3160	Proust : 5256
Proust : 2655	Colette : 4078
Voltaire : 2788	Sartre : 3030
Zola : 2652	S. de Beauvoir : 2956
Pierre Loti : 1927	Céline : 2919
Pierre Corneille : 1894	Camus : 2884
Sartre : 1307	Racine : 1849

Colette : 1282	Aragon : 1679
Aragon : 1117	Malraux : 1647
Camus : 1075	P. Loti : 1646
Malraux : 912	Marcel Aymé : 1572
Céline : 769	Corneille Pierre : 1459
Marcel Aymé : 669	Molière : 1050
Montherlant : 636	Montherlant : 918
S. de Beauvoir : 701	Mallarmé : 841
Apollinaire : 292	Voltaire : 835
Paul Bourget : 232	Paul Nizan : 646
Yourcenar Marguerite : 133	P. Bourget : 206
Mallarmé : 104	R. Vaillant : 158
Paul Nizan : 99	Apollinaire : 138
Corneille Thomas : 6	Corneille Thomas : 46
Roger Vaillant : 1	Yourcenar : 7
Richard Jorif : 0	Richar Jorif : 2

Les commentaires sont inutiles: ces quelques dénombrements représentent en effet d'une part, une première manière d'appréhender un écrivain et sa popularité à une époque donnée, d'autre part une interprétation propre au projet lexicographique et aux lexicographes concernés. Nous restons là cependant dans des analyses quantitatives, d'autres analyses peuvent être conduites, de type qualitatif, cette fois-ci, qui seraient forcément elles aussi supports d'analyses culturelles. On en fait le constat aisément, les dictionnaires présentés sur support informatique deviennent de véritables miroirs d'interprétation culturelle. Aux métalexigraphes d'en tirer des analyses pour l'heure encore trop peu nombreuses.

4.3. Les exemples forgés

Plus encore qu'avec la citation, le lexicographe bénéficie avec les exemples forgés d'un espace de liberté, certes bornée par la description de l'usage du mot, mais lui permettant néanmoins de choisir ses référents et ses orientations. Le lexicographe se libère ici en partie du carcan définitoire. Et ce faisant, comme on l'a déjà signalé, il illustre souvent précisément et inconsciemment, d'un côté les valeurs de la période au cours de laquelle il rédige les exemples, ainsi que de l'autre côté ses propres valeurs culturelles. Pour s'en convaincre, on choisira d'étudier d'abord un dictionnaire général et usuel de type « patrimonial », le *Petit Larousse illustré*, puis un dictionnaire spécialisé de la langue, le *Dictionnaire de synonymes* de R. Bailly.

4.3.1. Un dictionnaire général : le *Petit Larousse illustré* de 1905

Dès lors qu'on y prête attention, la dimension culturelle est particulièrement perceptible dans le *Petit Larousse illustré* 1905, perçu confusément comme anonyme, mais derrière lequel se cache en réalité Claude Augé, épigone méritant de Pierre Larousse.

Nous en donnerons ci-dessous quelques extraits qui, à distance, ne manquent pas d'être savoureux alors même qu'ils ne choquaient en rien les lecteurs du début du XXe siècle. Ces derniers, dans leur grande majorité, partageaient en effet les valeurs véhiculées par ces exemples, n'ayant, comme nous allons le constater, rien de neutres et d'intemporels. En vérité, gardons-nous de trop sourire car, même si nous n'en avons pas encore vraiment conscience, nos dictionnaires d'aujourd'hui feront sans doute aussi sourire nos petits enfants, évolution de culture oblige...

Dans chaque exemple forgé ici présenté pour le *Petit Larousse* de 1905, est indiqué en italique le mot et donc l'article où on le trouvera. On a classé ces exemples par thèmes, et on constatera dès le premier présenté, en l'occurrence la colonisation, à quel point aujourd'hui les exemples d'alors seraient soit incompris, soit incongrus ou ineptes. Il s'agit bel et bien en effet de la culture d'un moment, entre la Guerre de 1870 et la Première Guerre mondiale, qui perce sans que le lexicographe en ait eu pleinement conscience.

Colonisation

Les tribus *marocaines* sont très turbulentes. / *Beaucoup* d'explorateurs ne reviennent pas.
/ Les nègres sont généralement *prognathes*.

Femmes

Les femmes *vieillissent* plus vite que les hommes. / Les femmes sont plus *impressionnables* que les hommes. / La plupart des femmes *posent*. / Que de femmes se rendent malades à force de se *serrer* ! [allusion au corset, à la mode en 1900].

Histoire

Vespasien voulut mourir *debout*. / Le 18 brumaire fit de Napoléon un *dictateur*. / Le *manifeste* du duc de Brunswig souleva l'indignation de la France. / Gustave-Adolphe a traversé comme un *météore* l'histoire de l'Allemagne.

Langues

Le *latin* est la langue scientifique par excellence. / Le français se *parle* partout. / Les créoles sont un *parler* très doux. / *Risquer* un néologisme. / L'*enflure* du style est un défaut commun chez les avocats.

Littérature

Voltaire est un écrivain *primesautier*. / La poésie vit de *mensonges*.

Nationalités et particularismes

La philosophie des allemands est *nébuleuse*. / L'Angleterre est un pays *d'absentéisme*. / Les Anglais sont de grands *parieurs*. / Les Anglais sont fort *pratiques*. / Le Français aime le *panache*. / Le Français est prompt aux *emballements*. / Les *Méridionaux* ont une imagination vive. / Les Scandinaves sont *dolicocéphales* [ont le crâne long]. / Les Suisses sont très sujets à la *nostalgie*. / Le *Suisse* et les *Suissesses* sont robustes.

Politique

Les *pantalonnades* de la politique. / Les *désordres* de la France.

Religion

Dieu punit les *superbes*. / La vie n'est qu'un *passage*. / De nombreux *Mahdis* ont déjà soulevé le monde musulman. / La dernière insurrection *mahdiste* a soulevé le Soudan.

Santé

On ne *plombe* plus guère les dents. / La tuberculose n'est pas toujours *incurable*.

Transports

Le *pavé* de bois se généralise [sur les chaussées]. / Il existe des *locomotives* électriques, à air comprimé, à alcool, etc. / Les locomotives *patinent* par les temps de verglas. / Le chemin de fer *dessert* déjà les solitudes sibériennes. / L'œil de l'aéronaute *plane* sur terre.

Villes à l'honneur

La Côte d'Azur est un vrai *paradis*. / Menton est un *lieu* charmant. / Les montagnes d'un côté, la mer de l'autre, forment à Nice un *cadre* magnifique. / Un beau *pont* réunit Strasbourg à Kehl.

4.3.2. Un dictionnaire spécialisé de la langue : le *Dictionnaire de synonymes* de R. Bailly.

Bien que n'ayant jusqu'ici ausculté que des dictionnaires généraux, on aurait tort d'imaginer que cette manière de diffuser une culture à travers les exemples resterait propre aux dictionnaires généraux et que, par ailleurs, au-delà des quarante premières années du XXe siècle, ce subjectivisme patent ne puisse plus avoir cours. Il suffit en effet de consulter un dictionnaire de synonymes publié en 1947, vendu ainsi pendant plus de vingt ans, le *Dictionnaire des synonymes* (Larousse) de René Bailly, pour constater que les exemples «culturels» repérés au fil du texte, marqués par un didactisme ou une manière de pensée révolue, sont innombrables.

On présentera ici tout d'abord à la volée les exemples qui relèvent d'une volonté de transmettre une culture historique, géographique et autre, puis les exemples marqués par une manière de penser qui n'a plus cours ou qui serait aujourd'hui totalement incongrue dans un dictionnaire tel qu'on le conçoit au XXIe siècle. Est donné en italique, dans les exemples qui suivent, le mot-synonyme qu'il illustre.

La culture traditionnelle indirectement transmise

Culture historique : Louis XI travailla à l'*abaissement* de la féodalité. / Les Islandais découvrirent *accidentellement* l'Amérique du Nord. / L'*an* 1237, la France fut désolée par la famine. / Jeanne d'Arc *libéra* Orléans. / Les pères de la *Merci* rachetaient les esclaves chrétiens

qui servaient chez les Maures. / Saint Augustin est l'*aigle* des docteurs, a dit Bossuet. Ce terme ne s'emploie guère en parlant des femmes. «Phénix», dans la même acception, se dit d'un homme ou d'une femme unique ou rare dans son espèce. Pic de La Mirandole fut le *phénix* de son siècle. / La comparaison de la république avec un vaisseau battu par les vents, que fait Horace dans une des ses « Odes » (I, XIV), est une *allégorie*. / L'*allusion* de Charlemagne était nette lorsque, scellant un traité avec le pommeau de son épée, il disait: « Je le ferai tenir par la pointe ».

Culture géographique : La vigne *abonde* en France. / Les lapins *fourmillent* en Australie. / Le blé *foisonne* en Beauce.

Culture agricole et biologique : Les racines des plantes *absorbent* les sucres nutritifs. / La violette aime l'ombre, mais elle ne la *chérit* pas.

Culture religieuse : Une *prodigieuse* pluie de sang étonna les Égyptiens au temps de Moïse. / Toute *singularité* est une niche à orgueil, à dit saint Vincent de Paul.

Culture médicale (forcément datée) : On a vu le foie, les poumons dans l'état de *dessèchement*, se casser comme des substances calcinées, si nous en croyons Fournier. / La *cachexie* constitue la phase terminale de certaines maladies chroniques.

Une manière de pensée engagée, en 1947, mais déplacée au XXIe siècle

On reproduira ici une partie de l'article « affaiblir » qui ne pourrait plus aujourd'hui être ainsi présentée. «*Affaiblir*, c'est diminuer la force, au propre et au figuré [...] ; *Amollir*, c'est faire perdre l'énergie, l'activité. *Les plaisirs amollissent l'âme*. *Efféminer*, c'est rendre faible et délicat comme une « femme » : *Le luxe effémine une nation* (*Amollir* et *efféminer* se rapportent le plus souvent à l'âme, à une action morale ; le premier implique l'idée de relâchement, le second un état de dégradation et de honte.) [...]» Et, à la volée : «L'*amabilité* est la première des qualités d'un bon commerçant », ce qui n'est sans doute pas totalement faux, mais sujet à discussion, tout comme paraît bien sévère l'exemple dévolu à la *puérilité* : «La *puérilité* qui dénote une certaine impuissance intellectuelle et un grand manque de fond, ne mérite aucune attention.» Voilà qui est dit sans nuance !

5. Du «Tout en un» aux encarts culturels

5.1. Du symbolique *Dictionnaire de la conversation* à la tentation éditoriale du dictionnaire culturel pluriel : le *Tout en un*....

En 1832, paraissait le *Dictionnaire de la conversation et de la lecture*, dictionnaire conçu par Willam Duckett et se présentant en 16 volumes in-octavo, suivis de *Suppléments* régulièrement publiés, dans lequel sont systématiquement traités, sous la forme d'un développement définitoire et encyclopédique, des sujets essentiels. Si l'on consulte par exemple l'article « vin », on bénéficiera non seulement de commentaires correspondant au référent, mais de détails particuliers sur les premières coopératives et sur la fraude : « Dans les localités où les vins sont frappés d'impôts excessifs, il ne faut pas s'étonner que la fraude ait cherché à réaliser des bénéfices illicites. Paris, par exemple, est l'un des endroits du monde où il se consomme le plus de vins sophistiqués. »

Avec de telles informations culturelles, forcément datées, au-delà d'informations purement scientifiques, le *Dictionnaire de la conversation* illustre en vérité ce qui manquait le plus souvent aux dictionnaires de langue du moment, l'information sur la culture contemporaine. C'est en fait ce que saura assumer Pierre Larousse en ajoutant à l'information substantielle sur la langue – une dimension du *Grand Dictionnaire universel* souvent occultée –, un développement encyclopédique très développé, trop aux yeux des philologues. Si le *Dictionnaire de la conversation* incarnait la culture, il ne représentait pas vraiment la langue française, et le cumul systématique des deux comme l'a conçu Pierre Larousse ne sera pas de fait sans poser un problème d'espace : 15 volumes ont été nécessaires pour achever le projet, sans compter les *Suppléments*. La systématisme de l'information culturelle encyclopédique est coûteuse en place !

Presque un siècle plus tard, c'est chez Hachette, en 1921, dans une formule dictionnaire inverse, celle de la concision maximale, que va s'installer sur le marché le *Tout*

en un, *Encyclopédie des connaissances humaines* destiné à offrir « en un seul volume, tout l'ensemble des connaissances humaines, que 20 gros ouvrages contiendraient à grand peine », « avec ses 7 Dictionnaires et ses 14 parties encyclopédiques ». Au fil des 1468 pages du dictionnaire, dans un caractère très petit, se succèdent ainsi les informations en commençant par celles portant sur la langue française avec un dictionnaire de synonymes et un dictionnaire de la langue française. Suivent également un dictionnaire d'histoire et de mythologie, un dictionnaire de géographie, un dictionnaire de médecine et un dictionnaire du droit usuel. Mais aussi des développements encyclopédiques sur les *Jeux et sports* avec un *Petit ABC de l'équitation*, un développement sur la cuisine, sur la littérature, etc. La formule peut paraître pratique, mais à dire vrai cette tautologie culturelle atteint vite les limites d'un outil « universel » qui ne peut jamais être très riche.

5.2. La naissance d'encarts culturels fonctionnels et éclairants dans les dictionnaires bilingues

C'est sans doute dans la linguistique contrastive que la notion d'écart culturel est la plus flagrante, au constat que des mots et des réalités culturelles n'ont pas vraiment d'équivalents d'une langue à l'autre. Rendre alors compte d'un écart culturel, c'est nécessairement mettre en exergue tel ou tel aspect particulier d'une culture donnée, qu'il s'agisse de la *langue cible* ou de la *langue source*, selon la formule des spécialistes du « français langue étrangère ».

On sait, à cet égard, que c'est la difficulté première des interprètes et des dictionnaires bilingues : traduire en trahissant le moins possible. Les lexicographes des dictionnaires bilingues ont en réalité attendu la fin du XXe siècle pour offrir au lecteur une formule neuve, qui rompt avec le discours monocorde scandé par une lexicographie traditionnelle rivée au schéma habituel de l'article : entrée, traduction, éventuelle définition et exemples. Insérer un « encart culturel », telle fut la percée constatée par exemple en 1998 dans le *Robert et Collins*.

On en donnera un exemple rapide, présenté par Alain Duval, lors d'une *Journée des dictionnaires bilingues* organisée par Thomas Szende en 2000. Il s'agissait de suivre la traduction du mot ÉNA, à l'origine de nos « énarques ». C'était ainsi l'occasion de constater qu'en 1978, à la traduction plate, « National Administration School », transformée en 1987 en « College for senior civil servants », correspondait en 1998, d'une part une définition plus riche culturellement, « Prestigious college training school civil servants », et d'autre part un très utile encart culturel : « The École Nationale d'Administration, or ÉNA in Strasbourg (formerly in Paris) is a competitive-entrance college training top civil servant such as diplomats, préfets and inspecteurs des finances. Because so many ministers and high-ranging, decision-makers are énarques [...]. »

On prend ici la mesure de l'indispensable culture véhiculée par un dictionnaire bilingue et implicitement par un dictionnaire monolingue. Les référents des mots sont rarement internationaux. À la culture savante fait écho la culture que Robert Galisson qualifie de « courante », celle-là même dont les dictionnaires rendent hélas rarement compte. Ainsi, pour prendre un exemple bien prosaïque, en matière de traduction, il n'est pas jusqu'au simple « café » qui ne change d'aspect, de nature, de goût et de fonction, selon qu'il est français, italien, allemand ou américain. Quel dictionnaire, pourtant source première d'information sur les sens des mots et leurs référents, évitera au Français, non averti de la réalité des cafés italiens certes excellents mais servis avec un faux-col d'au moins 70 % de la tasse, de penser, la toute première fois qu'on lui en sert un en Italie, qu'il y a eu erreur, et qu'on ne l'a pas bien servi ?

5.3. L'encart culturel dans les dictionnaires monolingues d'enfants

Comme souvent au cours de la seconde moitié du XXe siècle, l'innovation lexicographique est venue des dictionnaires d'apprentissage, qu'il s'agisse de dictionnaires pour la fin de l'école primaire et les collégiens, et l'on pense par exemple au *Dictionnaire du français contemporain* (1966) de Jean Dubois, ou bien des dictionnaires pour enfants, et on se référera notamment aux *Petit Robert des enfants* (1988) de Josette Rey-Debove, au *Larousse Super Junior* (1994) de Claude Kannas et au *Fleurus Junior, Dictionnaire encyclopédique 8-12 ans* (2001) conçu par Hubert Deveaux.

En ce qui concerne l'« encart culturel », ce sont les dictionnaires de Josette Rey-Debove, de Claude Kannas et de Hubert Deveaux qui ont montré l'exemple, le premier à la fin des années 1980 en offrant au sein des planches, en surimpression, des textes d'ordre encyclopédique, véritables synthèses culturelles portant par exemple sur la biologie, le droit en France, l'habitat rural hérité du passé, le fait de vivre en ville, l'art, le travail créateur, etc. Et le second, le dictionnaire *Larousse Super Junior* de Claude Kannas, avec des encarts installés dans les marges à propos de l'histoire des mots mais aussi dans les planches à propos par exemple des couleurs, de l'évolution, de la lune, des écritures, des armures, de l'architecture contemporaine, etc. Quant au troisième dictionnaire, le *Fleurus*, à l'aube du XXIe siècle, l'encart culturel y est systématiquement utilisé, et ce dès les premières pages. On repérera par exemple au tout début de l'ouvrage un développement sur l'Académie française et sur les accents, un peu plus loin sur l'Acropole, sur Adam ou encore sur l'addition. Les encarts culturels sont au reste systématiques pour les noms propres ainsi glissés dans la nomenclature. Les planches d'illustration, par exemple les amphibiens, la chaîne alimentaire, la révolution industrielle, y intègrent également des textes explicatifs

C'est l'occasion de signaler que les planches d'illustration des dictionnaires, qui jusqu'en 1988 n'étaient assorties que d'une terminologie correspondant aux éléments présentés, ont toujours constitué un « regard » culturel et civilisationnel sur la langue et ses référents. On ne citera en l'occurrence qu'un exemple qui, par son incongruité, est significatif des écarts culturels implicites entre des pays francophones. Ainsi, les enfants québécois confrontés aux dictionnaires d'apprentissages français diffusés au Québec, dans lesquels leur était présentée en 1970 une école française, avec les urinoirs en plein air situés de l'autre côté de la cour de récréation, ne manquaient pas de s'esclaffer, la situation leur paraissant à la fois cocasse et archaïque, alors même qu'ils sont confrontés en hiver à des températures de plusieurs dizaines de degrés au-dessous de zéro, rendant impossible ce type d'organisation de l'espace. On ne peut en vérité oublier que l'illustration, encore davantage que le texte, reste ancrée dans la référence quotidienne et que son interprétation est de ce fait immédiate.

Né dans les dictionnaires bilingues et dans les dictionnaires d'apprentissage, l'encart culturel s'est introduit dans le moule lexicographique pour l'assouplir, pour faire progressivement disparaître la rigidité du modèle rédactionnel classique. C'est à Alain Rey que reviendra le fait de développer cette pratique utile et décloisonnante dans le dictionnaire de langue général.

6. Le Dictionnaire culturel en langue française d'Alain Rey, dictionnaire pionnier

6.1. Les dictionnaires à leur heure...

Plus qu'on ne l'imagine, les dictionnaires ont le plus souvent vécu en étroite harmonie avec les mouvements de pensées et les techniques de leur époque, parce qu'ils en sont à la fois les vecteurs et les réceptacles.

Ainsi, au moment où chaque pays tentait de s'affirmer nationalement et où la France essayait d'imposer la langue française comme langue de culture et langue internationale, naissent au XVIIe siècle des dictionnaires français tendant à fixer la norme, qu'il s'agisse du *Dictionnaire françois* de Richelet, du *Dictionnaire universel* de Furetière ou, *a fortiori*, du dictionnaire résultant d'une commande de l'État, le *Dictionnaire de l'Académie française*.

Au siècle suivant, le Siècle des lumières, dès lors que la culture et l'aura d'un pays devaient s'imposer aussi par le développement des sciences et des techniques, au-delà de l'œuvre littéraire, c'est naturellement un nouveau genre qui s'installait aux côtés des dictionnaires, en l'occurrence l'*encyclopédie*, prête à rayonner dans l'Europe entière. Diderot et d'Alembert offrirent ainsi à l'histoire de la lexicographie mondiale l'*Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, un véritable laboratoire d'idées mais aussi un objet d'expérimentation exceptionnelle pour l'édition à grande échelle, tant en nombre de volumes, trente-cinq, qu'en sphère de diffusion, l'Europe entière.

Derrière la Révolution et sa dynamique nouvelle, notamment l'ouverture démocratique des savoirs auprès du peuple à scolariser, et le décloisonnement du lexique à la suite du mouvement romantique, naîtront des dictionnaires accumulant des nomenclatures très enrichies, tels que le *Dictionnaire national* de Bescherelle, ou le significatif *Complément du Dictionnaire de l'Académie française* (Louis Barré), ainsi que des ouvrages s'installant dans les lycées, avec par exemple, en 1826, le *Nouveau Dictionnaire* de Noël et Chapsal.

Dans le même esprit, mais avec une résonance au cours de la seconde moitié du XIXe siècle, lorsque la dynamique linguistique dudit siècle s'assimilait à la découverte de la famille des langues européennes, sont nés des dictionnaires historiques de la langue, tels que le *Dictionnaire de la langue française* de Littré ou le *Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle* de Pierre Larousse qui donnaient chacun une place prééminente à l'histoire du mot.

Lorsqu'au XXe siècle, ce fut au tour de la philosophie marxiste de se diffuser, à la nouvelle dialectique correspondit le structuralisme, nouveau système faisant table rase du passé et débouchant sur des dictionnaires distributionnalistes. Et l'on pense par exemple à celui déjà évoqué, le *Dictionnaire du français contemporain* de Jean Dubois.

Enfin, à la mise en œuvre de l'informatique et à cette pratique révolutionnaire d'Internet, clef donnant accès à une information internationale et décloisonnée, devait correspondre des dictionnaires qui s'ouvrent sur l'extérieur. C'est ainsi qu'en 2005 naissait le *Dictionnaire culturel en langue française* d'Alain Rey, nouvelle voie inventive pour la lexicographie du XXIe siècle.

Il faut de fait à chaque nouveau mouvement de pensée des pionniers, des sentinelles avancées de la lexicographie, des esprits visionnaires pour bien percevoir les nouveaux besoins.

6.2. Un dictionnaire au titre explicite, un dictionnaire «culturel»

En 2005, paraissait donc le *Dictionnaire culturel en langue française*, titre nouveau et révélateur d'un ouvrage précurseur, conçu par Alain Rey et, à ses côtés, Danièle Morvan. Un tel intitulé reflète un véritable programme en associant la langue et la culture, dépassant ainsi le clivage insatisfaisant traditionnellement établi entre le *dictionnaire de langue* et le *dictionnaire encyclopédique*. Le *dictionnaire culturel en langue* répond à un spectre plus pertinent pour celles et ceux qui veulent aller au-delà du mot réduit à une forme et quelques sèmes, fussent-ils l'aboutissement d'une analyse scrupuleuse.

Le temps était venu de libérer la description de la langue du carcan parfois castrateur des théories linguistiques. À la manière de Robert Galisson qui avait rappelé combien la définition classique et savante des mots occultait la réalité active des connotations courantes, la définition biologique de l'*écureuil* masquant par exemple la représentation fraîche et « épargnante » qu'en a tout français (sans équivalent pour le Québec), Alain Rey a ici dépassé la conception étroite des mots, trop longtemps réduits à leurs sèmes. Offrir, au-delà des définitions, des clefs culturelles sous forme d'encarts, telle est la nouvelle dynamique du dictionnaire du XXIe siècle. On échappe ainsi au répertoire parfois sclérosant d'unités lexicales isolées dans l'ordre alphabétique, en offrant le réseau culturel du lexique dans toutes ses résonances.

Il s'agit en somme de « raconter » les mots d'une langue pour, et nous citons ici la préface du *Dictionnaire culturel*, « conduire le lecteur des moyens d'expression d'une langue naturelle, le français, aux concepts, aux symboles et aux visions du monde qui s'élaborent à partir du langage dans différentes cultures ».

Alain Rey rappelle ainsi utilement que la langue française, issue du latin, mâtinée d'un substrat de gaulois et d'un superstrat germanique, riche d'emprunts à la langue normande et surtout à la langue arabe et à l'italien, enfin teintée d'anglais, se révèle dans sa richesse diachronique à la fois manifestement plurilingue et interculturelle.

Aussi le dictionnaire « culturel » est-il naturellement à deux voies, celle de la langue, le français vivant dans toute sa richesse interlinguistique, et celle des idées et symboles, « des croyances, des activités et des passions exprimées au cours de l'histoire et selon les visions du monde de diverses civilisations ». Cette seconde voie, dévolue à la profondeur humaine et culturelle des mots, s'exprime de fait à travers 1320 encarts culturels qui permettent de

décloisonner la langue, d'ouvrir ces fenêtres que représentent les mots sur le monde en partage. On dépasse ainsi la seule morphologie et la sémantique linguistique.

De fait, l'encadré culturel ainsi conçu, qu'il s'agisse d'un mot abstrait, *liberté*, ou d'un terme relevant d'un domaine, d'une référence fut-elle très concrète, *artichaut* par exemple, correspond à la fois à un ancrage et à un envol. À un ancrage lexical, dans la mesure où des précisions sémantiques sont apportées dans l'encadré culturel ; à un envol culturel parce qu'y sont systématiquement découverts de nouveaux horizons, à l'échelle internationale. Connaître l'histoire nationale d'un mot conjointement à son histoire internationale sans ignorer la résonance mondiale du référent et des mots s'y associant, c'est donner la vraie dimension des mots, fenêtres sur la pensée et le monde.

Ce n'est pas sans raison qu'Alain Rey insiste sur la variété des approches retenues dans les différents encadrés culturels et qu'il consacre une partie de sa préface à un thème de nature militante : « Pour une culture sans frontière ». S'agissant des mots, on ne peut en effet établir de cloisons étroitement déterminées, parce que le constat s'impose que « tous reflètent une ouverture dans le temps et l'espace humains ». Comment effectivement limiter des mots et concepts tels que *peinture, valeur, musique, religion, amour, sexe* à une langue ? Leur charge culturelle et leurs référents dépassent de loin les frontières de chaque parler, s'enrichissant au passage de l'expérience de chaque culture. Aussi, le « dictionnaire culturel » offre-t-il un programme sans limites étroites : « On cherche ici à atteindre l'au-delà de notre langue dans notre langue, la pensée et la raison humaines par la multiplicité des visions du monde et des modalités de la connaissance – magie, science, religion. »

Le *Dictionnaire culturel* est à considérer comme un dictionnaire précurseur, et comme tout précurseur il intègre des indices du renouveau déjà perceptibles dans d'autres ouvrages. Ainsi, parmi les nouvelles dynamiques culturelles que l'on repère dans les encadrés du *Dictionnaire culturel*, faut-il signaler l'humour, une composante à la fois insaisissable et révélatrice des résonances culturelles d'un mot, de la « lexiculture » ? C'est de fait concomitamment et significativement que cette notion, l'humour, apparaît dans quelques autres dictionnaires, dans le *Dictionnaire québécois français* de Lionel Meney, mais aussi chez Larousse, par exemple dans les dictionnaires d'apprentissage ou du français langue étrangère.

Au moment où les jeunes générations métamorphosent les moteurs de recherche associés à Internet en une sorte de sésame sans limites, pour bénéficier de toutes sortes d'informations à partir d'un mot – des informations données confusément et sans tri, mais témoignant néanmoins d'une forte ouverture culturelle –, il fallait que la lexicographie évolue et sorte de carcans traditionnels trop étroits. C'est aussi en ce sens que le *Dictionnaire culturel en langue*, un nouveau générique à prendre en compte, se présente comme la synthèse réussie entre ce qu'on veut savoir d'un mot, dans son usage, dans son histoire, et ce qu'on veut pouvoir faire émerger comme idée riche, comme force vive et culturelle, ouverte sur le monde. Et par conséquent bénéficier ainsi des deux voies, langue et culture, étroitement enlacées.

7. Conclusion

S'agissant de *culture*, on l'a bien noté à travers ce parcours lexicographique qui s'achève avec un « dictionnaire culturel », *conclure* est impossible parce que le sujet rime impérativement avec *ouverture*. Un dictionnaire représente de fait une grande œuvre par définition inachevée, un tel genre devant rendre compte en effet des « visions du monde » en permanente évolution, à travers une langue évoluant elle-même au fil des civilisations en permanente métamorphose.

Du même coup, au moment où est devenue utopique l'idée qu'il s'agirait d'un ouvrage fixant définitivement la langue et la culture qu'elle interprète, voilà qui requiert, en ce début de XXIe siècle, en reprenant des formulations d'Alain Rey, quelques choix que le lexicographe se doit d'assumer pour la communauté :

- le choix d'affirmer que « l'étymologie et l'histoire des mots » constituent « des fondations de l'édifice mental où nous vivons » ;

- celui de souligner que la langue est aussi une philosophie «qui va d'Aristote à Paul Ricœur», ces bornes ne constituant que des repères à sans cesse déborder;

- le choix de toujours rappeler que la langue n'a «rien de définitif, de saturé, de stable, d'arrêté, dans cette démarche», «rien d'exhaustif», mais au contraire qu'elle incarne un «dynamisme», un fleuve qui n'est pas tranquille..., une «bibliothèque imaginaire» ;

- enfin, le choix de proposer «un petit univers mis en ordre», formule modeste et ambitieuse, parce que décrire cet univers implique une «plongée culturelle», et cela en l'absence justement de «frontières» rigides. Un univers par essence ouvert.

S'il fallait néanmoins conclure, ce serait pour affirmer avec vigueur que la langue et la culture n'ont pas de frontière. Au demeurant, qu'on nous permette ici de rappeler l'exemple même de nos amphitryons et de nos cicérones dans ce voyage en terres culturelle et lexicographique. Aucun doute en effet, avec l'exemple d'Arkadiy Sedykh, infatigable pontonnier de la littérature et de la lexicographie bilingue, abattant toutes frontières, accompagné de ses collègues si chaleureux et si compétents, la voie est indéniablement toute tracée: la lexicographie est fondamentalement et prioritairement œuvre d'ouverture lexicalement culturelle.

BIBLIOGRAPHIE SOMMAIRE

Bibliographie thématique et chronologique de métalexicographie, 1950-2006, Celeste Boccuzzi, Maria Centrella, Mariadomenica Lo Nostro, Valeria Zotti, Préface de G. Dotoli, Schena Editore, Bibliographica 10, Biblioteca delle Ricerca, 2007.

BOULANGER Jean-Claude, *Les inventeurs de dictionnaires, De l'eduba des scribes mésopotamiens au scriptorium des moines médiévaux*, Les Presses de l'Université d'Ottawa, 2003.

DOTOLI Giovanni, *Dictionnaire et littérature, Défense et illustration de la langue française du XVIe au XXIe siècle*, Schena Editore, 2007.

PRUVOST Jean, *Les dictionnaires français, outils d'une langue et d'une culture*, Ophrys, Prix de l'Académie française, 2006.

PRUVOST Jean, *Dictionnaires et nouvelles technologies*, PUF, 2000.

PRUVOST Jean, *le Dico des dictionnaires*, JC Lattès, 2014.

PRUVOST Jean, SEDYKH Arkadiy, *Lexiculture et dictionnaires: décalages culturels*, Université de Belgorod, 2016.

QUEMADA Bernard, *Les Dictionnaires du français moderne (1539-1863)*, Paris, Didier, 1968.

REY Alain, *Miroirs du monde, Une histoire de l'Encyclopédisme*, Fayard, 2007.

УДК 81'33

АВТОРСКИЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (на материале книги стихотворений О.Э. Мандельштама «Камень»)

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

Глазырин Вячеслав Александрович
студент
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
glazyrinslava@bk.ru

Казарин Юрий Викторович
доктор филологических наук, профессор
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
said55@ya.ru

Аннотация

Работа посвящена исследованию языка О.Э. Мандельштама, реализованного в книге «Камень», а также осмыслению и описанию теоретических и методологических основ создания авторского идеографического словаря поэта. В статье описаны макро- и микроструктура авторского идеографического словаря языка О.Э. Мандельштама, представлен идеографический статистический анализ субстантивной лексики (986 лексем). Исследование показало, что наиболее важными для О.Э. Мандельштама в процессе поэтического познания мира оказываются эмоции, искусство (поэзия), существующие в определённом времени и месте и в определённых онтологических условиях, в которых происходит (в процессе метафоризации) антропоморфия предметов неживой природы. Метод поэтической идеографии позволяет выявить функционально-денотативную и семантическую специфику поэтического слова. Кроме того, идеографическое описание и классификация лексических множеств в поэтическом тексте и

в поэтической книге даёт возможность исследователю осознать природу и процессы формирования и индивидуально-авторской поэтической картины мира.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтическая идеография, авторский идеографический словарь, идеографический анализ, функционально-семантическое поле, макроструктура и микроструктура словаря, словарная статья, идеографическая карта

AUTHOR'S IDEOGRAPHIC DICTIONARY: THEORY AND PRACTICE (based on «The Stone» collection by O.E. Mandelstam)

Glazyrin Viacheslav

student of the Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
glazyrinslava@bk.ru

Kazarin Yuri

Doctor of Science in Ph., Professor
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
said55@ya.ru

Abstract

The work deals with the research of Mandelstam's language, which is represented in the book "Stone" («Kamen'»), and to the comprehension and description of the theoretical and methodological foundations for the author's ideographic dictionary of the poet's language. The macro and microstructure of the author's ideographic vocabulary of Mandelstam's language are described in the article, also ideographic statistical analysis of substantive lexicon (986 lexemes) is presented. The analysis showed that the most important for O. Mandelstam in the process of poetic cognition of the world are emotions, art (poetry), which exists in a certain time and place and in ontological conditions, and anthropomorphism of objects of inanimate nature occurs (in the process of metaphORIZATION). The method of poetic ideography makes it possible to reveal the functional-denotative and semantic specificity of the poetic word. In addition, the ideographic description and classification of lexical plurality in the poetic text and in the poetic book enables the researcher to understand the nature and processes of the formation of the individual author's poetic picture of the world.

Keywords: author's lexicography, poetic ideography, author's ideographic dictionary, ideographic analysis, functional-semantic field, macrostructure and microstructure of the dictionary, dictionary entry, ideographic map

Данная работа посвящена исследованию языка О.Э. Мандельштама, реализованного в книге «Камень», а также осмыслению и описанию теоретических и методологических основ создания авторского идеографического словаря поэта.

Поэтическая идеография как метод лингвистического и филологического изучения лексики, текстовой семантики и индивидуально-авторской картины мира производится в русле фундаментальных и прикладных исследований Уральской семантической школы, возглавляемой Л.Г. Бабенко с 1999 года [9, с. 180-209]. Метод поэтической идеографии опирается с одной стороны на семантические исследования лексического тезауруса стихотворения, а с другой стороны на теорию и практику идеографической лексикографии, разработанную Л.Г. Бабенко и авторским коллективом лексикографов УрФУ [5; 4; 13].

Поэтическая идеография как лексикографический метод является частью общей литературно-художественной идеографии, которая в свою очередь является теоретико-методологической основой разработки и создания авторских идеографических словарей языка писателя. Согласно типологии авторских словарей, созданной Л.Л. Шестаковой [16, с. 53] авторский идеографический словарь языка О.М. Мандельштама (книга «Камень») имеет следующие типологические признаки: 1. По характеру сведений о лексеме словарь является филологическим; 2. Словарь является монографическим (одноавторский); 3. По охвату описываемого материала словарь является дифференциальным (атезаурусный); 4. По основному объекту описания – словарь языка поэта; 5. По основной цели описания словарь объяснительный; 6. Единица описания равна слову (словоформе); 7. По способам описания, наполнения словарной статьи словарь является многопараметровым; 8. По расположению заголовочных единиц словарь является неалфавитным (словарные статьи располагаются в идеографическом порядке, по семантическим полям, сферам, группам); 9. Словарь является одноязычным; 10. По временной перспективе словарь языка О.Э. Мандельштама является синхронным; 11. Данный словарь имеет научно-

описательную ориентацию и адресован специалистам филологам, а также может быть использован в учебных целях; 12. По типу информационного носителя данный словарь универсален (возможен как книгопечатный, так и электронный вариант).

Макроструктура авторского идеографического словаря языка О.Э. Мандельштама включает в себя словник, сформированный на основе идеографического описания, анализа и распределения лексики по следующим сферам [15]: 1. Неживая природа (17 групп); 2. Вещества и материалы (20 групп); 3. Живая природа (2 группы); 4. Человек как живое существо (3 группы); 5. Населённый пункт (6 групп); 6. Нации (2 группы); 7. Родственные и семейные отношения (5 групп); 8. Человек и его внутренний мир (3 группы); 9. Язык и речь (2 группы); 10. Сверхъестественное (5 групп); 11. Общественно-государственная сфера (20 групп); 12. Конкретная физическая деятельность (5 групп); 13. Социальная сфера жизни человека (6 групп); 14. Восприятие окружающего мира (9 групп); 15. Универсальные представления, смыслы и отношения (3 группы). Словник включает в себя лексику глагольную, субстантивную и адъективную, а также имена собственные. Н.А. Кожевникова отмечает, что идеографический словарь может помочь исследователю воссоздать художественную или индивидуально-авторскую картину мира [10]. Включение в словник ведущих значимых частей речи (глаголы, существительные, прилагательные) позволяет лексикографу выявить, осмыслить и проанализировать процессы формирования процессуально-событийной, предметной и атрибутивной индивидуально-авторской картины мира поэта на материале книги стихотворений «Камень».

Микроструктура авторского идеографического словаря представляет собой свод словарных статей, распределённых по функционально-денотативным сферам в процессе идеографической классификации глагольной, субстантивной и адъективной лексики (всего обработано 615 глаголов [в настоящее время решается вопрос о лексико-семантическом статусе глагольных форм], около 2000 существительных и около 500 прилагательных).

В настоящее время ведётся работа по структуризации и систематизации словарных статей. Словарная статья авторского идеографического словаря должна учитывать основные аспекты планов выражения и содержания, грамматики и текстовых функций лексических знаков. Метод поэтической идеографии – это процесс многоаспектного исследования лексических единиц в поэтическом тексте, имеющий поэтапный характер. Такой метод имеет традиционный исследовательский вектор – направленность, когда описание, анализ, синтез и типологизация/классификация производятся поступательно от формы поэтической лексемы к её содержанию и функции. Многоаспектность поэтической идеографии обуславливается наличием у лексической единицы различных типов языковой, речевой и текстовой информации. Большое (если не обозримое) количество аспектов идеографического описания слова определяется многостатусным состоянием единиц лексического уровня, функционирующих в языке и речи (Ф. де Соссюр [14]), в тексте (Л.Г. Бабенко [2]; И.Р. Гальперин [7]) и в культуре (Р.О. Якобсон [17]; Ю.М. Лотман [11]; Ж. Женетт [11]; Н.С. Болотнова [3]). В указанных сферах слово функционирует (последовательно и одновременно) в статусе ономатемы (языковое состояние слова), в статусе синтагмы (речевое состояние слова), в статусе текстемы (текстовое состояние слова) и в статусе культуремы (культурологическое состояние слова). Наличие данных статусов лексической единицы определяется эстетической, креативной и этической функциями языка (Р.О. Якобсон, Ю.М. Лотман, Ю.В. Казарин). Составители авторского идеографического словаря непременно учитывают данные функциональные аспекты языковых единиц в системах языка, речи, текста и культуры.

Словарная статья авторского идеографического словаря языка О.Э. Мандельштама включает в себя несколько разделов, которые соответствуют тем или иным видам информации, содержащейся в заглавной единице (в слове/текстовой словоформе). Словарная статья учитывает следующие виды лингвистической, контекстно-речевой и текстовой информации:

1. Информация грамматического характера, относящая как к слову, так и к словоформе (глагольно-грамматическая информация, субстантивно-грамматическая информация и адъективно-грамматическая информация): категории глагольный вида, переходности, времени, возвратности и др.; категории рода, числа, падежа, одушевленности/неодушевленности, нарицательности и др.; категории рода, числа, падежа, качественности, притяжательности, относительности, наличия степеней сравнения и краткой формы. Кроме того, отмечаются процессы перехода из одной части речи в другую, а также изменения таких грамматических категорий как нарицательность и др.;

2. Информация фоносемантического характера. Наличие в поэтическом тексте анаграммы;

3. Информация синтагматического характера. Особенности лексико-грамматической и лексико-семантической сочетаемости данного слова/словоформы с контекстными партнёрами;

4. Информация парадигматического характера. Выявление семантической валентности данного слова в контекстном окружении.

5. Эпидигматическая информация. Выявление во внутрисловной парадигме лексемы доминирующих в контекстологическом отношении лексико-семантических вариантов, а также возможности лексической единицы осуществлять синонимические, антонимические и омонимические связи с контекстными партнёрами;

6. Информация идеографического характера. Семантическая идентификация слова/словоформы с последующей классификацией и распределением лексемы как функционально-семантической единицы к той или иной идеографической сфере, группе, подгруппе. Л.Г. Бабенко в монографии «Лексические средства обозначения в русском языке» [1] разработала теорию и методику идеографического описания функционально-семантического класса слов, который понимается как «множество различных по грамматической оформленности слов, совпадающих по денотативной соотносённости, объединённых категориально-лексической семьей, которая может быть онтологически присущей слову (исходной) или наведённой контекстом (производной), и выполняющей единую семантико-синтаксическую функцию в речи [1, с. 72]. Идеографическая информация способствует выявлению и структурированию функционально-семантических полей слов как носителей и выразителей тех или иных поэтических смыслов в стихотворении;

7. Информация идеографического характера – 2. Функционально-семантические поля, группы и подгруппы в текстовом объёме стихотворения пересекаются, т.к. каждое поле имеет ядерную, приядерную и периферийные сферы. Зоны пересечения функционально-семантических полей (пересекаемость ядерного, приядерного и периферийного характера) обеспечивают наличие широкой и глубокой вариативности лексической семантики в поэтическом тексте. Именно в зонах такой пересекаемости наиболее полно проявляются возможности синтагматической, парадигматической, эпидигматической и в целом семантической валентности поэтического слова;

8. Информация функционально-семантического характера. Определение места функционально-семантической единицы в функционально-семантическом поле: ядерное, приядерное, периферийное положение лексической единицы в функционально-семантическом поле с указанием и характеристикой зон функционально-семантической пересекаемости;

9. Информация идеографического характера – 3. Выявление, структурирование и описание идеографической карты слова, идеографической карты текста, идеографической карты книги стихотворений «Камень».

Словарная статья идеографического словаря языка поэта представляет собой систему аспектов, которые отражают различные виды информации, содержащейся в вокабуле. Указанная парадигма данных видов информации определяет многоаспектный характер содержания словарной статьи, которая включает в себя следующие параметры:

1. Заглавная единица – слово в начальной форме;

2. Контекстная словоформа;
3. Грамматическая информация;
4. Стилистическая характеристика;
5. Словарное значение;
6. Контекстное значение;
7. Характеристика метафорических преобразований;
8. Интерпретация случаев смыслового варьирования (текстовых смыслов слова);
9. Идеографический анализ слова;
10. Анализ случаев семантической пересекаемости слова;
11. Анализ поэтической просодии (метр, ритм, рифма, поэтическая графика, звукопись, аллитерация, анаграмма), оценка поэтического ритма, анализ строфы и строфостроения текста, определение положения слова в строфе, в тексте;
12. Анализ идеографической карты слова, стихотворения.

Макроструктура авторского идеографического словаря языка О.Э. Мандельштама также включает в себя в итоговой части словаря полную идеографическую карту книги стихотворений «Камень».

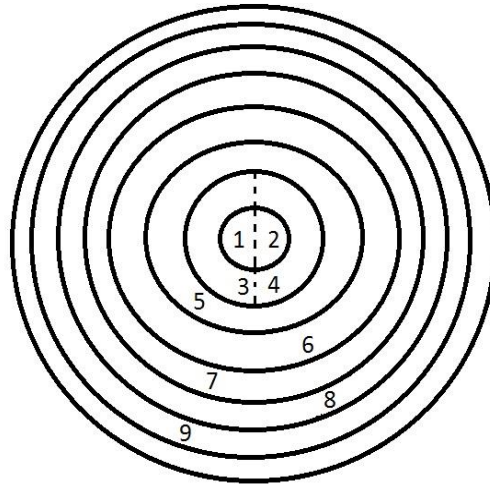
Метод поэтической идеографии включает в себя следующие этапы, связанные непосредственно с функциональной семантикой анализируемого слова, группы слов, класса слов:

1. Выявление языковой, контекстной и текстовой семантики. На данном этапе составляются таблицы, в которых представлены словарные и контекстные значения слова/словоформы с учётом многозначности; кроме того, в таблице указывается принадлежность слова к той или иной идеографической сфере, группе. Например, словоформа «Плод» (стихотворение «Звук осторожный и глухой...»): а. Словарное значение: Сочная съедобная часть некоторых растений (фрукты, ягоды) [в работе использовался БТС под ред. Кузнецова]; б. Контекст (Звук осторожный и глухой / Плода, сорвавшегося с дерева, / Среди немолчного напева / Глубокой тишины лесной...); в. Контекстное значение: созревшая сочная съедобная часть некоего дерева // метафорическая номинация поэтического слова, стихотворения; г. Определение места слова в идеографической классификации субстантивной лексики [5]: Растения и грибы – сущ., обозн. части растений // Искусство – сущ., обозн. жанры и произведения, созданные в этих жанрах. Таким образом были описаны и проанализированы глаголы, существительные и прилагательные, содержащиеся в стихотворениях книги «Камень».

2. Осуществление функционально-семантического анализа лексики с целью выявления статистических данных, касающихся распределения глагольной, субстантивной и адъективной лексики по идеографическим сферам. Идеографический статистический анализ субстантивной лексики (986 лексем) дал следующие результаты. Сфера «Неживая природа» – 143 словоупотребления; сфера «Искусство» – 115 словоуп.; «Эмоции» – 112 словоуп.; «Живое существо» – 94 словоуп.; сферы «Пространство» и «Время» – 87 словоуп. (сферы «Пространство» и «Время» объединены нами в одну, т.к. данные категории в поэтическом тексте являются монофункциональными: они выполняют функцию создания художественного, поэтического хронотопа в книге О.Э. Мандельштама «Камень»); «Религия» – 78 словоуп.; «Явление и событие» (универсальные смыслы, сфера онтологической семантики) – 74 словоуп.; «Строительство» – 70 словоуп.; «Интеллект» – 69 словоуп.; «Предмет» – 39 словоуп.; «Оценка» – 30 словоуп.; «Социальные отношения» – 30 словоуп.; «Транспорт» – 28 словоуп.; «Растения и грибы» – 25 словоуп.; «Вещество» – 22 словоуп.; «Быт» – 20 словоуп.; «Населённый пункт» – 18 словоуп.; «Военная служба» – 17 словоуп.; «Экономика» – 17 словоуп.; «Одежда» – 14 словоуп.; «Развлечение» – 13 словоуп.; «Сфера обслуживания» – 10 словоуп.; «Спорт» – 10 словоуп.; «Питание» – 9 словоуп.; «Техника» – 8 словоуп.; «Форма» – 8 словоуп.; «Право» – 8 словоуп.; «Управление» – 7 словоуп.; «Количество» – 7 словоуп.; «Сверхъестественное» – 7 словоуп.; «Нации» – 7 словоуп.; «Родственные и семейные отношения» – 4 словоуп.; «Полити-

ка» – 4 словоуп.; «Медицина» – 3 словоуп.; «Охота и рыболовство» – 2 словоуп.; «Производство» – 2 словоуп.; «Наука» – 1 словоуп.; «Образование» – 1 словоуп.; «Сельское хозяйство» – 1 словоупотребление.

3. Интерпретация результатов идеографического и статистического анализа. Полевое моделирование функционально-семантических полей лексики. На схеме представлена модель (цифры соотнесены со сферами) функционально-семантического поля и распределения в нём идеографических сфер. Ядро: 1. Искусство. 2. Эмоции. Приядерная зона: 3. Время и пространство. 4. Явления и событие. Ближайшая периферия: 5. Неживая природа. Дальнейшая периферия: 6. Живая природа. 7. Религия. 8. Строительство. 9. Интеллект. 10. Остальные денотативные сферы (от 1 до 39 словоуп.).

Таким образом, исследование показало, что наиболее важными для О.Э. Мандельштама в процессе поэтического познания мира оказываются эмоции, искусство (поэзия), существующие в определённом времени и месте и в определённых онтологических условиях, в которых происходит (в процессе метафоризации) антропоморфия предметов неживой природы. Важными для реализации идеи книги «Камень» – «поэзия есть всё и все» – оказываются лексемы и выражаемые ими смыслы, относящиеся к сферам «Живое существо», «Религия», «Интеллект» и «Строительство». Следует отметить высокую степень пересекаемости лексических смыслов, входящих в одно функционально-семантическое поле, что объясняется реализацией таких лексикологических феноменов, как внутритекстовая полисемия, парасемия и др.;

4. После осуществления моделирования всех функционально-семантических полей глаголов, существительных и прилагательных производится характеристика зон функционально-семантической пересекаемости лексики;

5. На основе общего исследования семантического функционирования лексики в книге О.Э. Мандельштама «Камень» представляется возможным составление идеографических карт отдельного слова, той или иной строфы, стихотворения и в целом книги стихотворения «Камень».

Метод поэтической идеографии позволяет выявить функционально-денотативную и семантическую специфику поэтического слова. Кроме того, идеографическое описание и классификация лексических множеств в поэтическом тексте и в поэтической книге даёт возможность исследователю осознать природу и процессы формирования индивидуально-авторской поэтической картины мира с учётом каждого значимого и функционально значительного лексического элемента в стихотворении, в книге и в целом творчестве поэта. Поэтическая идеография также позволяет исследователю более объективно описывать и изучать языковую способность и языковую личность стихотворца. Авторский идеографический словарь языка поэта представляет собой лексический тезаурус не только того или

иногое поэтолекта, но и индивидуально-авторской языковой и художественной картины мира.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182 с.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.; Екатеринбург: Академический Проект: Деловая книга, 2004. – 464 с.
3. Болотнова Н.С. Основы теории текста: Пособие для учителей и студентов-филологов. – Томск.:Изд.-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. – 100 с.
4. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.
5. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. – 2 изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 864 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2001. – 1536 с.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. — 140 с.
8. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике: В 2 т. / М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 472 с.
9. Казарин Ю.В. Поэтический текст как система: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 260 с.
10. Кожевникова Н.А. О принципах составления словаря писателя // Рус. яз. сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии: Сб. ст. М., 2004. – с. 104–112.
11. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. — 464 с.
12. Мандельштам О.Э. Камень. Л.: Наука, 1990. — 398 с.
13. Словарь тезаурус русских прилагательных, распределённых по тематическим группам / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Словари.ру, 2016. – 785 с.
14. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. — 696 с.
15. Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Москва-Екатеринбург: Каб. Учёный, 2015. – 208 с.
16. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.
17. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. — 454 с.

References

1. Babenko L.G. Lexical means of denoting emotions in Russian. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989. 182p.
2. Babenko L.G. Philological analysis of the text. Fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis: Textbook for high schools. Moscow; Yekaterinburg: Academicheskij Proekt: Delovaya kniga, 2004. 464p.
3. Bolotnova N.S. Fundamentals of Text Theory: A Handbook for Teachers and Students in Philology. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 1999. 100p.
4. A large explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents / Under total. Ed. Prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2007. 576p.
5. A large explanatory dictionary of Russian nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonimov / Ed. L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2008. P. 864
6. Great Dictionary of the Russian language / RAS, Institute of Linguistics. Issled. ; Comp. And Ch. Ed. S.A. Kuznetsov. Saint-Petersburg: Norint, 2001. 1536p.
7. Gal'perin I.R. Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka, 1981. 140p.
8. Genet J. Figures: Works on poetics: In 2 tons. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovich, 1998. 472p.
9. Kazarin U.V. Poetic text as a system: Monograph. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 260p.
10. Kozevnikova N.A. Rus. Yaz. Today. Issue. 3. Problems of Russian lexicography (2004): P. 104-112.
11. Lotman Y.M. Inside the thinking worlds. Man - text - semiosphere – history. Moscow: Yaziki russkoy kulturi, 1999. 464p.
12. Mandelstam O.E. The Stone. Leningrad: Nauka, 1990. 398p.
13. Dictionary of Russian adjectives, distributed according to thematic groups / Under the general. Ed. Prof. L.G. Babenko. Moscow: Slovare.ru, 2016. 785p.
14. Saussure F. de. Works on linguistics. Moscow: Progress, 1977. 696p.
15. The universal ideographic dictionary of the Russian language: Prospect / under Ed. L.G. Babenko. Moscow-Yekaterinburg: Kab. Ucheniy, 2015. 208p.
16. Shestakova L.L. Russian author lexicography: Theory, history, modernity. Moscow: Yaziki slavyanskich kultur, 2011. 464p.
17. Jakobson R.O. Selected Works. Moscow: Progress, 1985. 45p.

УДК 811.111

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «CREATIVITY» ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Доборович Анна Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
doborovich@bsu.edu.ru

Кузьмичева Вита Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
vkuzmicheva@bsu.edu.ru

Аннотация

В настоящем исследовании рассматриваются некоторые подходы к определению термина «концепт» и методике его изучения, выделяются различные компоненты в структуре концепта. Основное внимание в работе уделяется средствам языковой репрезентации концепта “creativity”. В результате анализа лексикографического материала актуализируются основные концептуальные признаки исследуемого концепта.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, дефиниционный анализ, концептуальные признаки, creativity, категория, прототип.

ACTUALIZATION OF THE CONCEPTUAL FEATURES OF THE «CREATIVITY» SYSTEM OF CONCEPTS IN THE FRAMEWORK OF LEXICOGRAPHIC ANALYSIS

Doborovich Anna
Ph. D in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
doborovich@bsu.edu.ru

Kuzmicheva Vita
Ph. D in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
vkuzmicheva@bsu.edu.ru

Abstract

This work looks at some approaches in defining the term “concept” and methods of its research. It also involves discovering diverse components in the concept structure. The main focus of the article is on the means of verbal representation of the “creativity” concept. The analysis of lexicographic resources highlights the relevant conceptual features of the concept.

Key words: concept, conceptsphere (system of concepts), definition analysis, conceptual features, creativity, category, prototype.

Формирование языкового сознания осуществляется постоянно, а система знаний и мнений о мире, отражающая познавательный опыт человека рассматривается как концептуальная система, следовательно, основным предметом исследования являются концепты-форманты, интегрирующие концептосферу “CREATIVITY”. Под термином «концепт» в данной статье подразумевается ментальное образование (entity), содержащее в себе информацию о том или ином предмете или явлении окружающего нас мира. Изучение концепта должно предприниматься с позиций комплексного подхода, объединяющего результаты междисциплинарного анализа. Семантические особенности концептов рассматриваются как связующее звено между лингвистической теорией и теориями других когнитивных способностей.

Языковыми средствами объективации концептов-формантов в работе являются синонимичные имена существительные абстрактной семантики: “creativity”, “imagination”, “originality”, “ingenuity”, “inventiveness”, “resourcefulness”. Концепт детерминирует, как предметы соотносятся друг с другом, и как они категоризируются. Можно сказать, что концепт – ментальная репрезентация категории, что помогает нам группировать предметы по принципу схожести их значений. В концептуальной структуре мы выделяем следующие категории, актуализирующие концепты-форманты: [STATE], [EVENT], [OBJECT], [INSTRUMENT], [PROPERTY], [AMOUNT], [PRODUCT].

Несмотря на активное изучение концептов в лингвистическом, лингвокультурном и лингвокогнитивном планах, многие концептуальные аспекты требуют всеобъемного дефиниционного анализа. В этой связи основной задачей данной статьи является анализ лексикографических толкований основных лексем-репрезентантов указанного концепта.

Проанализируем содержание концепта “creativity” в английском языке, словарные дефиниции и контексты использования данной языковой единицы. “Creativity” связывается в сознании людей с такими понятиями, как “originality, individuality, something genuine». Но взгляды на креативность менялись и продолжают меняться со временем, и креативность толкуется совершенно по-разному с социально-исторических и культурных позиций [1], что находит отражение в наиболее авторитетных толковых словарях, тезаурусах и научных статьях. В последнее время наиболее глубоко проблемы креативности, творчества изучались в психологии. Но, по мнению Р. Картера, лингвистический подход к изучению креативности просто необходим, так как позволяет проанализировать способы её актуализации в разные периоды. В нашем исследовании представляется наиболее интересным провести лексикографический анализ понятия “creativity” с последующей актуализацией концептуальных признаков данной концептосферы, которая репрезентируется в английском языке, прежде всего, следующими лексемами: **creation, creative, creature, creator, creativity, create**. Синонимами являются такие лексемы: **artistry, cleverness, fertility, imagination, ingenuity, inspiration, inventiveness, originality, resourcefulness, talent, vision** [6]. С целью получения наиболее полной содержательной картины концепта “creativity”, проанализируем основные словарные статьи, в которых представлены дефиниции лексем-дериватов, репрезентирующих исследуемый концепт. Так, в словаре Функа приводятся следующие толкования лексем-репрезентантов: **creation**: 1. The act of creating; production without use of preexistent material, especially in *a theological sense*, the original act of God in bringing the world or universe into existence. 2. an act of *construction*, physical or mental; the combining or organizing of existing materials into *new* forms: e.g. the creation of an empire. 3. any remarkable *product of the power of scientific, artistic or practical construction*: e.g. the creations of genius, the creations of Shakespeare. 4. the act of *investing with* a new rank or character or of placing in a new office: e.g. the creation of two additional judges. Nobles by the right of an earlier creation, and priests by the imposition of a mightier hand (Macaulay Essay 8, Milton).

Лексема «**creative**» в том же словаре толкуется так: *having the power to create*, in any sense; exercised in creating; **productive, constructive**: e.g. the creative word of God. «**Creature**» определяется следующим образом: 1. That which has been created; *a creation*; esp. a living being regarded as created: a) a human being: with an adjective implying tenderness, pity, scorn, etc. e.g. a lovely creature; b) a domestic animal. 2. a person or thing considered as *arising from*, governed by, or conditioned upon something else: e.g. creatures of chance, creatures of habit. 3. *a person dependent upon* the power of influence of another; dependent, **tool**: e.g. Weston, a creature of the Duke, became Lord Treasurer [4].

В словаре Хорнби предлагаются такие дефиниции исследуемых лексем-дериватов: **creation**: 1. *the act of creating*: e.g. the creation of great works of art. 2. all created things: e.g. man, the Lord of Creation; the Creation: the world or universe as created by God. 3. **production** of the human intelligence, especially one in which *imagination* has a part: e.g. the creations of poets, artists, composers and dramatists = The women were wearing the newest creations of the Paris dressmakers.

Одной из наиболее рекуррентных лексем является имя прилагательное «**creative**»: *having power to create*; of creation: useful and creative work, esp. requiring *intelligence* and *imagination*, not merely mechanical skill. Содержательная картина лексемы «**creator**» представлена с позиции теологии в данном словаре: «one who creates: the Creator = God». Дефиниция лексемы «**creature**» представлена так: 1. Living animal: dumb creatures, animals. 2. with an epithet, *emotive use*: living person: e.g. a lovely creature (a beautiful woman); a poor creature (a contemptible person); a good creature (a kindhearted person). 3. person who *owes his position*

to another, esp. one who is content to carry out another person's wishes without question: e.g. mere creatures of the dictation [8].

В словаре "The Random House Dictionary of the English Language" представлена трактовка значений данных лексем следующим образом: «**create**»: 1. To cause to come into being as something unique that would not naturally evolve or that is not made by ordinary processes: e.g. God created Eve from one of Adam's ribs. 2. to evolve from a person's *own thought or imagination*, as a work of art, an invention. 3. *theatrical*: to perform (a role) for the first time or in the first production of a play. 4. to make by investing with new functions, rank, character, etc.; *constitute, appoint*: e.g. to create a peer. 5. to be the cause or occasion of; give rise to. 6. to cause to happen, bring about; arrange, as by intention or *design*: e.g. He wanted to create an opportunity to ask for a raise in his allowance. To create a revolution. 7. to do something *creative* or *constructive*.

«**Creation**»: 1. The act of creation; act of *producing* or causing to exist. 2. the fact of being created. 3. *the Creation*: the original bringing into existence of the Universe by God. 4. a thing that is or has been created. 5. the world, universe. 6. creatures *collectively*. 7. *an original product* of the mind, esp. an *imaginative artistic* work. 8. *a specially designed* dress, hat or other article of women's clothing [10].

В результате дефиниционного анализа и изучения фактического материала был сделан вывод, что основные концептуальные характеристики исследуемого концепта актуализированы наиболее рекуррентными лексемами-репрезентантами: «**creative**», «**creativity**» и «**creature**», «**creation**».

«**Creative**»: 1. Having the quality or power of creating. 2. *resulting from originality* of thought, expression, etc.: e.g. creative writing. 3. *originative, productive* (usually followed by "of").

Лексема «**creativity**» репрезентирует следующие содержательные характеристики: 1. The **state** or **quality** of being creative. 2. **creative ability** or process. «**Creature**»: 1. Anything created, whether animate or inanimate. 2. **an animate being**. 3. an animal, esp. an animal rather than man. 4. a person; human being. 5. a person who owes his position or fortune to someone or something under whose control or influence he continues.

В более современном толковом словаре английского языка "Oxford Advanced Learner's Dictionary" данный концепт трактуется гораздо глубже, а сфера употребления лексем-репрезентантов представлена намного шире, что свидетельствует о развитии общества, человечества в целом, а также подтверждает мысль о том, что креативность, творчество и творческие личности являются социально значимыми факторами, способствующими прогрессу цивилизованного общества. В выше упомянутом словаре интересующие нас лексемы толкуются так: «**creation**»: 1. The act or process of making something that is new, or of causing sth to exist that did not exist before: e.g. the process of database creation. 2. A thing that somebody has made, especially something *artistic or imaginative*: e.g. The cake was the delicious creation of sponge, cream and fruit. 3. The making of the world, especially by God *as described in the Bible*. 4. The world and all the living things in it [7].

Дополнительные содержательные признаки проявляются в актуализации значения лексемы «**creator**» в сравнении с её толкованием в предыдущих словарях: 1. A person who has made or invented a particular thing: Walt Disney, the creator of Mickey Mouse. 2. (the Creator) God. Следует отметить, что данная лексема претерпела некоторые изменения в своем толковании и стала более универсальной в отношении актуализации её основных признаков: в более ранних словарях её доминантной семой была следующая: "the Creator – God". «**Creature**»: 1. A living thing, *real or imaginary*, that can move around, such as an animal: e.g. the dormouse is a shy, nocturnal creature (что, в свою очередь, свидетельствует о высоком уровне человеческого интеллекта и воображения, что, как следствие, находит своё вербальное отражение в языке). 2. A person, considered in a particular way: e.g. You pathetic creature! She was an exotic creature with long red hair and brilliant green eyes (в таком понимании данная лексема, как правило, в речи следует за атрибутом).

Доминантной категорией концепта “creativity”, репрезентантом которой является лексема “creator”, представляется категория [STATE/ EVENT], модифицирующая значение «Бог – создатель, высшее существо, Божество». Поскольку Бог в своем роде – существо единственное и уникальное, то, в основном, в литературе лексема “creator” и, в частности, её первый языковой знак обозначается заглавной буквой. С таким значением понятие “Creator” встречается в художественной литературе на теологические темы или в литературе сугубо религиозного характера, что подтверждает проанализированный фактический материал:

1) There is a Creator: God [2, с. 45].

2) If God made man from the dust of the earth, that tells us something about the nature of man, the creature, as compared with God, the Creator [2, с. 81]. Данный пример демонстрирует, как нам кажется, «единственность» Создателя всего мира, что репрезентируется в языке посредством определенного артикля “the” в сочетании со словом “Creator”, а также лексическое наполнение этого предложения четко актуализирует оппозицию таких концептуальных признаков концепта “creativity”, как «субъект – объект/ результат»: the Creator – субъект состояния, the creature – объект и, как следствие, результат «творческой деятельности» Создателя мира. Концептуальный признак «активность», «инициативность» производителя-творца также подтверждается происхождением имени существительного “creator” от глагола “to create” (от лат. creare “to make, produce”). Слово “creator” в 1300 году вытесняет старую глагольную форму “scieppend” (от гл. scieppan “to shape” – в готском языке).

Имя существительное “creator” также употребляется в устойчивых атрибутивных конструкциях, в сочетании с такими прилагательными, как: “Mighty, Divine, Merciful, Gracious”, которые в значительной степени интенсифицируют «могущественность», «единственность», Величие Бога-Творца:

3) Consider, Mighty Creator of all things, the differences between Sindbad’s life and mine [ED].

4) “Here is a world,” said the old gentleman, getting the sun a little more broadly on his back, “which a Merciful Creator has filled with lovely sights, harmonious sounds, delicious scents; and here are creatures with faculties expressly made for enjoyment of those sights, sounds, and scents – to say nothing of Love, Dinner, and Sleep, all thrown into the bargain [ED].

5) Gracious Creator of day! [ED].

6) This is so, and must always be so and the purposes of the Divine Creator are at once good and inscrutable, as also is Fate, which is one with him [ED].

Представляется необходимым отметить тот факт, что концептуальные характеристики лексемы «**creature**» изменились в течение последних десятилетий. В языке настоящего периода практически утрачено её более раннее значение - «существо (пассивное, покорное), зависящее от другого», а активизируются такие характеристики, как **imaginary**, **particular**. Репрезентация концептуальных характеристик лексемы «**creative**» в современном языке тоже многогранна и колоритна в сопоставлении с её толкованием пятидесятилетней давности. Несколько другое толкование выше упомянутых лексем представлено в другом авторитетном словаре современного английского языка [5]. В толковании лексемы «**creative**» актуализируются следующие содержательные признаки: 1. Producing or using new and *effective ideas, results*: e.g. He came up with a really creative solution to the problem. 2. Someone who is creative is imaginative and *good at making things* (активизируется концептуальная характеристика «качество»): e.g. You’re so creative! – I could never make my own clothes.

Лексема «**creature**» также приобретает яркую семантическую окрашенность в этом толковом словаре, а именно: it is “1. anything that is living, *but not a plant*: e.g. The crocodile is a strange-looking creature. 2. a strange and *sometimes frightening* living thing: creatures from outer space. 3. someone who has a **particular character or quality**: “Lady Jones is a charming creature”, he sighed.

Другим немаловажным репрезентантом концепта “creativity” является лексема “creature”, происхождение которой датируется в электронном этимологическом словаре 1280 годом со значением “anything created”, “living being”, от латинского “creatura” – “thing created”, from p.p. stem of creare “create”. В результате анализа словарных статей были выявлены три основных содержательных признака:

1) “a living organism characterized by voluntary movement” – то есть любое живое движущееся существо, создание, творение;

2) “a human being; “wight” is an archaic term”, которое произошло от древнеанглийского “wicht” – “living being, creature” (в германском wekhtiz, позже в немецком wicht – “creature, infant”) – человек, создание (как правило, употребляется с эпитетом как позитивной, так и негативной семантической окрашенности);

3) “a person who is controlled by others and is used to perform unpleasant or dishonest tasks for someone else” – креатура, ставленник; слепой исполнитель, так называемое «орудие» в чьих-либо руках.

К дополнительным содержательным характеристикам относятся: strange or imaginary being – “a being of anomalous or uncertain aspect of nature <creatures of fantasy>” - аномальные существа непонятной природы, возможно, выдуманные, существующие в человеческих фантазиях. Особо хотелось бы отметить значение данной лексемы, которое представляет особую значимость в формировании категории [INSTRUMENT] и которое детерминируется в том же словаре так: “one that is the servile dependent or tool of another:instrument”. Другими словами, именно этот дериват, репрезентирующий концепт “creativity”, является основным актуализатором категории [INSTRUMENT]. Данное положение может быть также подтверждено информацией об этимологии суффикса -ure: “-ure [from L. -ura, Fr. -ure] a suffix meaning act or result of an action, agent or instrument of action, state of being” [11]. На основании выше сказанного, можно сделать вывод о том, что лексема “creature” является репрезентантом концепта “creativity”, актуализирующим категорию [INSTRUMENT/ TOOL] с основным концептуальным признаком: «пассивность/активность» в зависимости от выполняемой данной лексемой синтаксической роли.

Наиболее распространенными языковыми репрезентантами первого содержательного признака «живое, движущееся существо» являются следующие: 1) Animal, animate being, beast, brute; 2) Organism, being – a living thing that has (or can develop) the ability to act or function independently – то есть любое движущееся существо, организм; 3) Critter – a regional term for creature (especially domestic animals) [ED]. Впервые данная словоформа была зафиксирована в 1815 году как диалектный или юмористический вариант произношения слова “creature”; 4) Creepy-crawly – an animal that creeps or crawls – ползающие существа (такие как черви, пауки и некоторые другие насекомые); 5) Darter – a person or other animal that moves abruptly and rapidly: “squirrels are darters” – следовательно, “darter” – это любое человеческое или животного происхождения существо, передвигающееся резко и быстро; 6) Pet – a domesticated animal kept for companionship or amusement; 7) Giant – any creature of exceptional size и составит ему оппозицию “microorganism” – any organism of microscopic size. Дефиниции лексем “creativity” и “creativeness” представлены независимо: «Creativeness»: the state or quality of being creative. «Creativity»: creative ability; artistic or intellectual inventiveness.

Результаты дефиниционного анализа позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о том, что концепт “creativity” обычно ассоциируется в общественном сознании с продуцированием новых идей, проявлением воображения, изобретательности, неконвенционального подхода к любому делу: it is “...the ability to make or otherwise to bring into existence something new, whether a new solution to a problem, a new method or device, or a new artistic object or form” [3].

Анализ словарных толкований исследуемых лексем дает возможность выделить следующие содержательные признаки концепта “creativity” в англоязычной концептосфере:

- креативная способность и творческая изобретательность;
- созидание (сотворение) нового;
- сотворение Мира в теологическом аспекте;
- духовное или физическое преобразование;
- духовные или материальные ценности;
- присвоение новых званий, титулов и назначение на определенную должность;
- наличие продуктивной способности созидать;
- 8) созданные в результате творческого процесса живые существа;
- 9) уникальное, неповторимое создание/воплощение художественных образов, т.н. «театральный» содержательный концептуальный признак;
- 10) оригинальный продукт интеллектуальной деятельности, мышления;
- 11) характерные черты человека, который влачит свое существование и является так называемым «продуктом» деятельности другого человека, инструментом в его руках;
- 12) умение использовать способности и, особенно, воображение в создании предметов искусства, продуцировании новых идей;
- 13) атипичные (странные) характеристики, присущие человеку, порой вызывающие страх и удивление.

Выявленные содержательные характеристики, на наш взгляд, подтверждают предположение о том, что в концептуальной картине исследуемого концепта представляется возможным выделить прототипический центр, репрезентируемый двумя прототипами [COGNITION] и [EMBODIMENT], в частности, изобретения в различных отраслях науки и техники и т.д.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что роль дефиниционного анализа лексем – репрезентантов, безусловно, бесценна. Изучение дефиниций лексем, представленных в лингвистических словарях способствует изучению и актуализации концептов в призме теории прототипов и выявлению содержательных признаков концептов. Лексикографическая интерпретация лексем, проведенная на основе исследования толкований наиболее авторитетных словарей позволило выделить основные и вариативные концептуальные признаки лексем, актуализирующих концепты-форманты концептосферы “creativity”. Выявление семного набора значений слов-репрезентантов на базе лексикографических дефиниций позволяет также установить лингвокогнитивные связи внутри указанной концептосферы.

References

1. Carter R. Language and Creativity: the Art of Common Talk. – London: Routledge; New York: Taylor & Francis Group, 2004. 255p.
2. Coelho P. The Alchemist. – London: Harper Collins Publishers, 1999. 177p.
3. Encyclopedia Britannica URL: <https://www.britannica.com/> (date of access: 18.03.2017).
4. Funk W. Word Origins and their Romantic Stories. – N. Y.: Wilfred Funk, Inc. Publishers NY, 1950. 432p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh: Pearson Education Ltd., 2001. 1668p. (LDCE).
6. Manser M.H. Synonyms and Antonyms: the essential vocabulary builder. – Edinburgh: Chambers, 2005. 424p.
7. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Contemporary English. – Oxford: Oxford University Press, 2000. 1540p. (OALD).
8. The Advanced Learner’s Dictionary of Current English / A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. – Stavropol: SPIIP Sentilei, 1992. 1552p. (ALDCE).
9. The Free Dictionary by Farlex URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 15.03.2017).
10. The Random House Dictionary of the English Language / ed.: L. Urdang, St. B. Flexner. – College Edition. – Bombay: Allied Publishers Ltd., 1976. 1568p. (RHDEL).
11. Webster’s New Universal Unabridged Dictionary / rev.: L. J. McKechnie. – Deluxe second edition – New York: Dorset & Baber, 1983. 2289p. (WNUUD).

УДК 811.16 1.1'374

**СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
«ТОЛСТЫЙ – ХУДОЙ»:
ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»)

Дудорова Мария Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
primrose81@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы словарного представления синонимико-антонимического комплекса «Толстый – Худой».

На примере словарных статей Большого толкового словаря синонимов русской речи и Словаря-тезауруса синонимико-антонимических комплексов русской речи анализируются: 1) проблема определения состава синонимического ряда; 2) проблема определения семантической идеи ряда (обусловленная традиционной для алфавитных словарей практикой синонимичных толкований); 3) представление прототипа (выделены типы денотативной и лингвокультурологической информации, отраженной в прототипах); 4) проблема семантизации единиц в составе ряда (выявлен набор повторяющихся признаков, отражающих не только семантические сходства и различия внутри ряда, но и основания для возникновения антонимических отношений между членами рядами); 5) проблема подбора иллюстративного материала (выделены значимые для контекстов компоненты, необходимые для маркирования семантических сходств и различий в синонимико-антонимических комплексах).

Ключевые слова: лексикография, словарь-тезаурус, синонимико-антонимические комплексы.

**SYNONYMIC-ANTONYMIC COMPLEX «FAT-SLIM»:
PROBLEMS OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION**

Dudorova Maria
Ph. D in Philology, Associate Professor
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
primrose81@yandex.ru

Abstract

The article reviews the problems of dictionary description of synonymic-antonymic complex "fat-slim". We analyse examples of dictionary entries of Big explanatory dictionary of Russian speech and Thesaurus of synonymic-antonymic sets of Russian speech with the purpose of finding: 1) the problem of identifying the structure of synonymic row; 2) the problem of identifying the semantic idea of the row (determined by interpreting with the help of synonyms in usual practice of alphabetically arranged dictionaries); 3) prototype presentation (types of denotational and linguocultural information presented in the prototypes are defined); 4) the problem of unit semantization within one row (a number of repetitive features reflecting not only semantic similarities and differences within the row but also the bases for the appearance of antonymic relations within the members of the row are defined); 5) the problem of sampling (components meaningful for the text and necessary for marking semantic similarities and differences in synonymic-antonymic sets are defined).

Keywords: lexicography, thesaurus, synonymic-antonymic complexes.

Настоящее исследование – результат работы над лексикографическими проектами, выполняемыми Уральской семантической школой под руководством д.ф.н., проф. Л. Г. Бабенко: Большой толковый словарь синонимов русской речи и Словарь-тезаурус синонимико-антонимических комплексов русской речи. В процессе лексикографической деятельности мы сталкиваемся с рядом проблем, обусловленных как традициями представле-

ния лексического материала в алфавитных словарях, так и самой семантикой лексем различных идеографических групп. Рассмотрим проблемы и их решение в процессе лексикографического описания синонимико-антонимического комплекса «Толстый – Худой».

1. Проблема определения состава ряда

Синонимические ряды, входящие в группу «Особенности телосложения живого существа», характеризуются семантической близостью рядов и пересекаемостью семантических компонентов не только внутри группы, но между группами с семантикой «Внешние признаки живого существа».

Синонимический ряд с доминантой Толстый представлен в следующем виде: *толстый, грузный, дебелый, дородный, круглый, откормленный, полнотелый, полный, пышнотелый, пышный, тучный, упитанный, пренебр. жирный, устар. корпулентный, устар. корпусный, разг. гладкий, разг. мясистый, разг. неохватный, разг. пухлый, разг. раскормленный, разг. сдобный, разг. солидный, разг.-сниж. бокастый, разг.-сниж. ожиревший, разг.-сниж. ожирелый, разг.-сниж. толстомясый*. Спорным является включение в состав ряда лексем *обрюзглый, обрюзгий* и *расплывшийся*, в значение которых выделяются два компонента [4]: 1) полный и 2) имеющий дряблую, обвислую кожу; второй компонент показывает отнесенность лексем также в семантическую группу «Особенности кожного покрова живого существа». Данные компоненты в значениях лексем являются равноправными, что позволяет включить их в данный ряд.

Синонимический ряд с доминантой Худой представлен в следующем виде: *худой, истощенный, исхудалый, костлявый, поджарый, сухой, сухощавый, тонкий, тощий, худосочный, худощавый, устар. поджаристый, разг. отощальный, разг. сухопарый, разг.-сниж. худущий, разг.-сниж. худющий*. Определение состава ряда осложняется наличием в группе «Особенности телосложения живого существа» рядов, пересекающихся по семантике с данным рядом. Это ряды с доминантами: – Стройный – данный ряд отражает семантику «пропорционально сложенный», однако контекстное употребление указывает, что в оппозиции «Толстый – Худой» данный ряд тяготеет к характеристике «Худой» (см. невозможность контекста: *Она была стройной, носила 56-й размер одежды); разведение этих рядов возможно при рассмотрении лексемы *стройный* как номинирующей нормативное телосложение, тогда как *худой* маркирует отступление от нормы по параметру «вес, объем тела»;

– Тщедушный – данный ряд отражает семантику «имеющий хрупкое телосложение, являющийся или кажущийся слабым»; в оппозиции «Толстый – Худой» данный ряд тяготеет к признаку «Худой» (телосложение), но более значимым является признак «Слабость» (физиология); таким образом, ряд обозначает физиологический признак, проявляющийся во внешности (например, *Она, по-моему, похожа на худенького, тщедушного человека, который в экстазе и опьянении или от хвастовства взял и поднял спиной двадцать пудов, надорвал себе живот и вот уже начинает умирать медленной смертью* (А. Куприн). Еще одним основанием для разведения рядов будет врожденный/приобретаемый характер признака, об этом свидетельствует и наличие близкородственного синонимического ряда *Худеть/похудеть* и отсутствие глагольного ряда, производного от ряда *Тщедушный*.

2. Проблема определения семантической идеи ряда

Традиционные толковые словари объясняют лексемы ряда синонимическими или отсылочными дефинициями, поэтому вычленение семантической идеи ряда методом ступенчатой идентификации представляется невозможным. Поскольку рассматриваемые ряды находятся в оппозитивных отношениях, то представляется возможным представление их семантики посредством соотнесения с понятием нормы, а также противопоставления по параметрам: вес и объем тела. Таким образом, семантические идеи синонимических рядов представлены следующим образом:

Толстый – имеющий избыточную массу тела, объемы тела, превосходящие норму (о человеке, его теле);

Худой – имеющий недостаточную массу тела, объемы тела меньше нормы (о человеке, его теле).

3. Представление прототипа

В «Большом толковом словаре русских синонимов: Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы» впервые в качестве самостоятельной части словарной статьи выделяется зона прототипа (модель представления прототипического значения разработана Л. Г. Бабенко). «Прототип предполагает семантизацию всей совокупности семантических признаков, репрезентируемых компонентами синонимического ряда слов. <...> Главное условие, которое должно неукоснительно соблюдаться, — это оптимизация прототипа синонимического ряда по параметрам, существенным для описываемой категории и отражающим регулярные аспекты лексического варьирования внутри ряда относительно его доминанты» [1, с. XVIII–XIX].

Для рядов одной группы, как правило, существует общая модель описания прототипического значения синонимического ряда. Обязательными являются следующие информационные блоки:

а) денотативная информация, этот тип информации представлен признаками, отличающими ряд от других рядов группы. В рассматриваемых рядах это выделенные выше признаки, отражаемые в семантической идеи ряда, а также информация о норме, которая в прототипе фиксируется следующим образом: *не соответствующий стандартам соотношения роста и веса.*

Особую зону денотативной информации составляют знания, полученные опытным путем и фиксирующие наивные представления; данная информация ранее не фиксировалась в словарях. Для рассматриваемых рядов это следующее:

– причины появления признака, его зависимость от физиологических причин или образа жизни (*являющийся таким от рождения (наследственность), ставший таким из-за заболеваний (например, эндокринных нарушений) или особенностей образа жизни (пищевые привычки, любовь к сладкому, гиподинамия и т. п.) – являющийся таким от рождения (наследственность), потерявший вес вследствие заболеваний, сильных переживаний или образа жизни (о человеке, его теле); к болезненно худому телосложению часто приводят пищевые расстройства: анорексия, булимия и под.*);

– сознательное изменение частей тела, связанное с физическими упражнениями, использованием косметических средств или средств пластической хирургии (*часто толстые люди стремятся похудеть, для этого ограничивают себя в еде (сидят на диете), занимаются спортом, прибегают к услугам пластических хирургов.*)

б) лингвокультурологическая информация в рассматриваемых группах связана со следующими параметрами:

– эстетическая оценка (*в разных культурах полнота оценивается по-разному*);
 – связь внешнего признака с характером человека (*полный человек часто представляется спокойным и добродушным – худой человек часто представляется раздражительным и злым*);
 – устойчивый ассоциативный фон (*полнота часто ассоциируется с образом свежееиспеченного хлеба – в русской культуре крайняя худоба ассоциируется с образом скелета и фольклорным персонажем Кащеем Бессмертным*).

4. Проблема семантизации

В процессе определения семантических сходств и различий мы столкнулись с рядом трудностей в дефинициях – крайне непоследовательное представление соотношения значений ЛСВ одного синонимического ряда, возникающее из-за синонимических дефиниций.

а) дефиниции рассматриваемых лексем демонстрируют такую проблему традиционных алфавитных словарей, как синонимические и отсылочные толкования, которые в условиях идеографического представления оказываются неинформативными; часто мы сталкиваемся с последовательно отсылающими друг к другу синонимами, часто с добавлением новых членов ряда, однако, без уточнения как семантики, так и смысловых различий:

Толстый. Полный, тучный (о теле, туловище) [2].

Имеющий крупное, полное тело; тучный [3].

Дебелый. Полный, упитанный [2].

Поджарый. Худощавый, сухощавый, подтянутый (о человеке, животном) [2].

Сухощавый. Худой, сухопарый; худощавый [2].

б) применение метода ступенчатой идентификации ведет к расширению ряда синонимов, но не к уточнению значения отдельных ЛСВ, часто такое движение от синонима к синониму приводит к случаям столкновения в одном значении разных степеней проявления признака:

Полный. Упитанный, **умеренно** толстый [2].

Умеренно толстый, тучный [3].

Тучный. Упитанный, жирный или ожиревший, **очень** толстый [4].

в) непоследовательное представление в словаре объекта, носителя признака (отсутствии указания, указание на несколько объектов в одном значении, разведение в разные значения, несоответствие объектов в лексемах, истолкованных синонимически):

Полный. **О человеке:** толстый, тучный [4].

Толстый. **О теле, туловище (или его частях):** полный, тучный [Ожегов] – ср.: **Имеющий** крупное, полное тело; тучный [3].

Упитанный. Отличающийся здоровой полнотой, умеренно полный (**о человеке, животном**) [2].

Сухой. Очень худой, тощий; с мышцами, лишенными лишнего жира (**о человеке, его теле, конечностях и т. п.**) [2].

Худощавый. 1. Несколько худой. 2. С лишенными жира мышцами (**о теле или частях тела**); сухой, худой [2].

При идеографическом описании в сфере «Живое существо» значимым оказывается определение для каждого члена ряда компонентов значения в следующих противопоставлениях:

– о человеке – о живом существе (*Дородный – Упитанный*),

– о теле – о частях тела (*Дебелый – Толстый*),

– о взрослом – о ребенке (*Толстый – Пухлый*),

– о человеке любого пола – о женщине (например, в лексемах *Крупнчатый, Сдобный, Пышнотелый, Пышный* (Полный, с округлыми формами (обычно о женщине, женском теле) [2]).

Наличие в словаре зоны близкородственных синонимических рядов позволяет вынести отдельно синонимические ряды, номинирующие животное и часть тела, обладающие названным признаком, например:

Толстый, грузный, жирный, круглый, откормленный, упитанный, разг. гладкий, разг. раскормленный, разг. сытый, разг.-сниж. бокастый, разг.-сниж. ожиревший, разг.-сниж. ожирелый. Имеющий избыточную массу тела, объемы тела, превосходящие норму (о животных, птицах).

Толстый, жирный, крупный, мясистый, полный, разг. расплывшийся. Имеющий значительный объем, жировую прослойку (о конечностях, частях тела).

Худой, жилистый, истощенный, исхудалый, костистый, костлявый, поджарый, сухой, сухощавый, тонкий, тощий, худосочный, худощавый, устар. поджаристый, разг. отоцальный, разг. сухопарый, разг.-сниж. худущий, разг.-сниж. худющий. Имеющий впалые бока, малую жировую прослойку вследствие голода или болезни (о животном).

Худой, жилистый, исхудалый, костистый, костлявый, сухой, тонкий, тощий, худощавый, разг. высохший, разг. отоцальный, разг.-сниж. худущий. Лишенный подкожного жирового слоя (о конечностях, частях тела).

Доминанты рассматриваемых рядов образуют антонимическую пару, отражающую противопоставление по признаку «вес и объемы тела» относительно нормы. Если доминанты рядов образуют очевидную антонимическую пару, то установление антонимических отношений между остальными членами ряда становится проблемным.

При описании противопоставленных синонимических рядов необходимым представляется создание дефиниций, отражающих не только семантические сходства и различия внутри ряда, но и набор повторяющихся признаков, демонстрирующих основания для возникновения антонимических отношений между членами рядами:

– степень проявления признака: *полный, упитанный* (умеренно толстый), *тучный, жирный* (непомерно толстый) – *жилистый* (умеренно худой), *исхудалый, худющий, худющий* (очень худой);

– сочетание полноты/худобы с особенностями телосложения: *дородный* (крупного телосложения) – *тонкий* (узкий в кости);

– условия возникновения признака: *откормленный, раскормленный* (в результате обильного питания) – *истощенный* (дошедший до истощения в следствие недостаточного питания), *исхудалый* (часто в следствие болезни);

– становление признака: *расплывшийся* (потерявший форму), *ожиревший, ожирелый* (ставший жирным) – *истощенный* (дошедший до истощения), *исхудалый, отоцалый* (ставший очень худым)

– характер проявления признака: *пухлый* (отличающийся округлой, приятной полнотой) – *костлявый* (с выступающими костями)

– носитель признака / объект номинации: *дебелый* (употр. обычно по отношению к женщине), *пышнотелый* (употр. обычно по отношению к привлекательной женщине), *пухлый* (обычно о женщинах или детях) – *сухой* (часто о пожилom человеке), *тонкий* (часто о молодом человеке).

5. Проблема подбора иллюстративного материала

Лексемы, входящие в группу «Внешние признаки живого существа», традиционно в контекстах употребляются при описании внешности героев. Такое употребление влечет за собой проблему подбора таких контекстов, которые позволяли бы проявить различия в семантике и прагматике слов –членов синонимического ряда.

Типичными контекстами для рассматриваемых лексем будут те, которые только указывают на наличие признака, часто в ряду других признаков, дающих общее портретное представление о герое: *И вот теперь он стоял, толстый, упитанный, розовощекий, с твердым светлым ежиком на голове, в громадных роговых очках, и утверждал, что он все достанет в два счета* (А. Рыбаков); *Какое-то растерзанное мокрое рубище едва-едва кое-где прикрывало обильно перепачканное уличной грязью, нагое, истощенное тело* (В. Крестовский); *Этот Андрей Семенович был худосочный и золотушный человек малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, в виде котлет, которыми он очень гордился* (Ф. Достоевский).

Целям успешной семантизации и иллюстрирования семантических сходств и различий способствуют контексты, содержащие следующие компоненты:

– указание на специфический объект – носитель признака: *Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая* (Ф. Достоевский);

– указание на прототипические признаки: *Опять Юрий сжимал в руках ее тело, и она казалась ему то большой и пышной, как женщина, то маленькой и хрупкой, как девочка* (М. Арцыбашев); *Мужчина должен быть сухопарым* (Ю. Трифонов);

– употребление в одном контексте членов ряда с выделением различительного признака, например, степени проявления признака: *В комнату нашу вошла большая, полная, даже почти толстая дама с косым пробором и с мушкой на левой щеке* (Н. Лесков);

– антонимы: *Стройная фигура его, обтянутая сюртуком, выгодно выделялась из кучи жирных тел с толстыми животами* (М. Горький); *Один из лазутчиков был мясистый, черный тавлинец, другой — худой старик* (Л. Толстой); *Говорит, что ему нужно, чтобы невеста была в теле, а поджаристых совсем не любит* (Гоголь); *Я был длинный, худющий, а он маленький, круглый, почти как шарик* (И. Дьяконов); *Дружба толстого Панса с сухопарым дворянином была самой высокой поэзией, какую он знал* (Ю. Тынянов).

– описание условий возникновения признака: *Баба была, как все вообще бабы, выросшие в холе под сению постоялого двора или за прилавком кабака: широкая, толстомясая, большеглазая, с круглым лицом и так называемыми сахарными грудями* (М. Салтыков-Щедрин); *Тут же он решает изобразить фигуру худого человека, но и этот*

рисунок его не удовлетворяет, ибо «ведь человек может быть худой не из-за голода, а из-за болезни» (Б. Зейгарник);

– ассоциативно-образное сравнение: Долговязый, тощий, с красным длинным носом, на корточках перед огнем, он походил на большую зябнущую птицу (Д. Мережковский); Я смотрел на тонкий, не слишком реальный силуэт студента, похожий на фигуру с картины Мане, и очень сильно волновался (В. Аксенов).

Таким образом, представление в идеографическом словаре синонимико-антонимического комплекса требует от лексикографа решения следующих проблем: определения состава синонимического ряда; определения семантической идеи ряда, представление прототипа, проблема семантизации единиц в составе ряда, проблема подбора иллюстративного материала. Только последовательное описание синонимико-антонимических комплексов позволяет выявить семантическую специфику лексем, входящих в комплекс и сформулировать точное лексическое значение рассматриваемых единиц.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. (Фундаментальные словари). С. XV–XXVII.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.ru
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
4. Ожегов С. А., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>

References

1. Babenko L.G. The concept, structure and basic lexicographic parameters of the dictionary // Big explanatory dictionary of Russian speech: ideographic description, antonyms, phraseology / ed. by prof. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2008. (Fundamental distionary). P. XV–XXVII.
2. BTC – Big Dictionary of Russian language / ch. ed. S. A. Kuznetsov [Electronic resource]. URL: www.gramota.ru
3. Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
4. Ozhegov S. A., Shvedova N. Y. The explanatory dictionary of the Russian language. [Electronic resource]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>

УДК 811.111'374

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СЛОВАРЕЙ В ТЕОРИИ ОБЩЕЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ермакова Лариса Робертовна
кандидат филологических наук,
доцент
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
ermakova@bsu.edu.ru

Таранова Елена Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
taranova@yandex.ru

Колесникова Ксения Александровна
научный сотрудник группы анализа и контроля научно-исследовательского отдела
Бел ЮИ МВД России имени
И.Д. Путилина,
кандидат филологических наук,
г. Белгород, Россия
Kseniya_k_alex@mail.ru

Аннотация

Роль словарей в современном мире очевидна и неоспорима. Первостепенным вопросом теории лексикографии является вопрос о типологии словарей. На сегодняшний день типология словарей получает особую актуальность. Наблюдается новый подход к созданию словарей. Однако до сих пор уточняются критерии, лежащие в основе классификации в связи с разграничением типа словаря. Разнообразие типов словарей объясняется сложностью и многоаспектностью языка. В статье представлен анализ некоторых авторитетных

типологий и классификаций словарей отечественных ученых, описываются типологические признаки словарей.

Ключевые слова: лексикография, словарь, типология, типы словарей, классификация словарей, типологические признаки

THE PROBLEM OF THE DICTIONARY TYPES IN LEXICOGRAPHIC THEORY

Ermakova Larisa

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
ermakova@bsu.edu.ru

Taranova Elena

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
taranova@yandex.ru

Kolesnikova Ksenia

Research officer of the analysis and control group of the scientific research department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, PhD in Philology
Belgorod, Russia
Kseniya_k_alex@mail.ru

Abstract

The role of the dictionary in the modern world is obvious and undisputable. The main question under discussion in the lexicographic theory is the typological features of dictionaries. Today the typology of the dictionaries is of current interest for the researchers. Nowadays we can come across the new approach to the dictionaries creation. But the basic principles of classification connected with determination of the dictionary type are still being elaborated. The great variety of dictionary types can be explained by the complicated nature and multidimensionality of language. The paper presents the analysis of typologies and classifications of dictionaries of some national scholars and describes typological features of dictionaries.

Key words: lexicography, dictionary, typology, types of dictionaries, dictionaries classification, typological characteristics.

Одним из интереснейших и актуальных вопросов современной лингвистики является изучение слова, его истории, этимологии, изменений. Лексикография (от греческого *lixikon* – «словарь» и *grapho* – «пишу») – это специальный раздел в лингвистике, который занимается теорией и практикой составления словарей, их типологией и изучением. Следует отметить, что лексикография одна из древнейших наук и первые словари были созданы для перевода текстов с латинского языка («Dictionary for foreigners and women»). Один из основных вопросов, которым занимается лексикография, это вопрос о различных типах словарей.

Отечественная лексикография стремительно развивается в последние десятилетия, появляется большое количество новых словарей. Среди этих словарей немало словарей новых типов и разновидностей. Целью данной статьи является по возможности более полно представить реальную картину типологии и классификации словарей в современной отечественной лексикографии.

Следует различать термины «*типология словарей*» и «*классификация словарей*». Под *типом словаря* понимается некоторое абстрактно представляемое множество существующих словарей, объединенных определенным общим признаком (признаками), в его противопоставлении некоторому другому множеству словарей по определенному дифференциальному признаку (признакам). *Типология словарей* – это классификация типов словарей, справочников и энциклопедий. Тип отдельного словаря определяется содержащейся в нем основной информацией, а также его общим назначением в его оппозиции к другому типу. На втором уровне членения внутри определенного типа словаря выделяются *подтипы* при наличии у словарей наряду с общими, также дифференциальных признаков. На третьем уровне подтип словаря может члениться на *виды*, разновидности по другим дифференциальным признакам и т.д. Типы, подтипы и разновидности словарей могут пересекаться, т.е. входить в различные рубрики как результат многочисленности типологических признаков и их пересечения. Таким образом, общая типология словарей представляет собой разветвленную схему.

Под *классификацией словарей* понимают группировку реально существующих словарей внутри определенного типа, подтипа, разновидности.

Сопоставлением различных типологических классификаций словарей занимались такие лингвисты, как Л.В. Щерба, В.Ф. Роменская, В.Д. Табанакова, Е.В. Каламбет и др.

Л.В. Щерба был первым в отечественной науке, кто обратился к проблеме типологии словарей. Вопрос о типологии словарей был освещен им в докладе (1939), а в последующем в статье «Опыт общей теории лексикографии» (1940) [Щерба, 1974]. Ученый опирался в своих лингвистических исследованиях как на собственный лексикографический опыт, так и на накопленный на тот момент опыт русской и зарубежной лексикографии.

После Л.В. Щербы проблема типологии словарей решалась во многих работах (С.И. Ожегова, В.В. Морковкина, А.М. Цывина, П.Н. Денисова, Л.И. Скворцова, А.С. Герда, Ю.Н. Караулова, В.А. Козырева, В.Д. Черняк и др.) В некоторых из них даются классификации словарей, относящихся к определенному направлению (отрасли): толковых, учебных, словообразовательных, терминологических и т.п.

Перейдем непосредственно к вопросу типологии словарей разработанных ведущими отечественными лингвистами в области лексикографии. Сразу же отметим, что в рамках одной статьи невозможно дать более или менее полный анализ существующих типологических словарей, а лишь возможно ограничиться отдельными краткими сведениями.

В лексикографии деление словарей на типы происходит по различным основаниям и зависит от цели словаря, его объема, расположения слов и т.д. Так, Л.В.Щерба предложил выделить типы словарей на основании 6 противоположностей (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология словарей Л.В. Щербы (6 противоположностей)

№ п/п	Противоположности		
1.	словарь академического типа	словарь	справочник
2.	энциклопедический словарь	общий словарь	-
3.	Тезаурус	обычный (толковый/переводной) словарь	-
4.	обычный (толковый/переводной) словарь	идеологический словарь	-
5.	толковый словарь	переводной словарь	-
6.	неисторический словарь	исторический словарь	-

В основу разработанной типологии словарей были положены фундаментальные теоретические положения автора, относящиеся к языку в целом и лексике как его структурной части. Л.В. Щерба подчеркивал целесообразность создания словарей новых типов. Главным недостатком типологии словарей Л.В. Щербы является отсутствие единой противоположности «терминологические словари». Так, Л.В. Попова полагает, что терминологические словари могут быть составной частью противоположности под названием «толковые словари» [Попова, 2012].

В.Ф. Роменская предлагает фасетную классификацию, основанную на выделении типа словаря по соответствующему набору признаков, заданному фасетами. Термин «*фасет*» (*facet* – рамка) обозначает совокупность однородных значений данного классификационного признака. Причем значения в фасете могут располагаться в произвольном порядке, хотя предпочтительнее их упорядочение» [БЭС, 1993]. В своей классификации В.Ф. Роменская выделяет 8 фасетов (см. табл. 2).

Таблица 2

№ фасета	Фасетная классификация (8 фасетов) В.Ф. Роменской		
	Наименование признака фасета		
фасет 1	<i>по принципу определения значения единиц словника</i>		
	энциклопедический	филологический	энциклопедически-филологический
фасет 2	<i>по принципу организации лексики</i>		
	Алфавитный	гнездовой	и тому подобное
фасет 3	<i>по объему словника</i>		
	Большой	малый	и т.п.
фасет 4	<i>по отношению к типу языкового общения</i>		
	Общий	областной	и т.п.
фасет 5	<i>по отношению к языковой норме</i>		
	Нормативный	Ненормативный	
фасет 6	<i>по способу представления лексического значения слова</i>		
	Одноязычный	Многоязычный	
фасет 7	<i>по отношению к синхронии и диахронии</i>		
	Исторический	неисторический	этимологический
фасет 8	<i>по назначению</i>		
	Справочник	учебный	информационно-поисковый

Общую классификацию словарей предложил Л.И. Скворцов. Однако его классификация является повторением одной из оппозиций Л.В. Щербы и включает две группы словарей: 1) «словари языка в собственном смысле слова» – это толковые словари, 2) собственно-нормативные словари-справочники – это очень объемная недифференцированная группа, в которую входят словари собственно практической направленности (орфографические, орфоэпические, ортологические, или словари правильностей, словари трудностей – паронимов, вариантов слова), а также аспектные словари, ориентированные не только на практические, но и на научные цели (синонимов, антонимов, иностранных слов, фразеологизмов и др.). Часть словарей автор выделяет в промежуточную «группу»: обратные, частотные, грамматические [Скворцова, 1980]. Таким образом, в данной классификации задан довольно широкий критерий, и любой

не толковый (в традиционном понимании) словарь попадает во вторую рубрику, которая включает все разнообразие таких словарей, реально существовавших в 1980 г. когда была опубликована монография Л.И. Скворцова.

Классификация терминологических словарей З.И. Комаровой включает 11 признаков и представляет собой довольно детализированную систематизацию. Однако в ней не рассматриваются рубрикаторы, классификаторы, тарифно-информационные справочники, инвентари, семантические множители, семантико-реляционные скелеты комплексов и предложений. Данная классификация построена по принципу фасетной классификации [Комарова, 1991].

В.В. Дубчинский разработал типологию словарей с целью анализа и классификации лексикографических произведений в учебных и практических целях. Эта классификация коррелирует с фасетным принципом расположения тех или иных принципов [Дубчинский, 2005].

А.С. Герд считает, что специальные словари делятся на словари, адресованные человеку, и словари, ориентированные на ЭВМ [Герд, 1981] (см. табл. 3).

Таблица 3

Классификация специальных словарей А.С. Герд
Специальные словари

<i>словари, адресованные человеку</i>	<i>словари, ориентированные на ЭВМ</i>
Одноязычные	информационно-поисковые тезаурусы для информационных систем различных типов
переводные терминологические	
словари идентификаторов	разные типы собственно машинных словарей
Частотные	
словари терминов	
Рубрикаторы	
Классификаторы	

Принцип оппозиции положен в основу типологии словарей П.Н. Денисова. Лингвист полагает, что классификация словарей может приобрести научный статус в том случае, если какой-либо реально существующий словарь соответствует некоторому словарю «чистого типа» [Денисов, 1980].

А.М. Цывин предпринял попытку универсальной, глубинной и перспективной классификации словарей, основанной на принципе двучленной оппозиции (противопоставление) реальных словарей. Под универсальной автор понимает классификацию, которая способна охватить все объекты данной области, под глубинной – многоуровневую, под перспективной – способную «гибко реагировать на появление принципиально новых объектов», т.е. словарей [Цывин, 1978]. Ученый предлагает восемь многоуровневых классификационных схем, которые построены на определенных дифференциальных признаках словарей. Однако в схеме не выделяются такие разновидности словарей, как системные или аспектные, активные – пассивные, лингвоэнциклопедические и др. При этом данные словари существовали еще до выхода статьи А.М. Цывина.

И.С. Куликова, Д.В. Салмина выделяют 9 типологических оппозиций словарей лингвистических терминов. Преимуществом этой типологии является ее тематическая направленность. Однако данную типологию могла бы дополнить оппозиция «печатный словарь» – электронный словарь (см. табл. 4).

**Словари лингвистических терминов И.С. Куликова, Д.В. Салмина
(9 типологических оппозиций)**

№ п/п	Противоположности		
1	энциклопедия	словарь	справочник
2	академический	учебный	-
3	алфавитный	тематический	-
4	оригинальный (русский)	переводной	-
5	словарь метаязыка	словарь метадиалекта	-
6	общий словарь	отраслевой словарь	
7	Словарь	справочник	
8	Цитатный	нецитатный	
9	одноязычные	двухязычные (многоязычные) словари	

Ю.С. Маслов отмечает, что составляемые лексикографами словари разнообразны по своему назначению, объему, по характеру и способам передачи включаемого материала (см. табл. 5).

Типы словарей Ю.С. Маслов (6 типов)

лингвистические	Нелингвистические	переходные	Смешанные	универсальные
		словари терминов различных наук и отраслей техники		
		одноязычные	двухязычные	многоязычные

Известный лингвист В.М. Лейчик полагает, что проблема классификации типологии словарей имеет практическое значение для определения объема словаря, тематического охвата лексики, функций и читательского назначения, содержания и формы проектируемого [Лейчик, 2006]. По мнению ученого, классификации терминологических словарей могут базироваться на нескольких релевантных признаках этих словарей, их содержания и формы.

В.Д. Табанакова и М.А. Ковязина создали типологию, которая базируется на функциональном признаке. Они различают четыре словарных функции и тем самым выделяют четыре вида словарей (см. табл. 6).

Проведенный нами анализ типологий словарей известных отечественных ученых позволяет утверждать, что типологии составлены по разным признакам и основаниям. Типологические признаки, лежащие в основе классификаций следующие. В классификации З.И. Комаровой и В.М. Лейчика выделяются 11 и 6 признаков, и объединяют эти классификации «терминологический» признак. И.С. Куликова, Д.В. Салмина, Ю.С. Маслов соблюдают «тематическую» направленность: словари лингвистических терминов. Однако словари у И.С. Куликовой и Д.В. Салминой классифицируются по 9-ти типологическим

оппозициям, А у Ю.С. Маслова лингвистические словари делятся с точки зрения охватываемого материала на две группы: общие и специальные и подробно описываются в его работе. В.Д. Табанакова и М.А. Ковязина выделяют типы словарей на основании определенных *функций*.

Таблица 6

Типология словарей, основанная на функциональном признаке. В.Д. Табанаковой, М.А. Ковязиной (4 функции)

Словарные функции

функция отсылки	систематизирующая функция	педагогическая функция	нормативная функция
------------------------	---------------------------	------------------------	---------------------

Высказывая свое мнение о классификации словарей Е.В. Каламбет утверждает, что эти классификации пересекаются по разным параметрам, что в свою очередь затрудняет построение единой классификации, поэтому предпочтительнее, по мнению ученого, использовать способ матричного описания словарей по некоторому набору признаков, «перечень которых остается открытым и может пополняться в ходе развития лексикографической теории и практики [Каламбет, 2007].

Анализ показал, что принцип *противоположностей*, используемый в качестве основания для формирования типологии, активно используется языковедами для создания собственных типологий. Данный принцип применяют Л.В. Щерба, И.С. Куликова, Д.В. Салмина, З.И. Комарова. Считаем, что данный принцип является основой типологий и его можно совместить с *фасетами*, которые были предложены В.Ф. Роменской.

Классификация словарей А.С. Герда может получить «второе рождение» в связи с тем, что современный уровень развития информационных технологий открывает широкие возможности для создания специальных словарей, в частности электронных словарей и развития электронной лексикографии.

Что же касается мнения некоторых ученых об универсальности классификации словарей, то мы считаем, что таковая вряд ли имеет шанс на существование в силу того, что практическая лексикография постоянно пополняет перечень параметров для классификации словарей.

Современная российская лексикография сегодня располагает огромным количеством различных словарей и большими потенциальными возможностями для создания новых словарей традиционных типов и словарей новых типов. Это определяет актуальность разработки различных типологических схем словарей.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь русского языка (БЭС), гл. ред. А.М.Прохоров. – М.: Советская Энциклопедия, Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – 1632 с.
2. Герд А. С. Терминологический словарь среди других типов словарей // Современная русская лексикография 1980. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – С. 107.
3. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М. Русский язык, 1980. – 252 с.
4. Дубчинский В.В. Место и роль современной лексикографии в методологии науки / В.В. Дубчинский, К.А. Метешкин // Прикладная лингвистика: сб. науч. ст. – Харьков. МСУ, 2005. – С. 27.
5. Каламбет Е.В. Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии: на материале лингвистических словарей: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 23 с.
6. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – С. 51-76.
7. Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 356 с.
8. Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: Пособие для вузов. – С. 30–37.
9. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1991. – С. 74 -75.
10. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: КомКнига, 2006. – С.205 -206.

11. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – СПб: филол. ф-т СПбГУ; М.: Академия, 2006. – С.130 - 135.
12. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – С. 135.
13. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: МГУ, 1970. – 71 с.
14. Морковкин В.В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М.: Рус. яз., 1977. – С. 37.
15. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка (1952) // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учебн. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1974. – С. 158–182.
16. Попова Л.В. Типологии и классификации словарей. Вестник Челябинского государственного университета № 20 (274) // 2012. Филология. Вып. 67. – С. 106 -113.
17. Роменская В.Ф. О классификационной схеме «тип словаря» // Структурная и прикладная лингвистика. – Л., 1978. – С. 186 -187.
18. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. – М.: Наука, 1980. – С. 290 -291.
19. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 2001. – 281 с.
20. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1974. – С. 270 - 276.
21. Цывин А. М. К вопросу о классификации русских словарей // ВЯ. 1978. № 1. – С. 100-104.

References

1. 22. *Big encyclopedic dictionary of Russian language*, editor in chief A.M. Prokhorov. – М.:Sovetskaya Enziklopediya, fond “Leningradskaya Galereya”, 1993. – 1632 p.
2. 23. Gerd A.S. *Terminological dictionary among other types of dictionaries*// Modern Russian lexicography 1980. – L.: Nauka. Leningr. otdelenie, 1981. – P. 107.
3. 24. Denisov P. N. *Russian language vocabulary and principles of its description*. – М.: Russky yazik, 1980 – 250 p.
4. 25. Dubchinsky V.V. *The place and the role of modern lexicography in the scientific methodology*/ Dubchinsky V.V., K. A. Meteshkin //Applied linguistics: sb. Nauch. st. – Kharkov. MSU, 2005. – P. 27.
5. 26. Kalambet E.V. *Enthropicentrism in the modern national lexicography: on the materials of linguistics dictionaries*: abstract of a thesis... PhD in Philology. – Krasnodar, 2007. – 23 p.
6. 27. Karaulov U.N. *Linguistic constructing and literary language thesaurus*. – М.: Nauka, 1981. – P. 51 -76.
7. 28. Kozirev V.A., Chernyak V.D. *The Universe in the alphabetic order: Essays about Russian language dictionaries*. – St. Petersburg: Publishing house RGPY imeny A.I. Gerzena, 2000. – 356 p.
8. 29. Kozirev V.A., Chernyak V.D. *Russian lexicography: tutorial for higher education establishments*. – P. 30–37.
9. 30. Komarova Z.I. *Semantic structure of the word for special purpose and its lexicographic description*. – Sverdlovsk: Publishing house Ural. Univesiteta, 1991. – P. 74 -75.
10. 31. Leichik V.M. *Terminology: subject, methods, structure*. – М.: KomKniga, 2006. – P. 205 -206.
11. 32. Maslov U.S. *Introduction into linguistics*. St. Petersburg: philological faculty SpbSU; М.: Akademiya, 2006. – P. 130 - 135.
12. 33. Maslova V.A. *Cognitive linguistics: tutorial*. 2 eddition. – Минск: TetraSustems, 2005. – P. 135.
13. 34. Morkovkin V.V. *Ideographic dictionaries*. – М.: MSU, 1970. – 71 p.
14. 35. Morkovkin V.V. *Educational lexicography as a special linguistic and methodic discipline* // Actual problems of educational lexicography. – М.: Rus. yaz., 1977. - P. 37.
15. 36. Ozegov S.I. *About three types of contemporary Russian language dictionaries (1952)* // Ozegov S.I. Lexicology. Lexicography. Language culture: tutorial for higher education establishments. – М.: Vissh. shk., 1974. – P. 30–37.
16. 37. Popova L.V. *Typology and classification of dictionaries*. Bulletin of Chelyabinsk state university № 20 (274) / 2012. Philology. Issue Number. 67. – P. 106 -113.
17. 38. Romenskaya V.F. *About classification scheme “type of dictionary”* // structural and applied linguistics. – L. 1978. – P. 186 -187.
18. 39. Skvorzov L.I. *Theoretic basis of language culture*. – М.: Nauka, 1980. – P. 290 -291.
19. 40. Tabanakova V.D. *Ideographic description of scientific terminology in special purpose dictionaries*: dissertation of Doctor of Philology. – Tyumen, 2001. 281 p.
20. 41. Shcherba L.V. *Background of lexicography general theory* // Language system and speech activity. – L.: Nauka, Leningrad’s department, 1974. P. 270 - 276.
21. 42. Tsyvin A.M. *To the problem of Russian language dictionaries classification* // VYA. 1978. № 1. P. 100-104.

СЛОВАРЬ ИСЧЕЗАЮЩЕГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ⁵

Иванищева Ольга Николаевна

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»

г. Мурманск, Россия

oivanishcheva@gmail.com

Аннотация

В статье представлен обзор современной кильдинско-саамской лексикографии и даны теоретические результаты, полученные автором при работе по созданию словарей коренного малочисленного народа Севера — кильдинских саамов. Показано, что такие словари представляют собой словари нового типа для саамской лексикографии, так как в них на первый план выступает гносеологическая функция словаря, что обусловлено спецификой его пользователя, который, являясь носителем саамской культуры, не владеет саамским языком. Отмечена специфика словника и дефиниции словаря лексики кильдинско-саамского языка, обсуждаются принципы лексикографирования в таком словаре: принципы отбора слов, принцип тематической принадлежности, принцип специфичности. Доказано, что словник таких словарей отражает языковую картину мира коренного малочисленного народа, а содержание его дефиниции должен включать культурологический комментарий, отвечающий уровню обыденного познания окружающего мира, жизненной практики народа и опыта его повседневной жизни.

Ключевые слова: язык, культура, словари кильдинского саамского языка

DICTIONARY OF THE «DYING» LANGUAGE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ivanishcheva Olga

Professor, Doctor of Philology

Murmansk Arctic State University

Murmansk, Russia

oivanishcheva@gmail.com

Abstract

This paper presents an inquiry into contemporary Kildin Kola Saami bilingual lexicography and reports theoretical results obtained in the process of making dictionaries of an indigenous small-numbered people of the North – the Kola Saami. The article shows that such dictionaries are of a new type for Saami lexicography, as they bring to the forefront the epistemological function of a dictionary, which is due to the specificity of its user, who is the bearer of the Saami culture but has no command of the Saami language. The research suggests that contemporary Kildin Kola Saami lexicography should be studied from the perspective of the presence or absence of cultural elements' representation in a dictionary. The article shows that the main purpose of such dictionaries is the preservation of unique aspects of the culture and language of indigenous people. And that the definitions in these dictionaries are typical for a bilingual dictionary which adds cultural commentary to the translated equivalent. The selection of cultural information for Kildin Kola Saami dictionaries should be determined by orientation towards the knowledge of a native speaker.

Keywords: Language, Culture, Kildin Kola Saami Dictionaries.

Введение

Одной из заметных тенденций современной лексикографии является обращение к пользователю словаря. Учет его потребностей, интересов и опыта соответствует современным требованиям к лингвистической науке вообще. Антропоцентрическая тенденция в развитии современной научной мысли, а также когнитивный подход к языку предполагают обращение к человеку как носителю данного языка и культуры. Чрезвычайно актуальной эта проблема становится по отношению к словарям языков коренных малочисленных народов, в частности умирающих языков, к которым относятся языки кольских саамов.

Специфика ситуации такого коренного малочисленного народа Севера, как саамы, состоит в том, что саамский народ исторически разделен и проживает в 4 странах: России, Финляндии,

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Антропоцентрическая организация лексической системы кильдинского саамского языка: специфика и тенденции развития»), проект № 17-14-51001.

Норвегии и Швеции. Саамы России (кольские саамы) в основном проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область. В языках кольских саамов (кольско-саамских языках) выделяются 4 диалекта, которые зарубежные исследователи называют языками: кильдинский, йоканьгский, бабинский (аккала) и нотозерский (колтта). Самым распространенным является кильдинский диалект, который в современной терминологии называется кильдинским саамским языком.

По данным Информационных материалов об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. [3], в России саамов насчитывается 1771 человек (787 – городское население, 984 – сельское), из них на территории Мурманской области 1599 человек. К традиционным саамским промыслам относят оленеводство, охоту, рыболовство и собирательство. Кольско-саамские языки, в том числе кильдинский, как показывает анализ современной социолингвистической ситуации, относятся к вымирающим языкам (*critically endangered*), что связано с отходом саамов от традиционных промыслов и традиционного образа жизни, дисперсностью проживания саамов, отсутствием образовательной среды, невостребованностью кольско-саамских языков в среде саамов, длительностью воздействия на кольско-саамские языки русского языка. Кроме того, у кольских саами долгое время отсутствовала письменность. Вместе с языком как одним из хранителей духовной и материальной культуры саамы могут утратить и знания об этой культуре.

Кильдинско-саамская лексикография представлена тремя переводными словарями с ограниченным количеством лексем (от 4 000 до 8 000 саамских слов): «Саамско-русский словарь» (под ред. Р.Д. Куруч) [Афанасьев, 1985], «Словарь саамско-русский и русско-саамский» Г.М. Керта [Керт, 1986] и «Саамско-русский словарь» А.А. Антоновой [Антонова, 2014]. Тем не менее сохранение кильдинского саамского языка во многом связано с описанием и лексикографической фиксацией саамской лексики, что, в свою очередь, будет способствовать решению проблем восстановления саамского социума. Наличие существующих переводных словарей не сможет в полной степени решить эту проблему. По нашему мнению, необходимо создание словарей кильдинско-саамского языка иного типа.

Цель статьи — определить специфику словаря умирающего языка коренного малочисленного народа Севера – саамов. В работе показывается, что ориентация на пользователя словаря является особенно актуальной, когда речь идет об исчезающих языках. При этом необходимо учитывать, что пользователь словаря, являясь представителем этноса, заявляя свою национальную принадлежность, соблюдая традиции своего народа и сохраняя свою культуру, часто не владеет родным языком или владеет им в ограниченных рамках. Такой носитель знает некоторую терминологическую базу, необходимую для владения промыслами, а также использует разговорный язык с ограниченным лексиконом. Назначение словаря в этой ситуации не только сохранить то, что еще осталось в памяти носителей исчезающего языка и культуры, но и ревитализировать эти знания. В современной лексикографии, с нашей точки зрения, необходим учет нескольких факторов при создании словаря: для кого создается словарь (антропоцентрический аспект), каковы цели использования такого словаря (прагматический аспект) и какие навыки нужны пользователю словаря для его использования (когнитивный аспект). Эти факторы, выделяемые для лексикографии любого языка, имеют свою специфику, когда речь идет об исчезающих языках. Мы считаем, что для исчезающих языков наиболее актуальным в связи с этим является такой тип словарей, как учебный и лингвокультурологический (словарь активного типа).

Материалы и методы исследования

Материалом исследования явились словари автора, созданные в Лаборатории саамского языка при Мурманском арктическом государственном университете [Иванищева, 2013; 2014; 2016].

Методы исследования, применяемые в настоящей работе, — описательный и дефиниционный анализ.

Результаты исследования

Опыт создания четырех словарей кильдинского саамского языка позволяет нам сделать некоторые теоретические обобщения.

Словари лексики духовной и материальной культуры [Иванищева, 2013, 2016] реализуют главную задачу наших исследований — фиксацию актуального состояния саамского языка в языковом сообществе. Словарь при этом выполняет очень важную функцию — сохранение компонентов традиционного мировоззрения, которое включает в себе главные жизненные смыслы северного этноса. Образ жизни коренных малочисленных народов определяется в основном тремя факто-

рами: природными условиями, типом расселения и типом хозяйства, два последних при этом определяют тип культуры. Эти знания отражают более архаичное, фундаментальное отношение человека к миру с точки зрения смысла, утилитарные ценности народной культуры.

По своей сути наши словари являются переводными (двуязычными) словарями, т.е. содержат исходное слово на саамском языке и словарную статью с переводным эквивалентом чаще всего в виде описания. Кроме лексики саамского языка, эквиваленты, комментарии и пояснения в словаре даются на русском языке. Но основное внимание уделено в словарях не грамматическим признакам слова, а культурологическому комментарию, который отражает фоновые знания носителя языка. См. примеры из словарей лексики саамского языка: *вуэннч куск кыппта* – кусок вареного мяса. Подобно древним лопаркам, саами в XIX в. приучали детей к оленьему мясу. Для этого оленьё мясо прикладывалось к губам, чтобы дети могли высосать сок. Приучение это могло начинаться иногда через полгода после рождения ребёнка, иногда позже. Детям также давали лучшие куски обычной пищи взрослых: мозг из ножных костей оленя, рыбные потроха и т.п. Детей с младенчества начинали приучать к мясу. Так, уже грудному ребёнку давали пососать кусочек варёной оленины [Иванищева, 2013: 63]; *нюввт* – национальное кушанье из отварной рыбы и морошки. Свежеотварные сиги чуть солят, отбирают от костей, смешивают со зрелой морошкой, поливают рыбьим жиром – и салат готов. Каша из рыбы с морошкой (луэм неут) [Иванищева, 2016: 203].

Как видно из примеров, дефиниции наших словарей представляют собой типичный вариант двуязычного слова с культурологическим комментарием к переводному эквиваленту. Основное назначение словарей видится нами в сохранении уникальных факторов культуры и языка как части культуры коренного малочисленного народа. Поэтому исходным пунктом в словаре было понятие (концепт), а не слово. Наши словари лексики кильдинско-саамского языка построены по тематическому принципу. Так, в «Словаре лексики духовной культуры кольских саами» [Иванищева, 2013] представлены следующие группы такой лексики: «Верования», «Обряды жизненного цикла», «Народное искусство», «Праздники». В «Словаре лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов» [Иванищева, 2016] лексика организована по тематическому принципу в 6 тематических разделах: «Оленеводство», «Рыболовство», «Охота», «Собирательство», «Овцеводство», «Анатомия и физиология животных». Тематические разделы включают подразделы, рубрики и подрубрики. Например, в тематическую группу лексики оленеводства входят следующие тематические подгруппы: «Домашний олень», «Оленеводы и оленеводческие объединения», «Снаряжение оленевода», «Различительные знаки оленей», «Оленегонная собака», «Места и сооружения для выпаса, содержания, подсчета и выбраковки оленей», «Действия, связанные с содержанием и выпасом домашних оленей», «Упряжно-нартенное оленеводство», «Вьючное оленеводство», «Забой оленей», «Выделка оленьих шкур». Тематический подраздел «Домашний олень» включает такие рубрики, как «Самец домашнего оленя», «Самка домашнего оленя», «Теленок домашнего оленя», «Домашний олень по роли в стаде», «Домашний олень по хозяйственному применению», «Домашний олень по месту в упряжке», «Домашний олень по наличию (отсутствию) рогов» и др. Рубрика «Теленок домашнего оленя» включает такие подрубрики, как «Теленок домашнего оленя с рождения до 3 месяцев», «Теленок домашнего оленя от 3 месяцев до полугода», «Теленок домашнего оленя от полугода до полутора лет».

Наша практика составления словарей лексики кильдинско-саамского языка показывает несостоятельность позиции строгого разграничения словарей лингвистических и энциклопедических, а также вызывает необходимость коренным образом пересмотреть принципы составления словарной статьи лингвистического словаря.

Как показал наш опыт, словари лексики умирающего языка имеют свою специфику, которая заключается в его пользователе, словнике и дефиниции.

Для какого пользователя создается словарь лексики умирающего языка? Если словарь лексики саамского языка двуязычный, то его пользователь должен владеть хотя бы одним из языков — русским или кольско-саамским. Но пользователь такого словаря, носитель саамской культуры, в большинстве случаев не владеет саамским языком. Носителей кольско-саамских языков чрезвычайно мало. Абсолютное большинство саамов своим этническим языком не владеют.

В содержании дефиниции таких словарей коренного малочисленного народа, как наши, отражен обыденный уровень познания. Основой обыденного познания является непосредственный личный опыт каждого, поэтому это познание носит более субъективный по сравнению с научным познанием, более индивидуализированный характер. Но в таком подходе есть и преимущества — это богатство решений и широта поиска. В словаре лексики саамского языка как раз и отражен такой опыт: в ситуации отсутствия живой разговорной среды, условий для использования языка в личной и общественной жизни, преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей

языка от среды обитания языка – материальной и духовной культуры естественно обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своем личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировал только такое знание.

Под принципами лексикографирования в словарях лексики духовной и материальной культуры кольских саамов понимаются принципы отбора слов и принципы построения словарной статьи.

Принципы отбора слов. Для словарей разных типов отбор слов осуществляется на разных основаниях и подчас является очень сложной задачей. Каждый составитель словаря сталкивается с вопросом об объективных критериях такого отбора. Критерии отбора слов в словари различных типов определяются потребностями пользователя. Назначение словарей лексики кольских саамов — знакомство с культурой саамского этноса через описание значений лексических единиц кильдинского диалекта саамского языка. Следовательно, отбор слов в словник такого словаря будет производиться по принципам специфичности и тематической принадлежности.

Принцип тематической принадлежности означает, что в группу будут включены слова, которые имеют в лексическом значении семантический компонент данной тематической направленности. Например, *почень* – пояс особого устройства и формы, использовали при волхованиях, лечении больных. Компонент «*использовали при волхованиях, лечении больных*» обнаруживает тематическую связь с группой слов «Лексика верований», так же как и компонент «*важнейшее орудие охотничьей магии*» в следующем примере: *чуэрвь-гарты* – рога диких оленей, важнейшее орудие охотничьей магии в период, предшествовавший приручению дикого оленя [Иванищева, 2014: 75]. Компонент «*для управления оленьей упряжкой*» позволяет отнести слово *харя* – хорей (шест длиной около трех метров, диаметром 3–4 см для управления оленьей упряжкой) группе «Лексика упряжно-нартенного оленеводства» [Иванищева, 2016: 100-101], а компонент «*шкура с ноги оленя*» обуславливает принадлежность слова *коаммас* – койба (шкура с ноги оленя) к группе «Лексика выделки шкур» [Иванищева, 2016: 117]. Слово *воадк* – нырило (приспособление для подледного лова рыбы: длинная узкая доска с заостренным концом и отверстием на другом конце для продевания веревки сети; доску проталкивают от проруби к проруби и протягивают сеть) относится к группе «Лексика подледного рыболовства» за счет наличия в его лексическом значении компонента «*приспособление для подледного лова*» [Иванищева, 2016: 152].

Принцип специфичности означает, что в словник данных словарей необходимо включить слова, которые характерны только для данного этноса. Например, подобную специфичность в нашем материале имеют слова религиозного содержания (дохристианских верований). Так, у саамов существовало поклонение *сейдам*. *Сейды* – священные камни, в которых, по саамским поверьям, обитал дух [Иванищева, 2014: 65-68]. Лексика оленеводства также является специфичной для саамской культуры. К характерным чертам саамского оленеводства относится, к примеру, применение однополозных лодкообразных саней с одним упряжным оленем, называемых *кёресь* [Иванищева, 2016: 101-103] и вьючного седла из дерева – *вågк* [Иванищева, 2016: 112-114]. Однако специфичность реалии не всегда обозначает ее уникальность для данной культуры. Нам показалось разумным ввести в словник «Словаря духовной культуры кольских саами» [Иванищева, 2014] слова группы «Лексика христианских верований» [Иванищева, 2016: 78-90], хотя кольские саами восприняли христианство, это не их исконная религия, а значит, говорить о специфической религиозной христианской лексике саами затруднительно. Тем не менее это часть духовной культуры коренного народа Севера, своеобразной арктической культуры, поэтому любой ее элемент по определению должен содержать компонент уникальности, в том числе и лингвистический.

Принципы построения словарной статьи. Включение культурной информации в корпус словарей лексики кильдинско-саамского языка предполагает не только отбор лексики в его словник, но и особое ее представление в словарной статье в виде культурологического комментария к переводному эквиваленту. Содержание комментария определяется несколькими факторами, в том числе типом лексики, назначением словаря, а для двуязычного словаря еще и разницей культур. Так, в «Словаре лексики духовной культуры кольских саами» [5] представлены слова духовной культуры, поэтому комментарий содержит прежде всего описание традиций, обрядов и ритуалов.

Исходя из вышеизложенного, тип словарей лексики духовной и материальной культуры кольских саамов [Иванищева, 2014: 7] можно назвать смешанным — *лингвокультурологическим*. С одной стороны, словари описывают чужую для русскоязычного пользователя культуру, но чаще всего представляют сведения, которые незнакомы даже носителю саамской культуры. С другой стороны, словари предназначены, в том числе, для саамского пользователя, который не владеет языком своего этноса.

Другой словарь – «Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка» [Иванищева, 2015] – представляет следующую схему описания животного: *I блок (биологическая информация)*: 1) описание животного (частей тела); 2) среда обитания, питание; 3) рождение детенышей; 4) виды животного (цвет); *II блок (значение для человека)*: 5) предмет охоты, ловли/домашнее животное; 6) значение для человека (что человек получает от этого животного); 7) условия выращивания животного; *III блок (фольклор)*: 8) образы животного в сказках, мифах, гаданиях, верованиях, шаманстве, литературе; 9) метафорический облик (поговорки, поговорки, эпитеты, метафоры); 10) прозвища (сравнения с человеком); 11) клички. В данной схеме определены концептуальные границы двух полей: Вселенная и Человек – биологические характеристики животного и его значение в жизни и деятельности человека. Третий блок (фольклор) мыслится нами как отображение дологического представления.

Словарь «Материалы к словарю кильдинского саамского языка. Часть 1: Рыбы. Вода. Рельеф» [Иванищева, 2016] по своему характеру является ономазиологическим, построенным на сравнении именовании определенного корпуса понятий в кильдинском саамском языке. Словарь базируется на понятийно-тематическом принципе, когда на данное понятие приводятся в определенной тематической группе (в данном случае «Рыбы», «Вода», «Рельеф») все лексеммы, выявленные при анализе языкового материала из разных источников. Приведение внутри одной общей статьи на одно ключевое слово-понятие лексем не всегда означает, что они признаются нами как полные синонимы. Наличие разных лексем зависит, по нашему мнению, от говора кильдинского саамского языка или от семантических оттенков, которые являются дифференциальными и могут быть обозначены отличной от других лексеммой.

Заключение

Словари коренных малочисленных народов представляют собой уникальное образование, если речь идет об умирающих языках. Обобщая опыт создания словарей кильдинских саамов, можно утверждать, что в подобных словарях грань между лингвистическим и энциклопедическим словарем стирается, как в корне меняется и функция словаря. На первый план выступает его гносеологическая функция, что обусловлено спецификой пользователя такого словаря. Пользователь, носитель саамской культуры, не владеет саамским языком. Такое положение выходит за рамки соотношения, принятого в традиционной лексикографии: пользователь словаря должен быть носителем или не-носителем языка. Специфично в словарях лексики саамского языка и его наполнение: словник и содержание дефиниции. Словник отражает языковую картину мира коренного малочисленного народа, представляющую образ жизни народа и облик его культуры. Содержание дефиниции такого словаря представляет собой слепок фоновых знаний носителей саамского языка и культуры. При этом ведущей является ориентация на кумулятивную функцию языка, которая обеспечивает накопление и сохранение вербализованного опыта духовной и материальной жизни народа, а естественным обращением к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний. Дефиниция при этом представляет собой обширный культурологический комментарий, отвечающий уровню обыденного познания коренным малочисленным народом окружающего мира. Таким образом, словари кильдинских саамов не вписываются в строгие рамки традиционных классификаций словарей: разграничение лингвистически / энциклопедические размывается, когда речь идет об умирающих языках.

Литература

1. Антонова А.А. Саамско-русский словарь. – Мурманск: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2014. – 376 с.
2. Афанасьева Н.Е., Куруч Р.Д., Мечкина Е.И., Антонова А.А., Яковлев Л.Д., Глухов Б.А. Саамско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985. – 568 с.
3. Всероссийская перепись населения. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения, 2010. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/> (дата обращения: 10.10.2014).
4. Иванищева О.Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка. Часть 1: Рыбы. Вода. Рельеф. – Мурманск: МАГУ, 2016. – 51 с.
5. Иванищева О.Н., Бакула В.Б. Словарь лексики духовной культуры кольских саами. – Мурманск: МГГУ, 2013. – 222 с.

6. Иванищева О.Н., Митина Ю.С. Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка. – Мурманск: МГГУ, 2015. – 108 с.
7. Иванищева О.Н., Эрштадт А.М. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка). – Мурманск: МГГУ, 2014. – 249 с.
8. Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. – 247 с.

References

1. Antonova, Aleksandra Andreevna. *Saami–Russian Dictionary*. Murmansk: Lema. 2014. 376 p.
2. Afanas'eva, Nina Eliseevna; Kuruch, Rimma Dmitrievna; Mechkina, Ekaterina Ivanovna; Antonova, Aleksandra Andreevna; Jakovlev, Lazar' Dmitrievich; Gluhov Boris Aleksandrovich. *Saami-Russian Dictionary*. Moscow: Russkij Jazyk, 1985. 568 p.
3. *Russian Population Census. Final Data of the Russian Population Census. 2010* Available from: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/> (Accessed: 10.10.2014).
4. Ivanishheva, Ol'ga Nikolaevna. *Materials to the Dictionary of the Kildin Kola Saami language. Part 1: The Fish. Water. Relief*. Murmansk: MAGU. 2016. 51 p.
5. Ivanishheva, Ol'ga Nikolaevna; Bakula, Viktorija Borisovna. *Dictionary of Kola Sami Spiritual Culture Lexis*. Murmansk: MGGU, 2013. 222 p.
6. Ivanishheva, Ol'ga Nikolaevna; Mitina, Julija Sergeevna. *Zoonimikon of the Kildin Kola Saami language*. Murmansk: MGGU, 2015. 108 p.
7. Ivanishheva, Ol'ga Nikolaevna; Jershtadt, Aleksandra Mihajlovna. *Dictionary of Kola Saami Traditional Trades and Husbandry Lexis (A Case Study of Kildin Saami)*. Murmansk: MGGU, 2014. 249 p.
8. Kert, Georgij Martynovich. *Saami–Russian and Russian–Saami Dictionary*. Leningrad: Prosveshchenije, 1986. 247 p.

УДК 81'1

АНАЛИЗ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПОСТРОЕНИЯ ТЕЗАУРУСА

Ивашененко Анастасия Николаевна
студенка факультета иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
klimovaanastas@mail.ru

Трещёва Наталья Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
trescheva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье на примере аббревиаций в сфере компьютерных технологий выявляются их функциональные характеристики. Представлены данные словарей, определяющие семантические особенности выделенного корпуса лексики.

Ключевые слова: аббревиация, терминосистема, акроним, значение, телескопия.

ANALYSIS OF COMPUTER TERMS IN FRENCH LANGUAGE AS ONE OF THE METHODS FOR CONSTRUCTING THE THESAURUS

Ivashenenko Anastasia
Student of the Faculty of Foreign Languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
klimovaanastas@mail.ru

Tresheva Natalia
Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
trescheva@bsu.edu.ru

Abstract

The article on the example of abbreviation of computer technologies revealed their functional characteristics. Presents data dictionaries that define the semantic features of a dedicated vocabulary.

Key words: abbreviation, terminological, acronym, value, telescope.

При построении тезаурусной модели предметной области невозможно обойтись без анализа исследуемых терминов, так как это помогает сформировать единую терминосистему. На всех этапах развития терминоведения многие исследователи занимались изучением проблем, касающихся источников пополнения терминосисем. Данному вопросу посвятили свои работы такие исследователи как В. Г. Гак, Д. С. Лотте, А. В. Суперанская и многие другие. Наиболее важная проблема исследований – это анализ классификаций различных видов терминообразования (В. П. Даниленко, А. А. Реформатский, Г. Рондо).

Часто выделяются такие терминообразовательные процессы, как транстерминологизация, терминологическая деривация, заимствование терминов из другого языка. Аббревиация, как способ образования терминов приобретает особое значение в современном языке науки, являясь при этом искусственным способом словообразования, при котором происходит соединение начальных элементов слов.

В терминообразовании аббревиация занимает прочное положение и имеет неограниченную продуктивность. Аббревиация, как правило, занимает самый нижний ярус в иерархическом описании способов терминообразования, но распространенность (и значимость) ее в специальных языках весьма велика [8].

Появившись в недрах специальных сфер употребления, аббревиация продолжает свое существование в этих же специальных сферах. Именно это обстоятельство способствует появлению определенной отраслевой специализации в использовании этого способа создания наименований [3].

Одной из разновидностей аббревиатур являются акронимные варианты, образованные сложением начальных букв или звуков термина (инициальная буквенная или звуковая аббревиация).

Согласно Э. Вюстсру, акронимы представляют собой любые инициальные сокращения, как "элементные" (звуко-буквенные), так и "сегментные" (сложносокращенные), т.е. релевантным признаком для выделения акронимов в отдельный класс оказывается признак "инициальность". В то же время, у другого автора, относящегося к той же терминологической школе, релевантным признаком для выделения акронимов оказывается "сегментность": Х. Фельбер противопоставляет акронимам инициальные сокращения, понимая под последними только звуко-буквенные сокращения [8].

Следует отметить, что некоторые авторы четко разграничивают понятия «сокращение», «аббревиатура», «акроним» а некоторые говорят о схожести данных понятий. В. В. Борисов отмечает, что сокращением является «единица устной или письменной речи, созданная из отдельных (не всех) элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи. При образовании сокращения могут использоваться отдельные звуки (буквы), группы звуков («обломки морфем») и цельнооформленные компоненты в различных комбинациях». В то время как понятие «аббревиатура» сопоставляется с понятиями «акроним». Аббревиатура – «буква или короткое сочетание букв, имеющие алфавитное сходство с исходным словом или выражением и используемые вместо этого слова или выражения для краткости. В исключительных случаях в них могут включаться римские или арабские цифры» [2].

В.И. Заботкина, проведя анализ таких понятий как «аббревиатура» и «акроним», устанавливает различие между данными понятиями. Она указывает на их некоторую схожесть с единственной разницей, что, как правило, аббревиатура произносится по буквам (РС – personal computer, а акроним – как самостоятельное слово [4].

Следует отметить, что аббревиация – это очень эффективное средство уменьшения и упрощения длинных терминологических словосочетаний, именно поэтому в настоящее время данный вид терминообразования становится все более распространенным.

Аббревиация, как синхронный процесс является предметом значительного количества работ, в том числе посвященных терминам. Особую роль аббревиаций, как способ словообразования в терминосистемах отмечают многие исследователи.

Настоящее развитие этот способ терминообразования получил только в XX веке, хотя отдельные технические аббревиатуры встречались и в прошлом веке, а первые общие аббревиатуры употреблялись и раньше, в древнерусском языке. Определенно в настоящее время, это вызвано увеличением терминологических словосочетаний, большим распространением терминологической лексики, состоящей из трех и более слов.

Опираясь на признак "сегментности нередуцированной единицы", немецкий лингвист В. Фляйшер говорит об односегментных и многосегментных усечениях слова. Исследователь отмечает, что односегментные усеченные слова состоят из одного связанного одно- или двухсложного сегмента нередуцированной единицы; этот сегмент может быть ее началом или концом, иначе говоря, финальным или инициальным сегментом [7].

Рассматривая сокращения русского языка, прямо не относящиеся к аббревиатурам: зав, зам, пред, спец, некоторые исследователи указывают на то что данные сокращения – это образования «на базе аббревиаций». Зачастую такие слова просто именуется "усечениями" [5] или "аббревиатурными усечениями".

«Многосегментные усеченные слова», или так называемые аббревиатуры по русской терминологии, — в зависимости от того, что берется в качестве составных частей (один элемент или некоторый сегмент) разделяют на инициальные сокращения, или аббревиатуры «инициального типа» т.е. «сложносокращенные слова».

Это деление представляется универсальным и проводится практически всеми [7], где первые названы собственно аббревиатурами, а вторые – слоговыми словами).

Говоря об аббревиации, следует затронуть тему телескопных конструкций. Телескопия – один из своеобразных способов словообразования. Телескопические слова образуются при помощи «вдвигания» одного слова в другое, в результате чего от первого слова остается его начало, а от последнего – его конец. Телескопические слова создаются во многих терминологических сферах, не исключение и область информационных технологий.

Существуют разные точки зрения о положении телескопии среди способов словообразования, некоторые исследователи отождествляют его со словосложением, порой с аббревиацией, иногда считают, что место телескопии – промежуточное, между словосложением и аббревиацией. Данное расхождение говорит о том, что телескопия – молодой способ словообразования, появившийся в XX веке.

Телескопные образования часто встречаются в сфере информационных технологий. Например, слово *агранет* (компьютерная сеть, созданная Агентством Министерства обороны США), образованное от *ARPA* (впоследствии термин превратился в *DARPA* (от английского *Defense Advanced Research Projects Agency* — Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США) и *Internet*.

Неологизм, построенный по принципу телескопии – *émôticone* (система сокращений, значков, изображающая эмоцию) образован от *émotion* и *icône*. *Infobésité* – неологизм квебекского происхождения, означающий информационную перегрузку. Термин образован от *information* и *obésité* (тучность, полнота). *Internaute* (пользователь интернета), образован от *Internet* и суффикса греческого происхождения *naute* (от греч. *nautês* - мореплаватель). *Modem* (устройство, применяющееся в системах связи для физического сопряжения информационного сигнала со средой его распространения) составлен из слов *modulateur* и *démodulateur*.

Одним из положительных качеств аббревиатур является их высокая запоминаемость, при отсутствии опасности смешения с аналогичными по форме словами приводят к тому, что они распространяются все больше и больше во многих лексических классах, в том числе в сфере терминов (в русском, французском, английском, польском

и других языках). Следует отметить, что от аббревиации необходимо отличать усечение однословных лексических единиц. В настоящее время достаточно широкое распространение получили одно- и двусложные усечения, например, употребление слова авто, вместо автомобиль, кино – вместо кинотеатр, кинофильм и т.д. [5].

Так как английский язык принял международный характер, то именно с его помощью появляется современное наименование тех или иных явлений. Данные наименования впоследствии становятся общепринятыми и проникают в лексику многих языков. Важным является то, что во французской терминологической системе информационных технологий подавляющее большинство аббревиаций заимствованы из английского языка. Например «RFID» (Radio Frequency Identification Devices) -способ автоматической идентификации объектов, в котором посредством радиосигналов считываются или записываются данные, хранящиеся в так называемых транспондерах, или RFID-метках. «ENISA» (European Network and Information Security Agency) – это Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности, выступающее в роли консультанта и центра передовых технологии в сфере сетевой и информационной безопасности для стран-членов и институтов Евросоюза.

ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) – Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами, JPEG (Photographic Experts Group) – популярный растровый графический формат. Wi-Fi происходит от английского словосочетания Wireless Fidelity, которое можно дословно перевести как «беспроводная точность» или «беспроводное качество». Вай-фай – это современный стандарт обмена данными между устройствами, оснащенными специальными радиомодулями. GPS (от английского Global Positioning System - система глобального позиционирования)— спутниковая система навигации. DNS (от английского Domain Name System) — компьютерная распределённая система для получения информации о доменах. DRM (от английского digital restrictions (rights) management), технические средства защиты авторских прав. DRM -это набор систем контроля и управления доступом. HTML (от английского HyperText Markup Language – стандартизированный язык разметки документов в Интернете).

Во Франции проходит процесс адаптации иноязычных терминов к собственному языку. Но зачастую это оказывается достаточно сложным, так как английское словосочетание, переведенное на соответствующее словосочетание французского языка, получается слишком длинным, нелакничным.

Проведя анализ английских заимствованных словосочетаний и их аналогичные значения во французском языке, мы выяснили, что гораздо целесообразней ввести в терминологическую систему языка именно английские сокращения. Примером этому может послужить следующие аббревиации: MMS (англ. Multimedia Messaging Service) – un service de mesagerie multimédia (система передачи мультимедийных сообщений), IRC (англ. Internet Relay Chat) – discussion relayée par Internet (протокол для обмена сообщениями в режиме реального времени), BBS (англ. Bulletin Board System – service destiné à mettre en relation des utilisateurs d'Internet pour partager des données (электронная доска объявлений). CBDS (Connectionless Broadband Data Service) – service de données à large bande sans connexion.

Следует отметить, что аббревиатуры на французском языке также получили широкое распространение FAQ – Foire aux Questions (раздел на сайте Интернета, содержащий часто задаваемые вопросы по какой-либо теме и ответы на них), CNIL – La Commission Nationale Informatique et Libertés (Национальная комиссия по защите персональных данных и свободы личности), FAI – Fournisseurs d'accès (провайдер). FDI - Le forum des droits sur l'Internet (место обсуждения аспектов общественной политики в сфере развития информационного общества).

Недостаточность традиционных лексических средств обозначения и необходимость упрощения написания терминов приводит к тому, что в образовании терминов

участвуют другие типы знаков, например, цифры: P2P (peer to peer) - компьютерная сеть, которая основана на равноправии участников, 2GIS - Геоинформационная система и городской информационный справочник. MP3 (от англ. MPEG-1/2/2.5 Layer 3) – лицензируемый формат файла для хранения аудиоинформации.

Таким образом, аббревиатуры являются продуктивным способом терминообразования и богатым источником пополнения терминосистем различных научных сфер.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: «Советская энциклопедия», 1966.
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., Воениздат, 1972. – 320 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. * Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
4. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977
5. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая шк., 1989. – 126 с.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. - 256 с.
7. Лотте Д.С., Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982.
8. Степанова М.Д., Фляйшер Ф. Теоретические основы словообразования в немецком языке. - М.: Высшая школа, 1984. - 264 с.
9. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. — М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.

References

1. 10. Ahmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. – М.: "Soviet encyclopedia", 1966.
2. Borisov V.V. Abbreviations and acronymy. Military and scientific and technical abbreviations in foreign languages. М, Voensizdat, 1972. 320 p.
3. Grinev-Grinevich S.V. terminology textbook. a manual for students. ouch. proc. institutions / S. V. Grinev-Grinevich. – М. Publishing center "Akademiya", 2008. 304 p.
4. Danilenko V.P. Russian terminology. Experience of linguistic description. – М.: Nauka, 1977
5. Zabotkina V.I. New vocabulary of modern English language: Textbook. guide for in-tov and facts. foreign. yaz. – М.: Vysshaya SHK., 1989. – 126 p.
6. Leichik, V.M. terminology: subject, methods, structure. Ed. 3-E. – М.: Publishing house LKI, 2007. 256 p.
7. Lotte D.S., Questions borrowing and arranging language and terminologists. – М.: Nauka, 1982.
8. Stepanova M.D., Fleischer F. Theoretical bases of word formation in German language. - М.: Higher school, 1984. – 264 p.
9. Superanskaya A.V. General terminology: theory / Ed. 6. — М: Book house "LIBROKOM", 2012. 248 p.

УДК 372.881.111.1

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Литовкина Ирина Викторовна

учитель английского языка

МБОУ «Гимназия №22» Белгород, Россия

litov-irina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена использованию электронных мультимедийных словарей на уроках английского языка. Эти словари обеспечивают надежную основу для работы с аутентичными материалами. Включение электронного словаря в структуру урока имеет ряд преимуществ. Прежде всего, они помогают развивать у студентов навыки чтения, письма, аудирования и говорения. Они повышают мотивацию к изучению языка.

Ключевые слова: электронные мультимедийные словари, аутентичные материалы, мотивация, языковые навыки.

MULTIMEDIA ELECTRONIC DICTIONARIES AS A MEANS OF ACTIVATING THE CREATIVE POTENTIAL OF STUDENTS IN ENGLISH CLASSES

Litovkina Irina

English teacher

School 22 Belgorod, Russia

litov-irina@yandex.ru

Abstract

The article deals with the use of electronic multimedia dictionaries in English classes. These dictionaries provide a reliable basis for the work with authentic materials. First of all the inclusion of the electronic dictionary in the structure of the lesson has a number of advantages. They help to develop students' skills in reading, writing, listening and speaking. They increase the motivation in language studying.

Keywords: electronic multimedia dictionaries, authentic materials, motivation, language skills.

Использование электронных мультимедийных словарей позволяет с самого начала знакомить учащихся с реальным языком. Без сомнения, преимущество электронных словарей заключается в том, что объемы размещенной в них информации значительно превышают объемы любых печатных изданий. Работа с таким словарём создаёт надёжную основу для работы с аутентичными материалами. Включение электронного словаря в структуру урока имеет ряд преимуществ. Прежде всего, при использовании мультимедийного словаря формируется прямая связь образ – слово или значение – слово, что позволяет не ориентироваться на русский язык, а помогает учащимся в развитии языковой догадки и в усвоении семантических и синтаксических связей слова, у ребят повышается мотивация к изучению языка. Электронный словарь предлагает большое количество примеров из аутентичных текстов, лексико-грамматические упражнения, мультимедийные элементы, дополнительные справочные материалы (энциклопедия, тематические глоссарии). Кроме этого, словарь даёт возможность создания производных продуктов (составление слов, предложений и собственных упражнений). Электронные словари являются богатым источником информации для учащихся. Они помогают лучше понять значение новых слов, их лексико-грамматические особенности, а также помогают расширить словарный запас учащихся. Ребята также имеют возможность общения с носителями языка. Все это помогает ученикам в развитии языковой догадки.

Существует три основных вида мультимедийных электронных словарей, которые можно эффективно использовать на уроке:

1. Стандартные монолингвистические словари.
2. Учебные монолингвистические словари.
3. Билингвистические словари.

Среди этих словарей следует особенно отметить учебные монолингвальные словари, в состав которых входят: словарь трудностей словоупотребления; словарь синонимов; фразеологический словарь; словарь персоналий; словарь культурной терминологии; лингвострановедческий словарь и др. Для учащихся среднего звена очень эффективно использование словаря уровня Macmillan Essential Dictionary с диском CD-ROM. Он содержит не только полный текст словаря, но и фонетические упражнения, что даёт возможность прослушивать британский и американский вариант произношения и записывать своё собственное произношение, и сравнивать его с образцом. Можно также проверить правильность написания слова с помощью уникального поиска по звуку *sound search*. С помощью доступа к заданиям и тестам в Интернете через диск можно пополнить свой словарный запас в игровой форме. Эта электронная версия разработана с учётом современных технологий, что облегчает пользование словарём.

Для старшеклассников можно предложить словарь Macmillan English Dictionary с CD-ROM (Advanced). В данном словаре присутствует особая система меток, которая помогает в быстром поиске словарных структур. Без сомнения, значимой частью словаря являются информация об употреблении фразовых глаголах, структуре и написании личного письма и эссе, сокращениях, словообразовании, об особенностях разговорного языка, делового английского. Работу со словарем можно включать во многие виды классной работы: введение новой тематической лексики, ее отработка в речевых упражнениях, повторение или расширение словарного запаса, письменные задания или работа с текстом на различных этапах обучения. Электронный словарь LINGVO 6.5 является одним из востребованных словарей при обучении английскому языку, который содержит в себе грамматические комментарии на любое слово, а также озвучивание слов. Он содержит

более одного миллиона словарных статей, восемнадцать общих и специальных словарей, самую современную лексику и т. д. Этот словарь незаменим еще и потому, что сокращает время поиска слова в 5-10 раз.

Электронный словарь можно использовать и в начале урока, как средство для введения и повторения лексико-грамматического материала (*warm-up*), можно использовать его для ведения индивидуальных словариков (*Vocabulary Books*). Учащиеся выписывают в них новые слова из урока (для активного запоминания) и по каждому слову вносят дефиницию, грамматическую информацию (*countable, irregular, plural etc.*), сочетаемость слова с предлогами и другими частями речи. Индивидуальные словарики (*Vocabulary Books*) помогают ребятам увидеть и понять многообразие и многозначность английских слов. Ребята также с интересом работают с мультимедийными словарями британского издательства Longman. Словари данного издательства содержат современную лексику. На каждой странице словаря есть полезная информация по грамматике или особенностях употребления тех или иных слов. В словаре выделены слова, которые чаще всего употребляются в английском языке. Они также снабжены большим количеством картинок, схем, инфографики, ментальных карт, а так же CD дисками с речью носителей языка.

Применение компьютерных версий мультимедийных словарей особенно удобно при изучении английского языка на профильном уровне. При изучении английского языка на профильном уровне применяются английские толкования лексических единиц, и именно электронный словарь дает такую возможность. Уникальность электронных словарей заключается в объяснении грамматических явлений как традиционно, так и при помощи аутентичных диалогов. При введении и закреплении лексико-грамматического материала учитель имеет возможность использования анимированных видеороликов, а это создает прочную основу для закрепления грамматических структур и тематических лексических единиц. Электронные словари обладают возможностью приводить пример употребления слова в разных его значениях. Это помогает учащимся заучивать лексику более основательно, опираясь на примеры из устной речи или художественных произведений и крылатых фраз.

Огромным плюсом обучающих электронных словарей является возможность использования аудиовизуальных средств обучения (иллюстраций, видеороликов, аудиофрагментов), имитация произношения английских слов, словосочетаний, предложений; корректировка произношения и интонации обучающегося на основе визуализации его произносительных особенностей; тренировка правильного произношения изучаемых лексических единиц и высказываний в режиме автоматизированного распознавания речи; запись чтения текста синхронного с голосом диктора, с последующей оценкой обучающимся произносительного и интонационного соответствия оригиналу особенностей его устной речи; поиск транскрипции и прослушивание произношения изучаемых лексических единиц. В процессе работы с электронным словарем ученик получают полную информацию и оценку своих знаний и умений по определенной теме. Также он может проверить по эталону результат своей деятельности.

Таким образом, использование мультимедийного электронного словаря на уроке позволяет не только повысить эффективность обучения, но и стимулировать учащихся к дальнейшему самостоятельному изучению английского языка. Правильно организованная работа учащихся с электронным словарем способствует росту их познавательного и коммуникативного интереса, что в свою очередь содействует активизации и расширению возможностей самостоятельной работы учащихся, как на уроке, так и во внеурочное время, делая процесс обучения увлекательным и творческим, создавая ситуацию успеха для каждого ребенка.

Литература

1. Полат Е.С. Интернет на уроках иностранного языка // ИЯШ, 2001. №2 – С.26-28.
2. Донцов Д. Английский на компьютере. Изучаем, переводим, говорим. – Санкт-Петербург, 2007. – 87 с.

References

1. Polat E. S. the Internet for foreign language lessons // ES, 2001. No. 2 – P. 26-28.
2. D. Dontsov English on the computer. Study, translate and speak. – Saint Petersburg, 2007. – 87 p.

УДК 81'373.49

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В УЧЕБНЫХ ПЛАНАХ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ШКОЛ

Мельникова Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
awdejewa@mail.ru

Балабаева Юлия Евгеньевна

ассистент кафедры немецкого и французского язы-
ков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
balabaeva@bsu.edu.ru

Аннотация

Изменения, происходящие в политической и социально-экономической сферах жизни современной России, влияют на языковую политику страны. С каждым годом все большее внимание уделяется изучению иностранных языков. Английский язык занимает первое место среди изучаемых иностранных языков, являясь универсальным языком международного общения. Статья раскрывает перспективы изучения немецкого языка в школах и вузах России и Германии.

Ключевые слова: Болонский процесс, иностранный язык, немецкий язык, Гете-институт, Немецкая служба академических обменов

GERMAN LANGUAGE IN THE EDUCATIONAL PLANS OF RUSSIAN AND GERMAN SCHOOLS

Melnikova Yuliya

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
awdejewa@mail.ru

Balabaeva Yuliya

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
balabaeva@bsu.edu.ru

Abstract

Changes in the political and socio-economic spheres of life in modern Russia affect the language policy of the country. Every year more attention is paid to the study of foreign languages. English takes the first place among students of foreign languages, being the universal language of international communication. The article reveals the prospects for studying the German language in schools and universities in Russia and Germany.

Keywords: Bologna process, foreign language, German, Goethe-Institute, German Academic Exchange Service

Изменения, происходящие в политической и социально-экономической сферах жизни современной России, вхождение России в Болонский процесс и расширение международного сотрудничества влияют на языковую политику страны. С каждым годом все большее внимание уделяется изучению иностранных языков, как основы будущего успешного трудоустройства. Все больше родителей хотят, чтобы их дети начали изучать иностранный язык как можно раньше, уже в детском саду.

Английский язык занимает первое место по популярности среди изучаемых иностранных языков, являясь универсальным языком международного общения. Но в современных условиях знания одного иностранного языка недостаточно. Все чаще при приеме на работу знание второго иностранного языка является весомым преимуществом.

В связи с этим в общеобразовательных российских школах был введен второй иностранный язык. Решение о введении второго иностранного языка было принято еще в 2010 г. с выходом нового государственного стандарта. Руководство Минобрнауки мотивирует принятие этого решения тем, что изучение иностранных языков играет важную роль в развитии памяти и интеллекта школьников. Новый образовательный стандарт предполагает, что изучение второго иностранного языка должно начинаться с 5-го класса.

А вот в гимназиях и школах с углубленным изучением иностранных языков второй (и даже третий) иностранный язык нововведением не является и уже давно успешно преподаётся. Тем не менее, многие российские школы оказались не готовы к введению ново-

го предмета, поэтому Министерство дало время на адаптацию к новому стандарту, предоставив время для поиска специалистов, разработки учебно-методических материалов, а также дав право на самостоятельное определение года обучения, в котором будет введена новая дисциплина, и количества часов, выделяемых на нее. Важным условием является то, что общая нагрузка, определяемая стандартом, должна оставаться неизменной.

На данный момент существуют некоторые *проблемы* с введением и обучением второму иностранному языку в школах. К ним относятся следующие:

- Недостаточная разработанность учебно-методических материалов. Обучение второму иностранному языку происходит по учебникам, предназначенным для изучения первого иностранного языка. Такие учебники не позволяют учитывать знания, полученные при изучении первого иностранного языка, а также требуют большего количества часов, чем отводится на второй иностранный язык.

- Недостаточная кадровая укомплектованность. Многие школьные учителя не готовы преподавать иностранный язык в качестве второго. Кроме того, в связи с широкой распространенностью английского языка, в школах не осталось специалистов, владеющих другими языками. Выбор второго языка часто зависит от родителей, школа не вправе навязывать тот язык, учитель которого имеется в штате. А прием нового специалиста в штат оборачивается для школы большими расходами.

- Отсутствие требований к уровням овладения вторым иностранным языком в Государственном стандарте.

- Ориентация на разные возрастные уровни. Как мы упоминали выше, школы вправе решать, в каком году начнется изучение иностранного языка. На данный момент действуют следующие модели:

- с 5 по 9 класс, при условии изучения первого ИЯ с 1-2 класса;

- с 7-8 по 9 класс при условии изучения первого ИЯ с 5 класса

- с 10 по 11 класс.

Такая разница создает трудности в разработке и выборе УМК, которые должны ориентироваться на уровень овладения первым иностранным языком и на возрастные особенности школьников.

Решить данные проблемы возможно, ориентируясь на опыт западных коллег, но и тут не все так просто. Например, в *Германии* существуют различия между школами в разных федеральных землях, а школьная система предполагает деление школ на различные типы, начиная с пятого класса, в зависимости от успеваемости школьников и их дальнейших планов. В начальной школе в Германии изучается только один иностранный язык, начиная с третьего класса, а изучение двух иностранных языков предполагает только один тип школы – гимназия, там второй иностранный язык вводится с шестого класса, а его изучение продолжается либо до десятого, либо до двенадцатого класса. С девятого класса вводится третий иностранный язык. Таким образом, возникает разница в количестве лет, выделенных для изучения первого и второго иностранных языков. Да и изучение первого иностранного языка (английского) немецким школьникам дается проще, т.к. у немецкого и английского языков одинаковый алфавит, а лексические и грамматические системы языков очень похожи. В качестве второго иностранного языка чаще всего выступает французский или латинский, которые также близки немецкому и английскому.

В России же школьникам необходимо сначала освоить абсолютно новый алфавит, научиться читать. Для взрослого человека это может показаться не трудным, но для второклассников это очень непростая задача. В федеральных землях Восточной части Германии часто изучается русский язык в качестве второго иностранного. Это открывает широкие возможности для сотрудничества с российскими школами, в которых изучается немецкий язык.

Несмотря на повсеместную экспансию английского языка в российских школах, все же остались школы, в которых немецкий продолжает изучаться как в качестве первого, так и в качестве второго иностранного языка. Выбор именно *немецкого языка* в каче-

стве второго иностранного на базе первого английского является очень разумным, т.к. школьникам будет проще перенести знания, полученные на уроках английского языка, на немецкий язык:

- Изучение второго иностранного языка никогда не начинается «с нуля»: изучая раннее русский и английские языки, школьники уже приобрели солидную языковедческую базу.

- Изучение второго иностранного языка облегчается тем фактом, что школьники уже имеют навыки процесса освоения иностранного языка.

Преподавание немецкого языка в качестве второго иностранного строится на общепринятых педагогических принципах преподавания иностранного языка: сознательности, коммуникативности, речевого взаимодействия, параллельного развития всех видов речевой деятельности и др. Но одним из важнейших принципов, отличающих преподавание второго языка от первого, является принцип сопоставления языковых систем.

Выбор именно немецкого языка на роль второго иностранного определяют следующие *аргументы*. Сравнивая английский и немецкий языки, можно выделить определенные сходства, которые будут являться опорными пунктами. К ним можно отнести:

➤ Немецкий и английский языки относятся к германской языковой группе, следовательно, обнаруживают целый ряд сходств:

- единый латинский алфавит;
- сходства лексических единиц;
- сходства грамматических явлений;
- сходства синтаксических структур и мн. др.

➤ Однако, близость двух германских языков может оказывать и негативные влияния на процесс обучения немецкого языка после английского. Данное явление называется *интерференцией* и заключается в подмене элементов немецкого языка уже знакомыми английскими. Данное явление может проявляться

- в неправильном произношении немецких слов на английский мотив,
- использовании схожих по форме и звучанию слов в «английском» значении;
- нарушении немецкого порядка слов под влиянием более свободного английского порядка.

Данный аргумент имеет место быть. Однако количество «ложных друзей переводчика», которые затрудняют процесс обучения немецкому языку, в сотни раз меньше схожих лексических единиц в обоих германских языках, способствующих более легкому запоминанию.

Весьма важным аргументом в пользу немецкого языка в качестве второго иностранного является поддержка Федеративной республики Германия. На территории Российской Федерации осуществляют плодотворную и успешную деятельность следующие организации, стимулирующие изучение немецкого языка в России и знакомство с культурой Германии:

1. *Гёте-Институт* является учреждением культуры Федеративной Республики Германия, отделения которого работают во многих странах мира. Его деятельность направлена на популяризацию немецкого языка за рубежом и расширение международного сотрудничества в области культуры. На протяжении 60 лет наряду с представительствами Гёте-Института за рубежом действует целая сеть культурных центров, обществ, читальных залов, а также экзаменационных и языковых центров, которые впервые знакомят людей с Германией.

В Российской Федерации Гете-институт содействует изучению и преподаванию немецкого языка, как важнейшего средства коммуникации и взаимопонимания. Гете-институт помогает внедрять современные формы преподавания и поддерживаем общеевропейские инициативы, направленные на введение в школьную практику нескольких иностранных языков. Гете-институт также развивает работоспособные сетевые структуры, которые способствуют молодежным обменов и мобильности молодежи в Европе. Цен-

тральная роль отводится открытым информационным площадкам, как форумам, где формируется общественное мнение: читальным залам и центрам немецкого языка.

Особого внимания заслуживает один из последних проектов Гёте-института «**Немецкий – первый второй иностранный**» (Deutsch: die erste Zweite). Гёте-Институт при Посольстве Германии в Москве совместно с образовательными учреждениями-партнерами и Межрегиональной ассоциацией учителей и преподавателей немецкого языка (МАУПН) выступает с образовательной инициативой «Немецкий – первый второй иностранный», направленной на поддержку российских общеобразовательных организаций, в которых ведётся или планируется преподавание немецкого языка в качестве второго иностранного.

Целями проекта «Немецкий – первый второй иностранный» являются:

- ✓ привлечение внимания родителей, учащихся и руководителей общеобразовательных организаций к образовательному потенциалу предметной области «Иностранные языки / второй иностранный язык»;
- ✓ повышение качества преподавания немецкого языка в образовательных организациях;
- ✓ поддержка учителей немецкого языка, в том числе молодых специалистов;
- ✓ внедрение инновационных принципов и методик преподавания немецкого языка.

Проект имеет широкую целевую аудиторию: от руководителей образовательных организаций, учителей и преподавателей немецкого языка до родителей и учащихся.

Данный проект реализуется в ряде конкретных мероприятий:

- ❖ конкурс для образовательных организаций «Немецкий – первый второй иностранный» (в рамках Всероссийского образовательного Форума);
- ❖ конкурс для учителей и преподавателей немецкого языка Teacher-Slam (в рамках Всероссийского образовательного Форума);
- ❖ бесплатные курсы повышения квалификации учителей и преподавателей немецкого языка;
- ❖ «**Немецкий в чемодане**»: уроки языковой анимации для школьников в 50 российских регионах;
- ❖ подготовка пакетов с информационными и учебно-дидактическими материалами, методическими разработками для целевых групп проекта;
- ❖ бесплатная комплектация школ-участников проекта учебно-дидактическими материалами и информационными брошюрами.

Благодаря тому, что интерес к изучению немецкого языка в России сохраняется, немецкий обладает огромным потенциалом, чтобы утвердиться в качестве второго иностранного языка в большинстве российских учебных заведений [1].

Следует отметить, что в 2017 году к образовательной инициативе «Немецкий – первый второй иностранный» присоединились 27 новых регионов, в том числе и **Белгородская область**, в каждом из которых были заключены договоры о сотрудничестве и совместной работе с целью оказания поддержки на пути введения немецкого языка как второго иностранного в образовательных организациях, а также созданы Ресурсные центры [2].

В г. Белгород с 2013 г. осуществляет деятельность представительство Гёте-института – **Prüfungszentrum Belgorod**, где школьники, не покидая родной город, могут сдать международные экзамены **Fit in Deutsch 1, Fit in Deutsch 2**, которые соответствуют первому и второму уровню (A1, A2) по шестиуровневой шкале «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком». Подробнее – [3].

2. Изучение немецкого языка в школе открывает новые возможности и после получения аттестата зрелости. В вузовском обучении после присоединения России к Болонскому процессу большое значение уделяется академической мобильности, т.е. краткосрочному (до 3 месяцев) и долгосрочному обучению и стажировке российских студентов за границей, и обучение иностранных студентов в России. Естественно знание английско-

го и немецкого языков и культуры Германии, полученные на школьной скамье, являются важной предпосылкой.

В пользу Германии свидетельствует и географическая близость к России и абсолютно бесплатная система образования, в том числе и иностранных студентов.

Важную роль играет также и заинтересованность и финансовая поддержка Федеративной республики Германии в интенсификации научных и культурных контактов с Россией. Германия обладает развитой инфраструктурой поддержки международного сотрудничества в области образования и науки. *Германская служба академических обменов DAAD* ныне занимает лидирующие позиции в области международных обменов студентов и ученых. Организация является союзом немецких высших учебных заведений и объединений учащихся. По состоянию на 2015 г. DAAD объединяет 238 немецких вузов-участников и 107 студенческих организаций и является посредником в организации внешней культурной политики, а также политики высшего образования и науки Германии. DAAD имеет 15 зарубежных представительств и 56 информационных центров по всему миру и выдает порядка 100000 стипендий в год.

Деятельность DAAD выходит далеко за рамки *стипендий*. Представительство DAAD в Москве занимается на региональном уровне решением тех глобальных задач, которые стоят перед Германской службой академических обменов, в том числе:

- ✓ Осуществляет консультации по вопросам получения стипендий DAAD для обучения и научных исследований в Германии;
- ✓ Проводит презентации высшего образования в Германии в рамках образовательных выставок и мероприятий;
- ✓ Поддерживает процесс перехода к единому европейскому научному и пространству в рамках Болонского процесса;
- ✓ Разрабатывает совместно с российскими партнерами (Министерство образования и науки РФ, ведущие российские вузы) двусторонних научно-образовательных программ [4].

Следует отметить, что в Белгородском государственном научном исследовательском университете с 2015 г. работает лектор DAAD Сабина Корин.

Имеются также и другие организации, такие как ZfA – Центр школьного образования за рубежом, PAD – Служба педагогических обменов, ряд австрийских организаций и мн.др. Главная цель их деятельности – установление контактов между людьми из различных стран и их контактов с Германией, культурная и образовательная работа.

Таким образом, немецкий язык – это язык идей, науки и образования, это ключ к шедеврам немецкой литературы, философии и культуры, к богатству европейских культурных традиций, крупнейшей экономике Европы. Для многих молодых людей немецкий язык – это не только возможность получить европейское образование, но это и безопасное будущее, перспективная работа и гарантированная карьера.

Ссылки на электронные ресурсы

1. Гете-институт: Немецкий – первый второй иностранный. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez/deu.html> (дата обращения: 01.04.2017)
2. Гете-институт: участники проекта «Немецкий – первый второй иностранный»: URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez/tei.html> (дата обращения: 01.04.2017)
3. Гете-институт: международные экзамены. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/prf/sch/ueb.html> (дата обращения: 01.04.2017)
4. Немецкая служба академических обменов. URL: <https://www.daad.ru/ru/o-nas/> (дата обращения: 01.04.2017)

References

1. Goethe-Institut: German: the first second. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez/deu.html> (дата обращения: 01.04.2017)
2. Goethe-Institut: Project participants “German: the first second”: URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez/tei.html> (дата обращения: 01.04.2017)

3. Goethe-Institut: International exams. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/prf/sch/ueb.html> (дата обращения: 01.04.2017)
4. German Academic Exchange Service. URL: <https://www.daad.ru/ru/o-nas/> (дата обращения: 01.04.2017)

УДК 37'026

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Носова Марина Валериевна
студентка факультета иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
1marinanosova@gmail.com

Пряникова Евгения Борисовна
студентка факультета иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
nata.soloreva.70@mail.ru

Мишанова Юлия Владимировна
кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
mishanova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются способы создания условий для повышения положительной мотивации учащихся на уроках немецкого языка. Большое внимание уделяется игровым и проектным методам преподавания немецкого языка, которые опираются на интерактивность, самоорганизацию и самостоятельность учащегося, занимающего ведущее место в процессе обучения. Основное внимание уделяется принципам, помогающим подбирать необходимые упражнения и успешно развивать языковые компетенции учащихся. Авторы подчеркивают, что описанные методы исключительно эффективны для повышения положительной мотивации учащихся к изучению немецкого языка.

Ключевые слова: положительная мотивация, методы формирования положительной мотивации, игровые технологии, проектная методика.

METHODS FOR FORMING POSITIVE MOTIVATION ON LESSONS OF GERMAN LANGUAGE

Nosova Marina
student of the Faculty of Foreign
Languages
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia
1marinanosova@gmail.com

Pryanikova Evgenia
student of the Faculty of Foreign
Languages
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia
nata.soloreva.70@mail.ru

Mishanova Julia
Ph. D in Philology
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia
mishanova@bsu.edu.ru

Abstract

The main objective of the research presented in this paper are ways to create conditions for improving the positive motivation of students in German lessons. Great attention is paid to the game and project methods of teaching the German language, which rely on the interactivity, self-organization and independence of the student, who occupies a leading place in the learning process. The main attention is paid to the principles that help to select the necessary exercises and successfully develop the language competencies of students. The authors emphasize that the methods described in the article are extremely effective for increasing the students' positive motivation to learn German.

Key words: positive motivation, methods of positive motivation formation, game technologies, project methods.

По мнению канадского мотивационного спикера Брайна Трейси, «Весь мир показывает нам, что успех начинается с человеческого желания, все зависит от психологической установки» [4, с. 11]. Таким образом, главной задачей учителя является формирование положительной мотивации к своему предмету. С педагогической точки зрения, мотивация - «общее название процессов, методов и средств побуждения обучающихся к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования» [1].

При возникновении положительной мотивация учащийся проявляет интерес к предмету, демонстрирует высокие учебные результаты, стремится к саморазвитию и самосовершенствованию, не ограничиваясь школьной программой. Учебная деятельность обучающихся может определяться и отрицательной мотивацией. Однако результаты обучения в этом случае не долговечны, так как сознание стремится компенсировать пережитый дискомфорт, устранив из памяти основанные на негативных эмоциях знания. Задача учителя - определить наиболее продуктивные методы повышения учебной мотивации. Учитель в прошлом, а ныне консультант и исполнительный директор Uncommon Schools, организации, открывающей и развивающей независимые школы с индивидуальным подходом, Дуг Лемов выделяет перечень качеств успешного педагога, который «привносит в свою профессиональную деятельность любовь, энергию, энтузиазм, веселье и юмор...» [2, с.272].

Факторами, оказывающими влияние на формирование как положительной, так и отрицательной мотивации к учебной деятельности, выступают: стили педагогической деятельности преподавателя, оценка учебной деятельности, содержание учебного материала, организация и формы учебной деятельности.

Методы формирования положительной мотивации довольно разнообразны:

- эмоциональные (поощрение, учебно-познавательная игра, создание красочных наглядно-образных представлений, создание ситуации успеха, стимулирующее оценивание, свободный выбор задания, удовлетворение желания быть значимой личностью и др.)
- познавательные (опора на жизненный опыт, создание проблемной ситуации, побуждение к поиску альтернативных решений, выполнение творческих заданий, “мозговая атака”, развивающаяся кооперация и др.)
- волевые (предъявление учебных требований, информирование об обязательных результатах обучения, познавательные затруднения, самооценка деятельности и коррекция, рефлексия деятельности, прогнозирование будущей деятельности и др.)
- социальные (развитие желания быть полезным отечеству, побуждение подражать сильной личности, создание ситуации взаимопомощи, поиск контактов и сотрудничества, заинтересованность в результатах коллективной работы, взаимопроверка, рецензирование и др.) [5]

Наиболее популярным средством повышения мотивации у детей являются игровые технологии. Для начальной ступени обучения (2-3 класс) характерна непосредственность восприятия, живость характера и неспособность в течение долгого времени удерживать внимание на одном объекте. Таким образом, для данной возрастной группы наиболее удачным будет максимальное включение в учебную деятельность игрового компонента, чередование видов учебной деятельности, отсутствие единого ритма урока. Взяв за основу урока идею дидактической игры, мы делаем ставку на произвольное запоминание, снимаем чувство психологической и физической усталости, способствуем раскрытию и реализации индивидуальных способностей и склонностей учащихся.

В качестве примера приведем игру «das Spiel mit den Substantiven», направленную на увеличение словарного запаса обучающихся по конкретной теме, в данном случае «die Tiere». Игра состоит из нескольких этапов:

1. Нарисуйте состоящую из четырех столбцов таблицу.
2. Попросите обучающихся назвать несколько букв.
3. Впишите названные буквы в колонку первого столбца (например, W, K, L, B).
4. Разделите детей на две команды.
5. Попросите детей из разных команд по очереди вписывать названия животных на определенную букву. Например, W- der Wolf (волк); B- der Bär (медведь), der Biber (бобр); L - der Löwe (лев), der Leopard (леопард), der Luchs (рысь); K- die Katze (кошка), die Kuh (корова), die Kröte (жаба).
5. Последний этап – взаимный контроль (все члены команды проверяют написанные ими слова) и оценка учителя.

Использование игры на уроке немецкого языка повышает мотивацию не только на начальном этапе обучения. В среднем и старшем школьном возрасте хорошим подспорьем учителю могут стать ролевые игры. Являясь моделью межличностного взаимодействия, они не только вызывают интерес к общению на иностранном языке, но и позволяют учащимся примерить на себя различные социальные роли, преодолеть страх выступления перед публикой, допустить ошибку. Игра активизирует стремление ребят к контакту друг с другом и учителем, создает условия равенства в речевом партнерстве. Учащиеся среднего и старшего этапа обучения уже способны самостоятельно распределить роли в команде и разработать концепцию ролевой игры.

Тематика ролевой игры может быть практически любой. Например, во время педагогической практики мы проводили игру на тему «die gesunde Lebensweise (здоровый образ жизни)». Обучающиеся делятся на две команды: «für die gesunde Lebensweise» (за здоровый образ жизни) и «gegen die gesunde Lebensweise» (против здорового образа жизни), далее они сообща стараются привести как можно больше аргументов в защиту своего тезиса. Тезисы формулируются учителем или самими учениками. Например, тезис первой команды: Die Störung des Tagesregimes ist der Grund vieler Erkrankungen. (В нарушении режима дня кроется причина многих заболеваний). Тезис второй команды: Es ist langweilig und sinnlos, gesund zu leben, da die Umwelt sowieso ungesund ist (Скучно и бессмысленно вести здоровый образ жизни из-за плохой экологии).

Во время обсуждения мы наблюдали повышение активности, ответственности, самостоятельности и самоорганизованности учащихся, а также проявление их лидерских и коммуникативных способностей.

Отличным способом повышения учебной мотивации в старшем школьном возрасте и у студентов ВУЗов может стать использование креативной игровой методики, разработанной британским психологом, экспертом в области творческого мышления Эвардом де Боно, «Sechs Hüte des Denkens /6 шляп мышления». Обучающиеся рассматривают проблему с 6 сторон (играя роль шляп разного цвета), при этом каждая из сторон (шляп) сигнализирует остальным участникам дискуссии о том аспекте, который говорящий считает нужным осветить. Градация ответов по цветам придает беседе больший рационализм, структурирует мышление, развивает навык работы в группе. Так, при обсуждении темы «Der Nutzen der Lektüre» (польза чтения) белая шляпа требует от говорящего изложения чистых фактов; красная обращается к эмоциональному миру обучающегося; черная требует критического осмысления проблемы; желтая обязывает говорящего исследовать проблему с позитивной стороны, отмечать преимущества; зеленая дает толчок к творчеству, поиску альтернативных путей решения проблемы; синяя отвечает за обобщение сказанного. При этом учащиеся не ограничены в выборе шляпы или последовательности высказывания.

Не менее перспективным нам представляется набирающий сейчас популярность метод проектов, обеспечивающий реализацию принципов личностно-ориентированного обучения. Существует мнение, что для среднего звена обучения это бессмысленно, так как учащиеся еще не способны к самостоятельности при выборе материала, однако мы склонны не согласиться. Мы считаем, что градация проектов по уровням (в зависимости от учебных успехов школьников, возрасту) и мониторинг их деятельности педагогом (с возможностью направления работы учащихся на исправление неточностей) делают эту методику доступной для учащихся любого этапа обучения. «Систематическое наблюдение за учениками делает свое дело: они учатся тому, чему вы пытаетесь их научить, но придется не только проверять, но и влиять на результат». [3, с. 48]. Так, например, учащимся 6 класса после изучения темы «Meine Stadt» можно предложить прямо на уроке изготовить простейшие проекты, презентующие их родной город.

1. Из предложенной лексики склеить предложения о Белгороде, например, следующие:

Belgorod ist eine Stadt in Russland nahe der ukrainischen Grenze. / Die wichtigsten Sehenswürdigkeiten sind viele orthodoxen Kirchen, Diorama-Museum der Schlacht am Kursker Bogen, Landeskundemuseum, Ausstellungsmuseum, Erholungsparks, viele Denkmäler, zwei Theater u.a.

2. Продолжить предложения: Ich liebe meine Stadt, weil ... / Ich wollte ... in der Stadt aufbauen.

3. Наклеить на условную карту города с обозначениями улиц достопримечательности из списка: Die Straße Nekrassowa- Das Puppentheater, Die Strasse Pobeda/ des Sieges - Das künstlerische Museum, der Sobornaja-Platz – Das Dramatheater.)

Для учащихся старших классов метод проектов представляет еще большую привлекательность, т.к. учащиеся имеют право самостоятельно выбирать темы, методы и приемы работы, разрабатывать концепции проектов. Метод проектов вызывает у учащихся устойчивый интерес к исследовательской деятельности, способствует развитию коммуникативных навыков, формирует культуру общения, развивает умение работать в команде, добывать информацию из различных источников, обрабатывать её с помощью современных компьютерных технологий, создает языковую среду, способствующую возникновению естественной потребности в общении на иностранном языке.

Использование стихотворений, песен, рассказов на немецком языке, постановка сказок соответствующих языковому уровню учащихся, развивает не только языковые способности, но способствует накоплению лингвокультурологических знаний. Вышеперечисленные приемы помогают разнообразить урок, сделать его менее теоретизированным. Это положительно сказывается на эмоциональной составляющей урока, повышает мотивацию, возвращая обучающегося к первоначальной цели - овладеть языком как средством общения.

Использование средств мультимедиа, дистанционные олимпиады, опыт международного общения со сверстниками также станут огромным подспорьем учителю в деле повышения мотивации учеников.

Говоря о формировании положительной мотивации на уроке иностранного языка, мы приходим к выводу, что нельзя вывести единую унифицированную формулу успеха. Однако в наших силах сделать так, чтобы процесс изучения иностранного языка проходил в наиболее комфортных условиях для обучающегося. Удовлетворенность деятельностью и ее результатами - как своей, так и учащихся – вот та цель, которую мы ставим перед собой как перед учителями, тот критерий, по которому мы будем оценивать свои профессиональные достижения в области мотивации к учению. Определив возможные проблемные зоны, необходимо выработать успешную стратегию ведения урока. Для этого существует огромный арсенал методов развития, стимулирования и поддержания интереса обучающихся, и игровые методы играют ведущую роль в комплексе средств формирования положительной мотивации обучающихся.

Литература

1. Гушина Е.С., Захарова Ю.В. Мотивация учения- основное условие успешного обучения [Электронный ресурс] / <http://festival.1september.ru/articles/569621/>
2. Лемов Д. Мастерство учителя. Проверенные методики выдающихся преподавателей. [Текст] / Дуг Лемов; пер. с англ. О. Медведь. – М.: Манн, Иванов, Фербер, 2014. – 416 с.
3. Лемов Д. От знаний к навыкам. Универсальные правила эффективной тренировки любых умений [Текст] / Дуг Лемов, Эрика Вулвей, Кейти Ецци; пер. с англ. Е. Бузниковой.- 2 изд.-е.- М.: Манн, Иванов, Фербер, 2016. - 304 с.
4. Трейси Б. Достижение максимума: Стратегии, навыки, которые разбудят ваши скрытые силы и помогут вам достичь успеха [Текст]/ Брайн Трейси; пер. с англ. Д.Белецкого. 4 изд.-е. – М.: СмартБук, 2011. – 315 с.

УДК 811'11

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Перевышина Ирина Рашидовна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
perevyshina@bsu.edu.ru

Щербинина Елена Михайловна
ассистент кафедры немецкого и французского язы-
ков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Shcherbinina_e@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируется структура и семантика лексикографических терминов в сфере переработки мясной продукции, определяется понятие «термин», освещается проблема системности терминологических единиц. На основании проведенного анализа тематических групп выявляются лингвистические проблемы современной сельскохозяйственной терминологии, такие как многозначность терминологических единиц, отраженная в современных лексикографических источниках, вопросы, связанные с синонимией и антонимией данного пласта лексики.

Ключевые слова: термин, терминология, терминологическая группа, структурный и семантический анализ, словосложение, словообразовательная модель.

SEMANTICS AND STRUCTURE OF AGRICULTURAL LEXICOGRAPHICAL TERMINOLOGY

Perevyshina Irina
Ph. D in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
perevyshina@bsu.edu.ru

Shcherbinina Elena
Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Shcherbinina_e@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with semantic analysis of agricultural terminology of meat processing in modern language studies. Terms, terminological groups are discussed. Different groups due to their semantics were marked out, compared and analyzed. The analysis confirms the statement about the common problems within terminological groups in modern German: synonyms and antonyms.

Keywords: terms, terminological groups, motivation, structural analysis, synonymy, antonyms, motivation.

Терминологические единицы любой сферы деятельности предполагают обязательную и постоянную работу по их систематизации и унификации, т.е. приведению в соответствие с лингвистическими стандартными требованиями к термину с системой научных понятий. Унификация терминологии осложняется воздействием внешних факторов на языковую природу термина, поскольку термины образуются внутри отдельных языковых пластов. Анализ терминосистем опирается на специфику их функционирования в определенной области.

Обращение к изучению сельскохозяйственной терминологии, а именно к терминологии, описывающей процесс переработки сельскохозяйственной продукции и его результаты, обусловлено причинами активного развития данной отрасли, возникновением новых терминов, необходимостью их уточнения и конкретизации с целью исключения синонимов и создания однозначных терминов, необходимых в данной области.

Современное сельское хозяйство является сферой взаимодействия специалистов разных стран с целью создания оптимальных условий для человеческого сосуществования. В частности, развитие аграрно-промышленного комплекса нашего региона, Белгородчины, невозможно представить себе без плодотворных связей со специалистами из Германии, Франции и других Европейских стран. В этой связи особенно актуальной пред-

ставляется попытка унифицировать используемую терминологию с целью оптимизации процесса профессиональной коммуникации.

Целью настоящей статьи является анализ структуры и семантики тематических групп сельскохозяйственных номинаций, представленных в лексикографических источниках. Тематические группы представляют собой объединения лексем, передающих определенную предметную сущность. В качестве критериев тематического ряда выступали смысловые связи и структурный тип отношений. Материалом для исследования послужили 780 сельскохозяйственных терминов, выявленных в результате сплошной выборки из Немецко-русского сельскохозяйственного словаря под редакцией И.И. Синягина, интернет-ресурса www.german-meat.org.

Лингвистическая терминология, по определению О.С. Ахмановой, представляет собой совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области [1, с. 509]. Следовательно, вне сферы специфического употребления, либо переходя из одной терминосистемы в другую, термин становится малопонятной лексической единицей, а, возможно, и приобретает иное значение, что обусловлено многозначностью терминологических номинаций, сравните: *сальник*

1. жир-сырец в виде отложений жировой ткани, снятой с желудка;
2. широкая и протяжённая по длине складка висцеральной брюшины;
3. один из видов уплотнительных устройств подвижных соединений различных устройств и механизмов;
4. традиционное русское мясное блюдо [1, с. 508].

Н.В. Васильева определяет *термин* следующим образом: слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. К особенностям термина относятся: 1) системность; 2) наличие дефиниции; 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность [1, с. 508].

Системность терминологических единиц одного пласта лексики проявляется в совокупности элементов, связанных внутренними отношениями. При рассмотрении смысловых связей в терминологической системе необходимо разграничивать смысловые связи слов, обусловленные связями выражений и предметов окружающей действительности, системным характером языка, его традиционным употреблением, необходимо обнаружение семантических связей слов, разграничение их по смысловым группам в зависимости от цели исследования. В нашей работе нам предоставляется целесообразным классифицировать собранные терминологические единицы по принципам Ф.П. Филина: «терминологические словосочетания, входящие в тематические группы, классифицируются в полном соответствии с системой логических понятий, а не исходя из их лексико-грамматического значения» [4, с. 232]. Такое изучение лексики позволяет установить объем значения слов, выделить и классифицировать интегральные и дифференциальные признаки, характеризующие большие группы терминов.

Специфичным для сельскохозяйственного словаря является то, что классификационные связи терминов рассматриваемой сферы отражают реальные связи в интересующей нас предметной сфере, а значит, имеют конкретный характер выражения и являются именами вещественными. Рассматриваемые термины объединены по денотативному признаку.

Функциональный критерий сельскохозяйственных терминов позволил выделить следующие тематические группы:

- Обозначение наименований изделий мясоперерабатывающего производства
- Обозначение процессов переработки мясных изделий
- Приборы и механизмы, участвующие в процессе мясопереработки
- Специалисты, занятые в процессе переработки мясной продукции
- Помещения, используемые в процессе мясопереработки

- Регламентирующие документы в сфере мясопереработки
- *Характеристики процесса производства мясной продукции, артикулов и исходных компонентов*

Тематическая группа «Обозначение наименований изделий мясоперерабатывающего производства»

Данная группа включает в себя лексические единицы, обозначающие готовые варианты изделий (так называемые артикулы) мясоперерабатывающего производства и части туши сельскохозяйственных животных. Эта группа составляет 295 единиц, например: *Filet ohne Kette, mit Kopf* с-х. свиное филе без брюшной части, с головой; *Fleischdauerwaren* pl 1) мясные изделия длительного хранения, мясные копчености; 2) мясные консервы; *BackenohneNackenspeckmitSchwarte* с-х. свиные щековины на шкуре, без шейного шпика; *Backen ohne Nackenspeck ohne Schwarte* с-х. свиные щековины без шкуры, без шейного шпика и др.

подавляющее большинство терминов немецкого языка, составляющих данную группу (80%), являются однословными сложными именами существительными, типичными для немецкого языка. В рассматриваемой группе выделяется следующий тип определительного словосложения:

$S + S \rightarrow S$ *Blutmehl* n *кровяная мука*, *Fleischabschnitte* m, pl *мясная обрезь*; *Geflügelfleisch* n *мясо птицы*; *Knochenfleisch* n *мясо на кости*; *Nackenschinken* m *ококор из шейной и лопаточной частей туши*. Определяющий компонент данной группы – имя существительное, как правило, обозначающее какую-нибудь часть туши, из которой произведен мясной артикул: *Schwein*, *Knochen*, *Fleisch*, *Nacken* и др. Рассматривая русский вариант каждого немецкого термина, следует отметить декомпрессию русской терминологии в силу расхождения в потенциальных возможностях композитообразования немецкого и русского языков.

Тематическая группа «Обозначение процессов переработки мясных изделий»

Данная группа представлена существительными и терминологическими словосочетаниями, которые описывают процессы переработки мясной продукции: *Auslassen* n 1) выпуск (воды); 2) перетапливание (напр. воска); 3) жиротопление; *Ausschroten* n 1) вырубка; 2) разрубка туши; *Benervung* f *жилкование*; *Beschaben* n *ощипывание, ощипка*; *Fleischaufbewahrung* f *хранение мяса*; *Fettbestimmung* f 1) определение массовой доли жира 2) определение состава жира и некоторые другие. Лексические единицы данной группы по своей структуре являются именами существительными, образованными путем субстантивации от глагольных основ, в составе которых имеются префиксы. Что касается русского перевода данных терминов, зачастую имеет место описательный перевод, используемый для более полной передачи значения термина исходного языка. Эта группа является достаточно многочисленной, имея в своем составе 88 лексических единиц (и одно терминологическое сочетание). Словообразовательные модели, представленные в данной группе: $S + S \rightarrow S$; $S + V \rightarrow S$, а также субстантивация.

Тематическая группа «Приборы и механизмы, участвующие в процессе мясопереработки»

Относящиеся к данной группе существительные являются в большинстве случаев сложнопроизводными терминами с точки зрения терминосистемы немецкого языка и терминологическими словосочетаниями с позиций русского терминологического аппарата: *Enthäutungsmaschine* f 1) машина для съёмки шкуры, шкуроедочная машина 2) машина для отделения шкурки от шпика; *Fettbeschickungsmaschine* f машина для ввода жира (напр. в комбикорм) и др. Количество лексических единиц рассматриваемой группы – 83. С точки зрения словообразования, можно отметить наличие следующих моделей: $S + S \rightarrow S$; $V + S \rightarrow S$ (наиболее часто встречающаяся модель); $S + V + S \rightarrow S$

Тематическая группа «Специалисты, занятые в процессе переработки мясной продукции»

Данная группа является достаточно малочисленной по составу, всего 9 терминов, что объясняется экстралингвистическими факторами: количество приемов переработки, вариантов готовых изделий и полуфабрикатов всегда значительно выше, чем количество специалистов, обеспечивающих функционирование данной отрасли. *Fleischindustrielle* m владелец мясоперерабатывающего предприятия; мясопромышленник; *Geflügelhalter* m владелец домашней птицы; *Fleischermeister* m 1) мясник; 2) специалист мясоперерабатывающего предприятия; *Schweinepfleger* m оператор свиноводческого комплекса. По структуре данные термины являются сложнопроизводными номинациями. Термины русского языка в некоторых случаях представлены однословными номинациями. *Fleischerhandwerker* m мясник (в этом случае имеет место упрощение варианта перевода).

Тематическая группа «Помещения, используемые в процессе мясопереработки»

Терминологическая группа, насчитывающая 53 лексических единицы, включает в себя имена существительные, образованные по большей части путем сложения основ. *Enthäuteturm* m башня для съёмки шкуры; *Fleischereibetrieb* m мясоперерабатывающее предприятие и др.

Как и при рассмотрении словообразовательных структур предыдущих тематических групп, имеют место сложные существительные в немецком варианте терминологии и словосочетания описательного характера в русской терминологии.

Терминологическая группа «Регламентирующие документы в сфере мясопереработки»

Данная группа самая малочисленная, всего 5 лексических единиц, но лексика, входящая в её состав, ярко отражает стремление немецких производителей к четкости и однозначности результатов труда. *Fleischbeschaugesetz* n закон о ветеринарно-санитарной экспертизе мяса; *Fleischhygienerecht* n санитарно-гигиеническое законодательство по мясу. Наиболее интересно следующее существительное с точки зрения словообразовательного анализа:

Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz n – закон, регламентирующий маркировку говядины. *Определяющий компонент – имя существительное, остальные составляющие элементы так же являются именами существительными, соединенными способом сложения основ.*

Терминологическая группа «Характеристики процесса производства мясной продукции, артикулов и исходных компонентов»

Сюда включены лексические единицы, семантика которых разнопланова: это и распределение по типам сельскохозяйственных животных: *Bratenferkel* n молочный откормленный поросенок; *Bratengans* f гусь мясного типа; *Bratschwein* n1) свинья мясного типа; 2) свинья мясных кондиций; *Bratenhuhn* n курица мясного типа, и характеристика мяса, как элемента: *Faserigkeit* f волокнистость (о мясе); *Fettanordnung* f распределение жировой ткани (в туше); *Fleischalterung* f старение мяса *Fleischsaftigkeit* f сочность мяса, и общехозяйственные характеристики сельскохозяйственной и перерабатывающей промышленности: *Fleischkonsum* m потребление мяса. Группа, представленная 90 единицами, характеризуется присутствием множества словообразовательных моделей: $S + S \rightarrow S$; $V + S \rightarrow S$; $S + V \rightarrow S$

Анализ некоторых структурно-семантических особенностей сельскохозяйственной терминологической лексики позволяет сделать вывод, что результаты и процесс переработки мясной продукции, составляют терминологические существительные. Они могут соотноситься не только с понятием предметности, но и процессуальности и признаковости описываемых процессов

Имена прилагательные, наречия и причастия составляют незначительную долю в терминологическом словаре, присутствуя в составе словосочетаний: *sauberentfettet*, *nicht gevliest* с-х. наружная часть свиного окорока – подбедерок; *Schulter schier ohne Rippe ohne Eisbein* с-х. свиная лопатка бескостная, без шкуры, без межреберного мяса, без рульки и др.

Литература

1. Ахманова О.С. Термин// Лингвистический энциклопедический словарь/ под редакцией Ярцевой В.Н. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – С. 509.
2. Васильева Н.В. Терминология лингвистическая// Лингвистический энциклопедический словарь/ под редакцией Ярцевой В.Н. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – С. 508.
3. Линник Е.Ф. Немецко-русский сельскохозяйственный словарь/ М.: Русский язык, 1987. – 743 с.
4. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания //Избранные труды: М.: Наука, 2008. – 416 с.
5. Productguide [электронный ресурс]. www.german-meat.org

References

1. Olga Achmanova. Term // Linguistic dictionary/ under edition by ViktoriaJartseva. Moscow. Great Russian Encyclopedia. 2000. P. 509.
2. Natalia Vasilieva.Lexicographical terminology// Linguistic dictionary/ under edition by ViktoriaJartseva. Moscow. Great Russian Encyclopedia. 2000. P. 508.
3. EvgenijLinnik German – Russian agricultural dictionary/ М.: RusskijJazik, 1987. 743 p.
4. FedotFilin Essays in the theory of linguistics// Selected works: M. Nauka, 2008. 416 p.
5. Product guide www.german-meat.org

УДК 81

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Радченко Валерия Германовна

студенка факультета иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г.Белгород, Россия
valerie1209@rambler.ru

Трещёва Наталья Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г.Белгород, Россия
trescheva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается лексико-семантическая вариативность словарного состава французского языка Канады. Представлены данные словарей, определяющие семантические особенности выделенного корпуса лексики.

Ключевые слова: франкофония, вариативность, дифференциация, значение, языковой контакт.

LEXICAL-SEMANTIC VARIABILITY OF THE VOCABULARY OF THE FRENCH LANGUAGE IN NORTH AMERICA

Radchenko Valeria

Student of the Faculty of Foreign Languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
valerie1209@rambler.ru

Tresheva Natalia

Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
trescheva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with lexical-semantic variability of the vocabulary of the French language in Canada. Presents data dictionaries that define the semantic features of a dedicated vocabulary.

Key words: Francophonie, variability, differentiation, value, language contact.

Французский язык относится к романской ветви языков – наиболее распространенной языковой группе в мире. В настоящее время по количеству говорящих французский занимает третье место среди романских языков, уступая лишь испанскому и португальскому языкам.

Несмотря на то, что французский язык широко распространен в территориальном плане, существуют некоторые различия в его статусе, которые определяют место данного языка в лингвистической политике, проводимой всеми членами франкофонного сообще-

ства. При этом именно французский язык занимает привилегированное место и является языком, который необходимо охранять и развивать.

Термин «франкофония» связан в первую очередь с распространением французского языка. Однако данное понятие допускает несколько определений, меняющихся и развивающихся в зависимости от темы обсуждения.

Впервые термин «франкофония» был употреблен в 1880 г. французским географом Онезимом Реклю (1837–1916), желавшим объединить всех говорящих по-французски в одну большую семью. Вплоть до официального учреждения франкофонии как международного института это понятие означало географические территории, где распространен французский язык, или совокупность людей, говорящих по-французски [8].

На сегодняшний день в наиболее широком смысле определение франкофонии представлено в двух аспектах – в лингвистическом и политическом. Традиционное лингвистическое определение франкофонии (со строчной буквы) представляет ее как совокупность народов, которые используют французский язык в своей повседневной жизни или для общения. Это неформальное объединение людей, базирующееся на общей культуре. Такая франкофония распространяется через семью, систему образования или средства массовой информации. В политическом аспекте Франкофония (с заглавной буквы) – это совокупность государств или официальных инстанций, которые входят в Международную организацию Франкофонии» (OIF, Organisation Internationale de la Francophonie). В данном случае уже говорится об официальной межправительственной культуре, нацеленной на укрепление своих мировых позиций на мировой арене [6]. Франкофония является одной из важных составляющих внешней политики Франции и других стран франкофонного сообщества [8].

На протяжении своего развития объединение Франкофонии превратилось из исключительно культурного в организацию, претендующую на существенное влияние в международных отношениях, в частности, в сферах политики, экономики, безопасности, информационных технологий, что, в свою очередь совмещается с активной культурной деятельностью. Данное объединение приняло ряд важных решений и документов в этих областях и составило стратегию своего будущего развития.

Также в более узком значении франкофония понимается в канадском контексте как демографический термин для обозначения франкоязычных жителей, составляющих 23,7 % населения страны, чаще – по отношению к жителям канадской провинции Квебек (квебекцы) и франкоязычным жителям провинции Нуво-Брансуик (акадийцы), с их сложной демолингвистической историей. В этих провинциях французский язык носит статус официального (в Нуво-Брансуике — одновременно с английским). Помимо них, франкоязычные меньшинства живут и в других провинциях Канады, из них наиболее крупную общность представляют собой франко-онтарийцы.

Распространение французского языка в разных уголках земного шара является причиной возникновения его языковых вариантов. Языковой вариативностью языка называют его способность в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин.

Вариативность проявляется на всех уровнях речевой коммуникации – от владения средствами разных языков до осознания говорящим допустимости различных фонетических или акцентных вариантов, принадлежащих одному языку.

Закономерности многих языковых явлений, а особенно явления языковой дифференциации, связаны с географическими факторами. На формирующиеся внутри языковой системы варианты языка и диалекты оказывает принципиальное влияние тип географической среды распространения языка. Та или иная географическая среда с явно выраженными границами, такими как водоемы, горы, способна формировать и четкие границы между языками, и, напротив, отсутствие подобных «преград» часто приводит к возникновению так называемых диалектных цепей, в которых представители соседствующих территорий хорошо понимают язык друг друга [3].

Так, одинаковые семантические единицы французского языка могут иметь разное лексическое значение на разных территориях и наоборот. При рассмотрении различий между французским языком Франции и Канады был выявлен ряд лексико-семантических различий.

Данные различных словарей, созданных в XX веке, свидетельствуют о том, что канадский вариант французского языка характеризуется достаточно существенными особенностями лексического состава в сравнении с французским языком Франции (см.: Bergeron L. Dictionnaire de la langue québécoise; Colpron J. Dictionnaire des anglicismes; Darbelnet J. Dictionnaire des particularités de l'usage). Среди них – слова и выражения, связанные с областью политической, экономической и производственной жизни, а также слова и выражения бытового содержания [1].

Выражения «à matin» и «à soir» в канадском варианте французского означают «сегодня утром» и «сегодня вечером», в то время как во Франции «сегодня утром – ce matin», «сегодня вечером – ce soir». Лексическая единица «accident» (m, sg.) в канадском французском имеет разговорное значение и переводится как «невезение, кончина», во Франции же данная лексема означает «несчастный случай, происшествие». Значение слова «надоедливый» так же различается во французском языке Канады и Франции, в первом случае это «achalant»(adj.), а во втором – «ennuyeux» (adj.). Лексема «amoureux» (m, pl) в канадском варианте французского языка обозначает «колючки лопуха», а во Франции – «amoureux (adj.) влюбленный». Стоит отметить, что в данном случае эта лексическая единица является переходной частью речи (в Канаде – существительное, во Франции – прилагательное).

В большей степени были обнаружены единицы, которые имеют одинаковую семантику и во французском языке Канады, и во французском языке Франции, но имеют разное (или почти разное) лексическое значение, единицы, которые переводятся на русский язык одинаково, но имеют разную семантику, а также устойчивые выражения. Выявленные примеры представлены в таблицах:

Слова, имеющие одинаковый семантический образ, но разное лексическое значение

Лексема	Канадский вариант	Французский вариант
Aboutir (v)	Заканчивать	Давать результат
Accords (m, pl)	Помолвка	Согласие
Accrocher (v)	Ударять	Прицеплять, вешать
Acoustique (m, f)	Телефонная трубка	Акустика
Affiler (v)	Точить карандаш	Затачивать лезвие
Avant (adj./adv.)	Глубокий	Глубоко
Babillard (m)	Доска объявлений	Болтливый человек
Baccalauréat (m)	Диплом об окончании первой ступени университета	Экзамен на степень бакалавра после окончания школы
Batiste (f)	Люстрин	Батист
Baume (m)	Мята	Бальзам
Bavasser (v)	Доносить на кого-либо	Злословить
Bavette (f)	Клапан на брюках	Желобок для стока воды
Beau (adj.)	Годный, в хорошем состоянии	Красивый
Belette (adj./f)	Любопытный	Ласка (зверек)
Bête (adj.)	Невыносимый (о характере)	Глупый
Bêtises (f, pl)	Ругательства	Глупости
Blouse (f)	Пиджак	Блузка
Breuvage (m)	Безалкогольный напиток	Лекарственный напиток
Butin (m)	Личная одежда	Добыча, пожива
Cardan (m)	Будильник	Циферблат
Calotte (f)	Кепка	Тюбетейка

Catcher (v)	Ловить мяч	Заниматься кетчем (американской борьбой)
Chalet (m)	Загородный дом на берегу реки	Домик в горах
Chapitre (m)	Крепкая взбучка	Глава
Chaussettes (f, pl)	Тапочки для младенца	Носки
Chienne (adj./m)	Ленивый, боязливый	Собака
Chétif (adj.)	Злой	Чахлый
Crier (v)	Хрустеть (о снеге)	Кричать
Déguiser (v)	Портить внешний вид	Изменять
Dérangement (m)	Досада	Беспокойство
Écoeurer (v)	Мешать кому-либо	Вызывать отвращение
Garage (m)	Больница	Автобаза
Jarre (f)	Стеклянная ваза	Глиняный кувшин
Jonc (m)	Обручальное кольцо	Браслет
Maladie (f)	Роды	Болезнь
Patte (f)	Ножка мебели	Лапа животного

Слова, имеющие одинаковый смысл при переводе на русский, но разный семантический образ

Лексема	Канадский вариант	Французский вариант
Приманка	Abouette (f)	Bouette (f)
Уныние	Accablantion (f)	Accablement (m)
Суэта	Aria (m)	Agitation (f)
Механизм для выкорчёвывания пней	Arrache-souche (m)	Essoucheuse (f)
Электронная почта	Babillard électronique (m)	Courrier électronique (m)
Болтун (-шка)	Bagoulard (-e)	Bavardeur (-euse)
Качели	Balancine (f)	Balançoire (f)
Сток сена	Barge (f)	Meule de soin (f)
Кусок мыла	Barre de savon (f)	Pain de savon (m)
Козел	Bocan (m)	Bouc (m)
Мыльная пена	Broue (f)	Mousse (f)
Кудахтать	Cacailler (v)	Cauqueter (v)
Пакет спичек	Carton d'allumettes (m)	Pochette d'allumettes (f)
Красить, белить	Chaumer (v)	Chouler (v)
Горбыль	Croûte (f)	Dale (f)
Столовая ложка	Cuiller à table	Cuiller à soupe
Встреча	Date (f)	Rencontre (f)
Досада	Dérangement (m)	Déception (f)
Не переставать	Dérougir (v)	Discontinuer
Скучный, монотонный	Dull (adj.)	Monotone (adj.)
Увеличивать	Égrandir (v)	Agrandir (v)
Филологический факультет	Faculté des arts (f)	Faculté des lettres (f)
Горло	Gavion (m)	Gorge (f)
Овсяная каша	Soupane (f)	Bouille (f)
Лимон	Limon (m)	Citron (m)
Дежурное блюдо	Menu du jour (m)	Plat du jour (m)
Американский лосось	Original (m)	Saumon américain (m)

Устойчивые выражения

Лексема	Канадский вариант	Французский вариант
Быть при деньгах	Avoir des bidous	Avoir une marge de bénéfice
Спешить (о часах)	Avoir de l'avant	Avoir de l'avance
Бояться	Avoir la chienne	Avoir peur
Это здорово	C'est la fun	C'est pas pire
По этой причине, в таком случае	D'abord	De ce fait
Это одно и то же (что в лоб, что по лбу)	Déculoter Jacques pour culotter Jean	C'est bonnet blanc et blanc bonnet
Не вешайте трубку	Gardez la ligne	Ne quittez pas
В гневе	En démon	En colère
В аварийном состоянии	En trouble	En mauvais état
Быть счастливым	Être aux oiseaux	Être aux anges
Быть везучим	Être botte	Avoir la pêche
Знать как свои пять пальцев	Être connu comme Barrabas dans la Passion	Connaître comme sa poche
Ухаживать за кем-то	Chanter la pomme	Faire la cour
Зарабатывать много денег	Faire du foin	Être en fonds
Соблюдать диету	Faire la diète	Suivre le régime
Помахать рукой на прощание	Faire tata	Faire au revoir de la main
Сорить деньгами	Garrocher l'argent	Gaspiller l'argent
Насмехаться над кем-то	Jouer au fou	Se moquer de qn
Как только	Mais que	Dès que
Обмануть кого-либо, одурачить	Passer un Québec	Faire un marché de dupes
Проспать (не проснуться во-время)	Passer tout droit	Avoir une panne d'oreiller

Из вышеуказанной таблицы видно, что одни и те же дефиниции при переводе на русский имеют разный смысл или отдаленно похожий. Также, некоторые из русских значений при переводе на французский язык Канады и Франции являются разными частями речи или изменяются в роде.

Таким образом, наблюдая развитие французского языка Канады на данном этапе, отмечая резкое увеличение его семантической дифференциации, зарегистрированной словарями канадского варианта французского языка, можно утверждать, что процесс этот необратим, динамичен, находится в постоянном развитии и претерпевает новые изменения в ситуации активного контактирования национальных вариантов французского языка, а также с учетом возрастающей роли глобального английского языка. Можно, с большой долей уверенности утверждать, что французский язык Канады не потерял своего «лица», он остался языком романской группы со всеми характерными чертами, присущими ему на всем протяжении его развития, и те изменения, которые он претерпел, лишь обогатили его словарный состав.

Литература

1. Трещёва Н.В. Типологические особенности заимствованных языковых единиц (на материале английских заимствований в канадском варианте французского языка) Дис... канд. филол. наук / Н.В. Трещёва. – Белгород, 2007. – 161 с.
2. Клоков В.Т. Словарь французского языка за пределами Франции. – Саратов, 2000.
3. Сидоров А.А. Территориальная вариативность французского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. №2.
4. Клоков В.Т. Французский язык в Канаде. Социолингвистический и лексикографический аспекты изучения // Романо-германская филология. Саратов, 2000. №1.
5. Марусенко М.А. Франкофония Северной Америки. Том 1. – СПб., 2007.

6. Доклад о распространении французского языка в мире, 2015 URL: http://studopedia.ru/5_61596_proishozhdenie-i-rasprostranenie-frantsuzskogo-yazika-v-mire-funktsionirovanie-frantsuzskogo-yazika-v-raznih-stranah-mira.html
7. Клоков В.Т. Конспект лекций территориальные варианты французского языка Спецкурсы по романской филологии // Сборник учебно-методических материалов кафедры романской филологии. Выпуск 2. Издательство Саратовского университета 2003. С. 3-66. URL: http://www.rostov-language.ru/help-fr-culture_13.html
8. Яценко Е.П. Франкофония в современном мире, Культура в современном мире. — 2011. — № 3. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>

References

1. Tresheva N.V. Typological features of the borrowed linguistic units (on the material of English loan words in canadian French) Dis... kand. filol. sciences / N. V. Tresheva. – Belgorod 2007, – P. 161.
2. Klokov V.T. Dictionary of the French language outside of France. – Saratov, 2000.
3. Sidorov A. A. The Territorial variability of the French language // Vestnik of Volgograd state University. Series 2: The Linguistics. 2009. № 2.
4. Klokov V.T. The French language in Canada. Sociolinguistic and lexicographic aspects of the study // Romano-Germanic Philology. Saratov, 2000.
5. Marusenko M. A. Francophonie Of North America. Volume 1. – SPb., 2007.
6. A report on the dissemination of the French language in the world, 2015 address: http://studopedia.ru/5_61596_proishozhdenie-i-rasprostranenie-frantsuzskogo-yazika-v-mire-funktsionirovanie-frantsuzskogo-yazika-v-raznih-stranah-mira.html
7. Klokov V.T. Lectures territorial variants of French language. Courses of Roman Philology // Collection of methodical materials of the Department of Philology. Publishing house of Saratov University, 2003. URL: http://www.rostov-language.ru/help-fr-culture_13.html
8. Yatsenko E. P. Francophonie in the modern world, Culture in the modern world. – 2011. – № 3. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://infoculture.RSL.ru>

УДК 811.111'014

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ И СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Таранов Алексей Олегович

аспирант кафедры романо-германской филологии
и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
taranova@yandex.ru

Аннотация

С ускорением темпа современной жизни вследствие влияния научно-технической революции на все сферы жизни общества все заметнее стал проявляться интерес к языку профессиональной коммуникации, значительно увеличился приток новых терминов, в том числе и лексикографических. Отсюда возникает задача их описания и систематизации. Широкое распространение на сегодняшний момент имеют терминологические словари, включающие специальные термины, употребляемые в какой-либо области науки и техники. Лексикографирование терминов выделяет основной тип словаря - терминологического словаря. Целью статьи является анализ с точки зрения терминографии проблем разработки и составления терминологических словарей на современном этапе.

Ключевые слова: терминография, терминологический словарь, словарь специальной лексики, специальная терминология

THE ISSUES OF MAKING TERMINOLOGICAL DICTIONARIES

Taranov Alexey

Postgraduate Student of Department of Roman-German
Philology and Intercultural Communication
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
taranova@yandex.ru

Abstract

With the acceleration of the pace of modern life, due to the influence of the scientific and technological revolution on all spheres of society's life, interest in the language of professional communication has become increasingly evident, and the influx of new terms, including lexicographic ones, has increased significantly. Hence the problem of their description and systematization arises. At the moment terminology dictionaries are widespread, which include special terms used in any field of science and technology. Lexicographical terms identify the main type of vocabulary - the terminological dictionary. The purpose of the article is to analyze the problems of developing and compiling terminological dictionaries at the present stage from the terminographic standpoint.

Key words: terminography, terminological dictionary, special vocabulary, special terminology.

Словари играют большую роль в жизни людей – они позволяют общаться между собой людям, говорящим на разных языках, служат средством изучения родного и иностранных языков, помогают расширить запас знаний, служат средством закрепления существующего уровня знаний.

Особое место в современном мире высоких технологий отведена терминологическим словарям. Термин «*терминологические словари*» означает словари, которые содержат терминологию одной или нескольких специальных областей знаний или деятельности, отдельных направлений науки или научных школ. Для таких словарей характерно толкование терминологической лексики как носителя научных понятий. Именно терминологические словари и справочники составляют основу для работ в области научно-технической информации.

Первый словарь научных терминов – Дикционер, или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произражениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях и о прочих былиях и минералах» К. А. Кондратовича – вышел в 1780 [Омарова, 2014: 610-615].

Терминологические словари отражают достижения терминологической лексикографии (терминографии). Терминография – это раздел лексикографии и в начале своего возникновения она всегда тяготела к терминоведению, так как проблемы такие как, установление синонимии, омнимии, полисемии терминов, определение значений терминов и подбор к ним иноязычных эквивалентов традиционно решаются в рамках терминоведения.

Важной составляющей научно-технического прогресса является динамичное развитие терминографии. Изучение любой области специальной лексики связано с терминографией, поскольку результаты работы по выявлению, исследованию и упорядочению терминологии обычно оформляются в виде словаря. В терминографии разрабатываются принципы построения терминологических словарей [Лейчик, 1996: 279]. Насущной задачей современной лингвистики стала систематизация и семантизация терминологической лексики [Герд, 2005: 108].

Число терминологических словарей в последние годы быстро увеличивается и значительно превышает число других видов словарей. Появляются новые области знания и новые области применения словарей – информационные системы, системы управления, нормативно-правовое регулирование, геновая инженерия и т.д., что ведет за собой появление новых видов специальных словарей.

Предпосылками формирования проблематики теории терминоведения было: выделение концепции лексикографического параметра в процессе научных исследований, связанных с разработкой типологии словарей; потребность в обобщении опыта работ по созданию терминологических словарей разных типов (толковых, переводных, информационных и т.д.); рассмотрение терминологического словаря как особого жанра деловой прозы; автоматизация терминографических работ и проблемы, связанные с созданием автоматизированных банков данных.

В соответствии с вышеизложенными предпосылками основными направлениями современной теории терминографии являются: создание надежной классификации и типологии специальных словарей, инвентаризация терминографических параметров, анализ

влияния методической установки словаря и ее отдельных факторов на качество и особенности теории композиции словаря, изучение путей и организации терминологической информации в пределах словаря, а также способов машинного представления лексикографических и терминологических данных.

Несмотря на то, что разработка теории терминографии в последние десятилетия ведется достаточно быстро, она все же далека от своего завершения. Однако накопленный опыт разработки специальных словарей позволяет сделать выводы о недостатках в словарном деле.

Многие проблемы, исследуемые терминоведами, возникли в практике разработки терминологических словарей и решение этих проблем влияет на методы составления словарей. Как правило, разработкой и составлением терминологических словарей занимаются специалисты-предметники, которые не имеют подготовки в области лексикографии. По отдельным видам словарей методические материалы применяются лишь к отдельным словарям. Также при составлении словарей не учитываются общепринятые правила подготовки и оформления, что приводит к отсутствию единства в методах подготовки и оформления словаря и усложняет работу их составителей. Причина этого – недостаточная разработанность соответствующих теоретических положений, незавершенность исследований по типологии терминологических словарей, отсутствие общепринятых критериев оценки, выбора и обоснования структуры словаря и отбора специальной лексики для включения ее в словарь, а также принципов выбора и оформления в словаре информации о специальной лексике.

Отсутствие единства в подготовке словарей проявляется в большом разнообразии структуры терминологических словарей, отсутствии взаимосвязи между назначением и композицией словарей, случайности выбора композиционных средств. Рассмотрим наиболее распространенные недостатки существующих терминологических словарей, на которые указывают специалисты в области терминографии. К ним относятся:

- попытки совмещения в пределах одного словаря нескольких функций, что создает значительные затруднения для автора и вызывает неудовольство такими словарями;
- субъективность и случайность в отборе терминов для словаря, в результате чего в словарь не попадают многие нужные и важные термины избранной предметной области и одновременно с этим словарь заполняется «балластным материалом» – единицами, которые нельзя отнести к терминам, случайными терминами из смежных областей знания и т.д.;
- несоответствие содержания и организации назначению словаря;
- отсутствие единства в структуре и информационном содержании однотипных специальных словарей;
- непригодность распространенного алфавитного принципа презентации лексики в словаре для выявления существующих связей между понятиями, поиска нужного слова по семантическим признакам, проверки правильности отбора лексики и составления системного представления о понятиях и терминах и ряда других целей;
- отсутствие в словарях ряда необходимых указателей;
- отсутствие системности в описании терминов в словарях, что проявляется в неразработанности или полном отсутствии ссылок между взаимосвязанными терминами, потерях и рассеянии информации при инверсии словосочетаний, в которых опорное слово имеет слишком широкое и расплывчатое значение;
- отсутствие в определениях терминов информации об иерархических отношениях между понятиями;
- неудовлетворительность используемых в настоящий момент способов презентации в словарях морфологических и словообразовательных характеристик терминов;
- недостаточность и неадекватность семантического описания терминов (в особенности многозначных) в современных специальных словарях;

- неотработанность проблемы презентации в словарях терминологических слово-сочетаний;

- неудовлетворительные определения значений терминов во многих терминологических словарях, их несоответствие важнейшим логическим требованиям, несогласованность между определениями родственных терминов в пределах одного словаря;

- несоответствие между определениями терминов и значениями, в которых эти термины употребляются в других словарных статьях того же самого словаря, несогласованность определений одних и тех же терминов в разных типах специальных словарей;

- отсутствие единообразия в организации материала внутри словарных статей и выборе помет и ссылок.

Таким образом, одна из основных проблем в составлении и разработке словарей – это отсутствие единых принципов подготовки и оформления. С.Г. Бархударов в связи с этим говорит следующее: «Каждый автор-составитель поступает так, как ему вздумается, и, к сожалению нет никаких регламентирующих положений, которым можно было бы следовать» [Бархударов, 1975].

Все изложенные выше недостатки в составлении терминологических словарей делают актуальным вопрос о выработке единого подхода специалистов к описанию специальной лексики в научно-технических словарях.

При создании словаря следует учитывать четыре основных этапа. На первом этапе работы происходит проектирование словаря. Определяется тип словаря, читательский интерес и его основные характеристики. При этом используется систематизирующий перечень возможных параметров, на основе которого принимаются предварительные решения по элементам методической установки и композиционной структуры словаря, определяется состав специальной лексики. Однако, как показывает практика, в большинстве случаев составители словарей не обращают должного внимания на процедуру прохождения первого этапа, что в свою очередь ведет к внесению изменений по ходу издания словаря и находит отражение в трудоемкости его изготовления и сказывается на его качестве. Результат работы на этом этапе – непосредственно сам проект словаря и методика его создания. На втором этапе происходит отбор лексического материала и составление словника будущего словаря. Третий этап (основной) включает непосредственный анализ и описание специальной лексики, включенной в словник. На четвертом этапе ведется подготовка словаря к изданию (редактирование, уточнение и проверка взаимности ссылок).

Словари терминов различных наук и отраслей техники являются переходными от лингвистических к нелингвистическим словарям. Все словари, относящиеся к терминологическим в широком смысле, объединяются в один, теоретически особый тип по трем основным признакам:

- 1) словари должны описывать терминосистему или терминосистемы;
- 2) иначе интерпретировать свои объекты, чем другие словари;
- 3) быть профессионально-ориентированными во всех звеньях своей структуры.

По мнению Л.Т. Борисовой, основной задачей терминологического словаря является отражение системных связей между включенными в него единицами, иными словами они должны раскрывать структуру терминосистемы, которая полностью зависит от структуры данной области знания [Борисова, 2000: 23-24].

Лингвисты формулируют следующие задачи при составлении терминологического словаря как словаря особого типа:

- содействовать распространению выверенной и унифицированной информации;
- предостеречь от употребления терминов искажающих действительность и тормозящих овладение передовой техникой;
- содействовать повышению квалификации практиков и учащихся, как объяснением отдельных терминов, так и указанием на их систему;
- помогать авторам учебников и преподавателям внедрять единую терминологию;
- рационализировать деловую переписку;

– предоставить материал историкам науки и техники для объяснения исторических терминов (терминов вышедших из употребления);

– дать возможность создания аналогичных терминологий на национальных языках.

Для того, чтобы объективно оценивать качество терминологического словаря, следует ориентироваться на определенные требования, предъявляемые к данному типу словаря. Обычно эти требования связаны с нуждами пользователей, однако в тоже время можно говорить о существовании общих требований к терминологическим словарям:

1. Адекватное описание лексики выбранной области науки и техники.

2. Наличие всей необходимой информации.

3. Отсутствие избыточной и ненужной информации.

4. Унификация композиции и систем индексации словарей, с тем чтобы облегчить переход от одного типа словаря к другому. В некоторых случаях создаются системы словарей или несколько словарей исходного типа, которые имеют одну цель и одно терминографическое оформление.

Создание терминологических словарей связано с рядом трудностей, которые возникают при попытке упорядочения, унификации соответствующих терминологий. У представителей одной и той же профессии или области научных знаний, живущих в разных странах и говорящих на разных языках, существует система представлений о структурной организации соответствующей профессиональной сферы. В процессе взаимодействия на профессиональном уровне возникает необходимость не только достаточно уверенно ориентироваться в чужой структуре, но и соотносить со своей собственной. Особенно это важно при переводе, когда нужно подобрать эквивалент.

Проблема создания типологии словарей для специальной лексики является первоочередной по отношению к общей проблеме выработки методологии создания словарей, так как определение и всесторонний анализ существующих словарей необходимы для установления общих принципов их создания, учета особенностей (реализации этих принципов) при подготовке отдельных разновидностей словарей и выработки единообразных подходов к описанию специальной лексики в однотипных словарях [Лейчик, 1996].

Я.Л. Донской также связывает проблемы подготовки специальных словарей с предварительной подготовкой или принятием их типологии. Ученый полагает: «Любую типовую (научную классификацию) словарей можно рассматривать как своеобразный информационно-поисковый язык, словарный состав и грамматика которого определяется его видом [Донской, 1986].

Создание типологии словарей предполагает выделение определенных лексикографических характеристик, параметров, которые служат основанием для классификации, описания и оценки словарей, а также проектирования.

Многими лингвистами осуществлялись попытки построения классификации различных видов словарей. При этом данные классификации базировались на одном или нескольких критериях. Однако стремление найти один критерий для типов словарей не достигли желаемого результата. Ряд ученых, в частности А.С. Герд утверждает, что все параметры классификации словарей, используемые в общей лексикографии могут быть применены для терминологических словарей [Герд, 2005]. В тоже время существует мнение, что имеются специфические отличия терминологических словарей от словарей других классов.

Резюмируя предлагаемые языковедами классификации терминологических словарей можно выделить следующие параметры, определяющие типологические особенности словарей:

1. По тематической ориентации терминологические словари делятся на общенаучные, многоотраслевые (политехнические), отраслевые (технические) и узкоотраслевые.

2. По упорядочению словника. Здесь следует отметить, что существует несколько классификаций (В.М. Лейчик, А.М. Цывин). Суть их в выделении алфавитных и неалфавитных (систематических) словарей. Однако за пределами этих классификаций остаются

типы словарей, в которых совмещены алфавитный и тематический способы упорядочения словника. Наиболее полную классификацию терминологических словарей с точки зрения их структуры приводит И.В. Маткина [Маткина, 2002: 128-146]. Она подразделяет словари на алфавитные, алфавитно-гнездовые, алфавитно-реляционные, идеографические и обратные словари.

3. По хронологической ориентации выделяются словари неологизмов (новых терминов), словари современной лексики, исторические словари (термины находятся на грани исчезновения из употребления, либо вышли из употребления).

4. По языковой ориентации словари бывают одноязычные, двуязычные и многоязычные.

5. По назначению выделяют переводные (словари эквивалентов), справочные, регламентирующие, учебные и информационные.

6. По функции принято выделять нормативные и инвентаризационные словари.

7. По объему терминологические словари могут быть краткими и полными.

8. В последнее время ученые выделяют новый критерий, который связан со способом оформления и детализацией информации. На основе такого критерия словари можно разделить на книгопечатные (эти словари в свою очередь делятся на многотомные, однотомные, карманные и иллюстративные) и компьютерные (или электронные). В связи с названием электронные словари некоторые лингвисты настаивают на термине «компьютерные словари». Они аргументируют это тем, что данная новая отрасль лексикографии возникла именно в связи с развитием компьютерных технологий и их активным применением в лексикографической деятельности.

9. Терминологические словари могут охватывать всю (или почти всю) терминосистему определенной области знания, а могут быть текстоориентированными, в том случае, если источником послужил конкретный текст или тексты.

При разработке словаря нужно учитывать все его особенности, так как назначение словаря налагает на него некоторые обязательства.

Теоретические исследования последнего времени нашли свое отражение в различных типах терминологических словарей. Эти словари еще недавно существовали в подавляющем большинстве случаев в печатном виде, а в настоящий момент в подавляющем виде появились на электронных носителях в Интернете.

На сегодняшнее время широкое распространение получили различные способы механизации и автоматизации разработки и использования терминологических словарей. Создаются электронные словари, автоматизированные терминологические банки данных, в которых собраны необходимые сведения о терминах и обозначаемых ими понятиях. Таким образом, минимализируется использование словарей книжного типа, а с помощью компьютера отображаются в систематизированном виде определенные понятия специальных областей знания или деятельности. Такого рода словари выполняют не только информационную, но и познавательную, классификационную и др. функции.

Значимость разработки дву- и многоязычных терминологических словарей обуславливается в настоящий момент наличием в развитии научно-технической терминологии в мире двух тенденций, существующих в диалектическом единстве. С одной стороны, тенденции к интернационализации, обусловленной потребностью в стандартизации, унификации, в связи с чем, исследователи выделяют такую важнейшую черту терминологии как «международная узнаваемость». С другой стороны, наблюдается, в силу причин объективного характера, связанных с особенностями развития научной мысли, тенденция к сохранению определенных черт своеобразия национальных научных подязыков.

Несмотря на огромное количество терминологических словарей в настоящее время отсутствуют многие виды специальных словарей, например: словари международных терминологических элементов, словари употребительности терминов с указанием частоты встречаемости отдельных значений многозначных терминов, словообразовательные терминологические словари.

Подводя итог всему вышесказанному можно сделать следующие выводы. Терминологические словари, несмотря на то, что имеют много общего с общезыковыми словарями, представляют вместе с тем особый тип словарей. Для них свойственны некоторые отличительные признаки:

- они описывают терминосистему или терминосистемы;
- они иначе интерпретируют свой объект, чем другие словари;
- они профессионально ориентированы.

Наряду с увеличением числа и тиража ежегодно выпускаемых терминологических словарей, наблюдается снижение их качества и увеличение их трудоемкости подготовки. Это связано в первую очередь с отсутствием общепринятых принципов и методов подготовки всех видов специальных словарей. Отсутствие этих принципов приводит к потере информативности словарей, снижает эффективность пользования ими и не позволяет дать им объективную оценку. Вместе с тем за последние два десятилетия появилось большое количество работ, посвященных отдельным теоретическим и практическим вопросам терминографии.

Потребности в обобщении имеющегося опыта создания терминологических словарей различных типов; возрастающая сложность отбора специальной лексики для словарей; работа над типологией словарей в общей лексикографии и необходимость в выборе наиболее эффективных композиционных решений словарей, вызванная автоматизацией лексикографических работ, стимулировали развитие теории терминографии. Сегодня есть все основания, чтобы считать терминографию наукой, имеющей свой объект – терминологические словари, предмет – установление создания и оценки специальных словарей, собственные методы комплексного параметрического описания и оценки словарей, а также решение проблем описания терминосистем в словарях разного типа.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1975. – 240 с.
2. Борисова Л.Т. О системном подходе к представлению терминологии в отраслевом словаре // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. – Горький: Горьковский ун-т, 2000. – С. 23-24.
3. Герд А. С. Терминологический словарь среди других типов словарей. - Л.: Наука, 1981. – С.108.
4. Герд А.С. Прикладная лингвистика. – Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 268 с.
5. Гринева С.В. Основы лексикографического описания терминосистем: дис... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 436 с.
6. Донской Я.Л. Словник в научно-технической лексикографии: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Л., 1986. – С.6.
7. Лейчик В.М. Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание. – Спб., 1996. – С. 276 -289.
8. Маткина И.В. Структурная классификации терминологических словарей // Очерки научно-технической лексикографии: сб. статей / по ред. А.С. Герда. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 128 -146.
9. Омарова С. К., Кабдрахманова А. И. Использование учебного многоязычного терминологического словаря в обучении профессиональному иностранному языку студентов технических специальностей // Молодой ученый. – 2014. – №20. – С. 610-615.

References

1. Barkhudarov L.S. Language and translation. – M.: Publishing house "International Relations", 1975. – 240 p.
2. Borisova L.T. About the system approach to the representation of terminology in the branch dictionary // Theory and practice of scientific and technical lexicography and translation. – G.: Gorky University, 2000. – P. 23-24.
3. Gerd A.S. Terminological dictionary among other types of dictionaries. - L.: Science, 1981. –P.108.
4. Gerd A.S. Applied linguistics - St. Petersburg: Publishing House St. Petersburg University, 2005. – 268 p.
5. Grineva S.V. Fundamentals of the lexicographic description of terminology. Thesis... Ph.D. – M., 1990. – 436 p.
6. Donskoy Ya.L. Dictionary in scientific and technical lexicography: Author's abstract. Thesis... Candidate of Philological Sciences – L., 1986. – P. 6.
7. Leichik V.M. Applied terminology and its directions // Applied linguistics. - St. Petersburg, 1996. – P. 276-289.
8. Matkina I.V. Structural classification of terminological dictionaries // Articles on scientific and technical lexicography: collection of articles / edited by Gerd A.S. – St. Petersburg: Publishing house St. Petersburg University, 2002. – P. 128 -146.
9. Omarova S.K., Kabdrakhmanova A.I. Use of the educational multilingual terminological dictionary in teaching foreign languages to students of technical specialties // Young Scientist. – 2014. – №20. – P. 610-615.

УДК 811.111'373

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРОДУКТИВНЫХ СУФФИКСОВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Тимошилова Тамара Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
timoshilova@yandex.ru

Вальчук Тамара Георгиевна

старший преподаватель
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Valchuk@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья представляет собой описание словообразовательных суффиксов в английском языке с целью выделения их коммуникативной значимости в современном дискурсе. Рассматриваются наиболее продуктивные суффиксы и полусуффиксы с точки зрения синхронии и диахронии.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, полусуффикс, «осколочный» элемент.

ANALYSIS OF SOME PRODUCTIVE SUFFIXES IN MODERN ENGLISH IN THE COMMUNICATIVE ASPECT

Timoshilova Tamara

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
timoshilova@yandex.ru

Valchuk Tamara

Senior Lecturer
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Valchuk@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the representation of some productive suffixes in modern discourse. The most productive affixes are considered from the point of view of their significance in the contemporary communicative process with the reference to the synchronic as well as diachronic aspects.

Keywords: word-formation, affixation, semi-suffix, "fragmentary" element.

Английский язык является одним из наиболее быстро развивающихся языков в мире. Английский словарь продолжает обновляться и пополняться новыми единицами. По некоторым данным, в среднем за год в английском языке появляется от 800 до 2000 новых слов – больше, чем во многих других языках мира. Это пополнение словарного состава идет не только за счет заимствований разного рода, но и за счет «внутренних ресурсов» языковой системы – словообразовательных процессов и переосмысления уже существующих значений.

К наиболее продуктивным способам словообразования в современном английском языке относятся: аффиксальный (образование слов посредством суффиксов и префиксов), конверсия (процесс образования новых лексических и морфологических единиц посредством перехода из одной части речи в другую), словосложение (образование слов посредством сложения основ слов).

Аффиксация действует в качестве способа образования новых слов на протяжении всей истории английского языка, о чем свидетельствует огромное количество слов, которое возникает с помощью словообразовательных аффиксов.

В рамках английского языка аффиксы – словообразовательные элементы, добавляемые к словам – могут или предшествовать, как префиксы (*read – reread; do – undo*), или следовать за основой, как суффиксы (*way – wayward; read – reading; do – doer*).

Обратимся к суффиксальному способу, особенностью которого является большая свобода в объединении суффиксов с основами. Суффиксы служат не только средством образования новых слов, но и средством оформления различных частей речи и, соответственно, делятся на суффиксы существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

Так же суффиксы делятся на продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные. Например, суффикс *-er* настолько продуктивен, что может производить существительные от глагольных основ с послелогом: *to look on* (смотреть) – *onlooker* (зритель, наблюдатель); *to come by* (проходить мимо) – *comer by* (прохожий); *to dine out* (обедать вне дома) – *diner out* (лицо, обедающее вне дома); *to find out* (узнавать, открывать, разгадывать) – *finder out* (тот, кто узнаёт, разузнаёт; открыватель).

К малопродуктивным суффиксам относится *-ee*, который не получил широкого распространения в качестве словообразующего элемента на английской почве, потому что семантический класс глагольных основ, способных сочетаться с этим суффиксом, весьма малочислен: это, прежде всего глаголы со значением «передавать, вручать или вверять что-либо кому-либо»: *to trust* (доверять, вверять, поручать попечению) – *trustee* (лицо, которому доверено, поручено управление; попечитель, опекун); *to train* (тренироваться) – *trainee* (лицо, проходящее практику или тренировку). Хотя он малопродуктивен, время от времени, он дает новообразования: *telephonee* (тот, кому звонят по телефону); *quizzee* (участвующий в опросе) [1, с. 46].

Непродуктивные не участвуют активно в словообразовании в настоящее время, в отличие от продуктивных. К непродуктивным относятся *“ity”, “hood”, “ly”, “dom”, “ence”, “ship”, “ance”* и *“ment”*.

Например, в древнеанглийском языке суффикс *-ship* мог одинаково сочетаться как с основами существительных, так и прилагательных. В современном английском языке суффикс *-ship* способен производить абстрактные существительные только от основ существительных. Те производные на *-ship*, у которых основами являются прилагательные, были образованы еще в древне- и среднеанглийский периоды. Например: *falseship* (ложность, вероломство), *hardship* (лишение, нужда), *madship* (безумие), *swiftship* (быстрота), *wildship* (дикость). Однако почти все подобные слова уступили место образованиям на *-ness* с теми же значениями и сейчас в языке не употребляются.

В современном словообразовании наблюдается явление превращения первого или второго компонента сложного слова в аффикс, которое начинается в тех случаях, когда процесс создания аффикса не завершен. В языке начинают появляться словообразовательные элементы, являющиеся коррелятами корневых морфем. Это приводит к появлению терминов «полуаффикс», «полупрефикс» и «полусуффикс» (М.Д. Степанова) как наиболее полно отражающих промежуточный характер элементов, проявляющих в своем значении и функционировании черты, с одной стороны, корневой морфемы, а с другой – аффиксальной.

В соответствии с этой точкой зрения полусуффикс – это словообразовательный элемент, который по форме совпадает с простым корневым словом, обладает функционально-семантическими характеристиками словообразовательного суффикса и формируется на основе второго компонента сложного слова, приобретая более общее, абстрактное значение и образуя в сочетании с основами различной семантики представительные словообразовательные ряды. Примерами полусуффиксов служат элементы *-man*, *-free*, *-load*, *-head* в образованиях *postman* «почтальон», *oil-free* «не содержащий жир», *busload* «полный автобус», *woodenhead* «глупец».

Корневые морфемы латинского и греческого происхождения типа, *-logy*, *-mania*, *-naut* могут служить базой для образования полуаффиксов (полусуффиксов), например: *bacteriology*, *epidemiology*, *symptomatology*.

Обратимся к полусуффиксам *-mania*, *-phobia*, *-philia*, относящихся по исследованиям последних лет к интернациональным.

-mania (в греческом *mania* – страсть, безумие, влечение) обозначает обсецию, преувеличенное проявление какого-либо чувства. Полусуффикс принадлежит словам, обозначающим психические расстройства, одержимость каким-нибудь предметом, явлением или человеком, например, *клеттомания*, *мегаломания*, *пиромания*. Глоссарий одержимости огромен, следуя алфавитному порядку приведём ряд примеров:

alcoholomania, alcohol => [alcohol-] (Arabic > Latin) meaning “alcohol”,
arithomania, numbers and counting (a passion or obsession with counting) [synonym – arithmomania] => [arith-] (Greek) meaning “number” *balletomania*, ballet, *Beatlemania*, *the Beatles* (an obsession with the Beatles)
bibliokleptomania, stealing books => [biblio-] (Greek) meaning “books” | [klepto-] (Greek) meaning “stealing”
clinomania, excessive desire to stay in bed
discomania, disco music
ergomania, work [synonym – ergasiomania] => [ergasio- or ergo-] (Greek) meaning “work”
erythomania, blushing
florimania, flowers => [flori-] (Latin) meaning “flower”
francoomania, France and the French
graphomania, writing => [grapho-] (Greek) meaning “to write”
hydromania, water => [hydro-] (Greek) meaning “water”
hysteromania, human sexual behaviour/desire towards males (females only) [synonyms – nymphomania, cytheromania] => [hystero-] (Greek) meaning “the womb” or “uterus”
infomania, fact accumulation
Italomania, Italy or Italians
kleptomania, stealing [synonym klopemania]
Lisztomania, Franz Liszt (an obsession with Franz Liszt)
melomania, music
mythomania, lying
narcomania, narcotics
orchidomania, orchids
phagomania, excessive desire for food or eating
phaneromania, biting one’s nails
Pottermania, Harry Potter
rhinotillexomania, nose picking => rhino- (Greek) meaning “nose”; tillexis- (Greek) meaning “to pluck, tear, pull or pick at”
squandermania, spending money wastefully
stampomania, stamp-collecting
technomania, technology
theatromania, performing plays
toxicomania, poisons
titillomania, scratching
tulipomania, tulips
uranomania, divinity
verbomania, words
xenomania, foreign things
zoomania, animals (an obsession with animals)

Семантика слов с основой «фобия» выражает различного рода страхи перед чем-то чуждым, незнакомым и связана со страхами не только по отношению к разным этносам, но и к неодушевленным предметам, что расширяет значение основы «фобия».

Фобия (от греческого «страх») – это стойкий и необоснованный страх перед отдельными предметами, действиями или ситуациями. Фобии подразделяются на три категории: *агорафобия*, *социофобии* и *специфичные фобии*.

Агорафобия (от греческого «страх рыночной площади») – это страх появления в общественных местах, особенно без сопровождения.

Социофобии – страх социальных ситуаций или ситуаций выступления, когда может возникнуть замешательство. Многие люди волнуются, когда им предстоит встречи с другими, или беседы, или выступление перед людьми, написания чего-то на виду у других,

или она может быть более широким страхом неадекватных действий, когда на человека смотрят другие люди. Несомненно, социофобии более распространены, чем агорафобия.

Никуда не исчезли и по-прежнему считаются самыми распространенными из фобий **тантофобия** (*паническая боязнь насильственной смерти*) и расцветшая пышным цветом **ксенофобия** (*страх перед иностранцами*).

Все другие фобии классифицируются как специфические фобии. Специфическая фобия – сильный и стойкий страх перед специфическим объектом или ситуацией (исключая *агорафобию* и *социофобию*). Распространенными специфическими фобиями являются сильный страх перед определенными животными или насекомыми, боязнь высоты, закрытых помещений и грозы.

Brontophobia [ˌbrɒntə'fəʊbiə] от греческого слова *bronto* «гром» – патологический страх перед грозой (*бронтофобия*). Этот же греческий корень у английского слова *brontosaurus* «бронтозавр», что в дословном переводе значит «громовой ящер».

Eremophobia [ˌerɪmə'fəʊbiə] от греческого слова *eremia* «пустынное место» – патологическая боязнь безлюдных мест или одиночества. Английское слово *hermit* «отшельник» имеет тот же греческий корень, однако отшельник не испытывает ужаса от пребывания в одиночестве, а находит в нем утешение.

Ergophobia [ˌɜrgə'fəʊbiə] (*ergon* по-гречески значит «работа») – часто шутивное отвлечение к труду (*эргофобия*). Находится в родстве со словами *ergonomic* «эргономический; эргономика – наука об оптимизации условий труда» и *ergometer* «эргометр – прибор для измерения механической работы».

Haphephobia [ˌhæfə'fəʊbiə] от греческого слова *haptein* «прикреплять», «привязывать», «соединять две какие-либо вещи между собой» – патологическая боязнь прикосновений (также называемая *гафефобия* или *гантофобия*). Родственным словом *haptics* в английском языке называется «наука о тактильной чувствительности», положения которой используются при разработке технологий, лежащих в основе таких устройств, как сенсорный экран.

Hypnophobia [ˌhɪpnə'fəʊbiə] от греческого слова *hypnos* «сон» – патологическая боязнь заснуть из-за опасения умереть во время сна (*гипнофобия*). Английские слова *hypnotist* «гипнотизер» и *hypnotize* «гипнотизировать» имеют тот же самый греческий корень.

Kakorrhaphiophobia [ˌkækəˌræfəʊə'fəʊbiə] от греческого слова *kakorrhaphia*, которое переводится как «искусная интрига» или «хитроумный план», происходит от греческого слова *kakos* – «плохое», «дурное» – страх неудачи (*какоррафиофобия*). Тот же греческий корень и у английского слова *cacophony* «какофония – негармоническое, режущее слух сочетание звуков, неблагозвучие».

Существует целая группа слов, имеющих один корень, но полусуффиксы *-mania* и *-phobia* делают их противоположными по значению.

ablutomania, washing or cleaning oneself => [abluto-] (Latin) meaning “washing” or “cleaning” (see *ablutophobia*, opposite)

anglomania, England and the English (a passion or obsession with the English i.e. anglophile) (see *anglophobia*, opposite)

anthomania, flowers => [antho-] (Greek) meaning “flower” (see *anthophobia*, opposite)

apimania, bees (a passion or obsession with bees) => [api-] (Latin) meaning “bee” (see *ariphobia* i.e. fear of bees, opposite)

hippomania, 1) horses (A passion or obsession with horses[1] as well as a madness in horses[2]) => [hippo-] (Greek) meaning “horse” [see *hippophobia* (opposite)]

2) hippopotamuses (passion or obsession with hippopotamuses [3] => [hippo-] (Greek) meaning “horse” and [potamos] (Greek) meaning “river”.

zoomania, animals (an obsession with animals) (see *zoophobia* opposite).

Количество зарегистрированных фобий только за последнее десятилетие выросло вдвое. Кроме того, в разряд полусуффиксов включаются так называемые «осколочные» элементы или «осколки» типа *-a/oholic*, образуемые в результате усечения основ и их

сложения по определенным правилам при образовании слов-слитков (слова, в которых соединяются усеченный элемент одного слова и полная форма другого слова: - *work* + *alcoholic* -> *workaholic*, - *Europe* + *television* -> *Eurovision*) и слова-телескопы.

Под телескопией понимается способ словообразования, при котором новое слово возникает из слияния полной основы одного исходного слова с усеченной основой другого или из слияния двух усеченных основ исходных слов. Значение нового слова включает в себя полностью или частично значения входящих в него структурных компонентов. Например, *магнитола* (*магнитофон* + *радиола*), *мо(торизованный) отель* – *мотель*, *мо(товелоси)пед* – *мопед*, *био-электроника* – *бионика*.

Как особая разновидность сложных слов такие словообразования могут служить моделью для использования усеченных основ в функции аффиксов, в частности, суффиксов. Данное положение наглядно иллюстрируется наличием словообразовательных рядов с осколочными элементами, например: *foodaholic*, *chocoholic*, *computerholic*, *shopoholic*, и т. п.

Сам суффикс “-holic” обозначает склонность к чему-либо, пагубную привычку. Он стал первым термином, используемым и в медицине, и в социальной сфере. В современном мире этот суффикс используется для обозначения не пагубной, а какой-либо сильной привычки: *blogaholic*, *cleanaholic*, *spendaholic*, *webaholic*, *twitterholic*, *gameaholics* и даже *Warcraft-aholic*.

Однако иногда слова с этими полусуффиксами имеют одинаковое значение, но употребляются в разных сферах деятельности. Так, медицинское название болезни *choreomania* заменяется в разговорной речи словом *danceaholic*, обозначающим человека, страдающего этим заболеванием, соответственно *ergomania* – *workaholic*, *erotomania*, *satyromania*, *nyctomania* – *sexaholic*, *saccharomania* – *sugarholic*.

Таким образом, можно отметить, что одним из основных способов словообразования остаётся суффиксальный. И это подтверждают неожиданно вышедшие вперёд и ставшие продуктивными полусуффиксы –*phobia*, –*mania* и «осколочный» элемент –*holic*, относимый к полусуффиксам. Слова, образованные с их помощью соответствуют требованиям к краткости в передаче информации, сжатости самой информации, удобопроизносимости, характерным для современного стремительного темпа жизни.

Литература

1. Карашук П.М. Словообразование английского языка. – М., 1977. – 302 с.
2. Степанова М.Д. Лексикология современного немецкого языка. = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 256 с.
3. Guz W. Semi-affixes midway between words and affixes Electronic resource. / W. Guz. – Mode of Access: <http://www.cs.bham.ac.uk/~pjh/semla5/pt2/pt2intromorphology.html>
4. LDCE Longman Dictionary of Contemporary English. The Complete Guide to Written and Spoken English / A. Gadsby (ed. dir.). – 3d ed. – London: Longman Group Ltd., 1995. – 1668 p.
5. OALDE – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English/ A.S. Hornby – Oxford: Oxford University Press, 1992.
6. http://www.academia.edu/4465963/List_of_maniacs
7. <http://englishon-line.ru/strahi-na-angliiskom.html>

References

1. Karashchuk P.M. Word formation in English. – М., 1977. 302 p.
2. Stepanova M.D. Lexicology modern German. – М.: Isd. tsenr «Akademiya», 2003. 256p.
3. Guz W. Semi-affixes midway between words and affixes Electronic resource. / W. Guz. – Mode of Access: <http://www.cs.bham.ac.uk/~pjh/semla5/pt2/pt2intromorphology.html>
4. LDCE Longman Dictionary of Contemporary English. The Complete Guide to Written and Spoken English / A. Gadsby (ed. dir.). – 3d ed. – London: Longman Group Ltd., 1995. 1668p.
5. OALDE – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English/ A.S. Hornby – Oxford: Oxford University Press, 1992.
6. http://www.academia.edu/4465963/List_of_maniacs
7. <http://englishon-line.ru/strahi-na-angliiskom.html>

УДК 81.2

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА *ВРЕМЯ* (на материале английского, французского и русского языков)

Ухналёва Екатерина Александровна

аспирант

Белгородский государственный национальный ис-
следовательский университет,

Белгород, Россия

everveyko@bk.ru

Моисеева Софья Ахметовна

д.филол.н., профессор

Белгородский государственный национальный ис-
следовательский университет,

Белгород, Россия

moiseeva@bsu.edu.ru

Аннотация

Данная статья посвящена описанию репрезентации базового онтологического концепта *time/temps/время* и специфики его восприятия английским, французским и русским языковым сознанием. Проводится компаративный и этимологический анализы понятийных характеристик изучаемого категориального концепта с целью выявления его наиболее значимых характеристик, зафиксированных в толковых словарях. Выделяются наиболее стабильные признаки исследуемого концепта. Рассматриваются словарные статьи различных лексикографических источников, которые предлагают разное количество толкований анализируемой языковой единицы как в рамках одного языка, так и при сопоставлении разноструктурных языков.

Ключевые слова: время, концепт, категориальный концепт, дефиниция, лексикография, этимология.

LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF *TIME* CATEGORICAL CONCEPT (on the material of english, french and russian languages)

Ukhnaleva Ekaterina

postgraduate student

Moiseeva Sofia

Doctor of Philology, Professor

Belgorod State National Research University, Belgo-
rod, Russiaeverveyko@bk.ru

Abstract

This article describes the representation of base ontological concept *time/temps/время* and peculiarities of its comprehension in English, French and Russian linguistic consciousness. It also provides a comparative and etymological analyses of the concept, variants of using and nuanced, contextual interpretation, aiming to reveal its permanent features. Various explanatory dictionaries contain different quantity of the analyzing lexical units definitions based on one language. The work touches upon the cross-lingual matching of the concept on the material of English, French and Russian languages.

Keywords: time, concept, categorical concept, definition, lexicography, etymology.

В рамках когнитивной парадигмы научного знания представлена языковая репрезентация базового онтологического концепта *time/temps/время* и специфика его восприятия английским, французским и русским языковым сознанием.

Современные лингвоконцептологические исследования оперируют термином *категориальный концепт* (прототип, эталон, лежащий в основе категории). Е.С. Кубрякова под *категориальным концептом*, или *концептом категории*, понимает концепт, лежащий в основе группировки концептов и организующий структуру ментальной категории [Кубрякова 1997: 117]. Структура и содержание концепта, в том числе и категориального, определяется путём выявления его различных свойств. Анализ понятийных характеристик изучаемого концепта имеет целью выявление его наиболее значимых признаков, зафиксированных в толковых словарях. Компаративное исследование словарных дефиниций дает возможность выделить наиболее стабильные характеристики анализируемого категориального концепта, выявленные в рассматриваемых языках.

Словарные дефиниции в определённой мере являются отражением наших знаний о мире, языкового опыта и познания действительности. Лексикографические словари наглядно демонстрируют черты лексики различных ареалов представленного языка, помогают выяснить происхождение, строение и первоначальное значение слова. При этимоло-

логическом исследовании проясняется его первоначальная внешняя форма и внутреннее содержание, раскрывается значение слова, мотивация, смысловые оттенки, а также его текстовая иллюстрация и употребление. Словари содержат информацию, отражающую знания вариантов осмысления слова на основе зафиксированных контекстов его употребления, в то время как постоянно создаются новые смыслы и формы их актуализации. Они демонстрируют современные языковые динамические процессы, порождённые политическими, экономическими, культурными, социальными переменами в жизни общества. Словарные статьи отражают истолкование слова, его нормативную, грамматическую, стилистическую характеристики, лексическую и синтаксическую сочетаемость, а также этимологическую справку.

Следовательно, представления о наиболее постоянных характеристиках категориального концепта *время* в сознании носителей английского, французского и русского языков создаются благодаря анализу словарных дефиниций исследуемой лексической единицы (ЛЕ). Различные словари предлагают разное количество толкований анализируемой языковой единицы как в рамках одного языка, так и при сопоставлении разноструктурных языков.

В английском языке лексема *time* происходит от древнеангл. *tima* 'limited space of time' 'ограниченное пространство времени', означая протяженность, сопряженную с процветанием и благосостоянием (*time — limited stretch of continued existence*) [<http://www.etymonline.com>].

Словарные дефиниции ЛЕ *time* в английском языке

Oxford Advanced Learner's Dictionary	Longman Dictionary of English Language and Culture	Cambridge International Dictionary of English
1. what is measured in minutes, hours, days, etc.; 2. the time shown on a clock in minutes and hours; 3. the time measure in a particular part of the world; 4. the time when sth happens or sth should happen; 5. an amount of time, the amount of time available to work, rest, etc.; 6. a time – a period of time, either long or short, during which you do sth or sth happens; 7. a period of history connected with particular events or experiences in people's lives; 8. an event or occasion that you experience in a particular way;	1. a continuous measurable quantity from the past through the present and into the future; 2. the passing of the days, months and years, considered as a whole; 3. a particular system of measuring time; 4. limited period, that passes between two events, or the period needed or allowed for the completion of an action; 5. a particular point in a day, stated in hours, minutes, seconds. 6. a continuous measurable quantity from the past through the present and into the future; 7. the passing of the days, months and years, considered as a whole; 8. a particular system of measuring time; 9. limited period, that passes between two events, or the period needed or allowed for the action; 10. a particular point in a day, stated in hours, minutes, seconds.	1. a particular period of seconds, minutes, hours, days, weeks, months, years for which something has been happening or which is available for something; 2. a historical period; 3. a particular point in the day, as expressed in hours and minutes or shown on a clock, or particular point in the day, week, month or year; 4. a particular point in the day that is suitable for a particular activity or at which something is expected to happen; 5. an occasion, or period, or experience connected with it;

В английской картине мира время предстает в виде линейного образа с явными признаками актуализма. Сравнительный анализ словарных дефиниций позволяет выявить наиболее стабильные характеристики категориального концепта *time* в английском языке:

1. Метрическое время, исчисляемое единицами измерения времени (секунды, минуты, часы, дни, недели).

2. Период, характеризуемый или наполненный какими-либо событиями или предназначенный для определенной деятельности, ограниченный временем протекания события или иными временными рамками.

3. Точка на оси времени, метрическое отражение времени, связанное с какой-либо деятельностью или событием.

4. Случай, отдельный пример конкретного события, где происходит переосмысление ЛЕ *time*, и она употребляется не в прямом значении, а является указанием на событие.

Проведенный анализ показал, что в английских толковых словарях отсутствует определение времени как грамматической категории. Е.С. Яковлева говорит о необходимости различать не только глагольно-грамматическое время, но и семантическое время, время жизни или лингвокультурологическое, что подтверждается наличием в английском и других языках двух различных терминов для описания понятий лингвистического времени и времени переживаемого [*lived time*]: в английском это *tense* и *time*, в немецком *Tempus* и *Zeit* [Яковлева 1994, 83]. Во французском и русском языках подобное терминологическое разделение отсутствует. Однако, категории *tense* и *time*, выражая время разными средствами (грамматическими и не грамматическими), относятся всё же к сфере лингвистики, так как актуализируются с помощью языковых средств.

Во французском языке лексема *temps* происходит от лат. *tempus, temporis* '*période, moment où quelque chose se produit; temps considéré dans la durée; période particulière en référence à l'histoire, la vie d'une personne; moment propice pour quelque chose; circonstances, conditions particulières*' '*период, момент, в который свершаются события; время, рассматриваемое как длительность; благоприятный момент для чего-либо; обстоятельства, определенные условия*' [http://www.etymonline.com]. Понятийное значение латинской лексемы *tempus* включает сему 'продолжительность, повторяемость', так, идея вращения и цикличности заложена уже в дефиниции французской лексемы *temps*. Существительное *temps* многозначно, через определение значений данной ЛЕ в разных словарях и в иллюстративных материалах можно отметить, что во французском языке оно обладает достаточно объёмным содержанием.

В словаре Le Petit Robert мы встречаем принципиально отличную позицию в трактовке времени. Так, французы рассматривают время с позиций его длительности, хронологии (смены событий), изменений физических или интеллектуальных. Французский национальный портал Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales приводит наибольшее количество толкований ЛЕ *temps*. Анализ приведённых дефиниций показывает, каким многогранным предстаёт понятие *время* для французов. В исследуемом языке оно обладает большим потенциалом содержания, включает в себе сложную систему значений: длительность действия, последовательность действия (действие «до» и «после»), психические и умственные представления человека. Так, наиболее стабильными характеристиками ЛЕ *temps* во французском языке выступают следующие:

1. Период, характеризуемый или наполненный какими-либо событиями (например, историческими) или предназначенный для определенной деятельности, ограниченный временем протекания события или иными временными рамками.

2. Точка на оси времени, метрическое отражение времени, связанное с какой-либо деятельностью или событием.

3. Последовательность событий.

В русском языке слово *время* происходит из старославянского языка суффиксальное производное (суф. -men > -мя) от той же основы, что и вертеть: в **vertmen* произошло упрощение групп согласных и выпало *t*, *er* между согласными в ст.-сл. яз. дало *pe* (через «ять»), изменившееся затем в др.-рус. в *pe*, *ę* < *en* дало позднее в др.-рус. 'а. Исходное значение существительного *время* — возвращение, чередование дня и ночи

[<http://etymological.academic.ru/656/время>]. В славянском обозначении времени реализовано представление о цикличности, повторяемости, что составляет сущность понятия *время* в древнеславянской картине мира. Приведенные данные свидетельствуют в пользу циклической темпоральной модели времени в русском языке.

Словарные дефиниции ЛЕ *temps* во французском языке

Larousse	Le Petit Robert	CNRTL
<p>1. Notion fondamentale conçue comme un milieu infini dans lequel se succèdent les événements.</p> <p>2. Mouvement interrompu par lequel le présent devient le passé, considéré souvent comme une force agissant sur le monde, sur les êtres.</p> <p>3. Durée considérée comme une quantité mesurable.</p> <p>4. Partie limitée de cette durée occupée par un événement, une action.</p> <p>5. Durée plus ou moins définie, dont quelqu'un dispose.</p> <p>6. Chacune des phases successives d'une opération, d'une action.</p> <p>7. Moment, époque occupant une place déterminée dans la suite des événements ou caractérisée par quelque chose.</p> <p>8. Moment, période, saison marqués par un genre de production, par tel caractère, etc.</p> <p>9. État de l'atmosphère, en un lieu donné, à un moment donné.</p> <p>10. Catégorie grammaticale de la localisation dans le temps, qui s'exprime, en particulier, par la modification des formes verbales</p>	<p>1. Considéré dans sa durée.</p> <p>1.1. Durée globale.</p> <p>1.2. Portion limitée de cette durée globale, espace de temps.</p> <p>1.3. Chacune des divisions égales de la mesure, en musique.</p> <p>1.4. Chacune des phases d'une action.</p> <p>2. Considéré dans sa succession. Point repérable dans une succession par référence à un «avant» et un «après».</p> <p>3. Considéré dans des représentations psychiques ou intellectuelles. Entité (souvent personifiée) représentative du changement continu de l'univers.</p>	<p>I. Milieu indéfini et homogène dans lequel se situent les êtres et les choses et qui est caractérisé par sa double nature, à la fois continuité et succession.</p> <p>A. – [Le temps est une durée]</p> <p>1. Absol. Durée indéterminée et continue. Le temps passe et court.</p> <p>2. Déterminé par un art., un adj. ou un compl. déterminatif ou une sub., le temps désigne un fragment de cette durée</p> <p>3. <i>Spéc.</i> Durée finie, objective, quantitativement mesurable; système de référence permettant de classer des événements d'après leur simultanéité et leur succession, en leur attribuant un nombre, leur date, exprimée en années, jours, heures, minutes et sous-multiples décimaux. Unité de temps dans un ensemble complexe.</p> <p>4. <i>SPORTS.</i> Durée chronométrée d'une épreuve.</p> <p>5. <i>INFORMATIQUE.</i> <i>Temps partagé. Temps réel.</i></p> <p>B. – [Le temps est une succession]</p> <p>C. – [Le temps considéré dans son essence]</p> <p>II. – État de l'atmosphère caractérisé par l'élément senti comme dominant en un lieu et à un moment donnés.</p>

Постоянными характеристиками ЛЕ *время* в русском языке являются:

1. Основная (наряду с пространством) форма существования бесконечно развивающейся материи.
2. Продолжительность, длительность происходящего и существующего, измеряемая метрическими единицами исчисления времени: секундами, минутами, часами, днями, годами и т.п.
3. Период, характеризуемый или наполненный какими-либо событиями (например, историческими) или предназначенный для определенной деятельности, ограниченный временем протекания события или иными временными рамками
4. Точка на оси времени, метрическое отражение времени, связанное с какой-либо деятельностью или событием.
5. Грамматическая категория.

Словарные дефиниции ЛЕ *время* в русском языке

Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова	Толковый словарь ключевых слов русского языка	Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова
<p>1. Основная (наряду с пространством) форма существования бесконечно развивающейся материи.</p> <p>2. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами.</p> <p>3. Мера длительности всего происходящего, существующего.</p> <p>4. Последовательная смена минут, часов, дней лет и т.п.</p> <p>5. Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т.п.</p> <p>6. Пora дня, недели, года и т.п., связанная с явлениями природы.</p> <p>7. Пora, часы, момент и т.п., отведённое для чего-либо, в которые происходит что-либо.</p> <p>8. Свободные от обычных занятий часы, дни и т.п.; досуг.</p> <p>9. Благоприятный, подходящий момент для чего-либо.</p> <p>10. <i>мн. времена; -мён.</i> Период, эпоха в жизни человечества, какого-либо народа.</p> <p>11. <i>Грамм.</i> Категория глагола, относящая действие посредством специальных форм в план настоящего, прошедшего или будущего.</p>	<p>1. Одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи, выражающая последовательность смены ее явлений и состояний.</p> <p>2. Продолжительность, длительность происходящего и существующего, измеряемая секундами, минутами, часами, днями, годами и т.п.;</p> <p>3. Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т.п.; некоторый срок.</p> <p>4. Свободные от обычных занятий часы, дни и т.п.</p> <p>5. Определенный момент, срок, когда что-либо происходит, когда надо что-либо предпринимать начинать; благоприятный, подходящий момент.</p> <p>6. <i>Спорт.</i> Показатель скорости движения спортсмена при беге, заплыве и т.п. на определенную дистанцию.</p> <p>7. Период, эпоха.</p> <p>8. <i>Лингв.</i> В грамматике: категория глагола, выражающая отношение действия или состояния к моменту речи или к моменту другого действия.</p>	<p>1. Одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи последовательная смена её явлений и состояний. <i>Вне времени и пространства нет движения материи.</i></p> <p>2. Продолжительность, длительность чего-н., измеряемая секундами, минутами, часами. <i>Сколько времени (который час?).</i></p> <p>3. Промежуток той или иной длительности, в который совершается что-нибудь, последовательная смена часов, дней, лет. Отрезок времени.</p> <p>4. Определённый момент, в который происходит что-н.</p> <p>5. (мн. в одном знач. с ед.). Период, эпоха.</p> <p>6. Пora дня, года.</p> <p>7. Подходящий, удобный срок, благоприятный момент.</p> <p>8. Период или момент, не занятый чем-н., свободный от чего-н.</p>

Проведенный анализ словарных толкований ЛЕ *time/temps/время* позволяет выявить наиболее характерные черты этого понятия в разноструктурных языках. К ним относятся такие характеристики как:

1. Метрическое отражение времени, связанное с какой-либо деятельностью или событием. 2. Точка на оси времени. 3. Период, характеризуемый или наполненный какими-либо событиями (например, историческими) или предназначенный для определенной деятельности, ограниченный временем протекания события или иными временными рамками.

В заключении отметим, что лексикографическое значение слова не отражает полно-

ты его содержательного потенциала и объективного наполнения концепта. Словари предоставляют информацию, отражающую знания вариантов осмысления слова на основе зафиксированных контекстов его употребления, в то время как постоянно создаются новые смыслы и формы их актуализации. Исходя из этого, можно сделать вывод, что полноценная репрезентация категориального концепта *time/temps/время* реализуется как в языке, так и в речи носителей языка, так как познание мира и его основных явлений и понятий основывается на личностном опыте практического, ментального и вербального взаимодействия с ним. Вышеперечисленные характеристики времени сосуществуют в сознании человека, образуя сложную структуру анализируемого категориального концепта, и служат основой для формирования многочисленных временных значений и смыслов различных языковых единиц.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.
3. Большой толковый словарь русского языка. С. А. Кузнецов. Справочное издание. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
4. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4047> (дата обращения: 21.02.2017)
5. Толковый словарь ключевых слов русского языка / Под общ. рук. Г.Н. Складневской. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 672 с.
6. Этимологический словарь. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 17.03.2017)
7. Этимологический словарь русского языка онлайн. URL: <http://etymological.academic.ru/656/время> (дата обращения: 20.03.2017)
8. Cambridge: International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 1996. – 1774 p.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Limited, 1992. – 1555 p.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 2005. – 1780 p.
11. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/lexicographie/temps> (дата обращения: 21.03.2017)
12. Dictionnaires de français Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/temps/77238> (дата обращения: 27.03.2017).
13. Rey. A. Grand Robert de la langue française. – Paris: Ed. Dictionnaires Le Robert, 2013. – 2837 p.

References

1. Kubryakova E.S. The Concise cognitive terms dictionary. – Moscow: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. – 245 p.
2. Yakovleva E.S. Russian language world-image fragments: (models of space, time and perception). – Moscow: Gnozis, 1994. – 343 p.
3. Big Explanatory Dictionary of the Russian Language by S. A. Kuznetsov. Reference book. – St. Petersburg: Norint, 2000. – 1536 p.
4. The Explanatory Dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4047> (accessed date: 21.02.2017)
5. The Explanatory Dictionary of the Russian Language keywords by G.N. Sklyarevskoy. – St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2014. – 672 p.
6. Etymology dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (accessed date: 21.02.2017)
7. Russian online etymology dictionary. URL: <http://etymological.academic.ru/656/время> (accessed date: 20.03.2017)
8. Cambridge: International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 1996. – 1774 p.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Limited, 1992. – 1555 p.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 2005. – 1780 p.
11. National Centre of Text and Lexis Researches. URL: <http://www.cnrtl.fr/lexicographie/temps> (accessed date: 21.03.2017)
12. Dictionary of the French Language Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/temps/77238> (accessed date: 27.03.2017).
13. Rey. A. Dictionary of the French Language Grand Robert. – Paris: Ed. Dictionnaires Le Robert, 2013. – 2837 p.

Раздел 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОММУНИКАЦИЯ: КАТЕГОРИИ ОПИСАНИЯ

УДК 81'1

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ДИАЛОГЕ

Акимова Анастасия Вячеславовна

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

г. Белгород, Россия

anastasija.akimova2013@yandex.ru

Науч. рук. к. филол. н, доцент Воронина Лариса Владимировна

Аннотация

Статья посвящена анализу языковых средств выражения эмоций в диалогической речи. Вопрос вербализации эмоций занимает одно из центральных мест в лингвистических исследованиях. Каждый человек испытывает большое количество эмоций, но средства выражения при этом различаются в зависимости от культурной принадлежности и национальной специфики языка. Различные средства выражения эмоций являются неотъемлемой частью языковой картины мира любого языка, а их изучение является важной проблемой современной лингвистики. В данной статье рассмотрены лексические средства выражения эмоций на примере немецкого языка. Лексические средства отображения эмоций охватывают эмоционально окрашенную лексику, включающую в себя слова, содержащие чувственный фон. Различного рода эмоции могут быть выражены с помощью наречий, существительных и предложных групп с именами существительными, глаголов, прилагательных, междометий, а также посредством фразеологических единиц и фразовых оборотов.

Ключевые слова: положительные, отрицательные и нейтральные эмоции, эмоциональность, диалогическая речь, лексические средства.

LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF EMOTIONS IN DIALOGUE

Akimova Anastassia

Graduate student

Department of German and French languages

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

voronina@bsu.edu.ru

Research supervisor Ph. D. in Philology, Associate Professor Voronina Larissa

Abstract

The Article is devoted to the analysis of language means of expression of emotions in the dialogical speech. The question of verbalization of emotions occupies one of the central places in linguistic researches. Each person experiences a large amount of emotions, but means of expression at the same time differ depending on cultural accessory and national specifics of language. Various means of expression of emotions are an integral part of a language picture of the world of any language, and their studying is an important problem of modern linguistics. In this article lexical means of expression of emotions based on German data are considered. Lexical means of display of emotions cover the emotionally charged lexicon including the words containing a sensual background. Different emotions can be expressed by means of adverbs, nouns and prepositional phrases with nouns, verbs, adjectives, interjections, and also by means of phraseological units and phrase turns.

Keywords: positive, negative and neutral emotions, emotionality, dialogical speech, lexical means.

Вопрос вербализации эмоций занимает одно из центральных мест в лингвистических исследованиях. В современном мире понятие «эмоции» приобретает все новые значения. Каждый человек испытывает большое количество эмоций, но средства выражения при этом различаются в зависимости от культурной принадлежности и национальной специфики языка. Различные средства выражения эмоций являются неотъемлемой частью языковой картины мира любого языка, а их изучение является важной проблемой совре-

менной лингвистики. На наш взгляд, изучение вопросов, связанных с выражением эмоций, является актуальным и своевременным. В данной статье рассмотрим средства выражения эмоций на примере немецкого языка.

Эмоции – это особый вид психологических состояний человека, они проявляются в виде ощущений, чувств, переживаний, настроения. Практически все психические состояния и процессы сопровождаются эмоциями, выраженными в той или иной мере и форме. Главная роль эмоций заключается в налаживании четкой связи между объективной реальностью и оценочным восприятием человека.

Существуют различные средства выражения эмоций. Как правило, психологи выделяют положительные, отрицательные и нейтральные эмоции. К положительным относят радость, удовольствие, любовь, симпатию, восторг, к отрицательным – страх, тревогу, отчаяние, горе, злость, грусть, гнев, сожаление, печаль, боль, уныние, а к нейтральным относят безразличие, изумление, любопытство. Остановимся подробно на лексических средствах выражения эмоций в диалоге.

М.Д. Городникова на материале немецкого языка выделяет широкий фонд экспрессивных единиц, состоящий из лексических (существительные, прилагательные, глаголы, междометия, наречия, частицы), словообразовательных (формы с суффиксами субъективной оценки), фразеологических единиц и иноязычных слов [1, 39].

Эмоциональность речевых партнеров нередко передается с помощью особо выразительной экспрессивной лексики, с помощью которой можно выразить своё отношение к собеседнику, предмету, качеству, признаку и т.д. Экспрессивность – это сила, проявление чувств, переживаний.

По эмоциональной окраске можно выделить: торжественные слова – *die Vollziehung, unvergesslich*; риторические – *der Kampfgenosse, verkünden*; поэтические – *azurblau, zu besingen*; иронические – *der Don Juan*; фамильярные – *niedlich, tuscheln*; неодобрительные – *anspruchsvoll, der Gauner*; пренебрежительные – *bepinseln*; презрительные – [Verleumdungen hinterbringen](#), *der Kriecher*; вульгарные – *der Raffer*; бранные – *der Flegel, der Tot*. Таким образом, слова, близкие по эмоциональной окрашенности, классифицируются на лексику положительных эмоций, лексику, выражающую отрицательную и нейтральную оценку называемых понятий.

С помощью лексических средств могут быть выражены все выше названные виды эмоций. Выражение положительных эмоций, таких как: радость, удовольствие, любовь, симпатия, восторг в диалогической речи доставляет много радости собеседникам, вызывает желание общаться, что помогает им стать ближе в процессе коммуникации. Если же говорить о выражении положительных эмоций, то здесь следует упомянуть о специальных лексических единицах, передающих эмоциональное состояние одного из коммуникантов. Среди них есть наречия: *angenehm* – приятно, *herzlich* – сердечно, *freudig* – радостно, *lustig* – весело, *zärtlich* – нежно.

Следующий диалог, который ведут двое возлюбленных после долгого расставания, выражает эмоции радости, восторга и вдохновения. Данные положительные эмоции выражены с помощью лексемы «*angenehm*».

- *Es ist so **angenehm**, daß du da bist, Moni... Fast ein Jahr habe ich dich nicht gesehen ... und nun.*

- *Du wirst mich wieder sehen können. Glaub es mir ... du wirst wieder sehen können.*

- *Ich glaub es, Kleines ... ich glaub es ja... [7, с. 88].*

В немецком языке есть целый ряд существительных и предложных групп с именами существительными, выражающих положительные эмоции: *mit Vergnügen* – с удовольствием, *vor Freude* – от радости, *vor Entzücken* – от восторга, от восхищения, *Begeisterung* – воодушевление, *Heiterkeit* – веселье, *Fröhlichkeit* – радость, *Lebensfroh* – жизнерадостность, *Frohsinn* – веселый нрав, настроение, *Lustigkeit* – веселье.

Так, в диалоге двух друзей, где один из них решает переночевать у своего отца, с помощью лексемы «Vergnügen» выражены положительные эмоции коммуниканта, такие как радость и удовольствие.

- *Ich kann ja bei meinem Vater übernachten.*
- *Na, das wird sicher ein großes Vergnügen für euch beide.*
- *Danke, Linda.* [4, с. 282].

Положительные эмоции могут выражать следующие глаголы: lieben – любить, gefallen – нравиться, bewundern – восхищаться, lächeln – улыбаться, lachen – смеяться, genießen – наслаждаться, sich freuen – радоваться, веселиться.

В представленном ниже диалоге речь идет о знакомстве двух партнеров по бизнесу, в котором выражение эмоции удовольствия осуществляется на основе глагола «sich freuen». Эмоциональное состояние коммуниканта передает повтор данной лексемы.

- *Mr. Harper, darf ich mich kurz vorstellen? Connor Martin, Marktforschung.*
- *Ich freue mich, Sie kennen zu lernen, Connor! Marktforschung ist für eine Firma wie unsere besonders wichtig.*
- *Da haben Sie Recht!*
- *Ich freue mich schon darauf, die neuesten Forschungsergebnisse mit Ihnen zu besprechen.* [6, с. 75].

При выражении отрицательных эмоций в диалоге очень важно выразить их конструктивно, сохраняя здравый смысл. В процессе коммуникации один из партнеров должен точно показать своему собеседнику, чем именно он недоволен, что вызвало у него ту или иную негативную реакцию. Такими эмоциями являются гнев, печаль, презрение, страх, вина. Например, в немецком языке существует ряд эмотивных существительных, которые могут быть рассмотрены как экспрессивные синонимы, лексическое значение которых выражает отрицательные эмоции: die Trauer – скорбь, das Leid – горе, der Kummer – печаль, das Unglück – беда, несчастный случай, die Katastrophe – катастрофа.

Так в следующем диалоге пациентка, опасаясь того, что врач только из желания утешить ее может говорить о шансах на выздоровление, уточняет, не делает ли он это из сочувствия к ней, акцентируя внимание на выражении «weil ich Ihnen Leid tue?». Степень взволнованности героини отражается в прерывании ее речи, переданном автором графическим средством – троеточием, которое в одном высказывании употребляется дважды.

- *Sie glauben, daß dieser Professor in Italien mir eine Chance gibt?*
- *Bestimmt.*
- *Sie wollen mich nicht nur trösten ... weil ... weil ich Ihnen **Leid** tue?*
- *Nein.* [7, с. 44].

Выражая сожаление клиенту, у которого пропала жена, потерявшая зрение в результате несчастного случая, следователь в разговоре с ним использует лексему «Unglück», которая выражает высокую степень отрицательной эмоции, тем самым подчеркивая, что понимает серьезность трагедии, выпавшей на долю жены и ее родных.

- *Entschuldigen Sie, Herr Kommissar. Ich muß Ihnen erklären. Meine Frau ist blind und...*
- *Ich weiß. Ich habe von dem **Unglück** damals gehört. Zunächst eins: keine Sorgen!*
- *Also Sie wissen auch nicht, wo sie ist?* [7, с. 255].

В приведенных выше диалогах выражение отрицательных эмоций, таких как: несчастье, горе, сострадание – происходит, прежде всего, на основе имен существительных, выражающих соответствующие эмоциональные переживания.

Отражение отрицательных эмоций также возможно с помощью следующего ряда немецких глаголов: sich scheuen – бояться, опасаться, erzürnen – рассердиться, beunruhigen – беспокоить, побеспокоить, hassen – ненавидеть, jammern – горевать.

Так, в разговоре двух знакомых один из них выражает свою ненависть и злобу по отношению к другому с помощью глагола «hassen». Эмоциональное состояние собеседника передает повтор данной лексемы.

- *Du bist also ganz unglücklich, dass du bei mir bleiben must? Warum?*
- *Weil ich dich **hasse**.*
- *Du **hasst** mich?*
- *Ja, ich **habe** dich immer **gehasst**.*
- *Das wusste ich nicht. Kannst du mir sagen warum? [8, с. 83].*

Для выражения негативных эмоций немецкий язык располагает рядом фразеологических единиц с такими словами, как: das Auge (глаз) – immer wieder unter die Augen kommen (мозолить глаза); die Nase (нос) – ich habe die Nase voll (с меня хватит!); der Kopf (голова) – einige Zeit durch den Kopf gehen (не выходить из головы); die Galle (желчь) – jemandem steigt die Galle hoch (выходить из себя); das Herz (сердце) – es blutet das Herz (сердце кровью обливается); die Kehle (горло) – jemandem die Kehle durchschneiden (погубить кого-либо); der Zahn (зуб) – jemandem den Zahn ziehen (разочаровать).

Так, беспокойство мужа относительно дел на работе, в следующем диалоге передано на основе фразеологического оборота «einige Zeit durch den Kopf gehen».

- *Yvonne, mach' doch mal den Fernseher aus. Ich muss mal in Ruhe mit dir reden.*
- *Was ist denn, Thomas?*
- *Mir geht da schon einige Zeit was durch den Kopf...*
- *Gibt es ein Problem?*
- *Nein, weißt du, ich will mal mit dir darüber sprechen, wie es weiter geht mit uns, beruflich, meine ich. [5, с. 2].*

Лексические единицы, которые имеют отрицательную окраску, выражаются в немецком языке также с помощью суффиксов прилагательных, обозначающих недостаток качества, -frei, -leer, -los, например, kopflos – безрассудный, erfolglos – безуспешный, geistlos – бездарный, с помощью префикса un-, например, unlustig – неохотно, без желания, unsinnig – безрассудный, бессмысленный, нелепый, unangenehm – неприятный, досадный, unartig – невежливый, непристойный.

Так, в диалоге, в котором один из знакомых просит другого навестить своего отца, возмущение и негодование на мнение отца выражено с помощью лексемы «unsinnig».

- *Du solltest deinen Vater wirklich besuchen.*
- *Ach, hör schon auf. Du weißt doch, wie das ist.*
- *Ich hab ihn neulich gesehen. Seiner Meinung nach hast du alles stehen und liegen lassen und bist abgedampft.*
- *Das ist **unsinnig**. Du hast ihm hoffentlich erklärt, was wirklich passiert ist. [4, с.177].*

В немецком языке существуют определенные фразовые обороты, которые помогают передать негативные эмоции. Например: wie schrecklich! – какой ужас!, was für ein Pech! – какая неудача!, zum Teufel! – к чёрту!, quatsch! – вздор! ерунда!, mir reicht's! – с меня хватит! и другие.

В следующем разговоре молодой человек, который уверен, что его возлюбленная Линда не желает больше быть с ним, выражает свое возмущение и недовольство на основе фразы «Was? Quatsch!».

- *Komm schon, sei ehrlich. Du bist dir nicht mehr sicher, ob du mit mir zusammen sein willst.*
- *Was? Quatsch!*
- *Und nachdem ich das alles gelesen hatte, wurde mir klar, dass ich dich kaum kenne, Linda. Eigentlich so gut wie gar nicht. [4, с. 38].*

Говоря о лексических средствах вербализации эмоций, следует упомянуть и о роли такой части речи, как междометия. Это слова, используемые для выражения эмоций в речи, передачи чувств и побуждений говорящего, несут важную информацию, которую необходимо передать, чтобы сохранить истинное послание говорящего. Междометия широко применяются в современном немецком языке, являясь неотъемлемой частью диалогической речи, придавая ей экспрессивность и живость. Использование междометий в немецком языке позволяет в процессе диалога привлечь внимание собеседника к отдель-

ным моментам разговора. К числу немецких междометий, служащих для выражения самых разнообразных эмоций – печали, радости, горя, раздражения, восторга, досады, можно, например, отнести те, которые придают речи негативный характер. *Nanu!* – Да ну! Неужели! (удивление и недовольство), *Tja!* – Да уж! (неприятное удивление), *Ätsch!* – Так тебе и надо! (злорадство и насмешка), *Noha! Na!* – Ну! погоди! (угроза, злоба), *Auweh!* – Ах! Увы! (сожаление, душевная боль). Сожаление также может выразить междометие *Herrje!* – Батюшки мои!

Представленный ниже диалог двух друзей, которые недовольны уходом своего знакомого, передает негативные эмоции. Неприятное удивление передано с помощью междометий «*Oh, tja!*».

- *Es war schrecklich! Wir waren gerade erst gekommen, da sagt er, er geht jetzt golfen.*

- *Oh, tja! Na ja, jedenfalls scheint er sich mit dir wohl zu fühlen. Er benimmt sich ganz normal.*

- *Vielleicht. Dann hat er vorgeschlagen, ich könnte ihm ja ein bisschen helfen, solange er weg ist.* [6, с. 63].

Выражение нейтральных эмоций в диалогической речи представляет некоторую сложность ввиду их специфической способности трансформироваться в положительные и отрицательные эмоции. К таким эмоциям, как правило, относят безразличие, изумление, любопытство, спокойствие, задумчивость, сомнение. Эмоциональное состояние говорящего условно может быть нейтральным, поскольку в данном случае в звучащей речи обычно преобладает смысловое содержание. Как правило, нейтральные эмоции одного из коммуникантов также можно выразить при помощи лексических средств.

В следующем диалоге один из пассажиров, покупая билет, интересуется, билеты какого класса есть на необходимый ему авиарейс. Данный диалог выражает такие эмоции, как любопытство, спокойствие. Эмоциональное состояние собеседников остается относительно нейтральным, о чем свидетельствует использование речевых клише, стандартных для данной коммуникативной ситуации.

- *Ist das die erste Klasse?*

- *Business Klass. Auf diesem Flug gibt es keine erste Klasse. Ist alles zu Ihrer Zufriedenheit?*

- *Es ist perfekt. Vielen Dank.*

- *Gern geschehen.* [6, с. 22].

Установлено, что имеется связь между психическими эмоциональными состояниями человека и их речевым воспроизведением. Благодаря этой связи возможно взаимопонимание коммуникантов на эмоциональном уровне общения. Таким образом, анализ ряда лексических средств выражения положительного, отрицательного и нейтрального в немецком языке показывает, насколько актуально и значимо в лингвистике изучение различных способов вербализации эмоций, что в свою очередь является неотъемлемой частью целостного представления о языковой картине мира любого языка.

Эмоциональность является одним из обязательных признаков диалогической речи. Лексические средства, активно функционирующие в диалоге и обладающие эмоционально-экспрессивной окрашенностью, позволяют выразить интенцию собеседников, выполнить соответствующую коммуникативную функцию.

Литература

1. Городникова М.Д. Ономазиологические словари как источник изучения экспрессивной лексики и фразеологии // Вопросы романо-германской и славянской лексикографии. – Минск, 1976. – С. 35 – 45.
2. Ильюшина Е.С. Представление эмоций в языке и речи // Проблемы языка. – М. – 2013. – С. 109 – 111.
3. Полевая А.И. Проблема отражения эмоций в языке. – Минск, Беларусь: Социосфера, 2013. – С. 84 – 86.
4. Adams J. Ballroom Blitz. – Ullstein Taschenbuch Verlag, 2005. – 383 S.
5. Kempf C., Hornig V. Existenzgründung und bedarfsgerechte Planung. – 1991. – 8 S.
6. Kinsella S. Sag's nicht weiter, Liebling. – Goldmann Verlag, 2004. – 380 S.
7. Konsalik H.G. Eine Sünde zuviel. – Blanvalet Taschenbuch Verlag, 2004. – 337 S.
8. Kristof A. Der Beweis. – München, Zürich: Piper, 1991. – 185 S.

References

1. Gorodnikova M.D. Onomasiological dictionaries as source of studying of expressional lexicon and phraseology // Questions of the Romano-German and Slavic lexicography. – Minsk, 1976. P. 35 – 45.
2. Pyushina E.S. Representation of emotions in language and the speech // Language problems. – M. – 2013. P. 109 – 111.
3. Poleyaya A. I. Problem of reflection of emotions in language. – Minsk, Belarus: Sotsiosfera, 2013. P. 84 – 86.
4. Adams J. Ballroom Blitz. – Ullstein Taschenbuch Verlag, 2005. 383p.
5. Kempf C., Hornig V. Existenzgründung und bedarfsgerechte Planung, 1991. 8p.
6. Kinsella S. Sag's nicht weiter, Liebling. – Goldmann Verlag, 2004. 380p.
7. Konsalik H.G. Eine Sünde zuviel. – Blanvalet Taschenbuch Verlag, 2004. 337 p.
8. Kristof A. Der Beweis. – München, Zürich: Piper, 1991. 185 p.

УДК 81'1

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА И ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА Ю. ХАБЕРМАСА «DER PHILOSOPHISCHE DISKURS DER MODERNE»

Альтергот Юлия Алексеевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
altergott-yulia@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности философского дискурса на примере работы Ю. Хабермаса «Der philosophische Diskurs der Moderne». Философский дискурс ориентирован на само знание, условия его истинности, форм и способов развития и т. п. Познание бытия во всех его сферах и формах является познавательной областью философского дискурса. Также исследуется логика философского дискурса, то есть этапы философского процесса созидания, обоснования и трансляции философской идеи концепта MODERNE в работе Ю. Хабермаса. Предлагаемый анализ позволяет выявить центральные когнитивные уровни данного концепта (*die sich unvermeidlich bildende Erneuerung; die Anerkennung der subjektiven Freiheit der Individuen; moderne Erfahrungswissenschaften; Verständigungsparadigma; kommunikative Vernunft, verwaltende Vernunft*). В таком авторском дискурсе одну из основополагающих ролей для вербализации ядерного концепта играют: прецедентное имя, прецедентное высказывание. Прецедентные феномены, способствуют также объективизации различных уровней концепта MODERNE.

Ключевые слова: философский дискурс, прецедентные феномены, прецедентное имя, прецедентные высказывания, концепт.

CASE NAMES AND STAGES OF J. HABERMAS' PHILOSOPHICAL DISCOURSE IN «DER PHILOSOPHISCHE DISKURS DER MODERNE»

Altergott Yulia

Graduate student
Department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
altergott-yulia@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the features of J. Habermas' philosophic discourse, specifically "Der philosophische Diskurs der Moderne". The Philosophical discourse is focused on knowledge, its validity, forms and ways of its development. Also, the paper describes stages of philosophic creativity, justification and transfer of the concept of MODERNE in J. Habermas' discourse.

Keywords: philosophical discourse, case phenomena, case name, case statements, concept.

Философский дискурс, как отмечал Г.Б. Гутнер, носит характер всеобщности, так как с помощью его терминов (философских категорий) можно рассматривать любой дискурс. Но достаточно сложно представить дискурсивную конструкцию, которая описывает

себя в тех же самых терминах, в каких описываются другие дискурсы. В связи с этим философский дискурс можно обозначить как предельный дискурс, который не подвержен последующей рефлексии. Всеобщность и прецедентность философского дискурса исключают коммулятивность в развитии философии.

Говоря об учениях о философском дискурсе необходимо упомянуть работы Д. Остена, Дж. Серля, Д. Греймаса, Т. Дейка, которые внесли необычайно большой вклад в описание данного явления.

Отметим, что любой дискурс может быть частью философского. Но подобное прикрытие вовсе не предполагает, что философ должен реконструировать все существующие дискурсы. Но с другой стороны, уму необходимо так построить свою конструкцию, чтобы никакой, пусть даже неизвестный ему дискурс, не мог выпасть из его построения. Философский дискурс эгоцентричен: он сразу же создаётся как единственно возможный. Формирование философского рассуждения означает конструирование самих принципов, а также конструирования всякого возможного дискурса. Это приводит к необходимости помыслить последний предел, нечто предельно мыслимое – точку порождения единого дискурса.

Можно сказать, что философский дискурс почти не отличается от научного в таких его измерениях, как постановка проблемы, поиск вариантов ее возможных решений, их последующие испытания (критика) и т. п. Но значительным отличием является то, что философский дискурс преимущественно ориентирован на само знание, условия его истинности, форм и способов развития и т. п.

Первым этапом создания философского дискурса является создание философского концепта. Данный этап является креативной стадией рождения концепта и в силу этого не укладывается в границы формально-логических императивов. На этом этапе философского творчества логические аномалии, являются больше нормой, чем досадным исключением. Но очень важно, чтобы этот процесс создания и становления нового концепта завершился стадией его дефинитивного оформления. Именно тот мыслитель, который взялся за формулировку той или иной дефиниции, считается автором данного концепта, а сам концепт, уже маркированный, переходит из сферы субъективно-личностного в третий мир объективных сущностей.

Рассмотрим этот этап на примере работы Ю. Хабермаса «Der philosophische Diskurs der Moderne», в котором основным концептом является концепт MODERNE и в котором Ю. Хабермас развивает свою теорию модерна-посмодерна. Основополагающее значение для интерпретации данного концепта получает прочтение современности сквозь призму культурной установки. Философия модерна фиксирует смыслы и значения внешних условий и обстоятельств, которые придают ценность существованию индивида в современном мире. Такое трактование наталкивает Ю. Хабермаса на поиск «вектора» концепта. Далее это помогло ему отказаться от ранее установленной точки зрения от понимания нынешнего состояния, как состояния «незавершенного проекта». Разум должен научиться не только критиковать, вопрошать, изменять собственные основы, но стать определяющим в дискурсе. Данный результат был бы невозможен без осмысления ПИ и ПВ, их роли в формировании концептуальных уровней. В предисловии определение понятия «модерн» с точки зрения Т. Адорно и Ж. Лиотора, не имеет окончательного ядерного элемента, оно содержит в себе перспективы («Perspektive»), находится в процессе («im Zug der Rezeption»), постепенной реконструкции концепта MODERNE («Thema ist umschritten, facettenreich, ist schrittweise zu rekonstruieren»). Ср.: «*Die Moderne - ein unvollendetes Projekt*» hieß der Titel einer Rede, die ich im September 1980 bei der Entgegennahme des Adorno-Preises gehalten habe. Dieses Thema, umstritten und facettenreich, hat mich nicht mehr losgelassen. Seine philosophischen Aspekte sind im Zuge der Rezeption des französischen Neostrukturalismus noch stärker ins öffentliche Bewusstsein gerückt - so auch das Schlagwort der «Postmoderne» im Anschluß an eine Veröffentlichung von F. Lyotard. Die Herausforderung durch **die neostrukturalistische Vernunftkritik** bildet deshalb die Perspektive, aus der ich den philosophischen Diskurs der Moderne schrittweise zu rekonstruieren su-

che». Человеческое сознание данного этапа находится в состоянии развития, в состоянии критики, в состоянии поиска. Изучив этот процесс, Ю. Хабермас реконструирует составляющее их концепта: *die neostrukturalistische Vernunftkritik*.

Автор уже с первых строк введения даёт читателю понять, что существует большое разнообразие мнений о когнитивных процессах в сознании учёных, и именно это побуждает его к развитию новой концепции с её ядерным когнитивным целым. Стоит заметить, что их взгляды становятся подтверждением или опровержением мыслей или оценок Ю. Хабермаса. В сущности, он особо фокусируется на трёх проектах учёных, пытающихся осмыслить Новую эпоху. Так, в первой лекции Ю. Хабермас останавливается более подробно на определении «западного рационализма» Г. Гегеля, но ещё не выражая своего мнения, просто фиксирует внимание и раскрывает для читателя данное явление: *«Für Max Weber war die innere, d.h. nicht nur kontingente Beziehung zwischen der Moderne und dem, was er okzidental Rationalismus genannt hat, noch selbstverständlich. Als «rational» beschrieb er jenen Entzauberungsprozeß, der in Europa dazu geführt hat, dass die zerfallenden religiösen Weltbilder eine profane Kultur aus sich entließen. Mit den modernen Erfahrungswissenschaften, mit den autonom gewordenen Künsten und den aus Prinzipien begründeten Moral- und Rechtstheorien bildete sich hier kulturelle Wertsphären aus, die Lernprozesse jeweils nach den inneren Gesetzmäßigkeiten theoretischer, ästhetischer oder moralisch-praktischer Probleme ermöglichten»*. Синтагматические конструкции вербализуют следующие уровни концепта: **«die sich unvermeidliche bildende Erneuerung»**, **«moderne Erfahrungswissenschaften»**.

В политическом дискурсе Г. Гегеля главенствующее положение занимает концепт RATIONALISMUS. На формирование уровня **«verwaltende Vernunft»** концепта MODERNE Ю. Хабермаса влияние оказывает его составляющие, вербализованные с помощью синтагматических конструкций: *die Entschließung der profanen Kultur aus die zerfallenen religiösen Weltbilder; die Ausbildung der kulturellen Wertsphären; die Ermöglichung der Lernprozesse*. Позже Ю. Хабермас докажет, что реализованные возможности превратятся в культурное достояние эпохи. На взгляд Ю. Хабермаса, появляется разрыв между прежними и новыми, возведенными в ранг идеалов и ценностей, представлениями о мире и действительностью. Основным в философских трактовках модерна становится вопрос о внутренней связи между модерностью и рациональностью, что фокусируется в таком уровне концепта MODERNE философского дискурса Ю. Хабермаса как **«verwaltende Vernunft»**.

Второй этап философского дискурса – это этап рационализации философского концепта. На данном этапе автор продолжает актуализировать ранее невыявленные смысловые связи нового концепта с другими концептами, указывает на его совместимость или несовместимость с ними, выявляются имплицитные его компоненты, эвристический потенциал возникающего на его основе нового концептуального (категориального) пространства конкретно-научной мысли. С одной стороны, рационализировать можно лишь то, что предварительно создано; с другой стороны, процесс рационализации может вносить существенные коррективы в первоначальные замыслы, гипотезы, идеи, что являются важнейшими на втором этапе рационализации концепта.

Уровень **«Anerkennung der subjektiven Freiheit der Individuen»** тесно взаимосвязаны с концептом у Ф. Ницше, Б. Якоби, И. Фихте и др., SUBJEKTIVITÄT, главную роль для введения которого играет ПВ. Приведём пример из третьей главы, где автор идёт далее, вносит своё видение образов, что приводит к объективации новых концептуальных уровней концепта MODERNE. Ср. В следующем примере: *«Das Prinzip der Subjektivität bestimmt ferner die Gestaltungen der modernen Kultur. Das gilt zunächst für die objektivierende Wissenschaft, die zugleich die Natur entzaubert und das erkennende Subjekt befreit: «So wurde allen Wundern widersprochen; denn die Natur ist nun ein System bekannter und erkannter Gesetze, der Mensch ist zu Hause darin, und nur das gilt, worin er zu Hause ist, er ist frei durch die Erkenntnis der Natur»*. Объективация уровней концепта MODERNE в теориях, предшествующих устойчивому авторскому пониманию концепта, осуществляется в дан-

ном примере с помощью следующих синтагматических конструкций: *das Prinzip der Subjektivität; die Bestimmung der Gestaltungen der modernen Kultur; die objektivierende Wissenschaft; die freie Erkenntnis durch die Natur; die Anerkennung der subjektiven Freiheit der Individuen; die Gründung des Rechtes des einzelnen; der subjektive Wille gewinnt Autonomie.*

Рационализируя концепт названных философов, Ю. Хабермас приходит к тому, что без изменённого понимания принципа субъективности, принципа непрерывного обновления, принципа самоотнесённости, замкнутости на себе, невозможно выстроить содержательно концепцию модерности: *«In der Moderne verwandelt sich also das religiöse Leben, Staat und Gesellschaft, sowie Wissenschaft, Moral und Kunst in ebenso viele Verkörperungen des Prinzips der Subjektivität».*

Переходим к *третьему этапу создания философского дискурса*. Третий этап философского дискурса – это трансляция. Главной целью трансляции является передача нового авторского знания другим субъектам мышления (философского или же конкретно-научного). На этом этапе читатель сталкивается с областью сложных процессов языковой коммуникации, которые в свою очередь стали предметом изучения разных научных дисциплин психологии, лингвистики, риторики, логики, педагогики и др. Феномен трансляции философского знания изучен крайне мало, хотя значительность его роли как элемента культуры совершенно очевидна.

Так, Ю. Хабермас, критикуя концепцию современности и понятия у других философов, опираясь на ПИ и ПВ подводит читателя к совершенно другой картине осознания этой проблемы. Здесь транслируются новые, и как нам представляется, самые главные уровни концепта MODERNE: **«Verständigungsparadigma»**, **«Macht der Vernunft»**, **«Kommunikative Vernunft»**. В одиннадцатой главе он даёт подробную характеристику коммуникативного разума, который по его предположениям, займет в постсовременном обществе место инструментального: *«Wenn wir für einen Augenblick das Modell verständigungsorientierten Handelns, das ich an anderem Ort entwickelt habe, voraussetzen dürfen, ist jene objektivierende Einstellung, in der sich das erkennende Subjekt auf sich selbst ebenso wie auf Entitäten in der Welt richtet, nicht länger privilegiert. Im Verständigungsparadigma ist vielmehr grundlegend die performative Einstellung von Interaktionsteilnehmern, die ihre Handlungspläne koordinieren, indem sie sich miteinander über etwas in der Welt verständigen.»*

По его мнению, общение даёт возможность преодолеть индивиду и сообществу созерцательную позицию наблюдателя, а следовательно субъекту в постсовременном мире не стоит рассматривать себя как противоположное миру в целом или его сущностным моментам. Можно также не полагать различий между трансцендентальным и эмпирическим. Осознание внутреннего «Я» индивида, коллектива или сообщества совершенно свободно от выполнения неблагодарной задачи, оно больше не должно осуществлять анализ самосознания. Именно для этого предназначена особая область знания — «реконструктивные науки», которые, основываясь на перспективе участия в дискурсах и взаимодействиях, стремятся объяснить предвещающие теорию знания о правилах поведения говорящих, действующих и познающих в пределах своей компетенции субъектов путем анализа удачных или, напротив, неудачных, искажающих восприятие высказываний. Это также прослеживается в следующем примере: *«Die räumliche Metapher von einschließender und ausschließender Vernunft verrät, dass noch die vermeintlich radikale Vernunftkritik an den Voraussetzungen der Subjektphilosophie haften bleibt, von denen sie doch loskommen wollte. Nur eine Vernunft, der wir Schlüsselgewalt zuschreiben, konnte ein- oder ausschließen. Deshalb verbindet sich das Drinnen und Draußen mit Herrschaft und Unterwerfung - und die Überwindung der gewalthabenden Vernunft mit dem Aufstoßen von Gefängnistoren und dem gewährenden Entlassen in eine unbestimmte Freiheit. Derart bleibt das Andere der Vernunft Spiegelbild der gewalthabenden».*

Итак, транслируя новые составляющие концепта MODERNE, Ю. Хабермасом используются следующие синтагматические конструкции: *einschließender und ausschließender Vernunft; radikale Vernunftkritik; der Schlüsselgewalt der Vernunft; Herrschaft der gewalthabenden*

Vernunft; die subjektzentrierte Vernunft. Эти конструкции вербализуют один из ядерных уровней концепта MODERNE «**kommunikative Vernunft, verwaltende Vernunft**».

Подводя итог, отметим следующее. Язык философии обеспечивает особого рода дискурс, который есть гармонизация образа и понятия, их предельное сжатие. Также проведя анализ, мы полагаем, что концепт MODERNE на разных уровнях создания дискурса, обнаруживаются следующие составляющие:

- непрерывное обновление (*die sich unvermeidlich bildende Erneuerung*);
- свобода как исключения всякого принуждения, авторитета традиции как формы принуждения (*die Anerkennung der subjektiven Freiheit der Individuen*);
- сфера знания (*moderne Erfahrungswissenschaften*);
- совместное существование людей как жизнь под знаком взаимного понимания и признания (*Verständigungsparadigma*);
- универсальный разум как разрешение любых проблем рациональным путём, посредством рациональной аргументации (*kommunikative Vernunft, verwaltende Vernunft*).

Необходимо отметить, что именно поиском различных связей между ними, установлением последовательной характеристики и занимается Ю. Хабермас, хотя, казалось бы, что они обладают разнопорядковыми категориями и чужеродными дефинициями. Уровни данного концепта возникают в философском дискурсе Ю. Хабермаса на основании развития теорий таких авторов как: Т. Адорно, Ж. Лиотар, М. Хоркхаймера, М. Хайдеггера, Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Деррида.

Анализируя работу, мы пришли к выводу, что в данном авторском дискурсе одну из основополагающих ролей для вербализации ядерного концепта играют: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентный текст. Прецедентные феномены функционируют в языке, но за ними стоят когнитивные структуры, которые принадлежат сознанию. Поэтому такой, любой воспринятый адресатом прецедентный феномен, остается в сознании, рефлексивируется и включается в формируемую автором дискурса концептосферу. Прецедентные феномены могут рассматриваться также, как «результат рефлексии, глубинной проработки тем или иным (микро)социумом наиболее актуальных для него понятий, и – как следствие – рельефно показывающие самобытность, оригинальность его языкомышления и речевых поступков». Прецедентные феномены, способствуют также объективизации различных уровней концепта MODERNE. Стоит отметить, что в данной главе были рассмотрены лишь те уровни, которые были объективированы с помощью прецедентных феноменов.

Литература

1. Хабермас Ю. *Der philosophische Diskurs der Moderne*. М.: Наука, 2005.

References

1. Habermas Y. *Der philosophische Diskurs der Moderne*. М.: Nauka, 2005.

УДК 81

ДИНАМИКА ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ЖАНРЕ «ФЭНТЕЗИ»

Артебякина Ольга Александровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

devoll17@yandex.ru

Научный руководитель: профессор Седых А.П.

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию динамики образа главного героя в популярном в современном мире жанре фэнтези. В статье рассмотрены корни происхождения жанра, его генетическое родство с

известными жанрами литературы: сказкой и мифом, а также с рыцарским романом. Кроме того, дано определение жанру фэнтези и рассмотрены его основные типы: героическое и юмористическое фэнтези. Стоит отметить, что Дж. Р. Толкиен создал жанр фэнтези в том виде, в котором мы знаем его сейчас. На примере романа Кристофера Паолини «Эрагон» рассмотрена динамика образа главного героя, его становление как личности. С помощью анализа романа выявлены основные черты главного героя, а также изменение его внутреннего мира с течением времени и влиянием на него других героев, событий.

Ключевые слова: фэнтези, сказка, миф, рыцарский роман, нравственный выбор, героическое фэнтези, юмористическое фэнтези.

DYNAMICS OF THE MAIN HERO IN THE GENRE «FANTASY»

Artebyakina Olga

Graduate student

German and French Department

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / devoll17@yandex.ru

Scientific adviser: Professor Sedykh A.P.

Abstract

This article is devoted to the dynamics of the main character in the genre of fantasy that is popular in the modern world. The article studies the roots of genre, its genetic relationship with well-known genres of literature: a fairy-tale and a myth, and also with a knightly novel. Besides the definition of the genre of fantasy is given and its main types are considered: heroic (Sword & Sorcery) and humourous fantasy. It should be noted that J.R. Tolkien created a genre of fantasy in the form we know it nowadays. With the help of Christopher Paolini's novel "Eragon" we consider the dynamics of the image of the main character, his becoming as a person. With the help of the analysis of the novel, the main features of the main character are revealed, as well as the change in his inner world with the passage of time and the influence of other heroes and events on him.

Keywords: fantasy, fairy-tale, myth, knightly novel, moral choice, heroic fantasy, humourous fantasy.

Что мы знаем о жанре «фэнтези»? О фантастике, как приеме, известно уже давно. В литературе она прошла очень долгий путь: от первобытного мифа к волшебной сказке, от сказки и легенды к литературе Средневековья, а затем и романтизма. Но до сих пор нет единого толкования фэнтези.

Этот жанр привлекает писателей в первую очередь тем, что дает огромную свободу авторской фантазии и позволяет ввести в повествование порою самые немислимые элементы.

Несомненно, фэнтези выросло из сказки – самого живого, самого бессмертного жанра литературы. Ведь их рассказывают самым благодарным слушателям – детям. От сказок в фэнтези всё-таки присутствует некая назидательность, но, как и в лучших сказках, она завуалирована. Кроме того, фэнтези сделала шаг вперёд в том отношении, что в ней теперь нет деления на плохих и хороших.

Фэнтези находится в генетическом родстве одновременно с народной сказкой и мифом. От мифа фэнтези унаследовало эпичность повествования и некую трагичность. Герой этого жанра обязан свершить предназначенное, хотя это может грозить ему гибелью. Современное фэнтези добавляет, ко всему прочему, в повествование идею нравственного выбора. Герой фэнтези не так загнан в определенные рамки образа, как персонаж мифологических сказаний, и посему здесь открывается простор для создания противоречивых, мятущихся, живых человеческих образов.

Идеальный мир рыцарских романов, где все неприятности решаются с помощью меча и за частую коня, также имеет некую связь с миром фэнтези. В них обоих главнейшими качествами человека являются честь и мужество. Справедливость же в фэнтези хоть и ценится так же высоко, как в рыцарском романе, но вот только не всегда одерживает победу. Однако вечная борьба со злом и ложью имеет место быть в обоих этих жанрах. Герой фэнтези, как и герой рыцарского романа, стремится к свободе и независимости. Он также желает зависеть только от своих решений, верного коня и стали в ножнах.

Литературный жанр фэнтези зародился изначально как мечта о мире личной свободы. Свободы, прежде всего, от закона и каких-либо нравственных норм общества, от ограничений. Определений «фэнтези», как жанра современной литературы существует много, но суть сводится к одному – в Том мире Слово имеет Власть. Вербальное воздействие на нематериальную составляющую мира есть первооснова фэнтези. Более простыми словами – это магия. Фэнтези – это произ-

ведения о человеке и о людях в целом, следовательно, для неё открыты все задачи литературы вообще.

После выхода в свет «Властелина колец», «Сильмариллиона» и других творений великого мастера пера Джона Рональда Руэла Толкиена фэнтези стала рассматриваться и как носитель важных философских и религиозных идей. Именно Толкиену мы обязаны общепринятыми представлениями об эльфах, гномах и прочих фэнтезийных существах. Он создал жанр фэнтези в том виде, в котором мы знаем его сейчас.

На сегодняшний день произведения фэнтези стоят на одной ступени популярности с детективом и женским романом.

В 1960 г. Фриц Лейбер впервые применил термин **Sword & Sorcery** – то, что у нас чаще всего называют “героическим фэнтези”. Впрочем, каноны жанра сформировались гораздо раньше. В классической **S&S**, как правило, нет тщательно проработанного внутреннего мира персонажей и запутанных нравственно-психологических сюжетных коллизий. Упор делается на красочные описания причудливых локаций и захватывающих героических приключений.

Как правило, в центре героического фэнтези – приключения главного героя, который либо осуществляет операцию по спасению чего-либо (человека, страны, всего мира), либо просто путешествует по выдуманному автором миру и противостоит различным трудностям и опасностям. Впрочем, иногда приключения сами находят героя.

Стоит упомянуть и юмористическую **S&S**. Здесь мы видим и откровенную пародию на штампы героики (“Ронан” **Джеймса Бибби**), и более изобретательные по задумке, хотя и неровные по воплощению “Сагу о Рыцаре-Драконе” **Гордона Диксона** и “Чародея поневоле” **Кристофера Сташеффа**.

Автор обладает полной свободой, продумывая образы персонажей, события и различных волшебных существ. Он может повернуть сюжет самым неожиданным образом, поскольку волшебный мир фэнтези предполагает, что в нем возможно все. Этот признак фэнтези – один из наиболее важных, определяющих. Он четко отграничивает фэнтези и научную фантастику, потому что научная фантастика описывает вероятное, и автор стеснен определенными рамками. Он вынужден дать объяснение невероятному, обосновать научно или псевдонаучно (что чаще всего и происходит).

Кроме того, на первый план в фэнтези выдвигаются герои, их поступки и переживания. Волшебное и сказочное играет вспомогательную, но далеко не второстепенную роль. Характер героя не может не поменяться за время повествования. Если в начале своего пути он чаще всего является обычным, ничем не примечательным человеком со своими трудностями, бытовыми проблемами и недостатками, то в конце мы наблюдаем ощутимый прогресс. Герой, так или иначе, переживет какую-либо личную трагедию, станет обладателем одного из сильнейших артефактов, станет сильным магом и, ко всему прочему, поднимется по социальной лестнице, уничтожив одного или нескольких своих врагов.

Целью работы является исследование образа главного героя в литературном жанре фэнтези на примере романа Кристофера Паолини «Эрагон».

Материалом исследования послужил роман Кристофера Паолини «Эрагон» (Christopher Paolini Eragon. Inheritance. Book One).

Методами исследования стали анализ, а также сравнительный анализ романа.

Роман Кристофера Паолини (Christopher Paolini) «Эрагон» (“Eragon”) даёт нам возможность проследить динамику образа главного героя. Этот роман соответствует всем канонам жанра фэнтези и, к тому же, в короткий срок стал довольно популярным как в США, так и за рубежом. Кристофер Паолини родился 17 ноября 1983 года в Южной Калифорнии в семье учительницы и бывшего литературного агента. Позднее семья переехала в Пэрадайз Велли, штат Монтана.

Кристофер обучался на дому родителями. Будучи ребенком, он писал короткие истории и поэмы и поэтому часто посещал библиотеку. Прочитал три тысячи книг и знал наизусть весь цикл «Кольцо Нибелунгов», но вот с математикой не дружил. В возрасте пятнадцати лет написал роман «Эрагон» в стиле фэнтези – о мальчике Эрагоне и драконе

Сапфире, противостоящих в союзе с эльфами, гномами и людьми-повстанцами (варденами) империи, возглавляемой королём Гальбаториксом. Роман был издан на средства родителей Кристофера и приобрёл значительную популярность в школах Монтаны. На него обратил внимание писатель Карл Хайасен, проводивший свой отпуск в этом штате. Он направил книгу своему издателю Альфреду Кнопфу, который в 2003 и опубликовал её.

«Эрагон» стал первым романом тетралогии «Наследие». В серию входят книги «Эрагон», *Eldest*, в русском переводе «Эрагон. Возвращение» и «Брисингр» (*Brisingr*). *Eldest* пользуется не меньшей популярностью, чем «Эрагон». Критики считают, что на молодого автора оказала влияние знаменитая трилогия Джона Толкиена «Властелин колец», а также другие известные книги в стиле фэнтези. Некоторые рецензенты находят в «Эрагоне» аллюзии и со «Звёздными войнами» Джорджа Лукаса.

На страницах книги Паолини создаёт волшебную страну Алагейзию, которую населяют эльфы, гномы и другие сказочные персонажи, говорящие на языках, выдуманных автором.

Главным героем романа является Эрагон, 15-летний бесстрашный мальчик, добрый, искренне любящий, умеющий отвечать за свои поступки человек, отвага и смелость сочетаются в нём с правдивостью и искренностью, с желанием приумножить добро и помочь ближнему.

Вот как описывает его автор в начале своего повествования:

«Eragon was fifteen, less than a year from manhood. Dark eyebrows rested above his intense brown eyes. His clothes were worn from work. A hunting knife with a bone handle was sheathed at his belt, and a buckskin tube protected his yew bow from the mist. He carried a wood-frame pack» [4, с.6].

Эрагону и его родным приходится нелегко. Они живут небогато, зарабатывая себе на жизнь честным крестьянским трудом. Но, в то же время, это гордые люди, которые никогда не унижутся до того, чтобы просить милостыню.

Все меняется, когда Эрагон отправляется на охоту. Он случайно становится обладателем таинственного камня-яйца, не подозревая, что камень давно ищут жестокие ургалы, хитрые раззак и подданные короля-лицемера Гальбаторикса. Он лишь со временем узнает, что из камня-яйца должен вылупиться дракон, способный повлиять на судьбу Алагейзии в общем и самого Эрагона и его семьи в частности.

Первым ударом для юноши стала смерть его дяди Гэрроу. Он переживает свою первую личную трагедию, которая показала Эрагону, что мир жесток.

«He could not accept that Garrow was gone. If he did, what was left to believe in? Only a merciless, uncaring world that snuffed lives like candles before a wind» [4, с.70].

Но герою вскоре приходится в очередной раз столкнуться с жестокостью этого мира, когда он оказывается в городе Язуаке. Жителей полностью вырезали слуги короля Гальбаторикса.

«A mountain of bodies rose above them, the corpses stiff and grimacing. <...> Tears blurred Eragon's vision and he tried to look away, but the dead faces held his attention. He stare at their open eyes and wondered how life could have left them so easily. What does our existence mean when it can end like this? A wave of hopelessness overwhelmed him» [4, с. 98].

Очередная трагедия – смерть Брома, ставшего ему почти отцом – послужила еще одним толчком, изменившим героя. Всё меньше остаётся в нём от того деревенского мальчишки, которым он покидал свой дом. И хотя он вынужден отнимать жизнь у других, Эрагон все же не смог сдержать своих слез, узнав о смерти Брома.

«Tears rolled down Eragon's cheeks as a sense of horrible loss bled through him» [4, с. 204].

Противостояние двух характеров – Муртага и Эрагона – также оказывает влияние на формирование личности главного героя. Муртаг указывает на ошибки Эрагона будучи почти его сверстником. И это помогает ему осознать и понять окружающую действительность гораздо быстрее. Муртаг более жесток, и, когда на них нападает шайка разбойников, он, не колеблясь, убивает всех, доказывая своему попутчику, что когда речь идет о твоей жизни, в мире нет места сочувствию.

“But you can't indulge in wanton violence. Where is your empathy?” growled Eragon, pointing at the head.

“Empathy? Empathy? What empathy can I afford my enemies? Shall I dither about whether to defend myself because it will cause someone pain? If that had been the case, I would have died years ago! You must be willing to protect yourself and what you cherish, no matter what the cost” [4, с.259].

Перед решающей битвой крестьянский парень Эрагон вместо старой рубахи облачился уже в доспехи. Теперь он – воин, защитник.

«Over Eragon’s head went a stiff shirt of leather-backed mail that fell to his knees like a skirt. It rested heavily on his shoulders and clinked when he moved. He belted Zar’roc over it, which helped keep the mail from swinging. On his head went a leather cap, then a mail coif, and finally a fold-and-silver helm. Bracers were strapped to his forearms, and greaves to his lower legs. For his hands were mail-backed gloves. Last, Orrik handed him a broad shield emblazoned with an oak tree» [4, с.347].

И даже жестокость, в которой он недавно упрекал Муртага, стала для него достоинством. Ведь нужно защищать друзей и ни в чем неповинных людей и гномов. И даже сам юноша в битве вынужден был прибегнуть к ней, что уже доказывает, что он многое поменял в своих взглядах и убеждениях.

«The sight of Saphira’s blood enraged Eragon. He swung off Tornac with a wild cry and stabbed the nearest Urgal through the chest, withholding nothing in his frenzied attempt to help Saphira» [4, с.352].

Исход битвы решился в пользу повстанцев, во многом благодаря Эрагону, убившему предводителей ургалов и раззаков, сильного мага-шейда Дурзу. В этой схватке не было места жалости, да и сам Эрагон не испытывал ее.

Таким образом, роман даёт возможность проследить развитие образа главного героя и становление его характера. Он не только обладает теперь магическими способностями, но и постепенно из простого деревенского парня превращается в героя-защитника. Он также смел, искренен и добр, но, кроме всего прочего, он понял, что мир не так идеален, как он думал, что жестокость может быть оправдана, если дело касается жизни близких ему людей. На его становление оказывают влияние не только события, но и другие герои произведения. Он меняется не только физически, но и духовно, ломая свои внутренние стереотипы.

В заключении мы можем сказать, что динамика образа главного героя современного жанра фэнтези проходит следующие этапы «обычный парень – неожиданное событие в жизни – обретение магических способностей – сильнейший маг – спасение мира».

В перспективе возможно дальнейшее исследование жанра фэнтези, его сравнение с другими похожими жанрами, изучение мифологической основы жанра.

Литература

1. Карелин А. Фэнтези, которого мы не знаем. Истоки жанра, 2005 URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art285.html> (дата обращения: 17.04.2017).
2. Кристофер Паолини Эрагон. Росмэн-Пресс, 2011 – 640 с.
3. Кристофер Паолини: Эрагон – рецензия на книгу, 2011 URL: <http://lazy.ru/detail/397.html> (дата обращения: 15.04.2017).
4. Christopher Paolini Eragon. Inheritance. Book One. – Alfred A. Knopf, New York, 2003 – 369 p.
5. Paolini Christopher The Inheritance Cycle URL: <http://www.alagaesia.com/> (дата обращения: 15.04.2017).

References

1. Karelin Anton Fantasy that we don’t know. Origin of the genre, 2005 URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art285.html> (date of application: 17.04.2017).
2. Christopher Paolini Eragon. Rosmen-Press, 2011 – 640 p.
3. Christopher Paolini: Eragon – book review, 2011 URL: <http://lazy.ru/detail/397.html> (date of application: 15.04.2017).
4. Christopher Paolini Eragon. Inheritance. Book One. – Alfred A. Knopf, New York, 2003 – 369 p.
5. Paolini Christopher The Inheritance Cycle URL: <http://www.alagaesia.com/> (date of application: 15.04.2017).

УДК 81'31

МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА

Архангельская Арина Владимировна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
arhangelskaya.arina@yandex.ru

Научный руководитель: д. филол. н., проф. Седых Аркадий Петрович

Аннотация

В статье рассматриваются корреляции молодежного сленга и национального языка на примере французского языка. Приводятся основные характерные особенности молодежной коммуникации. Уделяется особое внимание необходимости обращения к молодежному аргю в процессе обучения французскому языку. Итогом работы является описание влияния молодежных социолектов на литературный язык и перспективы их дальнейшего взаимодействия.

Ключевые слова: национальный язык, молодежный сленг, лингвокультура, французский язык.

YOUTH SLANG AND NATIONAL LINGUISTIC CULTURE

Arhangelskaya Arina

Graduate student
Department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
arhangelskaya.arina@yandex.ru

Scientific adviser D in Philology, Professor Sedykh Arkadiy

Abstract

In this article the author discusses the relationships between youth slang and the national language by the example of the French language. The principal characteristics of youth communication are pointed out. The author pays special attention to the need to give an eye to the Argo while studying French. The result of the work is a description of the impact of youth slang in the literary language and the perspectives of their future interaction.

Keywords: national language, youth slang, linguistic culture, French language.

В свете современных глобалистических тенденций во всех областях человеческой деятельности возрастает не только роль иностранных языков, но и конструктивное восприятие национальных культур. Усиливается интерес к изучению языка, дискурса, языковой личности в их взаимосвязи с феноменом национальной культуры. Особый интерес исследователей к изучению разговорной речи обосновывается тем, что «разговорный язык считается единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи» [Балли, 2009: 17]

В лингвистике последних десятилетий, как отечественной, так и зарубежной, всё более актуальным становится использование этноцентрического подхода к анализу языковых данных. На первый план выходит осмысление языковой семантики через систему концептов и категорий объективно существующих предметов и явлений. Одним из способов изучения поведения человека становится изучение дискурса.

Тенденции к исследованию личностной ориентированности языка, к социальным, культурным и прагматическим факторам повлияли на то, что молодежный жаргон стал восприниматься как специфический культурный феномен, как особая система идеалов, для которой характерна особая эстетика и особые средства ее вербального воплощения. Эти факторы повлекли за собой расширение традиционного круга вопросов в сфере исследования молодежного дискурса. Уделяется внимание изучению речевых жанров молодежного жаргона, его гендерных особенностей, языковой личности подростка. Лексические единицы, употребляемые молодежью, можно с уверенностью считать подлинным материалом для изучения социокультурных особенностей этой социальной группы.

Любой объект изучения требует наметить эпистемологические границы толкования терминологии, применяемой при анализе исследовательского материала. Современный французский молодёжный дискурс также нуждается в категоризации данного типа.

Как правило, молодёжный сленг зарождается в языке на основе протеста против словесных штампов, устоявшихся выражений и норм речи, присущим коммуникации взрослых. Молодежь же ищет различные пути самовыражения, и находит их в том числе в языке. Тем самым молодые люди стремятся показывать свое ироническое или критическое отношение к миру взрослых.

Молодежное аргю живет на почве общенационального языка, часто обращается к его фонетическим и грамматическим нормам. Аргю, развивающееся как язык внутри языка, с одной стороны, упрощает его, а с другой - усложняет.

Он, как и язык в целом, не остается неизменным, находясь в постоянном развитии. Со сменой времен, социальных и культурных явлений старые слова и выражения постепенно выходят из активного употребления, на смену им приходят новые. Данные процессы проходят весьма стремительно именно внутри молодёжного сленга. В любом другом аргю (профессиональном, например) слова могут существовать и употребляться на протяжении десятилетий, в то время как в молодёжном аргю лишь за прошлое десятилетие, характеризующимся стремительным прогрессом, сменилось и ушло в историю огромное количество слов.

Так, особое внимание в работах Э.М. Береговской уделяется изучению именно современного молодёжного дискурса, где «все свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению» [Береговская, 2006: 40]

Интересной представляется тенденция проникновения слов из аргю в литературный язык. Чаще всего это происходит со словами, долгое время не выходящими из употребления. Постепенно они выходят за рамки употребления молодежью, прочно входят в активный лексикон взрослых людей, в том числе в язык СМИ. В газетах и журналах очень часто употребляются сленговые единицы. Это происходит по нескольким причинам: во-первых, аргю отличается особой стилистической окраской, способной привлечь внимание читателей. Во-вторых, часто название того или иного явления отсутствует среди общеупотребительных слов. В-третьих, издания хотят создать атмосферу, комфортную для молодежи с целью привлечения аудитории, используя аргютические слова и выражения в изобилии.

Так, несмотря на то, что ранее социальные диалекты приравнивались к сниженной лексике, считались ниже речевых стандартов образованных людей, сегодня они прочно входят в употребление общественными деятелями, профессорами, бизнесменами и т.д.

С точки зрения лингвистики, развитие такой подсистемы языка как аргю, может рассматриваться негативно. Например, учителя и родители стремятся оградить детей от использования сленгизмов, государство принимает активные меры по «очищению» национального языка. Но действие этих мер ничтожно мало, так как язык сам по себе не развивается, его развивают люди. Мы поддаемся новомодным веяниям, вступив в век межкультурной коммуникации и диалога культур. Следовательно, все эти факторы отражаются на языке.

Явление аргю можно рассматривать так же и с психологической точки зрения. Это своеобразное средство для подростков не чувствовать себя одинокими, создать собственный мир, понятный определенной группе людей. Им свойственно хранить тайны от взрослых. Это тоже нашло свое отражение и в языке.

В то же время бытуют мнения, что современная молодежь должна идти в ногу не только с развитием инновационных технологий и компьютерных систем, но так же немаловажно откликаться на развитие языка, учить и использовать его. Социальные диалекты, в частности, молодёжное аргю, является унифицирующим языком общения подростков, который дает широкие возможности для самоидентификации молодого поколения, и, к тому же, представляет собой удобное и быстрое средство коммуникации.

Таким образом, многие лингвисты сходятся во мнении о том, что совершенно справедливо замечание о существовании «третьего французского» - молодёжного аргю, который будет продолжать развиваться наравне с информационными технологиями, культурой и т.д. В среде ученых и исследователей существует мнение, что каждый француз говорит, по крайней мере, на двух французских языках: нормативном французском, чтобы показать соответствие правилам и разговорном французском, чтобы показать свою индивидуальность. Аргю стало неотъемлемой частью современного французского мира, и, следовательно, чтобы в полной мере овладеть языком, ни в коем случае нельзя пренебрегать социальными диалектами. К сожалению, изучение молодёжных со-

диолектов может вызывать определенные трудности ввиду обилия сокращений, пренебрежения орфографическими и пунктуационными правилами, наличия заимствований из других языков. [Дубанов, 2015: 30-35]

Ключевую роль для характеристики молодежного языка имеет исследование особенностей его лексического обогащения, определение эффективности различных средств пополнения его словарного состава, нахождение соотношения среди различных словообразовательных способов.

Язык и культура являются семиотическими системами, где знаковые отношения имеют приоритетное значение. План содержания языкового знака актуализирует в речи специфические черты национальной языковой картины мира. Эмоциональная и образная составляющие семантики языкового знака выполняют важную структурирующую функцию молодёжной коммуникации.

Таким образом, по способам вербализации, а так же по эмоциосфере языка можно с уверенностью судить об этике, психологии, нравственности и культуре молодежи, в частности молодежи Франции. По большей мере именно через словотворческие модели и их особенности современный французский молодежный дискурс претерпевает воздействие форматов молодежной коммуникации. Важно учитывать в этом вопросе, что молодежи (и франкофонной в том числе) свойственно отдавать преимущество в использовании современных технических новинок, предназначенных для обмена сообщениями разного рода. Мы считаем, что это немаловажный факт, который следует активно принимать во внимание при обучении французскому языку как иностранному.

В целом важно осознавать, что изучение французского молодежного арго помогает нам быть в курсе развития различных социальных сфер деятельности человека, понимать образ мышления, выявлять национальные особенности французским подросткам. Понимание и знание сленга дает широкие возможности быть включенным в активный диалог культур, что особенно важно в условиях расширения межкультурных отношений.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 2009. – 398 с.
2. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. №3. 241 с.
3. Дубанов Р. Ю., Дубанова Г. М. Le slang des jeunes comme une des branches du développement de la langue française moderne // Юный ученый. 2015. №3. С. 30-35.

References

1. Bally Sh. French linguistics. Moscow, 2009. 398 P.
2. Beregovskaya E.M. Youth slang: forming and functioning // Issues of linguistics. №3 (1996): 241 P.
3. Dubanov R.U., Dubanova G.M. The youth slang as one of the branches of the development of modern French language // Young scientist. №3 (2015): P. 30-35.

УДК 811'11

ПРЕДИКАТИВНАЯ МОДИФИКАЦИЯ ДЕФИНИЦИОННЫХ СТРУКТУР

Безрукова Елена Ивановна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
besrukova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается функционирование дефиниций в тексте, их текстовая модификация и формирование дефиниционных перифраз. Модификация дефиниционных перифраз в тексте осуществляется на трёх уровнях: денотативном, сигнификативном и номинативном, что отражает тройственную природу языкового знака. Основное значение и роль при текстовой модификации дефиниций приобретают дефиниционные предикаты. На каждом уровне модификации дефиниционных перифраз предикаты представлены различными группами синонимов бытийного глагола *sein* – основного репрезентанта дефиниционных отношений.

Ключевые слова: дефиниция, дефиниционная перифраза, предикаты, отношения тождества, дефиниционные отношения.

PREDICATIVE MODIFICATION OF DEFINITIONAL STRUCTURES

Bezrukova Elena

Ph. D in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
besrukova@bsu.edu.ru

Abstract

The main objective of the research presented in this paper is the functioning of definitions in the text, their textual modification and the formation of definitional paraphrases. Modification of definitional paraphrases in the text takes place on three levels: denotative, significative and nominative, which reflects the triple nature of the linguistic sign. The basic meaning and role in the textual modification of definitions acquire definitional predicates. At each level of modification of the definitional paraphrases predicates are represented by different groups of synonyms of the existential verb *sein*, the main representative of the definitional relations.

Keywords: definition, definitional paraphrase, predicates, identity relations, definitional relations.

Парадигматика рассматриваемых нами дефиниционных перифраз представлена набором разнообразных типов дефиниций. Задачей этой статьи является описание характера изменений исходной дефиниционной структуры под влиянием контекста, ситуации. Её модификация осуществляется различными средствами, среди которых основная роль принадлежит предикатам, описанию которых и посвящена данная статья.

Дефиниционные предикаты соотносятся с понятием функтор, который Ю.С. Степанов определяет как «языковое средство транспозиции одного множества языковых единиц в другое множество языковых единиц того же языка» [5, с. 184]. Как справедливо замечает автор, это определение является адекватным как для логики, так и для лингвистики. Таким образом, роль функторов в дефиниции берут на себя дефиниционные предикаты, которые формируют дефиниционные перифразы.

Дефиниционные перифразы в тексте представляют собой модифицированные типы дефиниции, к которым (для их верификации) могут быть применены принятые в логике и в лексикографии правила определений.

Процесс модификации может характеризовать любой компонент дефиниционной структуры. Наиболее показательным является изменение предиката – основного компонента дефиниционной структуры. Такие изменения касаются, прежде всего, содержания дефиниционной предикации. Дефиниционный предикат включает в качестве своих структурных компонентов отношения тождества, включения и дистинкции, которые представлены различными языковыми средствами. Эти средства, а также формируемые в результате дифференциации способы выражения дефиниционного предиката определяют структурные типы дефиниционных перифраз.

Типы исходных дефиниционных структур (парадигматика), а также основные изменения (процессы дифференциации) предполагают три уровня рассмотрения дефиниционных отношений в целом:

- денотативный уровень,
- сигнификативный уровень,
- номинативный уровень.

Таким образом, дефиниционные перифразы, распределяемые между названными тремя уровнями функционирования, оформляют три субстанции: вещь (Ding), мысль (Gedanke), имя (Name), которые в свою очередь являются основными единицами реального, когнитивного и языкового пространства.

Ещё в Средние века модисты строили свою концепцию на различении в речи трёх компонентов: подразумеваемой вещи (*денотата*), понятия (*сигнификата*) и слова (*номинатива*), которым соответствовали три категории модусов – *modi essendi* (модус существования), *modi intelligendi* (модус понятия) и *modi significandi* (модус обозначения) [3, с. 274].

Основанием для такого рассмотрения дефиниционных перифраз служит также осуществляемое в последнее время в лингвистических работах противопоставление денотативных и сигнификативных дефиниций, а последних двух - номинативному типу определений. Противопоставление денотативных и сигнификативных определений приобрело системный характер и основано на доминирующем положении денотата над сигнификатом в одних лексемах и сигнификата над денотатом в других. Как отмечает И.А.Андреюк, денотативные дефиниции базируются на отношениях денотативного тождества, сигнификативные – на отношениях сигнификативного тождества [2, с. 14].

Разграничение предложений денотативного, сигнификативного и номинативного тождества вводится в семантико-синтаксической теории Н.Д.Арутюновой, исходя из природы термов, входящих в эти предложения [1, с. 302-304]. Первый тип устанавливает эквивалентность имён по их способности к денотации, второй тип устанавливает тождество самому себе (там же: с. 302), а третий тип – это предложения, констатирующие равнообъёмность понятий; они отличаются от предложений денотативного тождества тем, что не могут быть идентифицированы прямым указанием (дейксисом) и «поэтому практически неотличимы от метаязыковых высказываний и синонимических отношений между словами и выражениями» [1, с. 306].

Итак, все дефиниционные структуры распределяются между тремя типами предложений тождества (поскольку тождество является одним из основных структурных компонентов дефиниционной предикации): денотативного, сигнификативного и номинативного, следовательно, предикат дефиниционных перифраз может функционировать на денотативном, сигнификативном и номинативном уровнях, отражающих тринарную структуру языкового знака, т.к. «всякое определение» как «знаковая ситуация» имеет отношение к семиотике [6, с. 21]. Как отмечает И.П.Солодовник, дефиниции строятся на основе семиотических систем «X ist Y», «X bedeutet Y», «X heißt, bezeichnet Y», поэтому денотативные, сигнификативные, номинативные отношения могут характеризовать как саму дефиницию, так и высказывания, соотносимые с дефиницией [4, с. 79].

Дефиниционная предикация осуществляется на основе одного из этих трёх типов отношений. Каждый уровень характеризуется определенным набором дефиниционных предикатов, которые дифференцируют дефиниционные перифразы в зависимости от лексического значения глаголов и операторов, а также в зависимости от других значений, характеризующих конкретную дефиниционную структуру. Например, в предложении *In meiner Erinnerung lebte Recife als ein träger Ort, ...* [8, с. 19]. дифференциация дефиниционных отношений осуществляется на основе экзистенциальных отношений, выражаемых бытийным глаголом *leben*.

Поэтому при синтагматической характеристике дефиниционных перифраз релевантными являются лексико-семантические особенности предиката, который представлен здесь как глаголом *sein* (быть), так и его многочисленными синонимами и перифразами. На денотативном уровне доминирующей формой предиката является глагол *sein*, на сигнификативном – *bedeuten* и на номинативном – *bezeichnen*.

Обозначение «денотативный» по отношению к дефинициям является условным, т.к. дефиниция (в общем случае) осуществляется по отношению к понятиям (концептам, значениям), а не по отношению к предметам (объектам). Последние могут быть описаны, подвергнуты классификации, охарактеризованы, на них может быть указано (остенсивные определения), поименованы. Описания, характеристики, классификации, указания, именованья (номинации), которые осуществляются по отношению к предметам (не понятиям), можно назвать «предметными» («объектными») дефинициями. Отношения между частями определяемых таким образом предметов устанавливаются самой их природой. Их структура более проста, чем структура понятийных дефиниций (через ближайший род и видовое отличие): их определяемые не включаются в родовые понятия. В этом смысле, т.е. с точки зрения полноты, сложности, размытости их структуры, они приближаются к дефиниционным перифразам, но принципиально отличаются от них характером определения.

Денотативный уровень функционирования дефиниционных перифраз представлен структурами, наиболее приближенными к исходному варианту дефиниционной модели, представляющей собой «чистую» форму.

Дифференцирующие значения отражают отношения, внешне напоминающие отношения между объектами реальной действительности. Это могут быть классифицирующие отношения, отношения включения, бытийные отношения, реляционные отношения и др. Перечисленные типы отношений между предметами характеризуют отношения между понятиями. В результате дифференциации этих отношений, изменения способов, средств их выражения формируются соответствующие «размытые» типы дефиниционных перифраз.

Как уже отмечалось, наряду с денотативным уровнем, на котором осуществляется анализ связей и отношений между объектами действительности, выделяется и сигнификативный уровень дефиниционных отношений. Основным репрезентантом дефиниционных отношений данного уровня называется глагол *bedeuten*. Дефиниционные перифразы, которые репрезентируются глаголом *bedeuten* и его функциональными вариантами, соотносятся с таким системным типом дефиниций как понятийные дефиниции (сигнификативные определения).

Кроме денотативного и сигнификативного уровней функционирования дефиниционных отношений мы выделяем номинативный уровень. Этот уровень отражает ситуацию обозначения. Дефиниционные перифразы, функционирующие на этом уровне, соотносятся с системным типом *номинальные дефиниции* (Nominaldefinitionen), являются их модификациями.

Концепция логической семантики, основанная на отношении «обозначать», обычно характеризуется как «денотационная семантика» в противоположность интенциональной семантике, которая занимается смыслом [7, с. 61], и разработана большей частью в концепции Г.Фреге. Как утверждает далее Л. Тондл, уже даже при интуитивном подходе к термину «обозначать» следует, что данный термин «предполагает отношение определённого языкового выражения к чему-то, что обозначено, к определённой сущности, которая является элементом универсума» [7, с. 60].

Предикаты, формирующие метаноминативный уровень дефиниционных перифраз, объединены функцией описания (характеристики) текстовой дефиниции с общим значением «обозначать» («bezeichnen»).

Литература

1. Андреюк И.А. Проблема дефиниции в отраслевых словарях: семантико-синтаксический аспект (на материале словарей по электротехнике современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.А. Андреюк. – Л., 1990. – 16 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
3. Большой энциклопедический словарь. – Москва, 2000. – 6124 с.
4. Солодовник, И.П. Семиологические отношения в дефиниции И.П.Солодовник // Проблемы современной лексикографии: Материалы международной научной конференции 11-13 мая 1999 г. – Белгород: изд-во БелГУ, 1999. – С.78-80.
5. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю.С.Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
6. Тер-Мкртчян С.А. Глагол в составе научного определения (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: изд-во Московского Университета, 1976. – 24 с.
7. Тондл Л. Проблемы семантики / Л.Тондл. – М.: Прогресс, 1975. – 480 с.
8. Lenz J. Kein Pass für Rio. Abenteuerroman / J. Lenz. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1966. – 288 S.

References

1. Andreyuk I.A. The problem of definition in branch dictionaries: the semantico-syntactic aspect (On a material of dictionaries on electrical engineering of modern English language): dis. ... cand. philology / I.A.Andreyuk. – L., 1990. 16p.
2. Arutyunova N.D. Sentence and its meaning / N.D. Arutyunova. – М.: Nauka, 1976. 384p.
3. Large encyclopedic dictionary. – М., 2000. 6124p.

4. Solodovnik I.P. Semiological relationships in the definition I.P. Solodovnik // Problems of modern lexicography: Materials of the International Scientific Conference 11-13 May 1999. – Belgorod, izd-vo BelGU, 1999. P. 78-80.
5. Stepanov J.S. Names, predicates, sentences (semiological grammar) / J.S. Stepanov. – М., Nauka, 1981. 360p.
6. Ter-Mkritchan S.A. The verb in the composition of the scientific definition (on the material of modern English): dis. ... cand. Philology. – М., izd-vo of Moskau University, 1976. 24p.
7. Tondl L. Problems of Semantics / L. Tondl. – М., Progress, 1975. 480p.
8. Lenz J. No pass for Rio. Romance / J. Lenz. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1966. 288p.

УДК 81'1

ОСОБЕННОСТИ АССИМИЛИРОВАННОЙ КОННОТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ МОДОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И КОННОТАЦИЙ ДАННЫХ МОДОНИМОВ В ЯЗЫКЕ-ИСТОЧНИКЕ

Бекетова Алина Олеговна

студентка факультета иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г.Белгород, Россия
alina.beketova2012@yandex.ru

Котенева Инна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
koteneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В представленной работе затрагивается проблема семантической ассимиляции заимствованных слов, рассматривается специфика функционирования заимствованной лексики из французского языка в русском языке в области «Моды». Также на примерах некоторых модонимов показаны основные расхождения коннотаций заимствованных языковых единиц в русском языке и языке-источнике.

Ключевые слова: модоним, заимствование, ассимиляция, культура, история, мода.

DIVERGENCE BETWEEN ASSIMILATED CONNOTATION OF FRENCH LOAN MODONIMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND CONNOTATION OF THESE MO- DONIMS IN THE SOURCE LANGUAGE

Beketova Alina

Student of the Faculty of Foreign Languages
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia
alina.beketova2012@yandex.ru

Koteneva Inna

Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
koteneva@bsu.edu.ru

Abstract

Presented work touches a problem of semantic assimilation of loan words. This work is centered around specifics of functioning of loan vocabulary in the field “Fashion” from the French language to the Russian language. Also there are showed the main differences between connotation of the French loan units of Russian language and the source language by the example of some modonims.

Keywords: modonim, loan word, assimilation, culture, history, fashion.

Язык, являясь важнейшим средством общения и передачи информации, выражает категории, рожденные нашим сознанием. Каждый язык в процессе своего развития зафиксировал индивидуальный и уникальный исторический опыт, создающий определенный колорит нации, отражающий избирательное отношение к определенной деятельности, и выражающийся в национальной культуре определенного народа [Скворцова, 2012: 477].

В каждом языке наряду с исконными словами имеется большое количество заимствований, этимологизация которых имеет свои особенности. Заимствование – неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса.

Лексика современного русского языка неоднородна с точки зрения её происхождения. Русскому народу на протяжении истории приходилось вступать в политические, экономические, торговые, научно–культурные и прочие связи с другими народами. В результате подобных разносторонних контактов русская лексика пополнялась иноязычными заимствованиями.

Теме выявления заимствованных элементов в русском языке посвящены труды многих исследователей. **Актуальность** ее со временем не теряется, а наоборот, усиливается, так как подсчитать их количество не представляется возможным, как по причине постоянного увеличения количества иноязычных элементов, проникающих в язык, так и вследствие действия процесса ассимиляции, который затрудняет возможность установить происхождение слова.

То есть, после вхождения в язык заимствование подвергается процессу адаптации к иной языковой системе, выражающейся в изменении произношения, написания слова, изменении его грамматических свойств в соответствии с правилами принимающего языка.

Слово, как правило, заимствуется в одном каком–либо значении, даже если в языке – источнике оно многозначно. Затем это слово может приобретать другие значения.

Практическая значимость работы заключается в применимости результатов исследования как для более углубленного обучения функционирования лексической категории «Мода» современного французского языка, так и для более детального анализа процесса семантической ассимиляции заимствованных иноязычных модонимов в русском языке.

(А.С. Пушкин Евгений Онегин Глава I Строфа XXVI)

Описывать мое же дело:

Но панталоны, фрак, жилет,

Всех этих слов на русском нет;

В толковых словарях русского языка выделяется модоним *панталоны* трактуется в двух значениях: как синоним *брюк* (устар.) и как нательная одежда типа колгот от пояса до колен. Уточняется также, что панталоны применяются преимущественно для дополнительного согревания средней части тела человека. Выделяется так же такая коннотация данного модонима, как корректирующие панталоны, которые носят в медицинских и эстетических целях.

Во французском языке модонимом *pantalon* появился в XVIII веке. Это уже длинные широкие брюки, получившие свое название по имени итальянского театрального героя Панталоне, обличенного в аналогичную модель. Женщины также нашли применение этим брюкам в своем гардеробе. Укороченные панталоны использовались ими в качестве нижнего белья.

Современный модоним *pantalon*, кроме того можно обозначить геперонимом всей лексико–семантической группы «Брюки» во французском языке.

Продолжая тематику *брюк*, следует упомянуть о бриджах или о таких их разновидностях, как *капри*. Этот модоним можно обозначить как исключение в нашем исследовании. В русском языке данное слово функционирует повсеместно и является часто употребляемым. На основе языковой догадки, можно предположить, что данный модоним является заимствованным. Однако поспешив употребить его в диалоге на французском языке, вполне вероятно столкновение с непониманием.

Капри понимается как укороченная модель *брюк* длиной приблизительно до середины голени. Являются разновидностью *бриджей*. Данный предмет одежды был придуман на итальянском острове *Капри* в конце 1940–х годов. Этим и объясняется его причудливое название. Подобные укороченные *брюки* были созданы специально для прогулок по побережью, ведь в них можно смело зайти в воду по щиколотку, не опасаясь намочить штанины. Длина современных моделей заканчивается чуть выше уровня щиколотки.

Модоним *капри* во французском языке практически не употребляется. Привычнее для французов при описании данной модели брюк, будет использование модонима *rap-tacourt* = *pantalon court* / 'бриджи'.

Продолжая выявлять разницу коннотации модонимов во французском языке и ассимилированную коннотацию в русском языке, важно обратить внимание на модоним *комбинезон*.

Толковый словарь Д. Н. Ушакова трактует определение данного модонима как производственный костюм, представляющий собой комбинацию куртки и брюк у авиаторов, шахтеров и представителей других профессий [ТСРЯ: 393].

Толковый словарь С. И. Ожегова предлагает нам следующее определение: костюм, представляющий собой соединение верхней части одежды и брюк. Бывает: рабочий и детский. [Скворцова, 2012: 476].

Мы можем встретить также, такие значения как: рабочая одежда, состоящая из брюк и верха в форме блузы или **нагрудника с бретелями**. Делается одинаково для мужчин и женщин из рубчатого вельвета, холста или другого плотного материала темных цветов.

Такие образом, все толкования данного модонима выделяют следующие признаки: предмет верхней одежды; соединение верхней части одежды и брюк; долгое время считался исключительно рабочей одеждой.

Во французском языке англицизм женского рода *combinaison* имеет следующее значение: *vêtement combinant en une seule pièce un haut et un pantalon*. 'Элемент одежды, состоящий из верхней части и брюк.'. На данном этапе, разница между русской и французскими коннотациями отсутствует.

Но мода не стоит на месте, появляется такой элемент одежды американских рабочих как джинсовые комбинезоны с нагрудником. Американцы хотели как можно дальше быть от белых воротничков, которые носят деловые костюмы и строгие галстуки. Это не неряшливая, а очень практичная и удобная одежда – отличная униформа, которая впоследствии стала очень популярна среди молодежи.

В русском языке данный элемент одежды стал именоваться также как производственный костюм, представляющий собой комбинацию куртки и брюк у авиаторов, шахтеров и представителей других профессий: джинсовый комбинезон/ комбинезон с бретелями или просто комбинезон.

Однако во французском языке данный англицизм не номинирует такой вид одежды. Для этого существует отдельный модоним женского рода *salopette*.

La salopette doit son nom à sa fonction initiale de vêtement de travail qui s'enfilait sur les autres vêtements afin de ne pas les salir.

A la fin des années 1950, son absence de forme et sa ligne évoquant celle des combinaisons et autres barboteuses d'enfants vont en faire le vêtement fétiche des adolescents américains qui refusent de grandir [George: 155].

'La salopette таким именем обязан своему предназначению, как рабочей одежды, который в отличии от других элементов одежды, можно было запачкать.

Своей популярностью в конце 50х годов, комбинезоны на бретельках и детские комбинезончики, претерпевшие отсутствие конкретного фасона и воскрешение первоначальных очертаний, обязаны американским подросткам, отказывающимся взрослеть'.

Возвращаясь, к заимствованным модонимам исконно французского происхождения, стоит обратить взор на такой модоним, как *манто*.

Толковый словарь русского языка под редакцией Ефремовой предлагает нам следующее значение: женское пальто свободного покроя (обычно меховое) [Ефремова, 1989: 1393].

Из словаря С. И. Ожегова мы можем узнать, что манто – это широкое женское пальто, обычно меховое.

Значение слова *манто* по толковому словарю Д. Н. Ушакова: широкое дамское пальто с широкими рукавами. Каракулево манто [ТСРЯ: 153].

Таким образом заимствованный в XIX веке модоним *манто*, имеет семантический оттенок роскоши и богатства. Что отсутствует в первоначальной коннотации французского языка.

Enfin, qu'il s'agisse de tissu, de maille, de cuir ou de fourrure, la matière d'un manteau doit être épaisse ou calorifuge afin de tenir chaud.

Il est à noter que le manteau est longtemps resté l'apanage des dignitaires ou des nobles qui, en le portant, signifiaient leur position sociale [George, 2012: 139].

Наконец, что касается ткани, трикотажа, кожи или меха. Материал, из которого шьется манто, должен быть плотным или по-другому теплоизолирующим, для того чтобы сохранять тепло.

Стоит отметить, что манто долгое время было элементом гардероба исключительно сановников и знати, облачаясь в которое, они хотели подчеркнуть свой социальный статус.

Модоним *manteau* во французском языке является полноправным гиперонимом соответствующей лексико-семантической группы. Здесь выделяют такие модонимы как: *manteau classique, manteaux casaque, manteaux de fourrure* и другие.

Таким образом мы видим большое количество фасонов и моделей, попадающих под толкование модонима *manteaux*, которое в отличие от русского языка не ограничивается принадлежностью только к женскому виду одежды, и не лимитируется наименованием одежды только из дорогих видов ткани, меха.

Подводя итоги, необходимо отметить, что важным вопросом лингвистики является не только откуда и почему пришло заимствованное слово, но и как оно ассимилировалось в языке. Процесс ассимиляции может быть настолько глубоким, что коннотация заимствованных слов изменяется, приобретает свои собственные оттенки и значения относительно коннотации слова в языке-источнике.

Изучение расхождений между коннотациями заимствованных французских модонимов в русском языке и коннотацией данных модонимов в языке-источнике, помогает глубже изучить национальную специфику французской и русской лексики в области «Моды» и проследить их историческое взаимодействие. Употребляя заимствованные французские модонимы стоит проявлять особую внимательность для того, чтобы быть правильно понятым собеседником.

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – Москва, 1989.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – Москва, 1997.
3. Скворцова Е. Е. Эпонимы как средство словообразования в лексико-семантическом поле «Мода» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №1–2 С. 477–484.
4. ТСРЯ. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва, 1940.
5. George S. Le vêtement de A à Z // Encyclopédie. – 4e edition, Paris, 2013.

References

1. Efremova T. F. New explanatory word-formative dictionary of the Russian language. – M., 1989.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. U. An explanatory dictionary of the Russian language. – 4e edition, Moscow, 1997.
3. Skvortsova E. E. Eponimies as means of world formation in the lexico-semantic field «FASHION» // Izvestia TulGU. The humanities Sciences. 2012. №1–2 P. 477–484.
4. An explanatory dictionary of the Russian language: edited by D. N. Ushakov. – Moscow, 1940.
5. George S. Le vêtement de A à Z // Encyclopédie – 4e edition, Paris, 2013.

УДК 81

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО МЕСТО В ДИСКУРСОЛОГИИ

Бузинова Людмила Михайловна

Докторант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308000, г. Белгород, ул. Победы, 85

Науч. рук.: д. филол. н., профессор Седых А.П.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru; rluda@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию категорий «профессионально-педагогический дискурс» и «личность преподавателя». Показана необходимость выделения жанровых характеристик педагогического дискурса: профессионального, дидактического, учебного, институционального. В качестве предмета исследования рассматриваются особенности институционального дискурса и его роль в формировании мировоззрения преподавателя. Отмечается, что коммуникация преподавателей отличается высокой степенью индивидуальной активности и направленностью на лидерские позиции.

Ключевые слова: педагогический дискурс, языковая личность, коммуникативное поведение, жанр, дистанция власти, корпоративный индивидуализм.

ACADEMIC DISCOURSE AND ITS PLACE IN DISCURSOLOGY

Buzinova Ludmila

Doctoral student of German and French Department
Belgorod State National Research University, 308000, Belgorod, Victory st., 85

Scientific Supervisor: Doctor of Philology, Professor Sedykh A.P.
e-mail: sedykh@bsu.edu.ru; rluda@mail.ru

Abstract: The paper describes the categories of «professional-pedagogical discourse» and «teacher's personality». It is shown a necessity of separation of genre characteristics of pedagogical discourse: professional, didactic, educational, and institutional. The features of the institutional discourse and his role in shaping the worldview of the teacher are discussed. It is noted that the communication of teachers is highly individual and it is oriented to leadership positions.

Keywords: pedagogical discourse, linguistic identity, communicative behavior, genre, power distance, individualism.

Научная история понятия «дискурс» достаточно длительна и неоднозначна. Как известно термин «дискурс» (от лат. *discere* – блуждать) в своей классической трактовке имеет значение процессуальности в различных её ипостасях [Грицанов 2002].

Резюмируя и систематизируя существующие представления о дискурсе в отечественной дискурсологии, данная категория трактуется через синонимичное понятие «речь»:

- «связная речь в совокупности с лингвистическими обстоятельствами её протекания, речь во взаимосвязи с живой жизнью: её событийным контекстом, социокультурными, прагматическими, психологическими характеристиками говорящих. Термин дискурс подразумевает речевое общение как взаимодействие в определённых условиях. Кроме того, в нём подчёркивается процессуальность явления, дискурс – это «поток речевых действий» [Матвеева 2010: 92];

- «семантика дискурса как целого речевого события» [Макаров 2003: 159];

Представители современной дискурсологии часто относят академический дискурс (далее – АД) к институциональному дискурсу. Мы считаем, что АД следует всё же трактовать в рамках институционального дискурса только по формальному признаку, а по содержанию – к личностно-ориентированному.

Так, ряд учёных видит в академическом дискурсе совокупность лингвокультурных концептов, объединённых тематическим признаком и являющихся результатом осознанной и неосознанной рефлексии носителей языка по поводу системы высшего образования и процесса функционирования высших учебных заведений [Дроздова 2010].

Проблемы выявления особенностей дискурсного поведения не раз привлекали и продолжают привлекать внимание ученых. На основе концепции А.П. Седых можно представить следующую сводную сопоставительную таблицу дискурсных тенденций [Седых 2013], в русле анализа которых появится возможность выделить параметры не только русского и французского коммуникативного поведения представителей академического общества:

русский язык	французский язык
1. Преувеличение в выражении мысли – прямые языковые средства	1. Смягчение мысли – косвенные средства выражения
2. Большая конкретность и предметность в выборе лексики	2. Относительно абстрактный и образный характер лексики
3. Большая контекстуальная автономность высказываний	3. Большая зависимость высказывания от ситуативного контекста
4. Допустимая резкость в стратегиях ведения диалога	4. Корректность в выборе диалогических реплик
5. Контактная проксемика	5. Дистантная проксемика
6. Соборность	6. Партикулярность
7. Оценочность	7. Нейтральность

Представленные тенденции можно рассматривать как проявление черт национального характера обусловленного особыми культурогенными установками. Приведённые позиции и лингвистический анализ высказываний представителей академического дискурса по нашему мнению позволяют детально подойти к выявлению признаков данного типа дискурса с учётом его институциональной составляющей.

Перспективы нашего исследования связаны с изучением немецкого и русского академического дискурса, которым, как мы предполагаем, присущи следующие характеристики, базирующиеся на следующих бинарных оппозициях:

- лично-ориентированный характер коммуникации / статусно-ориентированный стиль общения;
- аффективность / неаффективность, иными словами допустимость / недопустимость проявления сильных эмоций, выражения спонтанных чувств;
- соотношение устной / письменной коммуникации;
- отсутствие / присутствие эксплицитно выраженных знаков статусности и иерархии;
- диффузность / недиффузность общения, поддержание / неподдержание активных отношений за пределами профессиональной сферы;
- дистанция власти.

Одним из ключевых элементов формирования АД национального типа выступает риторический идеал этнокультурного сообщества, часть которого является преподаватель. Важным элементом является осмысление типовых речевых закономерностей в их связи с внеязыковыми факторами, в частности, с отношением каждой нации к определенным межличностным параметрам поведения. В этом плане рассмотрим общие «наднациональные» тенденции коммуникативного поведения преподавателей:

1. Отношение к норме.

Индивид стремится к строгому соблюдению законов и правил общения, не допускает нарушения норм речевого этикета. Данный тип отношения может быть достаточно устойчиво зафиксирован в институциональном дискурсе и коллективном сознании. При этом нарушение риторических норм межличностного общения делает коммуникацию затрудненной.

2. Отношение к свободе общения.

В использовании средств национального языка преподаватель этикетно несвободен, скован стилистическими рамками. Имеет место, недопущение смешения коммуникативных стратов.

3. Отношение к искренности в разговоре.

Предположим, что для преподавателя разговор это игра, в определенном смысле театр с распределенными заранее ролями и сценарием, исключая отступления от «текста», русский «разговор по душам», выражение неперебиваемое на иные языки, иностранец скорее поймет как «плакаться в жилетку».

4. Отношение к индивидуальному статусу.

Индивидуализм большинства преподавателей общеизвестен, активное нежелание «быть как все» не становится препятствием для нормативного общения – риторическая нивелировка в выборе языковых средств не предполагает их деградацию.

5. Толерантность в процессе коммуникации.

Идеальный преподаватель, даже если не согласен с точкой зрения собеседника, проявляет терпимость (пусть даже формальную) и корректное отношение ко всем участникам коммуникации. Коммуникативное задание – уважение чужой точки зрения.

Рассмотрим каждый компонент риторического идеала в применении к русскому коммуникативному поведению:

1. Языковой вкус.

На современном этапе русский языковой вкус отличается относительно небрежным отношением к национальному языку как таковому. Переосмысление многих понятий и модификация ценностных ориентиров часто приводят к тому, что целесообразность обладания хорошим вкусом ставится под сомнение. Можно сказать, что само понятие языкового вкуса деградирует.

Представляется, что коммуникативное поведение русскоязычного сообщества руководствуется принципом «чем хуже, тем лучше», иначе говоря, эффективное речевое взаимодействие достигается путем упрощения синтаксических конструкций, экономии в употреблении языкового материала, относительной нивелировки в использовании языковых средств.

2. Логика аргументации.

Русская аргументационная модель исторически ориентируется на православный подход, проповедующий терпение и смирение, но ёрничество и богохульство обладает, тем не менее, особой притягательной силой для русского народа. Это отнюдь не означает, что русский человек по природе своей аморален, но в насмешке над социальными и религиозными институтами таится стремление к «воле», сокровенное желание освободиться от любого давления извне, жить по своим законам, «никому не под шапку».

Русский национальный способ мышления скорее парадоксален, чем логичен. Очень часто он основывается на принципе: «круглое кантуем, квадратное катаем», то есть, принцип поиска и даже создания трудностей для их последующего преодоления. Такой способ рассуждения скорее близок Сократу с его максимализмом в поисках истины и доказыванием глупости своих оппонентов. При этом агностичность составляет одну из важных черт современного российского сознания. На бытийном уровне ценность получения знания уступает прагматической потребности материального результата и успеха.

3. Этика и эстетика норм коммуникации.

Этика общения современного русскоязычного сообщества основываются, как правило, на суггестивных принципах. Важно внушить собеседнику свой символ веры и волевою структуру собственного сообщения, вне зависимости от истинности последнего. Представителям русскоязычного сообщества важно вовлечь реципиента в решение своих проблем или, в крайнем случае, ввести его в сочувственное расположение духа. В речи, как правило, используются глаголы *алетической* и *деонтической* модальностей, регулирующие поведение в рамках следующих аксиом: необходимо, возможно/ невозможно; должно, разрешено/ запрещено. Например, в директивных актах речи превалирует глагол

«мочь», который передает большую степень объективности и меньшую зависимость от желаний субъекта речи.

Ясность изложения мысли, как правило, не входит в коммуникативное задание русских, важнее «напустить пыли в глаза», «навешать лапши на уши», а затем подчинить себе волю собеседника, причем, делается это довольно активными способами. Например, деловые переговоры принято проводить во время застолья, в бане, в сопровождении большого количества спиртных напитков. Главное – свести общение к уровню панибратских отношений. Следует отметить важный элемент коммуникативного поведения русских: ответственность за языковое действие не является главным приоритетом субъекта речи.

Представленные составляющие риторического идеала не исчерпывают бесконечного разнообразия частных проявлений последнего, вместе с тем, в сжатом виде отражают общие тенденции функционирования соответствующих моделей коммуникативного поведения, выявление лингвистических форм которых составляет одну из основных задач исследования.

В конечном счете, рассматриваемые особенности национального риторического идеала в своей речевой проекции с необходимостью соотносятся с прагматикой речевых актов, так как все приведенные выше положения отражают соотношение языка как совокупности знаков и их пользователей в условиях эффективной речевой коммуникации. В этом плане можно говорить о существовании так называемой «национальной дискурсной прагматики», имеющей специфические законы коммуникативного воздействия на собеседника.

Национальная дискурсная прагматика соотносится, в одной из своих частей, с исторически сложившимися символическими представлениями о реальности и формах невербального общения. Представления об окружающем мире строятся на основе коммуникативных предпочтений, которые могут трактоваться как часть единого коммуникативного пространства нации, как специфически национальные этико-эстетические доминанты обмена коммуникативной информацией.

Таким образом, мы предполагаем, что профессионально-педагогический дискурс характеризуется относительно жёсткой схемой корпоративных отношений, как по вертикали, так и по горизонтали. Институты власть и централизованная система управления традиционно пользуются поддержкой населения любой страны. Основным принципом идеальной педагогической культуры выступает сбалансированность противоречивых на первый взгляд феноменов: дистанции власти и высокой степени индивидуализма. Данные составляющие предоставляют широкие возможности для существования централизованной бюрократии в сфере образования и обеспечивают прямую и одновременно косвенную зависимость индивида от принимаемых административных решений.

Литература

1. Грицанов А.А. История философии. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. — 1376 с.
2. Дроздова Д.Р. Феномен языкового манипулирования в академическом дискурсе. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. 10.02.19 – теория языка, Майкоп 2016.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону, 2010, С. 92-93.
5. Седых, А.П. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект: моногр. / А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – 244 с.

References

1. Gritsanov A.A. History of philosophy. Encyclopedia. – Mn. : Interpresservice; The Book House, 2002. – 1376 p.

УДК 811.112.2 '373.611

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПОЗИТОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Воронина Лариса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
voronina@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируются механизмы инференции производного слова в контексте специфики реализации композитов современного немецкого языка в дискурсе. Производное слово рассматривается как динамическая смысловая структура, представляющая собой конструктор с определенным семантическим потенциалом. Отмечается, что к факторам понимания языковых единиц относятся знания генерирующего характера: моделей порождения смысла и когнитивных механизмов; знания смысловых структур, объективируемых словообразовательными компонентами, система представлений о мире и др.

Акцент в статье сделан на том, что функционирование композитов в современном немецком языке обнаруживает дискурсивную специфику. Дискурсивная специфика может обнаруживать себя как в выборе моделей порождения смысла производного, так и в смысловых нюансах формируемой структуры смысла. Знание дискурсивной специфики порождения слов, а также стилистических нюансов кодируемого смысла является опорой в процессе инферентного вывода, которая может способствовать адекватному извлечению смысла производной единицы.

Ключевые слова: производное, инференция, дискурс, знание, дискурсивная специфика.

DISCOURSE NATURE OF COMPOUNDS FUNCTIONING IN MODERN GERMAN LANGUAGE

Voronina Larisa

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
voronina@bsu.edu.ru

Abstract

The article gives the analysis of the derivative inferential mechanisms concerning specific character of compounds realization in the discourse in modern German language. A derived word is regarded as a dynamic semantic structure, representing the construct with a certain semantic potential. It's noted that language comprehension factors include knowledge of generative character: sense generation models and cognitive mechanisms; knowledge of sense structures objectified by word building components, system of world vision etc.

The article focuses to the fact that compounds functioning has discourse nature in modern German language. The discourse nature is revealed in choosing the models of establishing derivative's sense as well as in sense nuances of sense structure. Knowledge of discourse nature of word formation and stylistic nuances of coded sense is the base in the process of inferent conclusion, which can contribute to an adequate extraction of derived unit sense.

Key words: derivative, inference, discourse, knowledge, discourse identity.

Преобладающая доля неологизмов современного немецкого языка представляет собой композиты. Композит в силу своей прототипичности проникает во все дискурсы немецкого языка без ограничения, однако обнаруживает незначительные особенности реализации в рамках отдельных дискурсов.

Обращаясь к проблеме многообразия функций сложных слов, немецкие ученые Х. Эльзен, С. Михель, подчеркивают, что их функционирование в различных видах текста может быть сопряжено с различными задачами, ср.: «Komplexe Wörter üben referentielle, textuelle oder auch stilistische Funktionen aus. Sie dienen der Informationsverdichtung, wie es in Fachtexten und manchen Bereichen der Pressesprache geschieht. Sie tragen zur Meinungsbil-

dung bei, wirken persuasiv oder gar manipulativ, können auch spielerisch-poetische Verwendung finden, wie in einigen Genres der Literatur, und steuern die Textrezeption» [5, с. 5].

Обращение к проблеме новых слов в языке прессы позволило таким ученым, как Х. Эльзен, Э. Дзыкович, не только выделить круг функций производных слов, но и установить зависимость между типом данных лексем и функцией медийного текста. Как известно, несмотря на свою гетерогенность, объективно обусловленную многообразием тем и типов текстов различной функциональной направленности, язык прессы характеризуется ярко выраженной чертой – обилием неологизмов, львиную долю которых в современном немецком языке составляют композиты, так называемые «Augenblickskomposita» [3, с. 80-81]. Подчеркивая характер многофункциональности большинства неологизмов, Х. Эльзен и Э. Дзыкович выделяют две группы композитов: скорее нейтральные (информативно насыщенные) и экспрессивно окрашенные, скорее окказиональные, образования. Доля первых или вторых является, по мнению ученых, конституирующей в определении функции медийного текста. Первые характерны для текстов с преимущественно информативной функцией, вторые преобладают в текстах с доминированием персуазивной или рекреативной функции [3, с. 84].

Так, обращаясь к анализу следующего примера, заимствованного из *Süddeutsche Zeitung*, ученые указывают на информативный характер данных сообщений и особенности неологизмов, в многофункциональном характере которых доминирует номинативная функция, ср.:

«Palästinenser stimmen Sicherheitsplan zu [...] Das palästinensische Kabinett stimmte Israels Angebot eines Truppenrückzugs aus Teilen der Autonomiegebiete vorläufig zu. [...] (SZ, 8.8.2002, S.1)». [3, с. 82].

Другая группа неологизмов возникает не в силу отсутствия лексем, обозначающих тот или иной референт, а в силу разного рода стилистических функций: необходимости привлечь внимание, побудить к размышлению, выразить мнение, отвлечь от неприятных фактов и т.п. Такого рода композиты характеризуются экспрессивностью, оценочностью, яркими ассоциациями, и могут иметь манипулятивный характер.

Так, обращаясь к комментарию «Schröders Job-Debakel», размещенному в *Süddeutsche Zeitung*, который как тип текста не является нейтральным и направлен не только на то, чтобы критически оценить, но и оказать влияние на мнение читателей по определенному вопросу, Х. Эльзен, Э. Дзыкович отмечают обилие стилистических фигур и экспрессивно-окрашенных неологизмов, ср.:

«In der Tat hat der Langzeitkanzler zuletzt mehr präsidiert als regiert und viele Aufgaben unerledigt gelassen. Dafür allerdings ist er, zu Recht, mit Pauken und Trompeten abgewählt worden. Hilfsweise pflegt der Kanzler, viertens, auf die Weltlage zu verweisen, die allgemeine Konjunkturkrise, den Ausfall der US-Weltleitwirtschaft. Das Argument übersieht großzügig, dass Deutschland seit Jahren im Beschäftigungsranking hinten liegt. Mindestens in den Boomjahren 1999 und 2000, als in den USA noch die Bären tanzten, hätte es auch der Exportnation Deutschland besser gehen müssen (SZ, 8.8.2002, S.4)» [Цит. по: 3, с. 82].

Как подчеркивают ученые, функции такого рода стилистически маркированных образований могут быть различными. В то время как неологизм *Langzeitkanzler*, используемый для характеристики деятельности бундесканцлера Г. Коля, выражает негативную оценку, обусловленную неудовлетворенностью автора долгим сроком пребывания бундесканцлера на данном посту, неологизм *Job-Debakel* наряду с рядом иных англицизмов призван вызвать положительный ассоциативный ряд в отношении достижений американской экономики, создавая контраст с неэффективностью немецкой – под руководством бундесканцлера.

Следующим важным стилистическим аспектом является эвфемистическая функция – использование относительно нейтральных по смыслу и эмоциональной окраске производных, детерминированное необходимостью отвлечь от неприятных фактов. Так, военное вмешательство в дела суверенных государств может быть завуалировано в относи-

тельно нейтральных выражениях *Militäraktion*, *Präventivkrieg* (военная операция, превентивная война). Ср.: «*Auf der Gegenseite hat Wolfgang Schäuble eine deutsche Teilnahme an einer Militäraktion immerhin nicht ausschließen wollen; vorausgesetzt, die Vereinten Nationen billigen den Feldzug* (ZEIT, 8.8.2002, S. 2).

Hier geht es darum, zusammen mit den USA den Irak anzugreifen, eine allen demokratischen Grundregeln zuwiderlaufende Handlung. Das wird mit dem neutralen Neologismus *Militäraktion* verharmlost dargestellt. Genauso wirkt der in diesem Zusammenhang gehörende Ausdruck *Präventivkrieg*, der trotz allem einen Angriffskrieg bezeichnet. Die in beiden Ausdrücken dem Wortfeld Krieg angehörenden Konstituenten *-aktion* und *Präventiv-* bagatellisieren den Sachverhalt» [3, с. 83].

Кроме того, авторы исследования подчеркивают роль игровой, рекреативной функции отдельных композитов, имплицитно призванных побудить к размышлению. Для анализа привлечен фрагмент текста из «*Süddeutsche Zeitung*», описывающий в исключительно ироничном тоне предвыборный плакат ХДС, на котором изображены госпожа Меркель и господин Штойбер:

«Noch 46 Tage Sommer. Schon aber hat der Herbst seine Arbeit begonnen. Die ersten Blätter an den Bäumen welken. Vor allem viele deutsche Kastanien haben das frische Maiengrün längst gegen ein tristes Nikotingelb eingetauscht. Man könnte also, während gerade wieder ein Sommerunwetter niedergeht, regelrecht schwermütig werden. Gäbe es da nicht jetzt plötzlich in unseren Städten ein ganz unverhofftes Frühlingserwachen. Einen jähen Ausbruch von Heiterkeit, Zärtlichkeit, Sonnenschein. Riesige Plakate hat man nun aufgehängt, und sie zeigen ein Paar: einen Mann und eine Frau, die einander zugetan sind. Von Herzen, hätte man in den alten Zeiten wohl gesagt. [...] Wofür nun aber machen unsere beiden Königskinder Reklame? Beileibe nicht für Schokoriegel oder Fruchtjoghurt. Auch nicht für eine neue Teenager-Vorabendserie im Fernsehen. Nein, sie werben, sie spielen Liebe für die CDU. Die kecke Frau («Schau mir in die Augen, Edmund!») ist Frau Merkel, der vom holden Blick getroffene Mann ist der Herr Kanzlerkandidat Stoiber. [...] (SZ, 8.8.2002, S.1)».

Как подчеркивают Х. Эльзен и Э. Дзыкович, чтобы понять глубину иронии поэтического языка, описывающего весеннее настроение и романтику любви, читателю потребуется неязыковое знание о том, что речь вовсе не идет о влюбленной паре. «Mit malerischer, übertriebener, teilweise poetischer Sprache wird Frühlingstimmung und Liebespärrchenromantik beschrieben. Dass die beiden Protagonisten sich wohl eher nicht «von Herzen zugetan sind», haben verschiedene politische Ereignisse im Jahr 2002 im Zusammenhang mit der Benennung eines Kanzlerkandidaten klar gezeigt, dürfte somit Allgemeinwissen der Leserschaft sein; dass es sich nicht um ein Liebespaar handelt, ebenfalls. Das ... bildet aber die Basis für die satirische Ausrichtung des Textes. Umso krasser wirkt die Ironie, da ja Frau Merkel auch ohnehin keinen erotisch-femininen Ruf hat. In diesem Zusammenhang ist die Stimmung des Textes besonders lächerlich, fast schon böse-sarkastisch. Eine andere Art des ironischen Kontrasts ist es, positiv konnotierten Vokabeln wie *Sommer*, *Herbst*, *frisches Maiengrün* ein *tristes Nikotingelb* gegenüberzustellen, ein Neologismus... Die *Teenager-Vorabendserie* als weiterer Neologismus fällt auf wegen der Länge und der Assoziation zu «für junge, nicht erwachsene, darum nicht ernst zu nehmende Zuschauer, die sich gern belanglose Seifenopern ansehen».

Insgesamt wirken in diesem Textausschnitt die Neologismen im Zusammenhang mit anderen Textmitteln stilistisch. Sie benennen keine neue Referenten und sind nicht wertneutral, sondern transportieren verschiedene Konnotationen und Assoziationen. Der Text will nicht informieren, er ist auch nicht direkt wertend, geschweige denn manipulativ, sondern primär unterhaltend und arbeitet u.a. mit expressiv-bildhaften Gelegenheitsbildungen. Die neuen Komposita konstituieren zusammen mit anderen sprachlichen Mitteln die unterhaltende Wirkung des Textes» [3, с. 83-84].

Резюмируя результаты проведенного исследования, авторы приходят к выводу о том, что яркие, коннотативно окрашенные, скорее окказиональные образования характеризуют тексты преимущественно неинформативного характера. В заключение авторами

исследования сделан вывод о том, что осознание стилистических особенностей неологизмов, их декодирование, собственно как и понимание текста в целом, невозможно без построения гипотез, предвосхищений языкового и неязыкового характера [3, с. 84].

Согласно исследованиям германистов, схожие тенденции обнаруживает радиомедийный дискурс, избыточный, наряду с профессиональной лексикой и сокращениями-онимами, неологизмами, существенную долю среди которых составляют композиты с оценочной составляющей. Не вписывается в традиционные представления о стиле официальных сообщений факт активного использования производных, концептуально порожденных в разговорном дискурсе. В отличие от научного дискурса, в котором стратегия распознавания неизвестных понятий, объективируемых производными, может осуществляться языковой личностью с опорой на знания процедурального, генерирующего характера моделирования смысла, который осознанно встроен в контекстуальное окружение; краткость радиомедийных сообщений исключает возможность применения данных опор в процессе кодирования соответствующей информации. Соответственно, чтобы обеспечить возможность корректной интерпретации смысла производных, репрезентирующих актуальные события и реалии профессиональных сфер в области юриспруденции, экономики, банковского дела, политики, спорта, в текст сообщения целенаправленно включают дефиниции, которые в доступной форме разъясняют содержание объективируемого понятия. Представление о категории профессионального понятия дает, как правило, основной компонент композита, тему маркирует его зависимый компонент. Ср. обзор положений по данному вопросу, сделанный М. Шредер, а также представленный в её работе пример подобного рода дефиниции, завершающей соответствующее медийное сообщение: «Kennt der Hörer diese Fachwörter nicht, gibt ihm der Kontext im Moment des Hörens eine leichte Orientierung auf das Fachgebiet...»

«... Die Grünen-Finanzexpertin Scheel bestätigte dem Berliner Tagesspiegel, man berate über eine Gewerbe-Steuer-Pflicht für **Veräußerungserlöse**. So sollen auf Gewinne, die beim Kauf von Unternehmungs-Beteiligungen entstehen, Steuern erhoben werde» [7, с. 253].

Продуктивность композитов с когнитивно выделенной оценочной составляющей является специфической чертой не только медийного, но и политического дискурса. Экспрессивность смыслов, порожденных на основе соответствующих словообразовательных моделей, позволяет более легко моделировать свои и интерпретировать чужие коммуникативные намерения в пространстве дискурса. Так, бывший канцлер Г. Шредер в своих публичных выступлениях нередко прибегал к использованию, вместо нейтральных лексем *Rede* и *Argument*, экспрессивно-окрашенных производных *Blut-*, *Schweiß- und Tränenrede*, *Totschlagargument* [2, с. 460].

Лингвокреативность, наиболее ярко характеризующая художественный, медийный, рекламный, молодежный дискурс современного немецкого языка, находит свое отражение в обилии креативных неологизмов, созданных на основе осознанного нарушения норм словообразования.

При этом языковая личность в процессе поиска наиболее адекватно подходящих замыслу высказывания лексических единиц, способна, объективируя индивидуальные смыслы, порождать яркие, экспрессивные, меткие слова, частично или существенно отклоняющиеся от принятых системой языковых правил.

Когнитивная специфика композитных моделей, потенциально способных компактно передавать существенный объем информации, обуславливает их продуктивность в рекламном, медийном и других типах дискурса. Так, в рекламном дискурсе композитные модели нередко используются для создания креативных окказионализмов, компактно кодирующих информацию путем сжатия развернутой синтаксической конструкции, так называемых «Komprimierungen», стратегия распознавания которых предусматривает процедуру инферентного вывода, восстановление имплицитных элементов смысла из контекста или на основе знаний участников коммуникации.

Необходимость восстановления сжатых структур в процессе декодирования смысла подобного рода композитов подчеркивает М. Шредер. Например, как указывает ученый, распознавание производного слова *Nicht-Microsoft-Programme* в следующем медийном сообщении предполагает процедуру восстановления его полной структуры «*Programme, die nicht von Microsoft stammen*»: «...*Der Vergleich sieht vor, dass das Unternehmen den Computer-Herstellern größere Freiheiten im Bezug auf Nicht-Microsoft-Programme ermöglichen muss. So darf der Konzern keine Maßnahmen gegen Hersteller ergreifen, die keine Microsoft-Produkte nutzen...*» [7, с. 259].

Особо остро потребность в необходимости кодирования информация в компактных структурах ощущается в современной радиорекламе, характеризующейся взаимодействием двух противоположных тенденций в отношении порождения сложных слов: «*Aufgrund der Flüchtigkeit des Mediums sind allzu komplexe Wortbildungsstrukturen zu vermeiden. Andererseits zwingt die knappe Werbespotdauer – heute umfasst ein Spot in der Regel höchstens 30 Sekunden – beinahe dazu, Informationen verdichtet zu präsentieren (z.B. *Doppeltube/ Normaltube* statt *doppelte Tube/ normale Tube*) und somit umfangreichere Wortbildungen einzusetzen*» [6, с. 231].

В целом следует отметить, что существенным преимуществом композитов по отношению к иным продуктам словообразования является способность компактно передавать смысл, а по отношению к аналогичным синтагмам – делать обозримой, более удобной для восприятия структуру высказывания. Однако это правило не распространяется на исключительно длинные многокомпонентные композитные образования. Несмотря на то, что доля более сложных по составу лексем незначительно увеличивается в современном немецком языке, областью их распространения является преимущественно сфера профессиональной коммуникации, а также различные виды институционального дискурса.

Прежде чем перейти к анализу многокомпонентных композитов, следует отметить, что однозначной корреляции между громоздкостью структуры лексемы и её смысловой прозрачностью/ непрозрачностью не существует. Наибольшую сложность в процессе когнитивной обработки и распознавания смысла обнаруживают двухкомпонентные композиты, сформированные по модели *N+N*. Имплицитность и неустойчивость связи, устанавливаемой между компонентами композитов, сформированных по модели *N+N*, потенциальная возможность соотноситься с целым рядом пропозициональных структур объективно детерминирует их смысловую непрозрачность и высокую степень зависимости корректности инферентного вывода от расширенного контекста и знаний о мире. Когнитивная обработка и распознавание многокомпонентных композитов зависит от нескольких факторов. Во-первых, от степени прозрачности кодируемой в поверхностной структуре связи элементов. Следует отметить, что многокомпонентные композиты с эксплицитно представленной предикативной связью или легко устанавливаемой в силу особенностей поверхностной структуры лексемы обнаруживают высокую степень прозрачности кодируемого ими смысла. Во-вторых – от обозримости структуры производного в процессе восприятия, которая в немалой степени зависит не только от длины лексемы, но и от маркированности сегментации кодируемого смысла в структуре производного в потоке речи. Здесь следует отметить, что в письменном сообщении маркерами сегментации выступают средства орфографии – дефисы, средства формообразования – соединительные элементы. Отсутствие свойственных письменному сообщению орфографических маркеров связи, возможность нечеткого произнесения соединительных элементов или их опускания в потоке устной речи определяет характер сложностей, сопряженных с предъявлением громоздких производных на слух.

Обращаясь к проблеме корректного распознавания неологизмов в радиомедийном дискурсе, М. Шредер указывает на разную степень зависимости процесса понимания подобных образований от представленной в тексте информации. Так, краткие двухкомпонентные композиты нуждаются в более широком контексте, нежели полиморфемные: «*Für kürzere, zweigliedrige Komposita kann mehr Information nötig sein als für polymorphemische.*

So bleibt z.B. bei isolierter Nennung von *Saddam-Zuschlag* oder *Irak-Zuschlag* (15.02.02) die lexikalische Bedeutung unklar, weil die Wortbildungsbedeutung nicht erkennbar und eine Paraphrasierung vage ist: *Zuschlag* 'von', 'für' oder 'auf'. Erst im Textzusammenhang wird klar, dass es ein Zuschlag auf Benzinpreise ist als Folge des Konflikts mit Saddam Hussein bzw. dem Irak» [7, с. 252].

В отношении сложностей понимания композитов с разрыхленной структурой, сопряженных с их предъявлением на слух в потоке сообщения, М. Шредер подчеркивает следующее: «Beim Hören von Komposita mit gelockerter Wortstruktur kann es zu Missverständnissen kommen, weil man schriftliche Strukturierungsmerkmale wie den Ergänzungs(binde)strich nicht hört:

«...für die Menschen- und Grundrechte, ...»

Das zu ergänzende Kompositionsglied *Menschen-* könnte auch als einzelnes Wort in freier syntaktischer Fügung zu verstehen sein. Missverständlich, aber auch unüblich ist die Reduzierung eines Kurzwortes *CDU* auf *CD-* in der Aneinanderreihung *was CD und CSU beschlossen haben* (4.03.04). Missverständnisse sind weitgehend ausgeschlossen bei solchen Komposita mit Ergänzungsstrich, die ein Fugen *-s* haben (*EU-Staats- und Regierungschefs*) oder deren erste Konstituente ein Verbalstamm (*Wach- und Sicherheitsgewerbe*) oder ein unflektiertes Adjektiv (*mehr Klar- als Behördentext im Wetterbericht*) ist» [7, с. 252].

Современный этап развития профессиональных языков характеризуется потребностью использовать мегадлинные композиты, лексемы в форме словосочетания и, в целом, новые словообразовательные модели в процессе номинации новых объектов [4, с. 11], однако в процессе формирования смысла следует помнить, что в силу сложности когнитивной обработки необозримые структуры композитов могут быть не восприняты как читателями, так и слушателями. По меткому замечанию Э. Доналис, жизнь сама по себе достаточно запутана, поэтому композиция должна служить не созданию дополнительных неясностей, а более меткому выражению смысла высказывания [1, с. 18].

Особенности смысловых структур композитов: неоднозначность их интерпретации, возможность гибкого формирования нового смысла устоявшейся, закрепившейся в языковом сознании носителей лексемы – нередко целенаправленно используется как средство манипуляции сознанием в рекламном и политическом дискурсе.

Так, используемый в рекламе соответствующего продукта композит *Gänseleberpaste* предсказуемо интерпретируется потребителем как *Pastete aus Gänseleber*, что подтвердил проведенный Хильке Эльзен опрос респондентов. Как подчеркивает ученый, у потребителя сознательно создают впечатление о продукте более высокого качества, «ohne dabei zu lügen, denn die Leber muss der Verbraucher eben 'als Leberpastete mit Gänsefleisch' interpretieren» [2, с. 459].

Использование в рекламном дискурсе сложных лексем профессионального языка, непонятных для обывателя, как правило, направлено на то, чтобы отвлечь его внимание от отдельных недостатков продукта, ввести в заблуждение или намеренно сформировать ошибочное представление о достоинствах продукта, которыми он не обладает.

Так, обращаясь к анализу следующего рекламного текста, Х. Эльзен делает вывод о том, что для большинства потребителей крема для лица вопросы «*Was für Produktion wird aktiviert?*», «*Was ist bioaktiv?*» останутся без ответа.

Hautcreme [...] ° reaktiviert die hauteigene Hyaluronsäureproduktion ° füllt Falten effektiv von innen heraus auf ° tiefe Falten werden sichtbar geglättet ° zart schmelzende, schnell einziehende Creme ° bioaktives Saporin redynamisiert nachweisbar die Produktion der hauteigenen Hyaluronsäure und polstert so das eingefallene Bindegewebe auf natürliche Weise wieder auf ° mit hochwirksamen UVA/UVB Schutz LSF 15 (Eucerin).

Однако обилие непонятных для обычного потребителя понятий многих впечатляет и лишь увеличивает эффект внушаемости, что активно используется в тактике манипулирования сознанием [2, с. 453].

Подводя итог, следует заключить, что композит в силу его прототипичности является универсальным, проникающим во все сферы дискурса средством репрезентаций знаний об объекте действительности и его связях с другими объектами. Основным преимуществом композита по отношению к иным средствам хранения информации является компрессия информации в рамках компактной, обозримой структуры. Количество компонентов композита не ограничено узусом и языковой нормой современного немецкого языка, однако лимитировано когнитивной способностью к восприятию.

References

1. Donalies, E. Donaudampfschiffahrtsgesellschaftskapitänskompositabildungsexpertenrunde. Wortbildungspflege. Folge 6 // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. – Mannheim, 2001. – 17. Jahrgang. Heft 3. P. 17-18.
2. Elsen H. Manipulation aus sprachlicher Sicht // Wirkendes Wort. Sprache und Literatur in Forschung und Lehre. – Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag, 2008. – 58. Jahrgang. Heft 3. P. 447-466.
3. Elsen H. Neologismen in der Zeitungspressе // Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – München, Berlin, 2005. – 42. Jahrgang. Heft 2. P. 80-85.
4. Elsen H. Wortbildung im Sprachgebrauch. Desiderate und Perspektiven einer etablierten Forschungsrichtung // Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. – Wiesbaden: GfdS, 2007. – 117. Jahrgang. Heft 1. P. 1-16.
5. Elsen H. Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Zur Einführung in diesen Band // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen. – Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2011. P. 1-15.
6. Greule A. Von *Doppel- und Normalstuben* und dem *Anti-Enzym BX*. Wortbildung in der Hörfunkwerbung // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen / Hrsg. von H. Elsen, S. Michel. – Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2011. P. 225-264.
7. Schröder, M. Wortbildung in der Hörfunknachricht // Zwischen Lexikon und Text. Lexikalische, stilistische und textlinguistische Aspekte. – Stuttgart, Leipzig: Hirzel, 2005. P. 247-262.

УДК 811.161.1.37+81.373.421+81.373.422+81.374.73

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ЗВУЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале синонимико-антонимического комплекса
тихий — громкий)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»), а также при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

Воронина Татьяна Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
tmv313@yandex.ru

Черкасова Евгения Михайловна
аспирант
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия
yevgenia.cherkasova@yandex.ru

Аннотация

В данной статье на основе данных идеографического словаря (Большой толковый словарь синонимов русской речи — проект под рук. Л.Г. Бабенко) рассмотрены семантические связи в рамках синонимико-антонимического комплекса *тихий — громкий* в современном русском языке. Проанализированы около 200 слов различных частей речи, содержащих семантический компонент 'сила, интенсивность звука', входящих в синонимические ряды и имеющих антонимические соответствия. Рассматриваемые лексемы образуют 6 синонимико-антонимических групп, вершины которых составляют пары *тихий — громкий*, *тишина — шум*, *глухой — звонкий*, *мягкий — пронзительный*, *заглушать — усиливать*, *затихнуть — зазвучать*. По количеству единиц и по разнообразию выражаемых отношений на основе параметра интенсивности звука лидирует контрарная оппозиция *тихий — громкий*, внутри которой более детально представлена очень высокая степень проявления признака. Семантика синонимико-антонимического комплекса может осложняться отоб-

ражением других параметров, например таких, как отчетливость/неотчетливость, высокий/низкий тон звука (*звонкий — глухой*), производимое звуком впечатление (*пронзительный — мягкий*). Оппозиция *тишина — шум* имеет скорее контрадикторный характер. Имеются векторные противопоставления, репрезентирующие ситуации увеличения/уменьшения силы звука, появления/исчезновения звука: *усилить — заглушить, зазвучать — затихнуть*, с более высокой степенью разработанности обозначений прекращения, ослабления звучания.

Ключевые слова: лексика звучания, синонимы, антонимы, концептуализация, идеографический словарь

CONCEPTUALIZATION OF SOUND INTENSITY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (based on synonymic-antonymic block *quiet — loud*)

Voronina Tatiana

Associate Professor, Senior Lecturer
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
tmv313@yandex.ru

Cherkasova Yevgenia

Postgraduate student
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
yevgenia.cherkasova@yandex.ru

Abstract

In the present article semantic connections of the modern Russian language have been studied within the framework of synonymic-antonymic block *quiet — loud*, based on ideographic dictionary data (Large explanatory dictionary of the Russian speech synonyms under the supervision by L.G. Babenko). About 200 words of different parts of speech that have a component “intensity of sound” in their semantics and form synonymic sequences having antonymic accordance have been analyzed. Lexemes in question form 6 synonymic-antonymic groups, with the following oppositions on the top: *quiet — loud, silence — noise, dull — voiced, smooth — strident, muffle — amplify, fade/ become silent — begin to sound/resound*. The contrary opposition *quiet — loud* holds the lead in terms of number of units and expressed relation diversity. A very high level of characteristic manifestation is presented in more detail. Semantics of synonymic-antonymic block can be complicated by other parameters, such as distinctness/indistinctness, high tone/low tone of the sound (*voiced — dull*), the impression of the sound (*strident — smooth*). Opposition *silence — noise* has rather contradictory nature. There are also vector oppositions that represent situations of increasing/decreasing sound intensity: sound appearing/disappearing: *amplify — muffle, begin to sound — fade* that have higher degree of demonstration of sound discontinuation/attenuation.

Keywords: vocabulary of sound, synonyms, antonyms, conceptualization, ideographic dictionary.

Синонимы и антонимы — наиболее хорошо изученные явления лексической парадигматики. На современном этапе наблюдается расширение поля их исследований: они рассматриваются, в частности, на фоне словообразования и многозначности, а также в связи и взаимодействии друг с другом. В когнитивном аспекте акцентируется их роль в репрезентации знаний о тех или иных фрагментах мира. Так, Л.Г. Бабенко отмечает, что «для семантического пространства языка одинаково важными являются как отношения противопоставления, тесно связанные с категоризацией мира, с горизонтальной ипостасью пространства, так и отношения дифференциации и тождества, связанные с глубиной семантического пространства, его вертикальной ипостасью. Поиск тождественных и противоположных сущностей — один из важнейших процессов познания, отраженно присутствующий на разных уровнях языковой системы» [1, с. 15]. Все более полными и подробными становятся словари синонимов и антонимов, осознана необходимость лексикографического представления более крупных семантических объединений, чем синонимический ряд или антонимическая пара. Например, Ю.В. Федосов выделяет такую структурную единицу идеографического словаря, как антонимо-синонимический блок: «В качестве “ядра” в антонимо-синонимическом блоке выступает антонимическая пара слов, а в качестве “периферии” — два синонимических ряда» [10, с. 145]. Осознается специфика антонимо-синонимических отношений и в структуре электронных тезаурусов: «Особый тип отношения — антонимия: отношение между словами в контексте конкретных синсетов» [4]. Л.Г. Бабенко, рассматривая возможности репрезентации отношений противоположности в русском языке в аспекте категоризации и лексикографической интерпретации, указывает, что «репрезентантами отношений противоположности могут быть различные лек-

сические единицы и их совокупности» [2, с. 38], к последним относятся, в частности, «семантически соотносительные парадигматические ряды, например, синонимико-антонимические комплексы в составе различных идеографических классов слов» [там же].

Цель данной работы – на основе данных идеографического словаря рассмотреть семантические связи в рамках синонимико-антонимического комплекса *тихий* — *громкий* в современном русском языке, показать симметричность/асимметричность этих связей и выявить специфику концептуализации интенсивности звучания в аспекте отношений тождества и противоположности.

Материал исследования — около 200 слов различных частей речи, содержащих семантический компонент ‘сила, интенсивность звука’, входящих в синонимические ряды и имеющих антонимические соответствия.

Значимость данного противопоставления обусловлена самой обозначаемой характеристикой звука. Во-первых, акустическое восприятие — один из важнейших способов познания действительности человеком, и уже поэтому сфера звучания характеризуется значительной лексической наполненностью. Во-вторых, интенсивность — один из наиболее важных параметров звучания: «Идентичность звуку придают его основные физические характеристики: частота, амплитуда (интенсивность) и сложность, которые человек воспринимает как высоту, громкость и тембр звука соответственно, что позволяет нам говорить о таких характеристиках ситуации звучания, как интенсивность (громкость) и специфичность (особенности звука с точки зрения его высоты и тембра)» [6, с. 62]. Кроме того, лексемы *тихий* и *громкий* являются высокочастотными, и они безусловно противопоставлены по значению. Так, М.Ю. Мухин в результате сравнительного статистического анализа словарей антонимов русского языка выявил, в частности, «антонимические пары (всего 57), которые отражают все лексикографические источники» [7, с. 165-166], и среди них пары *громкий* — *тихий*, *тишина* — *шум*.

Лексические единицы, образующие исследуемый синонимико-антонимический комплекс, были выбраны из Большого толкового словаря синонимов под ред. Л.Г. Бабенко [3]. В нем «в микроструктуре каждой словарной статьи есть самостоятельная словарная зона, в которой указываются антонимы, соотносительные как с основным заглавным синонимическим рядом слов или с некоторыми его членами, так и с включенными в словарную статью близкородственными синонимическими рядами слов» [2, с. 39]. Источник иллюстративного материала — Национальный корпус русского языка [8]. Парадигматический анализ синонимических и антонимических отношений осуществлялся на основе компонентного и контекстологического анализа.

Рассматриваемые лексемы входят в Большом толковом словаре синонимов русской речи в класс «Характеристика звука» и образуют 6 синонимико-антонимических групп, вершины которых составляют пары *тихий* — *громкий*, *тишина* — *шум*, *глухой* — *звонкий*, *мягкий* — *пронзительный*, *заглушать* — *усиливать*, *затихнуть* — *зазвучать*.

Комплексы организуются преимущественно прилагательными, вокруг которых группируются близкородственные синонимы. Основное противопоставление выражено адъективными синонимическими рядами **Громкий**, *громовой* и *устар. громовый*, *громогласный*, *гулкий*, *звучный*, *зычный*, *оглушительный*, *трубный*, *книжн. громopodobный*, *книжн. полнозвучный*, *книжн., устар. велегласный*, *книжн., устар. громозвучный* ‘значительный по силе звучания, хорошо слышный (о звуке)’ — **Тихий**, *глухой*, *заглушенный*, *негромкий*, *приглушенный*, *слабый* ‘незначительный по силе звучания, плохо слышный (о звуке)’; к нему примыкают субстантивные и наречные ряды: **Громкость**, *громогласность*,... ‘качество сильно звучащего, хорошо и далеко слышного звука, голоса’ — **Тихость**, *приглушенность*, *слабость* ‘качество звука, проявляющееся в незначительной силе звучания’; **Громко**, *громогласно*,... ‘сильно звуча и потому будучи хорошо слышным’ — **Тихо**, *вполголоса*, *глухо*,... ‘обладая небольшой силой звучности, не сильно действуя на слух’. При этом четкой противопоставленностью характеризуются только доминанты рядов, а чем больше слово демонстрирует семантических и стилистических отличий от до-

минанты, тем слабее становится противопоставление, хотя потенциально оно возможно. Ср., например, совместное употребление слов из антонимичных рядов на расстоянии не более 20 слов друг от друга, по данным Национального корпуса: *громкий* и *тихий* — 546 вхождений, *громкий* и *слабый* — 54, *оглушительный* и *тихий* — 24, *громopodobный* и *тихий* — 1.

Антонимическая пара *тихий* — *громкий* имеет в семантике градулируемый параметр ‘сила звучания’, по которому и происходит противопоставление; таким образом, эта пара потенциально представляет собой явление контрарной антонимии, которая обычно «реализуется в противопоставлении синонимических рядов, построенных по градационному принципу» [9, с. 101]. Действительно, характер антонимических отношений, в которые входят слова *тихий* и *громкий*, казалось бы, схож с тем, который можно наблюдать, например, у пары *холодный* и *горячий*. *Холодный* — *горячий* — это пример классической контрарной антонимии; подразумевается наличие еще одного члена парадигмы, более нейтрального по степени проявления признака по сравнению с крайними ее членами. В данном случае это слово *теплый*, хотя в языке можно найти, кроме того, такие языковые единицы, как *прохладный* и даже *горячеватый*, которые делают шкалу лексических единиц с семантикой температуры еще более сложной. Однако совсем иначе дело обстоит с антонимической парой *тихий* — *громкий*, потому что в языке нет такой единицы, которая могла бы стать средним членом данной парадигмы. Если звук *не тихий*, то это не значит, что он автоматически может характеризоваться как *громкий*. Тем не менее язык не представляет явного промежуточного варианта. Конечно, можно было бы рассмотреть слово *громковатый* (по аналогии с *горячеватый*) в качестве элемента шкалы громкости. Однако, во-первых, оно все равно не являлось бы «средним членом» парадигмы, а во-вторых, нужно не забывать о том, что одним из условий отбора лексических единиц для анализа была возможность этих слов вступать в синонимические/антонимические отношения, которая отсутствует у слова *громковатый*. Возможно, это связано и с тем, что словообразовательная семантика здесь работает весьма своеобразно. Языковое значение суффикса *-оват-* ‘неполнота качества, смягчение и уменьшение его по отношению к тому, что называется мотивирующим словом’, однако *громковатый* — это более громкий, чем нужно, ср.: *Еще в институте мое пылкое старание, мои незабываемые до сих пор успехи по ма-стерству были чуть-чуть крупнее, чем надо. Многовато, громковато, слишком сильно!* [8]. Если же счесть, что существует прилагательное *тиховатый*, то обнаруживаем, что его значение — недостаточно громкий. Национальный корпус не дает по запросу *тиховатый* ни одного вхождения, однако Яндекс поиск выдает контексты типа: *Звук слегка тиховатый, если телефон лежит в кармане, то можно и не услышать...*; т.е. *громковатый* и *тиховатый* не только не являются средними элементами шкалы громкости, но и не являются антонимами по отношению друг к другу.

Еще одна особенность устройства данных рядов в области градуирования признака состоит в том, что очень высокая степень интенсивности звучания маркируется особыми лексемами (*громовой*, *оглушительный* и т.д.), тогда как очень низкая не маркируется совсем (за исключением музыкальных терминов *пиано*, *пианиссимо*). Это компенсируется на морфемно-словообразовательном уровне, ср.: *тихонько*, *потихоньку*, *потихонечку*, *тишайший* — *громчайший* (результат поиска такой словоформы в Национальном корпусе — 10 вхождений, все в текстах XIX в.).

Интересно также отметить взаимодействие научного и обыденного отображения высокой интенсивности звучания. Н.Н. Евтугова пишет: «В научной картине мира зафиксировано, что интенсивность звучания является количественным признаком, так как ее можно измерить. Измерительной единицей считаются децибелы. В обыденном знании единицы отсутствуют» [5, с. 347]. Действительно, *децибел* в обыденном сознании не служит единицей измерения громкости, но это слово используется для обозначения чрезмерно громких звуков: *Раздразжала кричащая, непомерно громкая музыка. Что за пристрастие к децибелам?* [8]; <...> — *ухмыльнулся Корнеев, и не подумав уменьшить децибелы*

богатырского голоса [8] и под. примеры. В этом смысле наименование единицы измерения «встраивается» в систему параметрических слов, называющих величину и одновременно высокую степень проявления чего-л. (напр., *температура* — то же, что *высокая температура*).

Оппозиция *тишина* — *шум* представляет собой шкалу с двумя взаимоисключающими отметками, которые условно можно обозначить как отсутствие/наличие звука. Можно предположить, что это контрадикторная антонимия. Однако анализ словарных данных и контекстов употребления лексики шума и тишины показывает, что мы имеем дело с более сложным семантическим комплексом. *Шум* — это более конкретное понятие, чем *звук*, и на первый план в семантике *шума* выходит характеристика звучания, а не абстрактное наличие какого-либо звука. Эта характеристика складывается из признаков ‘нестройные’, ‘разнообразные’ звуки, ‘слияние звуков’. Но, с другой стороны, находим большое количество контекстов, где шум и тишина противопоставляются: *Это продолжалось несколько секунд, после чего внезапно шум отрезало тишиной* [8]; *Загремели стулья, прокатился шум и тут же вступила тишина* [8]. Следовательно, можно утверждать, что оппозиция *тишина* — *шум* в языке действительно существует, несмотря на то, что слово *шум* не обозначает просто наличие любого звука. Это подтверждается также, например, близкородственными рядами и их антонимией. В словарях к прилагательному *шумный* ‘происходящий с шумом, производящий шум’ дается в качестве синонима только *шумливый*, а антонимическое противопоставление выражается синонимами ряда *Тихий, беззвучный, безмолвный, бесшумный, неслышимый, книжн. неслышимый* ‘не производящий или почти не производящий звуков; протекающий без шума’. При этом обнаруживается довольно значительное количество контекстов, где прилагательное *громкий* реализует значение ‘производящий шум’, т.е. вступает в синонимические отношения с *шумный, шумливый* и в антонимические — с *тихий, беззвучный, безмолвный* и под.: *Вскрики Максима нарушили гармонию элитарного ресторана. — Что?! — Извините! — Бармен успокаивающе поднял ладони — глаза громкого посетителя горели отчаянностью* [8]; *Самая громкая птица — трехусый кузнец — живет в горных лесах Центральной Америки* [8]. Тем не менее, рассмотрев синонимические ряды в целом, мы видим, что приравнять по семантике *звук* и, например, *гудение* невозможно, потому что семантика *гудения* и остальных слов ряда достаточно далека даже от слова-доминанты *шум*. Шум — разновидность звука, а гудение — разновидность шума, и гудение никак не может означать просто наличие звука. Другими словами, в языке возможна только оппозиция *тишина* — *шум*, эта оппозиция асимметрична.

Как видим, и по количеству единиц, и по разнообразию выражаемых отношений на основе параметра интенсивности звука лидируют оппозиции *тихий* — *громкий* и *тишина* — *шум*.

В других случаях семантика синонимико-антонимического комплекса осложняется отображением других параметров, например таких, как отчетливость/неотчетливость + высокий/низкий тон звука: *Звонкий, залиvistый, серебристый, книжн. серебряный, трад.-поэт. звончатый, разг. зазвонистый, разг. залиvчатый, разг. звонистый* и *Глухой*. Данная оппозиция является асимметричной по количеству репрезентантов, так же как и оппозиция, где основанием противопоставления, кроме интенсивности звука, становится еще и оценочный параметр: *Пронзительный, визгливый, крикливый, петушинный, разг. истошный* ‘громкий, резкий, высокий, сильно и неприятно воздействующий на слух (о звуке)’ — *Мягкий*.

Оппозиция *заглушать/заглушить* — *усиливать/усилить* представляет собой векторный тип антонимии, причем и сами глагольные ряды, и близкородственные им организованы несимметрично: например, целому ряду *Заглушать/заглушить, глушить/заглушить, покрывать/покрыть, приглушать/приглушить, смягчать/смягчить* ‘делать/сделать звук неслышимым или менее слышимым или превосходить/превзойти по силе какой-либо звук’ имеется только одно противопоставление — *Усиливать/усилить*. Ана-

логичным образом устроено противопоставление – *Затихать/затихнуть, гаснуть/погаснуть* и *угаснуть, глхнуть/заглхнуть, замирать/замереть, замолкать/замолкнуть, молкнуть/замолкнуть, смолкнуть* и *умолкнуть, отзвучать, погасать/погаснуть, смолкать/смолкнуть, стихать/стихнуть, умолкать/умолкнуть, утихать/утихнуть, книжн. угасать/угаснуть, устар. тихнуть/затихнуть* и *утихнуть* ‘переставать/перестать слышаться, раздаваться (о звуках)’ — *Зазвучать* ‘начать звучать, слышаться, раздаваться’. Это говорит о том, что прекращение звука, ослабление его интенсивности концептуализируется как процесс более длительный и постепенный, тогда как начало звучания воспринимается скорее одномоментно.

Таким образом, при концептуализации звучания по параметру интенсивности практически не выявляется абсолютной симметрии синонимико-антонимических связей. Очень высокая степень интенсивности звучания маркируется особыми лексемами (*громовой, оглушительный* и т.д.), тогда как очень низкая практически не маркируется. Интенсивность звучания — параметр градуируемый, но в языке нет такой единицы, которая могла бы стать средним членом парадигмы *тихий — громкий*. Семантика синонимико-антонимического комплекса может осложняться отображением других параметров, например таких, как отчетливость/неотчетливость, высокий/низкий тон звука (*звонкий — глухой*), производимое звуком впечатление (*пронзительный — мягкий*). Оппозиция *тишина — шум* имеет контрадикторный характер. Имеются векторные противопоставления, репрезентирующие ситуации увеличения/уменьшения силы звука, появления/исчезновения звука: *усиливать — заглушать, зазвучать — затихнуть*, с более высокой степенью разработанности обозначений прекращения звука, ослабления его интенсивности.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Мир русского слова и русское слово в мире. Том 4. Язык, сознание, личность. Мат. XI Конгресса МАПРЯЛ. HERON PRESS. Sofia, 2007. — С. 15-22.
2. Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографические параметры // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. — С. 37-41.
3. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. — в печати.
4. Браславский П.И., Мухин М.Ю. и др. YARN: начало // Труды конференции «Диалог-2013». URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BraslavskiyP_YARN.pdf (дата обращения: 15.03.2017).
5. Евтугова Н.Н. Соотношение философских категорий с лингвистическими объектами на примере номинативного поля концепта «Звук» // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 2 (41). — С. 343-349.
6. Кургалина М.В. Вариативность способов и путей концептуализации ситуации звучания в языке (на материале английских атрибутивных единиц) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. — С. 61-64.
7. Мухин М.Ю. Русская антонимия в отечественной лексикографии: статистический обзор // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. — С. 158-167.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.03.2017).
9. Слаутина М.В. Отображение антонимических отношений в словаре синонимов // Вопросы лексикографии. № 2. 2012. — С. 97-103.
10. Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка. — Волгоград: Перемена, 2001. — 190 с.

References

1. Babenko L. (ed.) Large explanatory dictionary of the Russian speech synonyms: ideographic description, antonyms, phraseological units. Moscow: Ast-Press kniga. 2008.
2. Babenko L. Picture of the world reflected in a dictionary (based on the ideographic dictionary of the Russian speech synonyms). The world of the Russian word and the Russian word in the world. Language, consciousness, personality. Materials of XI Congress MAPRYAL. Vol 4.: HERON PRESS. Sofia, (2007): P. 15-22.

3. Babenko L. Representing relationships of opposition in the Russian language: problems of categorization and lexicographical parameters. *Cognitive studies of the language*. Vol. 26 (2016): P. 37-41.
4. Braslavsky P., Mukhin M. et al. YARN: the beginning. Works of a conference «Dialog-2013». URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BraslavskiyP_YARN.pdf (usage date: 15.03.2017).
5. Evtugova N. The correlation between philosophical categories and linguistic objects exemplified by nominative field for the concept of «Sound». *Personality. Culture. Society*. Vol. 2, Iss. 41, (2008): P. 343-349
6. Fedosov Y. Construction principles for an ideographical antonymic-synonymic dictionary of the Russian language. Volgograd: Peremena, 2001. 190p.
7. Kurgalina M. The variability of means and ways of conceptualizing a situation of sounding in the language (based on English attributive units). *VGU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication*. Vol. 3 (2014): P. 61-64.
8. Mukhin M. Russian antonymy in Russian lexicography: statistical review. *New Russia: traditions and innovations in language and science of language. Proceedings of the international conference*. Moscow, Yekaterinburg: Kabinetny ucheny, 2016. P. 158-167.
9. Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (usage date: 15.03.2017).
10. Slautina M. Representation of antonymic relations in the dictionary of synonyms. *Lexicographical issues*. Vol. 2. (2012). — P. 97-103.

УДК 81'373.47

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «STRESS» (на примере глянцевого журнала для женщин)

Дробот Дарья Сергеевна

Аспирант

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

chuzhikovadarya@gmail.com

Аннотация

Данная статья рассматривает тексты англоязычных глянцевого журнала для женщин, а также особенности языка журнальной лексики. Проводится когнитивно-коммуникативный и лексикографический анализ словарного материала с целью выявления функционирования концепта “stress” в языке и его влияния на читателя. На основе общих когнитивных признаков выделяются группы смысловых значений, отражающие причины, приводящие к состоянию стресса, и в тоже время результат его воздействия. Анализ концепта подтверждает ключевую роль языка в когнитивных процессах человеческого мышления.

Ключевые слова: масс медиа, лексика, лексикографический анализ, когнитивно-коммуникативный анализ, концепт.

COGNITIVE-COMMUNICATIVE ANALYSIS OF THE «STRESS» CONCEPT (IN GLOSSY MAGAZINES FOR WOMEN)

Drobot Darya

Postgraduate Student

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

chuzhikovadarya@gmail.com

Abstract

The paper studies the texts of English-language magazines for women and language features of the vocabulary. Cognitive-communicative and lexicographic analyses of the vocabulary are provided to identify the “stress” concept in language and its impact on the reader. The article describes groups of semantic meanings, based on common cognitive features, which reflect the causes that lead to stress, and at the same time the result of its influence. The research confirms the key role of language in the cognitive processes of the human mind.

Keywords: mass media, media text, lexicographic analysis, cognitive-communicative analysis, concept.

Жизнь человека в современном обществе предполагает ежедневное восприятие, обработку и передачу больших объемов информации. Постоянное пребывание под напо-

ром информационного потока требует психологической стабильности, приспособления к непрерывно меняющимся условиям существования. Индивид неспособный устоять перед наплывом обстоятельств и избыточного количества сообщений рискует оказаться за бортом, выпасть из всеобщего жизненного движения. Когда же это случается, то беспокойство растет и уровень стресса неизменно повышается. Современный «информационный человек» пребывает в состоянии постоянного напряжения и потому не удивительно, что частым предметом внимания в СМИ является именно тема стресса.

Целью данной работы является проанализировать лексический состав женской периодической прессы в ключе когнитивно-коммуникативного подхода. В частности, исследовать вербализацию концепта «стресс» в современных медиа изданиях.

На сегодняшний день, большое количество ученых занимаются вопросами лексики средств массовой информации и воздействием языка СМИ на общественное сознание. В нашей работе мы обращались к работам Т.Г. Добросклонской, Е.В. Милосердовой, Е. С. Кубряковой, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина и др.

Источниками практического материала послужили одни из самых популярных среди читателей международные женские глянцево-журналы «Cosmopolitan» и «Glamour».

В ходе изучения данной темы мы проводили лексический, лексикографический анализ, использовали такие методы исследования как количественно-статистический, качественный и компонентный анализ.

Человеческому мышлению свойственно систематизировать, концептуализировать и облекать в конкретные вербальные единицы все предметы и явления, происходящие в окружающей действительности. В тоже время индивид, живущий в социуме находится в постоянной коммуникации (связи) с себе подобными. Коммуникация происходит от лат. *communis*, что означает «делаю общим», «связываю», «общаюсь» и означает общение, обмен мыслями, знаниями, чувствами и эмоциями. Большой энциклопедический словарь предлагает два определения: 1) путь сообщения, связь одного места с другим, 2) общение, передача информации от человека к человеку - специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи др. знаковых систем). С одной стороны, процесс коммуникации осуществляется ежедневно и неразрывно связан с существованием человека в обществе, с другой стороны, не смотря на столь привычное действие, коммуникация является довольно сложным механизмом и предметом изучения большого числа ученых различных областей знания. «Общение относится к числу тех понятий, которые только на первый взгляд кажутся ясными и очевидными... человеческое общение представляет собой противоречивое и нелегко эксплицируемое явление» [Милосердова, 2001: 3].

В отличие от психологии, центром внимания которой является сам человек в процессе коммуникации, лингвистическая наука изучает язык как явление, неразрывно связанный с человеком, обществом и его историей. Основным вопросом на протяжении многих лет остается осуществление коммуникативной функции в процессе общения. Когнитивная лингвистика изучает особые отношения языка и мышления. Предметом изучения здесь являются особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний при помощи языка. «Функции языка как орудия коммуникации и как орудия познания мира связаны неразрывно. Язык – есть по своему назначению когнитивно-коммуникативная система. Изучая тот или иной язык, надо не упускать из вида неразрывную связь двух главных его функций – когнитивной и коммуникативной» [Сусов, 2007: 51]. Процесс общения включает в себя обе эти функции. *Когнитивные процессы* (закрепление в сознании когнитивных моделей, прототипов, схем, сценариев и т. п.) проявляются в ходе поступления и обработки информации, а процесс передачи информации уже связан с *коммуникативной* составляющей. В свою очередь язык выступает универсальным средством сохранения (в виде кода) и передачи данных, и в тоже время инструментом общения между индивидами.

В арсенале когнитивной лингвистики находится богатый набор терминов, отражающих различные грани мыслительных процессов, в которых особую роль играет язык. Наиболее популярным для исследователей является понятие «концепт». По мнению Е. С. Кубряковой концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996: 90]. Концепты отражают содержание человеческого опыта, они сохраняют предметы реального и идеального мира в вербальном обозначении. В понимании А. Вежбицкой концепт является объектом идеального мира, имеющий имя, определяется с помощью набора семантических данных и отражает культурные представления о действительности [Вежбицкая, 1999: 549]. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин говорят о том, что *сознание* является областью пребывания концепта, *концепт* есть ментальное отражение культуры, а *язык и/или речь* – сферы опредмечивания концепта. Исследователи сходятся во мнении, что данная система относительна, так как взаимоотношение языка и культуры сложное явление, и существует двусторонняя связь между языком и сознанием. В данном контексте, лингвокультурный концепт от других используемых в лингвокультурологии понятий отличается ментальностью. Таким образом, концепт – есть «многомерное ментальное образование с доминирующим ценностным свойством» [Карасик, 2005: 13]. Концепт централизуется вокруг ценностно важной точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее значимые из этих векторов отражают более привычные ассоциации и определяют ядро концепта, менее важные – периферию. По их мнению, четкие границы в этой схеме отсутствуют, так как с увеличением расстояния от ядра число ассоциаций снижается. Название концепта определяется единицей языка или речи, актуализирующей центральную точку [Карасик, 2001: 76-77].

В современных текстах периодических изданий довольно часто затрагивается проблема стрессоустойчивости индивида в современном мире. Одним из центральных понятий выступает концепт “stress”. Рассмотрим его этимологию, поскольку именно базовое значение слова зачастую предопределяет его развитие и видоизменение во времени. Слово *stress* восходит к среднеанглийскому периоду и означает «испытания или силу, воздействующую на человека с целью принуждения». Сокращение от *distress* и частично от старофранцузского *estresse* в значении «ограниченность, угнетение» образованное от латинского *strictus* «натянутый, сжатый». Изначальное толкование уже несло в себе признак давления, и вызванное напряжение индивида, что так же ярко проявляется в современном контексте.

Наиболее широкий ряд значений лексемы “stress” представляет Longman Dictionary of Contemporary English, а именно:

1 беспокойство (worry) continuous feelings of worry about your work or personal life, that prevent you from relaxing → strain;

2 физическая сила (force) the physical force or pressure on an object;

3 важность (importance) the special attention or importance given to a particular idea, fact, or activity;

4 ударение (word/music) the degree of force or loudness with which a part of a word is pronounced or a note in music is played, which makes it sound stronger than other parts or notes.

Кембриджский словарь дает схожие толкования, расширяя значение:

1 сильное беспокойство, вызванное затруднительной ситуацией (great worry caused by a difficult situation, or something that causes this condition);

2 лингвистический термин ударения - the way that a word or syllable is pronounced with greater force than other words in the same sentence or other syllables in the same word;

3 физическая сила, воздействующая на предмет (specialized physics, engineering a force that acts in a way that often changes the shape of an object);

4 придавать особое значение (to give emphasis or special importance to something);

5 чувствовать себя обеспокоенным чем-либо (to feel worried and nervous: (Don't stress over it).

Схожие определения дает и Оксфордский словарь:

1 давление или напряжение, влияющее на материальный объект (Pressure or tension exerted on a material object.);

2 состояние ментального или эмоционального напряжения (A state of mental or emotional strain or tension resulting from adverse or demanding circumstances. 'he's obviously under a lot of stress');

3 особое значение и важность (Particular emphasis or importance.

На основании предложенных дефиниций можно выделить основные определения лексемы "stress" общие для всех изученных словарных источников:

1. беспокойство или моральное напряжение индивида, вызванное различными факторами и явлениями;

2. физическая сила, давление на материальный объект;

3. особое значение, чрезмерная важность по отношению к предмету или явлению;

4. ударение или акцент.

Стоит отметить, что в источниках практического материала "stress" встречается в основном в значении беспокойства или морального напряжения, например:

- ...for some people, *stress* is trying not to mess up brain surgery, or, shudder, just trying to stay alive in a violent part of the world [10, с. 10].
- *stress* of my job [10, с. 10].
- But everyday *stresses* are still that [10, с. 10].
- And I think one reason the wounds of *stress* cut so deep is because we feel trivial about acknowledging it's a problem. [10, с. 10].
- I wish I handled *stress* as brilliantly as the FBI agent [10, с. 72].
- When we're *stressed*, our physiological response is always the same: we're flooded with *stress* hormones that trigger a 'freeze, fight or flight' impulse [10, с. 72].
- deal with *stress* like a secret agent [10, с. 73].

В данных примерах можно наблюдать, что *stress* метафорично употребляется в словосочетаниях военной тематики или того с чем ведется борьба: to stay alive – остаться в живых, the wounds of *stress* cut so deep – раны от стресса достаточно глубоки, handle *stress* – справляться со стрессом, *stress* triggers – спусковой крючок. Так, можно сделать вывод, о том, что стресс изображается в качестве врага, того с чем нужно бороться и что наносит большой урон.

Проанализировав текстовый материал, можно выделить часто встречающиеся сочетания, в которых данный концепт представляется в качестве прилагательного: *stress* triggers, *stress* responses, *stress* symptoms, *stressful* situations, *stress* hormones, *stress* levels, *stressful* experiences. Среди данных словосочетаний прослеживается отсылка к пониманию стресса в медицинской тематике и как болезни, в частности. К примеру: *stress* symptoms – симптомы стресса, *stress* hormones – гормоны стресса, *stress* responses – стрессовый отклик, *stress* triggers – стрессовый возбудитель. В таком освещении «стресс» также передает негативную семантическую окраску.

Среди синонимов данного слова словари предлагают такие варианты как: *pressure*, *tension*, *strain*, *worry*, *bother*, *angry*, *anxiety*, *nervousness*, *dread*, *emphasis*, *importance*, *force*. Словарные статьи также выделяют устойчивые фразы и выражения: *be under stress*, *a cause of stress*, *signs of stress*, *symptoms of stress*, *effects of stress*, *stresses and strains*. Проанализированный материал также отражает богатый набор слов, входящих в концепт "stress":

- Job has high *pressure* at times [Glamour UK, 2016: 10].
- It's an hour I *force* myself to carve out because it's an hour in which I'm *forced* to take a break from everything [Glamour UK, 2016: 10].
- It doesn't eliminate whatever issue is *bothering* me right at that very second, no [Glamour UK, 2016: 10].
- Want to handle *pressure* like a pro? [Glamour UK, 2016: 72]

- Did you freeze, *get flustered* or shout? [Glamour UK, 2016: 72]
- frayed *nerves* and *strained* relationships [Glamour UK, 2016: 72].
- to survive in *high-pressure* environments [Glamour UK, 2016: 72].
- how to respond like a pro under *pressure* [Glamour UK, 2016: 72].
- I get *angry* [Glamour UK, 2016: 73].
- you feel like *lashing out* [Glamour UK, 2016: 73].
- It's the same response whether you've got a gun to your head or an *angry* boss heading your way [Glamour UK, 2016: 73].
- training helps you operate instinctively when under *pressure* [Glamour UK, 2016: 73].

Анализ синонимического ряда показывает, что рассмотренные семантические единицы можно разделить на группы по схожему смысловому значению:

1. группа связанная со понятием беспокойства (*worry, bother, anxiety, suspense, stresses and strains, nervousness,*),
2. с напряжением, натяжением (*pressure, tension, strain*),
3. с эмоциональными состояниями страха и злости (*angry, get angry, dread, lash out*)
4. с давлением внешних сил (*pressure, force, be under stress*).

На наш взгляд, данные группы значений отражают причины, приводящие к состоянию стресса (напряжение, давление жизненных обстоятельств), а также результат его воздействия (беспокойство, страх, гнев). Язык выступает центральным, связующим звеном между тем, как человек воспринимает происходящее и тем как он передает эту информацию обратно во вне.

Таким образом, можно сделать вывод, что язык являясь уникальным средством коммуникации, способен вербально выражать эмоции и состояния индивида, передавать соответствующую информацию другим участникам процесса общения. В свою очередь, вербальная репрезентация таких состояний (а именно слова) вовлекает когнитивные процессы в последующую обработку информации, формируя конкретные концепты в человеческом сознании.

Литература

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
2. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. I. – С. 13-15.
3. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник научных трудов. Воронеж, 2001. – С. 76 - 77.
4. Кубрякова, Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.] // Краткий словарь лингвистических терминов; Моск. гос. ун-т. – М., 1996. – С. 90 - 93.
5. Милосердова, Е.В. Прагматика речевого общения: учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. – 122 с.
6. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.; СПб., 2000.
7. Сусов, И. П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 379 с.
8. Cambridge Advanced Learner Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2008 URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.03.2017).
9. Cosmopolitan USA – February 2017
10. Glamour UK – February 2016
11. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 15.03.2017).
12. Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 15.03.2017)

References

1. Vezhbickaya A. Semantic universals and description of languages. M.: Yazyki russkoj kultury, 1999. – 780 p.
2. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Basic characteristics of linguocultural concepts. Volgograd: Paradigma, 2005. T. I. P. 13-15.
3. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Linguocultural concept as a unit of study // Methodological problems of cognitive linguistics, Voronezh, 2001. P. 76 - 77.

4. Kubryakova, E.S., Concise dictionary of linguistic terms; M., 1996. – P. 90 - 93.
5. Miloserdova, E.V., The Pragmatics of Speech Communication, Tutorial, Tambov: Tamb. gos. un. im. G.R. Derzhavina, 2001. – 122 p.
6. Prohorov A. M. Big encyclopedic dictionary, M.; SPb., 2000.
7. Susov, I.P. Introduction to linguistics: a textbook for students of linguistic and philological specialties, M.: AST: Vostok–Zapad, 2007. – 379 p.
8. Cambridge Advanced Learner Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2008 URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.03.2017).
9. Cosmopolitan USA – February 2017
10. Glamour UK – February 2016
11. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 15.03.2017).
12. Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 15.03.2017)

УДК 81'139

ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА, ОБЪЕКТИВИРУЮЩАЯ КОНЦЕПТ «ЯЗЫК» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДТА

Жуйкова Оксана Владиславовна
аспирант
Воронежский государственный
технический университет
г. Воронеж, Россия
oxanazhujkova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей метафоризации феномена Язык в философской концептосфере В. фон Гумбольдта посредством вегетативных метафор. Рассматривается когнитивная структура фитоморфной метафоры как одной из частотных метафор в языковой картине мира Гумбольдта. Изучаются ее базовые фреймы и слоты, каждый из которых выступает носителем определенных концептуальных признаков. Выявляются метафорические образы языка в философской концептуальной сфере в. фон Гумбольдт. Установлено, что в состав когнитивной структуры фитоморфной метафоры входят три стержневых (ядерных) фрейма: 1) фрейм «Части растений»; 2) фрейм «Вегетация растений»; 3) фрейм «Культивация растений». Искомый феномен «Язык» является формой и содержанием непрерывно развивающегося, подобно растениям (корни, росток, цветение), духа народа. Метафорические вегетативные образы концепта «Язык», актуализируют его *индивидуальность*. Вместе с тем, его глубина и ёмкость определяются степенью «укоренения», свойственного растительному миру. Растительная метафора эксплицирует идею взаимосвязи человека и природы, идею естественности и непрерывности развития объективируемых понятий.

Ключевые слова: Гумбольдт, фитоморфная метафора, язык, языковая картина мира, концепты, метафорические образы языка.

THE PHITOMORPHICAL METAPHOR OBJECTIFYING «LANGUAGE» CONCEPT IN THE PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF W. VON HUMBOLDT

Zhujkova Oxana
Postgraduate student
Voronezh State Technical University
Voronezh, Russia
oxanazhujkova@mail.ru

Abstract

The article present a study of the metaphorical characteristics of the “LANGUAGE” phenomena through the vegetative metaphors in philosophical conceptual sphere of W. von Humboldt. The cognitive structure of the phitomorphical metaphorical model is examined as one of the frequency metaphorical models in Humboldt’s language picture of the world. Its basic frames and slots are studied, each of them bears certain conceptual features. The metaphorical images of language in the philosophical conceptual sphere of W. von Humboldt are revealed. It’s found that the composition of cognitive vegetative metaphorical structures includes three core frames: 1) frame “Parts of plants”; 2) frame “Vegetation of plants”; 3) frame "Cultivation of plants". The desired construct “Language” is the form and the content of the spirit of the nation growing, like plants (roots, sprout, blossom). The meta-

phorical vegetative images of the concept "Language" actualize its individuality. However, their depth and capacity are determined with the degree of "rooting", inherent to the world of plants. The vegetative metaphor explicates the idea of the relationship between human and nature, the idea of naturalness and continuity of objectivated concepts.

Key words: Humboldt, vegetative metaphor, language, language picture of the world, concepts, metaphorical images of language.

Существует множество интерпретаций и исследований лингвистических концепций и постулатов Гумбольдта, но парадокс заключается в том, что *языковая картина мира самого Гумбольдта*, его язык до сих пор остаются terra incognita. Поэтому представляется важным исследовать языковые средства, которые использовал Гумбольдт, его языковую картину мира.

Целью нашего исследования является определить когнитивную структуру фитоморфной метафорической модели; выявить особенности концепта «Язык», вербализованного посредством фитоморфной метафоры.

Материалом исследования послужил главный труд Гумбольдта: «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (*Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*), 1836) [Рамишвили, 1998].

Нами был проведен семантико-когнитивный, контекстуальный анализ текстов Гумбольдта, что позволило выявить высокую степень метафоричности его дискурса. Сферой-мишенью метафорического переноса является в большинстве примеров *Язык* человека. Одной из наиболее частотных сфер-источников метафорического осмысления феномена «Язык» в философском дискурсе Вильгельма фон Гумбольдта является, по результатам нашего исследования, *мир растений*. В данном исследовании фитоморфная метафора анализируется как средство языковой категоризации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта.

Язык является, одним из универсальных базовых концептов в философском дискурсе Гумбольдта, так как именно *Язык* становится основным средством общения и именно через *Язык* осуществляются коммуникативные связи любого рода. Язык рассматривается как важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. В.А. Маслова подчеркивает, что отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира [2]. Важно отметить, что Гумбольдт был одним из первых исследователей, поставивших проблему языковой картины мира. По его мнению, «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1984].

Семантико-когнитивный состав *фитоморфной* метафоры отличается множественностью ее вербальных репрезентантов: *корни, ростки, цветы, размножение, увядание, пересаживание*, что находит отражение в когнитивной структуре вербализуемого вегетативными метафорами концепта «Язык» в философском дискурсе Гумбольдта (см. таблицу).

Результаты исследования доказывают концептуальную многогранность архитектоники фитоморфной метафоры и ее метафорической модели, которую конституируют три базовых фрейма: 1. «*Части растений*», 2. «*Вегетация растений*», 3. «*Культивация растений*». Данные фреймы получили свое название, исходя из того, что в языковой картине мира Гумбольдта концепт «Язык», в метафорических репрезентациях, идентифицируется с растением и его жизненными циклами.

Фрейм 1. «Части растений», включает 3 доминантных *слота*, определяемых посредством метафорической проекции *частей растения* на феномен *Язык*: 1.1. «Корни»; 1.2. «Ростки»; 1.3. «Цветы» и составляющими их концептуальными признаками, характеризующими обозначенный феномен.

Для описания и конкретизации концептуальных признаков, выявленных на основе метафорического сравнения феномена «Язык» с *растением*, был проведен семантико-когнитивный анализ лексем, вербализующих данные сущности (язык, растение), который показал, что область-источник данной метафоры – части растения, эксплицируемый лексемами *Wurzel, Keime, Blume/Blühte* и сфера-мишень (*Sprache*) обнаруживают ряд семантических параллелей. Так к числу общих когнитивных признаков лексем *Wurzel* и *Sprache* относятся следующие: «*выполнение определенных функций*», «*системность*».

Рассмотрим один из примеров, характеризующий язык как сущность, имеющую *корни*.

Die unzähligen Einzelheiten, welche der Gebrauch der Sprache notwendig macht, müssen, wie ich im Vorigen wiederholt angedeutet habe, wo und wie immer gesprochen werden soll, in eine Einheit

*verknüpft werden und diese kann, da die Sprache ihre **Wurzeln** in alle Fibern des menschlichen Geistes einsenkt, nur eine individuelle sein [Humboldt: 411].-Многочисленные частности, потребность в которых возникает в ходе использования языка, должны, как я уже неоднократно указывал, в процессе общения связываться в единое целое, а последнее может быть только индивидуальным, поскольку язык погружен своими корнями во все нити человеческого духа [Рамшивили, 1998].*

Таблица

Когнитивная структура концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта

Фреймы когнитивной структуры	Базовые слоты	Примеры
<i>Части растений</i>	Корни	- <i>Die Sprache</i> ... schlägt daher alle feinste Fibern <i>ihrer Wurzel</i> in die nationale Geisterkraft; - <i>die Sprache ihre Wurzeln</i> in <u>alle Fibern des menschlichen Geistes</u> einsenkt;
	Ростки	-in ihrer Sprache selbst die Keime der <u>kräftigen Entwicklung</u> ...lagen; - den ersten Keimen <i>ihrer (der Sprache) äusseren Form</i>
	Цветы	-Anbildung flechtirte <u>Wort</u> ist ebenso Eins, als die verschiedenen Theile einer aufknospenden Blume ; -Das einfache <u>Wort</u> ist die vollendete, ihr entknospende Blüthe
<i>Вегетация растений</i>	Цветение	-Organismus neu aufblühender Sprachen ; - blühten... <u>die Romanischen Sprachen auf</u> ; - das Aufblühen <i>der neueren abendländischen Sprachen und Literaturen</i>
	Размножение	-sich <i>die Sprache</i> im Munde der Völker fortgepflanzt hat
	Увядание	-Bei dem zweiten welkt die Blüthe <i>des Charakters</i>)
<i>Культивирование растений</i>	Пересаживание	- <i>Die Sprache verpflanzt</i> ... Elemente aus der Natur in die Seele

Язык, при общении, обуславливается целым рядом частных, которые должны быть единством. Язык тесно связан с человеческим духом, что обуславливает индивидуальность его использования.

Основой метафорического переноса в данном примере является «системность», «проникновение в другое явление».

Метафора «Язык - корни» в данном примере, объективирует такие способности языка как: *способность удерживать, способность глубокого развития, способность проникновения в человеческий дух.*

Концептуальные признаки, раскрывающие сущность языка как растения: а) язык – связь с человеческим духом; б) язык – структурированный конструкт; в) язык – индивидуальный феномен.

В данном примере наблюдается взаимосвязь вегетативной метафоры *корни (Wurzel)* с соматической константой *фибры (Fiebern)*, которая отражает глубокое проникновение языка в человеческий дух и наоборот. Тесная корреляция указанных сущностей характеризует неразрывную связь языка с человеческим духом. Гумбольдт неоднократно писал о тождественности языка и духа народа: «Язык народа есть его дух и дух народа есть его язык – трудно представить себе что-либо более тождественное» [3].

Гумбольдт сравнивает язык с растением, а любое растение вырастает из ростка. Логически эта мысль Гумбольдта находит отражение в образном сопоставлении языка с ростком, что подтверждает анализ слота «**Ростки**», относящегося к фрейму «Части растений». Проанализировав семантическую структуру лексем *Keim* и *Sprache* можно сделать вывод о том, что к числу их общих когнитивных признаков относятся следующие: *обладание определенным потенциалом, происхождение*.

Важная часть растения – *цветы*, из которых впоследствии появляются семена для продолжения существования данного вида растений. В своих работах Гумбольдт отождествляет язык с растением, имеющим цветы (слот «**Цветы**»), что характеризует его как живое, развивающееся явление. Обращение к цветам не случайно, поскольку, большое влияние на философию Гумбольдта оказала эпоха романтизма.

На основании анализа семантической структуры лексем *Blume* и *Sprache* можно сделать вывод о том, что к числу их общих когнитивных признаков относятся следующие: *обладание определенным потенциалом, разнообразие форм*.

Фрейм «Части растений» репрезентирует следующие когнитивные признаки концепта «Язык»: *а) язык – развивающаяся сущность, б) язык – связь с духом народа, в) язык – индивидуальный феномен, г) язык – порождающая сущность*.

Язык идентифицируется у Гумбольдта с растением, для которого релевантны все жизненные циклы живого существа. На этом основании нами был выделен второй фрейм: «**Вегетация растений**». Указанный фрейм структурируется тремя слотами, особенность которых заключается в том, что их формирует большое количество признаков, характеризующих природу языка как растения. К числу доминантных слотов относятся: 2.1. «Цветение»; 2.2. «Размножение»; 2.3. «Увядание».

Цветение репрезентирует начало нового этапа в жизни, возрождение после трудного периода.

Неотъемлемым действием жизненного цикла каждого растения является *размножение*. Язык сравнивается с растением, приобретая (в метафорическом смысле) его свойства.

Для каждого растения характерно и *увядание*. И следующим ключевым слотом фрейма «Вегетация растений» является, как упоминалось выше, слот «**Увядание**».

Таким образом, фрейм «Вегетация растений» репрезентирует следующие когнитивные признаки концепта «Язык»: *а) язык – распадающаяся сущность; б) язык – возрождающаяся сущность; в) язык – развивающаяся сущность; г) язык – сущность, обладающая характером*.

Фрейм 3. «Культивация растений».

Данный фрейм конституирует только один слот «**Пересаживание**»:

Гумбольдт идентифицирует язык с *садовником*, выполняющим определенные действия, в частности, пересаживание.

Die Sprache verpflanzt aber nicht bloss eine unbestimmbare Menge stoffartiger Elemente aus der Natur in die Seele, sie führt ihr auch dasjenige zu, was uns als Form aus dem Ganzen entgegenkommt [Humboldt: 77] - *Язык при этом не просто переносит какую-то неопределенную массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несет в себе еще и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма* [Рамишвили, 1998].

Язык, по Гумбольдту, пересаживает в нашу душу элементы из природы и всего бытия. Язык, таким образом, соединяет человека, его душу с окружающим миром, являясь проводником. К признакам, составляющим структуру метафоры «*Язык пересаживает*», являющейся элементом фрейма «Культивация растений» относятся: *а) язык – природная сущность; б) язык – агентивная сущность; в) Язык – экзистенциальная сущность*.

Таким образом, как показал анализ структуры и семантико-когнитивного содержания фитоморфной метафорической модели, в ее состав входят три стержневых (ядерных) фрейма: 1) фрейм «Части растений»; 2) фрейм «Вегетация растений»; 3) фрейм

«Культивация растений». Каждый из данных фреймов структурируется доминантными слотами и определенным набором эпистемологических признаков, выявленных нами в процессе анализа метафорической проекции понятия-источника *мир растений* на сферу-мишень *Язык*.

Фитоморфная метафора последовательно эксплицирует все вегетационные этапы в филогенезе растительного мира (корень → росток → стебель → цветок → цветение → размножение → развитие → увядание (угасание), которые, в свою очередь, через гносеологические стратегии познания мира в философском дискурсе Гумбольдта проецируются на феномен «Язык», что позволяет немецкому мыслителю индуцировать основополагающие свойства и характеристики искомого концепта.

Когнитивная структура концепта «Язык», вербализуемого посредством фитоморфной метафоры, характеризуется наличием эпистемологического признака: связь языка с духом народа. Искомый конструкт «Язык» является формой и содержанием непрерывно развивающегося, подобно растениям, духа народа (корни, росток, цветение).

Изучение конституирующих элементов фитоморфной метафорической модели «Язык - растение» позволило прийти к выводу о том, что для языковой картины мира Гумбольдта релевантно большое разнообразие метафорических образов языка:

- *динамические образы языка* (язык – развивающееся явление);
- *мортморфные* (язык – распадающаяся сущность);
- *синергетические* (язык – возрождающаяся сущность);
- *натуроморфные* (язык – связь с природой);
- *психофизические* (язык обладает характером);
- *экзистенциальные* (язык – связь с бытием) и др.

Фитоморфная метафора актуализирует идею взаимосвязи человека и природы, идею естественности и непрерывности развития объективируемых понятий. Немецкая национальная картина мира периода романтизма пропитана стремлением к природе, культом свободой личности, подчинена эстетической парадигме. Метафоричность философского дискурса Гумбольдта обусловлена в известной мере направленностью эпохи. Обращение к миру природы великого немецкого мыслителя, глубокое и образное осмысление ее форм, проявлений, специфики зарождения и существования, многообразие красок и т.п. обусловили высокую частотность растительных метафор, объективирующих системообразующие концепты в языковой картине мира Гумбольдта.

Литература

1. Гумбольдт В. фон О влиянии характера языков на литературу и духовное развитие/ В. фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию. – М.: 1984. – С. 324-326.
2. Маслова В.А. Теория концептуальной метафоры и её роль современных лингвистических исследованиях, URL: <http://www.lingvodnu.com.ua/arxiv-nomeriv/lingvistika-lingvokulturologiya-2012/teoriya-konceptualnoj-metafory-i-eyo-rol-v-sovremennyx-lingvisticheskix-issledovaniyax/> // (Дата обращения: 16.03.2017)
3. Шулержкова С.Г. История лингвистических учений // Учебное пособие. 2004. – 396 с.
4. W.von Humboldt „Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbauesund ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts“ Berlin, 1836. – 414 S.
5. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. Перевод с немецкого языка под редакцией и с предисловием доктора филологических наук проф. Г. В. Рамишвили. М.: - 1984. URL: http://www.libma.ru/jazykoznanie/94_izbrannye_trudy_po_jazykoznaniiyu/ (Дата обращения: 21.03.2017)

References

1. Humboldt W. On the influence of the languages' nature to the literature and the spiritual development, Favorites works on linguistics. - M.: 1984. - P. 324-326
2. Maslova W.A. The theory of conceptual metaphor and its role in the modern linguistic research, URL: <http://www.lingvodnu.com.ua/>
3. Shulezhkova S.G. The History of linguistics - 2004. - 396 p.
4. W.von Humboldt „Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbauesund ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts“ Berlin, 1836. – 414 S.
5. Ramishvili G.V. V. von Humboldt. The selected works on linguistics. M.: - 1984. URL: http://www.libma.ru/jazykoznanie/94_izbrannye_trudy_po_jazykoznaniiyu/

УДК 81

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НОМИНАНТЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ У. ФОЛКНЕРА «THE HAMLET»

Киреева Яна Игоревна

ассистент кафедры иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
salixtree@yandex.ru

Аннотация

Целью данной статьи было выявление номинантов, репрезентирующих взаимодействие персонажей с объектами, расположенными в окружающем их пространстве в произведении У.Фолкнера «The Hamlet». Когнитивно-герменевтический анализ позволил установить, что автор детально представляет читателю не только предметы и героев произведения, но и их взаимодействие в художественном пространстве. Также было установлено, что высокочастотность номинантов, репрезентирующих перемещение персонажей в пространстве предоставляет читателю целостную пространственную художественную картину мира. С помощью выявления в примерах номинантов, репрезентирующих перемещение и взаимодействие героев и предметов в пространстве, мы установили, что подавляющее количество номинантов представлены глаголами и предлогами. Данная статья демонстрирует значение пространства в художественном тексте, показывает что пространство является неотъемлемой частью художественного произведения, без которой представляется невозможным репрезентация целостной картины мира какого-либо художественного произведения.

Ключевые слова: художественный текст, концептосфера, номинанты, номинативное поле, пространство.

SPACE NOMINEES OF THE CONCEPT SPHERE OF W. FAULKNER'S NOVEL «THE HAMLET»

Kireeva Yana

Assistant Professor of the department of foreign languages
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia
salixtree@yandex.ru

Abstract

The purpose of this article was to identify the nominees representing the interaction of characters with objects, which are located in the surrounding space in W. Faulkner's novel "The Hamlet". Cognitive-hermeneutic analysis made it possible to establish that the author presents the reader not only the objects and heroes of the work, but also their interaction in the artistic space in details. It was also found that the high frequency of nominees, representing the movement of characters in space provides the reader with an integral space literary worldview. Identifying the nominees, representing the movement and interaction of heroes and objects in space, we found that the overwhelming number of nominees are represented by verbs and prepositions. This article demonstrates the importance of space in the literary text, shows that space is an integral part of a novel, without which it is impossible to represent a complete worldview of the piece of art.

Key words: literary text, concept sphere, nominees, nominative ground, space.

Пространство – важнейший аспект существования материи. В настоящее время пространственному сегменту концептосферы уделяется много внимания. Как отмечается в Философском энциклопедическом словаре, «...в мире нет материи, не обладающей пространственно-временными свойствами, как не существует пространства и времени самих по себе, вне материи или независимо от нее. Пространство есть форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах» [ФЭС 1983: 541]. По мнению Н.Н. Болдырева концептуальная система человека содержит интерпретирующие концепты, обеспечивающие задачи языковой коммуникации: «К числу таких концептов можно отнести пространство и время. Эти концепты приобретают статус форм

языкового сознания, которыми оперирует человек в познавательных и языковых процессах, передавая коллективно-индивидуальное видение мира, а также собственную его интерпретацию» [Болдырев 2016: 15].

В произведении У.Фолкнера «The Hamlet» пространство, как отдельный концепт, играет ведущую роль в его концептосфере. В этом романе территориальный фактор имеет особую значимость.

Опираясь на философские концепции художественного пространства, исследователи приходят к выводу, что художественное пространство неразрывно связано эстетической категорией, т.е. «таким выражением предметных отношений, которое имеет самодовлеющую созерцательную ценность» [Никитина 2003: 4]. Также И.П. Никитина обращает особое внимание на пространственные отношения объектов и, непосредственно, субъектов произведения. «Главной характеристикой художественного пространства является его глубина, причем не геометрическая, достигаемая с помощью системы прямой перспективы, а интуитивная, или содержательная, глубина, зависящая как от объектов, находящихся в определенных пространственных отношениях, так и от воспринимающего субъекта» [Никитина 2003: 10].

Пространство понимается лингвистами как такой концепт, который включает в себя и человека, и «то, что он осознает вокруг себя, то, что видит простирающимся перед ним. Пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается» [Кубрякова 1997: 4].

Наше исследование направлено на выявление номинативного поля концепта, определяемого как «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешвляющих) концепт в определенный период развития общества» [Попова, Стернин 2007: 66].

О.Г. Дубровская считает концепт ПРОСТРАНСТВО метаконцептом. По ее мнению «...носители универсальных структур знания – метаконцепты. Посредством именно метаконцептов, сформированных в определенной социокультурной среде, субъект осуществляет в первую очередь интерпретацию мира в дискурсе» [Дубровская 2014: 76].

Номинанты художественного пространства, интерпретируемые нами как проксемы, высокочастотны в произведении «Деревушка». Под проксемами понимаются «языковые структуры, репрезентирующие пространственные параметры, пространственные представления этноса, зафиксированные в языке и являющиеся когнитивными текстовыми скрепами в архитектонике динамичных когнитивных структур (сцена, сценарий), статичных когнитивных структур (фрейм), статично-динамичных когнитивных структур (когнитивная карта) концептосферы художественного текста» [Огнева 2013]. Автор насыщает роман описанием положения и перемещения объектов, а также особенностями расположения объектов в описываемом пространстве.

Проведем когнитивно-герменевтический анализ следующих примеров из произведения У.Фолкнера.

Рассмотрим первый пример: *He looks now, pleasant and quizzical, at the men sitting on the bench. It was fastened against the wall, directly beneath one of the windows which flanked the door, a little longer than the windows was wide* [Faulkner 2002]. В результате когнитивно-герменевтического анализа бытового пространства концептосферы произведения было выявлено 4 номинанта - *sitting on the bench*, *fastened against the wall*, *beneath one of the windows* и *flanked the door*. Три номинанта данного примера характеризуют описываемое бытовое пространство, причем два из них представлены глаголами *fastened* и *flanked* (закреплена, подпирала) и один представлен предлогом *beneath* (под). Один номинант *sitting on the bench* (сидевшего на лавочке) описывает действие, совершаемое героем произведения, представлен глаголом.

Рассмотрим второй пример: *He drove up to a neat well-kept house with a big barn and pasture beyond it; he saw the goats* [Faulkner 2002]. В когнитивно-герменевтический анализ выявил три номинанта в данном примере - *drove up*, *neat well-kept house*, *big barn and pas-*

ture beyond it. Два номинанта *neat well-kept house u big barn and pasture beyond it* (аккуратный ухоженный дом с большим амбаром и пастбищем за ним) репрезентируют усадьбу, которую автор детально описал с помощью прилагательных *neat, well-kept, big*. Один номинант *drove up* характеризует горизонтальное движение героя произведения к объекту, представлен глаголом.

Рассмотрим третий пример: *The shop and the store were just opposite, only the road between* [Faulkner 2002]. В. Анализ этого примера выявил два номинанта - *the shop and the store were just opposite* и *road between*. Первый номинант *the shop and the store were just opposite* (магазин и лавка находились напротив) характеризует положение объектов по отношению друг к другу, автор показал расположение этих объектов с помощью предлога *opposite*. Второй номинант *road between* (дорога посередине) указывает на особенность расположения объектов в описываемом пространстве. Номинант представлен предлогом *between*.

Рассматриваемые примеры представлены *предлогами beneath, between, opposite*, глаголами *drove up, sitting*, наречием *beyond* и прилагательными *neat, well-kept, big*. Как мы видим, автор репрезентирует пространство преимущественно с помощью предлогов и глаголов.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют важность пространства в художественном произведении, а именно номинантов, отображающих взаимодействие персонажей с объектами, расположенными в окружающем их пространстве. Также высокочастотны номинанты, репрезентирующие перемещение персонажей в пространстве, что предоставляет читателю целостную пространственную художественную картину мира.

Литература

1. Болдырев, Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. - С. 10-20.
2. Дубровская, О.Г. Социокультурное когнитивное варьирование в дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. - С. 512-519.
3. Кузьминых, Ю.А., Огнева, Е.А. Репрезентация проксем в когнитивно-дискурсивном контуре художественного текста // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. – 383 с.
4. Кубрякова, Е.С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) // Категоризация мира: пространство и время. – М.: Наука, 1997. - С. 3-11.
5. Никитин, И.П. Художественное пространство как предмет философско-эстетического анализа : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.04. – М., 2003. – 36 с.
6. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.
7. ФС – Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.
8. W. Faulkner. The Hamlet. – L. :Worldsworth Editions Limited, 2002.

References

1. Boldyrev, N.N. Cognitive patterns of the language interpretations // Questions of cognitive linguistics. 2016. № 4. - P. 10-20.
2. Dubrovskaya, O.G. Social cultural variation in discourse // Cognitive research of language. XIX. Cognitive variation in the language interpretation of the world. — M.: In-t linguistik RAN; Tambov: Publishinh House TGU G.R. Derzhavina, 2014. - P. 512-519.
3. Kuz'minykh, YU.A., Oгнева, Ye.A. Representation of proxemes in cognitive-discourse contour of the literary text // Modern problems of science and education. 2013. № 3. – 383 p.
4. Kubryakova, Ye.S. Categorization of the world: space and time // Categorization of the world: space and time. – M.: Science, 1997. - P. 3-11.
5. Nikitin, I.P. Literary space as a subject of philosophic and aesthetic analysis: autoabstract. dis. ... Dr. phil : 09.00.04. – M., 2003. – 36 p.
5. Popova, Z.D., Sternin, I.A. Cognitive linguistics. — M.: AST, East-West, 2007. – 315 p.
6. FS – Philosophic encyclopedia. Edotie-in-cheifGIl'ichev L.F., Fedoseyev P.N. i dr. M.: Soviet encyclopedia, 1983. – 836 p.
7. W. Faulkner. The Hamlet. –L. :Worldsworth Editions Limited, 2002/

УДК 81'374.73

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ АВТОРСКОГО ТОЛКОВО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ (на материале книги Юрия Казарина «Каменские элегии. Изборник»)⁶

Кирсанова Александра Ивановна

аспирант кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина г. Екатеринбург,
Россия

a.i.kirsanova@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен опыт описания языковой творческой личности в лексикографических параметрах. Для изучения языковой личности и художественного мировидения уральского поэта Юрия Казарина в публикации предлагается создание толково-идеографического словаря языка его произведений. Материалом для словаря стал сборник избранных стихотворений Казарина, написанных в разные годы – «Каменские элегии. Изборник» (Каменские элегии. Изборник. — Москва : Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2012. — 116 с.). В статье осуществляется подробное описание методологии составления словаря, принципов его построения, а также характеристика его макро- и микроструктуры. В результате обработки 8400 лексических единиц поэтического сборника «Каменские элегии» автором статьи был составлен проект одноязычного монографического алфавитно-частотного идеографического словаря фиксирующего типа со словником, состоящим, с учетом повторяемости, из 1236 заголовочных единиц. Для каждой единицы в проекте словаря представлены минимальные контексты ее употребления, а также идеографическая (принадлежность единицы к идеографической сфере, классу, денотативно-идеографической группе) и частотная характеристики. В качестве основы для идеографической разметки единиц словаря избрана идеографическая сетка русского языка, представленная в «Синописе идеографической классификации русской лексики», разработанном учеными Уральской семантической школы под руководством проф. Л. Г. Бабенко.

Ключевые слова: языковая творческая личность, идеографическая лексикография, словарь языка поэта, индивидуально-авторская картина мира, авторская лексикография.

THE EXPERIENCE OF MAKING AUTHOR'S IDEOGRAPHIC DICTIONARY (based on the book “Kamenskiye elegii. Izbornik” by Yuriy Kazarin)

Kirsanova Aleksandra

post-graduate student, Department of Modern Russian Language and Applied Linguistics
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia

a.i.kirsanova@yandex.ru

Abstract

The paper presents a description of a creative person through lexicographic parameters. The analysis is based on Yuriy Kazarin's poetry. Ideographic layout is taken from “Synopsis of ideographic classification of Russian vocabulary” developed by the Ural semantic school under L.G. Babenko.

Keywords: language creative personality, ideography, dictionary of the poet's language, individual author's world picture; author's lexicography.

Вступительные замечания

Феномен языковой личности относится к разряду таких лингвистических явлений, однозначное понимание и исчерпывающее описание которых едва ли представляется возможным [Виноградов 1959, 1980; Богин 1984; Караулов 1987; Караулов 2003; Карасик 2004], так же, как едва ли возможно утверждение единственного и при этом универсального исследовательского инструмента для изучения языковой личности. Среди разнообразия существующих в этой области методологических подходов для описания языковой творческой личности наилучшим образом подходит лексикографический метод [Караулов 2003; Ружицкий 2015], заключающийся в создании словарей языка того или иного индивидуума: «... в решении всего многообразия задач, которые могут стоять перед исследова-

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

телем языка творческой индивидуальности, центральная роль часто принадлежит словарю, составленному по текстам этого автора» [Караулов 2003: 4]. Релевантность лексикографического подхода для исследований такого рода обеспечивается положением о соотносительности авторского словаря с картиной мира творческой личности [Шестакова 2011: 322], которое позволяет рассматривать словарь как своеобразный «путеводитель по творчеству писателя», как источник (и одновременно способ получения) информации о модели мира, существующей в сознании автора. При этом исследователи отмечают, что цели прояснения художественной картины мира того или иного писателя наилучшим образом удовлетворяют словари идеографического типа [Шестакова 2011: 322].

Цель и материал исследования

В настоящей статье лексикографический подход к изучению языковой творческой личности иллюстрируется описанием проекта толково-идеографического словаря языка книги избранных стихотворений уральского поэта Юрия Казарина «Каменские элегии. Сборник». Идеографический словарь – как метод и результат изучения лексического состава языка в целом – в нашем исследовании является инструментом для выявления особенностей языка поэта и способом реконструкции его индивидуально-авторской картины мира. Эта формулировка обозначает цель создания толково-идеографического словаря – изучение языковой личности поэта и его индивидуально-авторской картины мира. Выбранная в качестве источника для словаря книга «Каменские элегии. Сборник» представляет собой свод лучших стихотворений автора, написанных в разные годы – начиная от текстов, датированных 80-ыми годами и заканчивая текстами, созданными относительно недавно, в первое десятилетие двухтысячных годов. Хронологически выстроенная последовательность из 174 поэтических текстов, отобранных самим автором, позволяет достаточно объемно и полно, хотя и не исчерпывающе, представить языковую личность поэта и его художественное мировидение.

Обработка лексического материала сборника и определение круга заголовочных единиц словаря. Макроструктура словаря

Тексты книги «Каменские элегии. Сборник» насчитывают приблизительно 8 400 лексических единиц, из которых примерно 400 единиц относятся к служебным частям речи: предлогам, союзам и частицам – эти единицы лексикографической обработке не подвергались. Все остальные единицы были обработаны вручную пословно: определялось количество употреблений каждой единицы и её место в идеографической классификации. Сплошная «ручная» обработка лексического состава сборника позволила снять омонимию форм уже на черновом этапе работы со сборником, а также дала возможность отождествления словоформ одной лексемы и ее дериватов в одно слово, что стало бы отдельной задачей, если бы применялся метод автоматической обработки, осуществляющий мгновенный подсчет всех лемм в заданном тексте. Частотность определялась также вручную. При объединении словоформ в одну лексикографируемую единицу учитывалась их словообразовательная (то есть ближайшая, структурная) близость, при этом принцип тематической классификации лексики позволил пренебречь частеречной дифференциацией единиц: частеречная разметка единиц, составляющих идеографическую сферу, должна войти в словарную статью и стать задачей будущего, в настоящем проекте слова разных грамматических классов, выражающих одну идею и состоящие в отношениях словообразовательной производности, подаются вместе. Так, в рамках одной статьи представлены слова, относящиеся к разным частям речи, но выражающие одну идею, например, быстрого перемещения (*бег, беглец, бежать*), или идею цвета (*белый, белеть*), идею физического страдания (*боль, болеть, больной, переболевший*), идею восприятия времени (*вечность, вечный, вечно*), идею зрительного восприятия (*видеть, видно, невидимый*) и т. п. Омонимы и значения многозначного слова оформляются как разные заголовочные единицы и сопровождаются числовой пометой, например: *болтать-1* («*Будто погода во сне проболталась...*») и *болтать-2* («*...а хорошо на высоте болтать ногами в пустоте...*») или *взять-1* («*Пепел не взять в щепоть...*») и *взять-2* («*Ты трогала каплю – не узел, а связь – / куда*

она делась, откуда взялась...»). Таким образом, в качестве заголовочной единицы словаря выступает лексико-семантический вариант слова. Всего в настоящем проекте идеографического словаря книги Юрия Казарина «Каменские элегии. Изборник» насчитывается 1236 заголовочных единиц, расположенных в алфавитном порядке. Имена собственные – антропонимы и топонимы – включены в общий список всех слов (ниже представлены фрагменты словаря, иллюстрирующие расположение имен собственных в общем алфавитном списке):

дамба	Буду водой стоять / к <i>дамбе</i> лицом – и течь	11	Общественно-государственная сфера; Строительство; Часть сооружения + Неживая природа; Водное пространство, водный поток, их часть или признак
Данте	... вот деревенский <i>Данте</i> / в валенках, в телогрейке; Твердишь: Державин, <i>Данте</i> , Дратва; И <i>Данте</i> празднует отъезд...	13	
изображать	Утки летят на восток, / <i>изображая</i> кусок; ... (какая ночь – она живая) / <i>изображает</i> немоту / битком набитого трамвая.	22	Универсальные смыслы, представления, отношения
Иисус	... чтоб <i>Иисус</i> босой, / если вернётся, здесь / ноги омыл росой	11	Сверхъестественное + Общественно-государственная сфера; Религия
ил	...пропадаю в речном <i>иле</i>	11	Неживая природа; Почва и ее признаки

Микроструктура словаря. Особенности идеографической разметки заголовочных единиц

Структура словарной статьи данного лексикографического проекта на настоящем этапе работы над проектом состоит из трех зон – зоны частотности (1), идеографической зоны (2) и зоны иллюстраций (3).

В традиционной для словарей такого типа зоне частотности (1) приводятся сведения о количестве употреблений заголовочной единицы в текстах Юрия Казарина. При этом, как уже было отмечено, сравнительно небольшой объем материала позволил определять частотность вручную одновременно с работой по отождествлению словоформ в заголовочные единицы. Статистические данные, наряду с другими инструментами лингвистического анализа особенностей функционирования тех или иных единиц в поэтических текстах, позволяют, например, определить корпус частотной авторской лексики [Бабенко 2004 : 108], перечень ключевых слов, указывающих, вероятно, на значимые для авторского восприятия фрагменты действительности. Не абсолютизируя количественный метод вне сопоставительного контекста отметим, однако, что наиболее частотными в текстах Юрия Казарина по данным нашего лексикографического проекта являются единицы, относящиеся к идеографическим группам «Стихии», «Погодные явления», «Универсальные смыслы, представления и отношения».

В зоне иллюстраций (2) приводятся все контексты, в которых функционирует в текстах автора заголовочная единица. Величина приводимого контекста не ограничена, контекст приводится в том объеме, который кажется нам достаточным для полноты демонстрации значения, которое принимает единица в поэтическом тексте.

Основой для идеографической разметки (3) лексических единиц книги «Каменные элегии. Изборник» послужил «Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики», разработанный учеными Уральской семантической школы под руководством проф. Л. Г. Бабенко [Универсальный идеографический словарь русского языка 2015]. Идеографический синописис, на который мы опирались при разметке лексических единиц книги «Каменные элегии. Изборник», состоит из 15 денотативно-идеографических сфер, которые, в свою очередь, делятся на классы, группы и подгруппы: Неживая природа, Вещества и материалы, Живая природа, Человек как живое существо, Населенный пункт, Нации, Родственные и семейные отношения, Человек и его внутренний мир, Язык и речь, Сверхъестественное, Общественно-государственная сфера, Конкретная физическая деятельность, Социальная сфера жизни человека, Восприятие окружающего мира, Универсальные смыслы, представления и отношения. Идеографическая разметка сборника «Каменные элегии» осуществлялась дедуктивным путем – от денотативно-идеографической сферы к слову, при этом для некоторых единиц указывается также класс, группа и подгруппа, см. пример подробной идеографической характеристики ниже:

кран	Ничего в сковороде, / <i>кран</i> поет разлуку	1	Человек как живое существо; Быт; Приспособления
красивый	Всё исковеркано ледком – / <i>красивое</i> зато; Я у мамы <i>красив</i> и бессмертен, / если раньше ее не умру.	2	Человек как живой организм; Внешний вид человека + Человек и его внутренний мир; Эстетическая оценка
красный	...и проливается как чудо / из <i>красной</i> пасти черпака; ...чтобы светла, <i>красна</i> или темна – / вся наливалась в ягоды она; ...не / вспомнит слезу и веко / <i>красное</i> ; ...царский, как шкурка лягушки, / <i>красный</i> кленовый листок; <i>Красный</i> ястреб, жизнь у нас одна; ...скоро станешь морем и травой, / <i>красный</i> ястреб с белой головой; Пахнет <i>красным</i> желтый донник; Словно змеи и птицы — в соитиях <i>красных</i> — / мучат соль альвеол не твоим языком.	8	Восприятие окружающей действительности; Зрительное восприятие; Цвет

На настоящем этапе идеографическая разметка единиц, составляющих сборник «Каменные элегии», осуществлена в соответствии с сеткой, предложенной в Универсальном идеографическом словаре для национального языка. Эта первоначальная классификация дает возможность на объективных основаниях выделить в поэтическом языке Казарина тематические группы лексики такие, например, как уже отмеченные частотные группы лексики, обозначающей стихии, погодные явления и т.д. Однако дальнейшее семантическое описание единиц, наполняющих идеографические сферы, классы, группы, подгруппы, позволит в будущем уточнить идеографическую классификацию, осуществив ее обратным, индуктивным, путем – от единицы к понятию: в этом случае идеографическая карта будет создана не в соответствии с национальной картиной мира, как это сделано на настоящем этапе исследования, а в соответствии с естественной логикой, продиктованной самим материалом, и сообразно тому значению, которое получает та или иная единица в поэтическом языке.

Типологическая характеристика словаря

Для того, чтобы определить место настоящего словарного проекта в ряду современных лексикографических изданий, охарактеризуем его в соответствии с двумя крупными существующими классификациями авторских словарей – классификацией, предложенной Ю. Н. Карауловым [Караулов, 2003: 4–17], и классификацией, предложенной Л. Л. Шестаковой [Шестакова, 2003: 53–54].

По классификации Ю. Н. Караулова, основанием которой является принадлежность лексикографируемой единицы к тому или иному уровню в структуре языковой личности, настоящий словарь может быть определен как словарь комплексный, то есть, представляющий с разной степенью полноты информацию обо всех уровнях структуры изучаемой языковой личности – вербально-грамматическом (фиксация единиц, употребленных в текстах автора с указанием их частотности), когнитивном (идеографическая разметка материала, позволяющая рассматривать его как совокупность элементов, образующих авторское мировидение), прагматический (семантическое описание денотативно-идеографических сфер, позволяющих выявить авторские оценки реального мира, его идеалы и устремления).

По классификации Л. Л. Шестаковой настоящий опыт идеографического словаря книги Юрия Казарина «Каменные элегии. Изборник» может быть охарактеризован как 1) по характеру даваемых сведений – лингвистический словарь, представляющий лингвистическую информацию о слове – информация о частотности и месте единицы в идеографической классификации; 2) по числу описываемых авторов – монографический, личностный словарь, представляющий собой параметризацию языка одного автора; 3) по основному объекту описания – идеографический словарь языка автора; 4) по основной цели описания – фиксирующий идеографический частотный словарь (в перспективе – объяснительный); 5) по охвату описываемого материала – дифференциальный словарь произведений одной книги; 6) по единице описания – словарь с заголовочной единицей, равной слову; 7) по способам описания – многопараметровый словарь, представляющий частотную, идеографическую информацию о слове, информацию об его употреблении и – в перспективе – толкование; 8) по расположению заголовочных единиц – алфавитный словарь; 9) по числу описываемых языков – одноязычный словарь; 10) по временной перспективе – современный словарь.

Заключение. Перспективы работы

Задача создания словаря языка поэта и – соответственно – задача реконструкции индивидуальной картины мира автора и описания языковой творческой личности достаточно масштабна и решаться должна в несколько этапов. Очерченный в настоящей статье лексикографический опыт представляет собой первый, подготовительный и в строгом смысле черновой этап в деле создания толково-идеографического словаря поэтического языка Юрия Казарина.

Существующий на сегодняшний день проект словаря занимает промежуточное место между словарем фиксирующего типа и словарем объяснительным. Как явствует из самого названия нашего лексикографического проекта, работа по его созданию должна продолжаться как минимум в двух направлениях – в направлении разработки правой, толковой, части словаря и в направлении совершенствования идеографической классификаций лексического состава книги, послужившей источником для словаря. Несмотря на отсутствие толкований для каждой единицы, к настоящему времени намечена микроструктура словарной статьи и параметры построения ее объяснительной зоны. Предполагается, что, кроме сведений о частотности, информации об употреблении единицы и принадлежности ее к той или иной идеографической группе, статья должна содержать адресную разметку, указывающую на место употребления единицы в корпусе художественных текстов, собственно толкование заголовочной единицы и сведения о принадлежности ее к идеографической группе на основании того значения, которое она обретает в языке автора. Уточнение идеографической классификации влечет за собой и изменения в макроструктуре сло-

варя: в перспективе заголовочные единицы должны подаваться не в алфавитном порядке, а в составе идеографических групп. При этом необходимым становится также и создание алфавитного перечня всех слов, облегчающего пользование словарем.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. – М. : Акад. проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... доктора фил. наук. – Л., 1984. – 24 с.
3. Виноградов В. В. О художественной прозе // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – С. 56– 176.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М. : Гослитиздат, 1959. – 614 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 389 с.
6. Караулов Ю. Н. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 3–22.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
8. Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дисс. ... доктора фил. наук. – М, 2015. – 671 с.
9. Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва–Екатеринбург: Каб. ученый, 2015. – 208 с.
10. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

References

1. Babenko, L.G. Philological analysis of the text. Moscow: Akademicheskiiy proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2004. – 464 p.
2. Bogin, G.I. The model of linguistic personality and its relation to different types of text: the abstract of the doctoral thesis. Leningrad, 1984. – 24 p.
3. Vinogradov, V.V. About the literary prose. In Vinogradov, V. V. Chosen works. About language of art prose. Moscow: Nauka, 1980. – P. 56 – 176.
4. Vinogradov, V. V. About fiction language. Moscow: Goslitizdat, 1959. – 614 p.
5. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnozis, 2004. – 389 p.
6. Karaulov, Yu. N. Experience of a tipologization of author's dictionaries. In Russian author's lexicography of the 19-20th centuries: Anthology. Moscow: Azbukovnik, 2003. P. 3–22.
7. Karaulov, Yu. N Russian and language personality. Moscow: Nauka, 1987. – 264 p.
8. Ruzhitsky, I. V. Language personality of F. M. Dostoyevsky: lexicographic representation: the abstract of the doctoral thesis. Moscow, 2015. – 671 p.
9. Universal ideographic dictionary of Russian: the prospectus. Moscow : Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2015. – 208 p.
10. Shestakova, L. L. Russian author's lexicography: Theory, history, present. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2011. – 464 p.

УДК 81'1

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Константинова Анна Николаевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
anna_00091@mail.ru

Науч. рук. к.филол.н., доцент Мельникова Юлия Николаевна

Аннотация

В статье раскрыты основные причины возникновения заимствований. Согласно названию, в статье описываются основные признаки и особенности характерные для заимствованных слов. Текст дает ценную информацию об источниках заимствований.

Ключевые слова: заимствование, структура, явление, лексика, причина, признак, источник.

ON REASONS OF LOAN WORDS

Konstantinova Anna

Graduate student

Department of German and French languages

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

anna_00091@mail.ru

Research supervisor Ph. D. in Philology, Associate Professor Melnikova Yuliya

Abstract

The article deals with the main reasons for the emergence of borrowings. As the title implies the article describes the main signs and features characteristic of loan words. The text gives valuable information about the sources of borrowing.

Keywords: borrowing, structure, phenomenon, vocabulary, reason, sign, source.

Лексические заимствования – естественный и закономерный процесс изменений и развития языка. В самом общем смысле понятие «заимствование» можно определить как процесс перемещения различных элементов (морфологии, фонологии, лексики, семантики, синтаксиса) из одного языка в другой [1, с. 147].

Заимствования нередко настолько приспосабливаются к системе воспринимающего языка и усваиваются им, что иноязычное происхождение этих слов не ощущается носителями языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. Необходимо также отметить, что, несмотря на многолетнюю историю изучения данной проблемы в лингвистике, трактовка термина является неоднозначной.

Термин «лексическое заимствование» в современном отечественном языкознании имеет как широкое, так и узкое толкование. В широком смысле – это все слова, взятые из какого-либо языка, что позволяет говорить о синонимичности данного термина «иноязычному слову» [2, с. 365]. В узком смысле заимствование – это иноязычное слово, отвечающее критериям освоенности, которые предполагаются в работах таких ученых как В.М. Аристовой, С.А. Беляева, Ю.С. Сорокина и др.

В рамках представленного исследования мы будем придерживаться широкого понимания данного термина, поскольку считаем, что, исследуя современное состояние лексической системы немецкого языка, довольно трудно выявить степень освоенности определенной иноязычной единицы.

Необходимо также отметить, что «заимствованное слово» – это единица языковая, а не любая лексема, употребленная в речи.

Таким образом, это не любое слово, сиюминутно использованное индивидом, а лишь тот языковой материал, который после проникновения в язык начал функционировать в какой-либо сфере человеческой деятельности на определенном этапе развития языка в качестве единицы семиологической системы [3].

Слова заимствуются из одного языка в другой двумя основными путями: устными и письменными [5, с.160]. Непосредственные контакты носителей различных лингвокультур способствуют устному проникновению заимствований. Источниками письменного заимствования становятся различные виды литературы (книги, газеты, журналы). Этот путь заимствования является более продуктивным и предполагает большие возможности, так как не предполагает обязательных личных контактов.

В связи с этим возможными становятся заимствования из мертвых языков. Как отмечается в лингвистической литературе, в последнее время преобладает именно данный способ заимствований.

Однако, заимствование происходило во все эпохи. Уже в древности функционировали так называемые «слова-путешественники», которые переходили вместе с определенными предметами от языка одного народа к другому. Лишь в редких случаях удается установить тот язык, где впервые возникло слово. Например, из древнеиндийского языка

происходит обозначение сахара (древ. инд. 'sarkara). Во многих языках обозначения данного понятия являются созвучными: тадж. – *шаккар*, узб. – *шакар*, араб. – *sukkar*, итал. – *zucchero*, англ. – *sugar*, нем. – *Zucker*, рус. – *сахар* и т.д.

Процесс заимствования заключается, прежде всего, в том, что каждый носитель языка может в неограниченном количестве черпать любые слова из иностранных языков, видоизменять их, уподобляя образцам близким им по звучанию и написанию слов родного языка. Заимствования производятся либо в процессе когерентного (согласованного во времени), либо некогерентного (беспорядочного во времени воздействия различных языковых систем) и завершаются сознательным или ошибочным переходом присущих языкам источникам явлений в перенимающий язык.

В современной лингвистической литературе принято говорить об экстралингвистических (неязыковых) и лингвистических (собственно языковых) причинах заимствований. Первые связывают с причинами экономическими (*der Manager, das Marketing*), политическими (*die Perestroika, die Demokratisierung*), культурными (*der Club, der Film, der Pop, der Star*), технологическими (*der Computer, die Web-seite, das Radar, der Sputnik*), бытовыми (*die Jeans, der Pullover*) и т.п. К лингвистическим причинам относятся:

- а) разделение сфер семантического влияния немецкого и входящего в него слова;
- б) однотипность структуры иноязычных включений, имеющих общее тематическое значение и общую морфему (*der Gentlemen, der Kongressmen*);
- в) замена немецкого составного именованного одночленным (гостиница для автотуристов – *Motel*, бег на короткие дистанции – *Sprint*).

Анализируя особенности заимствованных слов, целесообразным становится выделять определенные маркеры, позволяющие идентифицировать эти слова как заимствованные. Так, например, в работе Сидоренко С.Г. к таким маркерам относятся:

- а) социально-культурные коннотации, включаемые в структуру лексического значения слова;
- б) словообразовательные элементы;
- в) некоторые грамматические признаки;
- г) фонетический «портрет слова» [4].

Анализируя лексический состав немецкого языка, можно говорить о следующих признаках, характерных для заимствованных слов:

- наличие в морфологической структуре слов компонентов иноязычного происхождения (суффиксов и префиксов): *impulsiv, die Konzentration, das Mobbing, reformieren*;
- необычное, отличное от привычного звучания слова, например: *der Friseur, das Team*, или место ударения, не соответствующее требованиям немецкого языка, например: *desolat, prolongieren*;
- графическое несоответствие, необычные для немецкого языка графические структуры и сочетания букв: *das Bodybuilding, die Osteoporose, die Philosophie*.

Приведенные выше признаки иноязычных слов позволяют выявить заимствования, но не во всех случаях. Следует заметить, что приставка *ab-* и суффикс *-ier* в разных словах может быть свидетельством того, что слово заимствованное, но не всегда (*absolut – abreisen, maskieren – erfrieren*). Кроме того, к некоторым немецким основам часто добавляются заимствованные аффиксы (*buchstabieren, die Schwulität, hausieren*), и, наоборот, к заимствованным корням иногда добавляются немецкие суффиксы и префиксы (*die Direktheit, temperamentvoll, risikoreich*). Такие гибридные словообразования уже нельзя однозначно отнести ни к иноязычным словам, ни к аутентичной лексике.

По мнению большинства лингвистов, условием для заимствования является двуязычие. Сначала заимствование возникает в двуязычной среде, а затем распространяется в более широкие сферы. Наконец слово попадает в письменную речь и охватывает всю область языка. В современном мире двуязычие проявляется различными способами в устном и письменном виде: общение на иностранном языке, телевидение, периодическая печать. Из «уст в уста» передается широкий поток иноязычных слов, которые еще не освоены но-

сителями языка. Это находит свое выражение в как будто неправильном употреблении слова, на самом деле это новые истоки жизни слова в чужой пока для него среде.

В результате частотного заимствования могут возникать различные смешанные языки. В качестве примеров можно привести такие как маймачинское китайско-русское наречие, пиджин-инглиш в портах Великого океана, старофранцузский язык в гаванях средиземного моря, креольский диалект.

Таким образом, процесс заимствования является одним из характерных признаков развития языковой системы, пополнения словарного состава различных языков. Заимствования играют очень важную роль в немецком языке. Они составляют значительный объем словарного состава и выполняют различные функции. На коммуникативном уровне заимствования могут выполнять различные функции, среди которых следует назвать в первую очередь номинативную, когда заимствования называют предметы и явления, не имеющие соответствий в немецком языке; конкретизирующую, когда заимствования выполняют схожую с терминами роль, а также стилистическую в рамках определенного функционального стиля.

Литература

1. Баш Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник Московского государственного университета. 2008. №9. – с. 147-156.
2. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в школе. 1994. № 6. – с. 56-63.
3. Проценко Е.А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник ВГУ. 2006. – с. 91-95.
4. Сидоренко С.Г. Функциональные и типологические особенности заимствования лексико-семантической группы «наименование лица» в современном русском литературном языке. – М.: Москва, 2005. – с. 16-19.
5. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику // Вестник Московского государственного университета. 2005. № 5. – С. 160.

References

1. Bash L.M. Differentiation of the term “borrowing”: chronological and etymological aspects // Bulletin of MSRU. 2008. №9. – pp. 147-156.
2. Krysin L.P. Foreign language in the context of modern social life // Russkiy yazyk v shkole. 1994. № 6. – pp. 56-63.
3. Protsenko E.A. To the problem of classification of lexicon of foreign origin // Bulletin of VGU. 2006. – pp. 91-95.
4. Sidorenko S.G. Functional and typological features of the borrowing of the lexico-semantic group “name of the person” in the modern Russian literary language. – Moscow, 2005. – pp. 16-19.
5. Shaykevich A.Y. Introduction to Linguistics // Bulletin of MSRU. 2005. №5. – P. 160.

УДК 811.13

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБОНЯТЕЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА (на материале признаков номинаций французского языка)

Котенёва Инна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
koteneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются метафорические значения признаковой лексики, выражающие оценочно-квалификативные значения обонятельной семантической области во французском языке.

Ключевые слова: метафора, характеристика, номинация, синестезия, обоняние.

METAPHOR AS THE METHOD VERBALIZATION OF OBJECTIVE HUMAN FEELINGS

(on the material of the recognized French language nominations)

Koteneva Inna

Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

koteneva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with metaphorical meanings of the characteristic vocabulary expressing the appraisal and qualification values of the olfactory semantic field in the French language.

Keywords: metaphor, characterization, nomination, synaesthesia, smell.

Обращение к проблеме метафорических моделей семантических трансформаций в обонятельной сфере представляется необходимым в силу того, что метафора выступает в качестве единственного способа передачи оценочно-квалификативных суждений субъекта, воспринимающего запах.

Обонятельные ощущения человека, возникающие в ходе восприятия такой непредметной сущности, как запах, отличаются большим разбросом даваемых им определений, особым ассоциативным рядом. В сознании воспринимающего обонятельные репрезентации имеют субъективный характер, поскольку восприятие запаха менее всего опосредовано социальными и культурными факторами в отличие от восприятия других стимулов и зависят не только от собственных качеств одоранта (запаха), но и от состояния воспринимающего. Один и тот же запах может быть квалифицирован по-разному, выбор зависит от субъекта восприятия, именно он выделяет параметр, по которому описывает свои обонятельные ощущения.

Метафорические значения обонятельной семантической области активизируют различные ассоциативные отношения, которые обусловлены, с одной стороны, индексальным характером обонятельной информации (онтологической **связью запаха с предметом-источником**), а с другой – особенностями перцептивно-когнитивных процессов, происходящих в индивидуальном сознании **воспринимающего лица**.

Одной из характеристик, детерминирующей обонятельные ощущения человека, является признак «КОЛИЧЕСТВО». Для характеристики запаха количественно, по его силе в обонятельную сферу входят “градуальные” атрибуты [Рузин, 1994: 89]. При отражении градации в степени проявления признака данные номинативные единицы образуют два синонимических ряда:

прилагательные, квалифицирующие запах по его свойству «летучести»: *fugace, subtil, léger, vague, – épais, lourd, tenace, fort, stagnant;*

прилагательные, квалифицирующие запах по его свойству «интенсивности» воздействия на человека: *petit, doux, léger - fort, pénétrant, lourd, grand, pesent, persistant, intolérable, puissant.*

Особые характеристики запаха формируются в результате переосмысления других видов чувственного восприятия, что находит свое отражение в семантике синестетических метафор, объединяемых в сфере обонятельной перцепции на основе признака «КАЧЕСТВО». Наибольшее число интерсенсорных переносов в сфере обоняния наблюдается из вкусовой перцепции, что объясняется физиологической близостью этих видов восприятия, а также их особой функциональной смежностью – поиск и прием пищи.

1. Метафорический перенос “вкус предмета – запах предмета”: *âcre, acide, âpre, amère, doux, doucereux, fade, acerbe*. Сюда же отнесится прилагательное каузативного значения *rance*, которое можно трактовать следующим образом: “приобретший вкус/запах,

каузированной кем-то” – ‘*qui a pris une odeur forte et un goût âcre, dus au développement d'acides ou contact de l'air, dans un corps gras*’ [LR, V: 642].

Полирецепторное явление образности, создающееся первичными семантическими компонентами этих прилагательных, основано на смежности ощущений, получаемых в ходе данных видов восприятия. Так, эти прилагательные характеризуют запах по конкретному вкусовому ощущению, возникающему от предметов: *acide, amère, doux, doucereux, fade*. Некоторые прилагательные вкусовой перцепции не выражают конкретного вкусового признака, они обозначают определенные ощущения – остроты, стягивания, возникающие во рту. Подобные ощущения используются и для характеристики запаха: *âcre* – ‘*se dit d'une saveur ou d'une odeur forte, mordante, mordicante qui irrite ou pique le nez et la gorge*’ [LR, I: 44]; *âpre* – ‘*qui racle la gorge*’ [PR: 67].

2. С помощью метафорического переноса “Тактильные ощущения – запах” в обонятельную сферу входят следующие прилагательные: *chaud, froid, tiède, frais*. В данном случае запах характеризуется на основе известных человеку осязательных ощущений.

3. Синестезийные прилагательные из вкусовой и осязательной перцепции образуют в обонятельной сфере группу атрибутов, обозначающих “психофизическое ощущение, подобное вкусовому воздействию”: *appétissant, délassieux, exquis, suave, savoureux*.

4. О близкой связи трех видов восприятия (тактильного, обонятельного и вкусового) свидетельствуют лексические единицы синкретичной семантики: *aigre* – выражает нерасчлененность вкусовых и обонятельных впечатлений – ‘*qui a une acidité désagréable*’ [LR, I: 85]; *piquant* – совмещает дифференциальные семантические компоненты, используемые для описания тактильных, вкусовых и обонятельных ощущений – ‘*qui donne une sensation de piquêre*’ [PR: 1765].

Значения синестезийных прилагательных при описании обонятельных ощущений человека свидетельствуют о том, что характеристика качества запаха мотивирована принадлежностью пахнущего вещества предмету, являющемуся его источником. Иными словами, значения выделенной группы метафорических атрибутов выражают признаки запаха, обусловленные качественной характеристикой их источников. Например,

- “неприятные предметы – неприятный запах”: “*Il allait sur la pointe des pieds, pour ne pas faire de bruit, dans les longs corridors où flottait une odeur fade de moisi, de maladie et de médicaments*” [Maupassant].

- “табак, вызывающий ощущение затруднения дыхания – едкий запах”: “*Ils fumaient un tabac à l'odeur âcre*” [Camus].

- “теплое помещение – теплый запах”: “*Le gaz brûlait dans l'air encore endormi de la salle; un torchon oublié, les cartes de la veille, traînaient sur les tables, et le courant d'air de la porte grande ouverte mettait sa pointe fraîche au milieu de l'odeur chaude et renfermée du vin*” [Zola].

- “свежие фрукты – свежий запах”: “*L'odeur fraîche des légumes dans lesquels il était enfoncé, cette senteur pénétrante des carottes, le troublait jusqu'à l'évanouissement*” [Zola].

Как показывает исследование, обращение к свойствам предмета-источника при обозначении «качества» запаха играет большую роль в расширении содержания данного признака до бесконечного множества окказиональных смыслов, сформированных каждым конкретным лицом, воспринимающим запах. Так, в сфере обоняния, кроме синестезических метафор, используются **МОНОРЕЦЕПТОРНЫЕ** метафорические значения, с помощью которых запахи характеризуются через следующие признаки предметов: сохранность, неиспорченность (*cette odeur saine des champs*), старость (*de vieux parfums de cave et d'encens*), своеобразие, уникальность (*une grande odeur et unique en son genre*), нежность (*l'arôme affectueux du cassis bourguignon*) и т.д.

Большинство метафорических значений, описывающих признаки «количество» и «качество» запаха, способны фиксировать динамику позиции воспринимающего. Находясь в постпозиции к существительному обонятельной семантики, данные номинативные единицы обозначают характеристику в качестве ограничительного признака запаха, обусловлен-

ного его источником. В положении препозиции к существительному со значением “запах” данные прилагательные квалифицируют обонятельный стимул на основе ощущений воспринимающего.

“*Alors les poissons s'amollirent, se noyèrent; des senteurs de chairs tournées se mêlèrent aux soufflés fades de boue qui venaient des rues voisines. Puanteur vague encore, douceur éccœurante d'humidité, traînant au rat du sol*” [Zola]. Прилагательное *vague*, находясь после определяемого существительного, обозначает признак летучести запаха, указывающего на низкую концентрацию молекул пахнущего вещества. В другом контексте это же прилагательное в препозиции к существительному обозначает запах по силе его воздействия на воспринимающего: “*Une vague odeur d'humidité montait encore des pelouses, pourtant desséchées*” [Camus].

Подобным образом дифференцируются обонятельные ощущения человека при характеристике качества запаха. “*Il respira sur ses paumes le frais parfum chaste, et résista à une vague de faiblesse, de douceur, à une tristesse d'enfant de dix ans*” [Colette]. В предложении описание запаха основано не на качестве его источника, а на обонятельных ощущениях человека, возникших в результате воздействия обонятельного стимула во временном отношении.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что метафора в сфере обонятельных ощущений является эффективным средством вербализации индивидуального сознания, создающего новые ассоциации в результате переноса субъективных ощущений на их объективную причину (предмет-источник запаха).

Литература

1. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии наименования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – №6. – С. 79-100.
2. LR. Le Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / par P. Robert. – Paris: Le Robert, 1980.
3. PR. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / par P. Robert. – Paris: S.N.L., 1967. – 2172 p.
4. Maupassant G. Mademoiselle Fifi. – Paris: Booking International, 1993. – P. 193-311.
5. Colette. La vagabonde // La naissance du jour. Œuvres choisies. – Moscou: Radouga, 1983. – P. 41-245.
6. Camus A. La peste. – Paris: Gallimard, 1947. – 248 p.
7. Zola E. Le ventre de Paris. – Paris: Editions Fasquelle, 1968. – 403 p.

References

1. Rousin I.G. Cognitive naming strategies: perceptual modes (sight, hearing, touch, smell, taste) and expression in the language // Voprosi iazhiroznania. – 1994. – №6. – P. 79-100.
2. LR. Le Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / par P. Robert. – Paris: Le Robert, 1980.
3. PR. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / par P. Robert. – Paris: S.N.L., 1967. – 2172 p.
4. Maupassant G. Mademoiselle Fifi. – Paris: Booking International, 1993. – P. 193-311.
5. Colette. La vagabonde // La naissance du jour. Œuvres choisies. – Moscou: Radouga, 1983. – P. 41-245.
6. Camus A. La peste. – Paris: Gallimard, 1947. – 248 p.
7. Zola E. Le ventre de Paris. – Paris: Editions Fasquelle, 1968. – 403 p.

УДК 81

РЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВ-ПРЕДИКАТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. ЛОНДОНА)

Лагоденко Джульетта Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
lagodenko@bsu.edu.ru

Лагоденко Жанета Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
lagodenkoZh@bsu.edu.ru

Аннотация

В работе рассматривается категория состояния слов, функционирующая в качестве предикатива составного именного сказуемого, семантически выражающая состояние, морфологически оформленная при помощи элемента *a-* и обладающая свойством полифункциональности. Анализ этимологии слов-предикативов выявляет новые семантические группы, которые выделяются в самостоятельную часть речи – категорию состояния.

Ключевые слова: предикативные слова, полифункциональность, соединительные элементы, валентность

**PREDICATIVE WORDS IN LITERAL DISCOURSE
(BASED ON JACK LONDON'S NOVELS)**

Lagodenko Julietta

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
lagodenko@bsu.edu.ru

Lagodenko Janeta

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
lagodenkoZh@bsu.edu.ru

Abstract

The paper considers a category of state words functioning as a predicative of the compound nominal predicate, semantically expressing the state morphologically formed with the help of the element *a-* and possessing the polyfunctional characteristics. The etymology of the predicative words is analysed, too.

Key words: predicative words, polyfunctional characteristics, adlinks, valency.

Слова-предикативы имеют свои особенности, отличающие их от других частей речи. Эти слова имеют собственную морфологическую форму: они образованы при помощи элемента *a-*, и, хотя состояние может быть выражено лексически, словами различных частей речи, в английском языке данная категория слов обладает рядом морфологических и синтаксических особенностей [4].

По морфологической структуре П.И. Шлейвис делит слова-предикативы в английском языке на три группы:

1. морфологически членимые (*alive, ashamed, afoot* и др.). Это наиболее многочисленный и продуктивный тип, в котором выделяются префикс *a-* и основа существительного, глагола или прилагательного;

2. морфологически мнимочленимые (*ahgast, alone* и др.). В данных лексемах можно выделить префикс *a-* и именную или глагольно-именную основу; однако, исторически такое членение не оправдано. Б.А. Ильиш указывает, что эти слова имеют особое развитие, и их современная морфологическая структура является результатом переразложения морфем [1];

3. морфологически нечленимые (*aware, aloof* и др.)

Предметом данного исследования является семантическая характеристика слов категории состояния. В современном английском языке выделяются следующие семантические группы слов – предикатов: 1) психическое состояние субъекта (*ashamed, afraid* и т.д.); 2) умственная деятельность субъекта (*aware, awake to, alive to/with*); 3) физическое состояние субъекта (*alive, asleep* и т.д.); 4) состояние движения, деятельности (*afloat, asea* и т.д.); 5) физическое состояние предмета (*afire, aflame*); 6) предикативы-локативы, словатемпоративы, а также группа слов, выражающих количественные отношения, признак предмета и состояние заблуждения, неправильного толкования [3].

Остановимся на первых семантических группах слов-предикативов: 1) слова, обозначающие психическое состояние субъекта; 2) слова, выражающие определенное состояние умственной деятельности субъекта.

1. К словам, обозначающим психическое состояние субъекта, относятся предикативы *ashamed, afraid, aghast*. Данные предикативы относятся к так называемым устойчивым единицам [2].

Лексема *ashamed* широко используется в современном английском языке в основном благодаря сочетаемости с относительно большим числом глаголов-связок. Например, предикатив сочетается с глаголами-связками, передающими значение сохранения состояния – *to be, to feel*:

“Why, Marian”, “he chided”, “you talk as though you were ashamed of your relatives, your brother at any rate” [Martin Eden, p.330].

The onlookers laughed uproariously, and he felt ashamed, he knew not why, for it was his first snow [Call of the Wild & White Fang, p.10].

Основной синтаксической функцией предикатива *ashamed* является функция предикативного члена. Однако фактический материал дает возможность проследить следующую валентность предикатива *ashamed*:

а) сочетание лексемы с качественными наречиями (*heartily, deeply, awfully, vaguely, cruelly* и т.д.):

Heartily ashamed of himself for his temporary loss of nerve, Daylight returned to his task [Burning Daylight, p.163].

I could not be at peace with myself until I had seen you and told you how sorry I am for yesterday, and how deeply ashamed I ... [A Daughter of the Snows, p.96].

б) сочетание с наречиями времени, степени сравнения, усилительными частицами (*already, so, never, rather often, too* и т.д.):

And not only was she already ashamed, but she was frightened and afraid of herself [A Daughter of the Snows, p.95].

“I don’t know what’s got into him”, Saxon gasped hurriedly to the fireman.

“He’s not himself. Oh, I am so ashamed, so ashamed” [The Valley of the Moon, p.149].

с) сочетание с предложными словосочетаниями в постпозиции, вводимыми предлогами *of, реже for, at*:

“I am not ashamed of the boldness with which I say it: I love Henry about as much as you love the Queen” [Hearts of Three, p.343].

Joe still felt ashamed for the trouble he had caused; but Frisco Kid quickly put him at ease [The Cruise of the Dazzler, p.64].

д) сочетание предикатива *ashamed* с инфинитивом:

I was ashamed to tell him that I weighed one hundred and seventy pounds, or over twelve stone, so I contented myself with taking his measure [The People of the Abyss, p.32].

“I am not ashamed to say that I love you, because I shall never marry you. And I loved you much when you first came down from Alaska and I first went into office” [Burning Daylight, p.324].

Также в группу слов, обозначающих психическое состояние субъекта, входит предикатив *afraid*. Данная лексема широко представлена в современном английском языке. Основной синтаксической функцией предикатива *afraid* в выявленных нами примерах является функция предикативного члена:

The old dog did not like it, and showed plainly that he was afraid of Buck [Call of the Wild & White Fang, p.28].

Предикативное слово *afraid* также употребляется в каузативных конструкциях после глагола *make*, являясь предикативным членом к дополнению:

Thornton shook his head. «No, it is splendid, and it is terrible, too. Do you know, it sometimes makes me afraid» [Call of the Wild & White Fang, p.49].

В функции обособленного определения *afraid* употребляется в большинстве случаев с зависимыми словами:

This was too much, and the black, afraid more of Van Hork than of Jerry, turned and fled forward... [Gerry of the Islands, p.40].

Помимо этого отмечается высокая частотность употребления *afraid* в предложении со вставной предикативной конструкцией [Кобрина 2008].

«St. Vincent, McPherson, and I will have to make the crew, I’m afraid»

«Sorry, baron, stay with us another year and you'll be fit» [A Daughter of the Snows, p.242].

На основе фактического материала из произведений Джека Лондона можно проследить следующую валентность данного предикатива:

а) *afraid* сочетается с союзными и бессоюзными придаточными предложениями:

«I told Weedon that I was afraid the warm climate would not agree with an Arctic animal» [Call of the Wild & White Fang, p.218].

«I'm afraid I was too generous» [Hearts of Three, p.146].

б) *afraid* может функционировать независимо:

Never, in his brief cave-life, had he encountered anything of which to be afraid [Call of the Wild & White Fang, p.110].

He continued to gaze, and in his interest he forgot to snarl. Also, he forgot to be afraid [Call of the Wild & White Fang, p.112].

с) *afraid* может составлять ряд однородных членов в сочетании с прилагательным:

He was not afraid, but merely lazy [Call of the Wild & White Fang, p.175].

The wolf was suspicious and afraid [Call of the Wild & White Fang, p.58].

д) *afraid* сочетается с инфинитивом в постпозиции:

The young dogs were afraid to run by themselves [Call of the Wild & White Fang, p.139].

“Are you afraid to die?” he asked suddenly [Hearts of Three, p.166].

Нами были выявлены случаи употребления предикатива *afraid* с усилительной частицей *very much*:

He was very much afraid [Call of the Wild & White Fang, p.112].

He uttered strange sounds, and seemed very much afraid of the darkness, into which he peered continually [Call of the Wild & White Fang, p.31].

Это говорит о том, что в лексеме иногда могут проявляться и глагольные свойства, так как данный определитель характерен для глагола в личной форме и для неличной формы глагола с ослабленным временным значением.

Некоторые лингвисты не признают участия префикса *un-* в образовании антонима к *afraid*. Однако, наличие фактического материала дает возможность утверждать, что предикатив *unafraid* широко используется в современном английском языке.

He was unafraid of the wild [Call of the Wild & White Fang, p.55].

Further she was unafraid of things [Call of the Wild & White Fang, p.65].

Thenceforward he would be unafraid of them expect when they bore in their hands their arrows, spears and clubs [Call of the Wild & White Fang, p. 65].

Предикатив *afraid* употребляется и в эллиптических конструкциях:

-Aren't you afraid to venture it up in this climate?

- Afraid? [Martin Eden, p.350].

В данном примере *afraid* выступает в качестве главного члена предложения, это обычно наблюдается в составе диалогического единства.

2. Слова, выражающие определенное состояние умственной деятельности субъекта.

Ко второй группе слов-предикативов относятся лексемы *aware*, *awake (to)* и *alive (to, with)*. Подробнее остановимся на слове *aware*, которое довольно широко используется в современном английском языке.

Основной функцией лексемы *aware* является функция предикатива с такими глаголами-связками как *to be*, *to become*, *to grow*:

It was beautiful spring weather, but neither dogs nor humans were aware of it [Call of the Wild & White Fang].

At this moment, still running at top speed, White Fang became suddenly aware of an attack from the side [Call of the Wild & White Fang, p.205].

White Fang himself began to grow aware of it, though in his consciousness he knew not what love was [Call of the Wild & White Fang, p. 193].

Предикатив *aware* употребляется в каузативных конструкциях после глагола *make*, где лексема является предикативным членом к дополнению, а также может занимать синтаксическую позицию обособленного члена предложения:

At the same time he was made aware of a sensation of hunger [Call of the Wild & White Fang, p.114].

All unaware, he had seen his last sun-rise [Hearts of Three, p.224].

На основе выявленных нами примеров из произведений Джека Лондона, мы можем выявить следующую валентность предикатива *aware*.

а) сочетание *aware* с качественными наречиями (*lazely, deeply, scarcely* и т.д.), выражающие степень незначительности явления:

Yet he was lazily unaware that ought in the world was stirring, and was scarcely astir himself [Hearts of Three, p.12].

б) наречия (*immediately, anxiously, deliciously* и т.д.), усилительная частица *indeed*, передающие значение полноты состояния, а также отношение к ситуации:

And Charley Tippery was immediately unaware of any slightest doubt [Hearts of Three, p.419].

Assembled before the altar of the Sun God at the Long House, the entire population was indeed aware, and anxiously aware, of the coming of visitors [Hearts of Three, p.388].

It was all very wonderful and she was deliciously aware that her queenship had suffered no diminishing by her alliance with Francis [Hearts of Three, p.346].

в) предикатив *aware* сочетается с наречиями времени, степени, а также усилительными частицами (*already, always, never, quite, well* и т.д.):

His first awareness, he quickly saw, was so belated that half his hosts and hostesses were already aware [On the Makaloa Mat, p.123].

And he was quite aware, and never more so, of his bleary-eyed, forbidding appearance [The Turtles of the Tasman, p.130].

He was well aware that men were soft-shelled and cracked easily on hard rocks or under pounding hoofs [The Little Lady of the Big House, p.55].

She felt that she had never been more aware that she was a woman [The Abysmal Brute, p.102].

с) распространенным явлением в английском языке является сочетание лексемы *aware* с предложными словосочетаниями в постпозиции, вводимыми предлогом *of* (*of*-фраза):

Despite his amazement he was aware of the revolver pressing flat-wise against his back between the shoulders [Hearts of Three, p.34].

Then, and quite suddenly, he became aware of loneliness [Call of the Wild & White Fang, p.141].

Instead, only was she aware of anger flaming up to her cheeks and burning in her pulse [Hearts of Three, p.270].

...and at such times he was aware of a great pride in himself – a pride greater than any he had yet experienced [Call of the Wild & White Fang, p. 65].

Так же в предложениях предикатив *aware* и предлог *of* могут быть разделены фразой “first of all”:

When his senses came back to him, he became aware first of all of something unusual upon which his hand rested [Hearts of Three, p.394].

Такое количество примеров говорит о том, что употребление предикатива *aware* в сочетании с предложным словосочетанием, вводимым предлогом *of* является распространенным явлением в современном английском языке.

д) в постпозиции предикатив *aware* сочетается с союзными и бессоюзными придаточными предложениями:

As he pondered, he became aware that his hand was resting on a rounded surface [Hearts of Three, p.304].

This time he was aware it was the club, but his madness knew no caution [Call of the Wild & White Fang, p.7].

е) лексема *aware* может употребляться без распространяющих элементов:

She smiled into the Virgin's eyes, and that lady delivered herself of a coster ballad with more art than she was aware [A Daughter of the Snows, p.211].

It seemed to him that he intruded upon the holy of holies, and slowly and carefully he moved his head aside from the contact which thrilled him like an electric shock and of which she had not been aware [Martin Eden, p.95].

Основа *aware* является продуктивной в современном английском языке, и это можно проследить на основе произведений Джека Лондона. От основы образуется антоним к предикативу *aware* - *unaware*:

Men gasped and began to breathe again, unaware that for a moment they had ceased to breathe [Call of the Wild & White Fang, p.54].

... and he, frightened, unaware of what constituted this new onslaught, struck back ferociously and in still greater fright, ripping down the side of the she - wolf's muzzle [Call of the Wild & White Fang, p.99].

От *unaware*, в свою очередь, образуется наречие *unawares*:

Another trick was to catch Mauki unawares and thrust the live end of a cigar against his flesh [South Sea Tales, p.75].

For the first time in my life I was sunburned unawares [The Cruise of the Shark, p.73].

Также от основы *aware* образуется существительное *awareness*:

His one hand slipped into his pocket and clutched the quoits. Neither of his auditors spoke nor betrayed any awareness of his menace [the Red One, p. 106].

After a time he returned to his magazine with such absorption that he forgot those about him until an awareness of silence penetrated to his consciousness [The Little Lady of the Big House, p. 205].

...they took the trail back to their village, overcome by an awareness of having been blessed by the gods [Heart of Three, p. 318].

На основе произведений Джека Лондона мы проследили функционирование слов-предикативов большинства групп в современном английском языке. Можно утверждать, чаще всего в речи употребляются предикативы, обозначающие как психическое состояние субъекта, так и определенное состояние его умственной деятельности.

Литература

1. Ильиш Б.А. История английского языка. – Л.: Просвещение. – 1973. – 351 с.
2. Кобрина Н.А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. – СПб.: Союз. – 2008. – 528 с.
3. Шлейвис П.И. Слова-предикативы в английском языке. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2008. – 128 с.
4. Шлейвис П.И. Слова-предикативы: семантика, функции, лингвистический статус // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. - № 4. - С. 217-220.

References

1. Ilyish B.A. History of the English Language. – Leningrad: Prosveschenie. – 1973. P. 351.
2. Kobrina N.A., Korneeva E.A., Ossovskaya M.I., Guzeeva K.A. An English Grammar. Morphology. Syntax. Saint-Petersburg: Souz. – 2008. P. 528 p.
3. Shlejvis P.I. Predicative words in the English Language. Pjatigorsk: Pjatigorskij gosudarstvennij lingvisticheskij universitet. - 2008. P. 128.
5. Shlejvis P.I. Predicative words: semantics, function, linguistic status // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. - 2011. - № 4. pp. 217-220.

УДК 81.27

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мацкова Ирина Александровна,

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
matskova.ira@yandex.ru

Науч. рук. к.филол.н., доцент Скокова Татьяна Николаевна

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию и описанию общих положений категории вежливости в лингвистике при рассмотрении категории вежливости как неотъемлемого условия успешной коммуникации. Представлены различные теории зарубежных авторов о сущности и структуре вежливости. Коммуникативное поведение также регламентируется социальными статусами участников общения и речевыми ситуациями. Залогом успешной коммуникации является понимание вежливости как набора тактик, направленных на гармоничные отношения между людьми. В работе приведена историческая справка систематических исследований категории вежливости. Рассмотрено зарождение категории вежливости в обществе и ее современная интерпретация; даны различные определения вежливости, приведена классификация стратегий вежливости; описаны условия реализации успешной коммуникации. В статье описаны различные стратегии вежливого поведения. Отмечены причины применения говорящим «негативной» и «позитивной» вежливости» для преодоления коммуникативных неудач.

Ключевые слова: вежливость, позитивное и негативное лицо, позитивная и негативная вежливость, ликоугрожающие факторы, речевые максимы.

POLITENESS AS AN IMPORTANT CONDITION OF SUCCESSFUL COMMUNICATION

Matskova Irina

Graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
matskova.ira@yandex.ru

Scientific adviser Ph. D. in Philology, Associate Professor Skokova Tatyana

Abstract

This article deals with the category of politeness in linguistics when as an essential condition of successful communication. Different theories of foreign authors about the entity and the structure of politeness are provided. The communicative behaviour is regulated by social statuses of communicants and discourse. Origins of the category of politeness in society and its modern interpretation are considered.

Keywords: politeness, positive and negative face, positive and negative politeness, face - threatening factors, speech maxims.

Вежливость – это качество человека, совокупность хороших манер, умение вести себя в обществе. Так трактуется понятие вежливость в толковом словаре Д.В. Дмитриева. Согласно словарю Д.Н. Ушакова, вежливость – это учтивость, благовоспитанность, соблюдение бытовых приличий. В немецком словаре Duden есть следующее определение понятия вежливость: «Höflichkeit ist höfliches, gesittetes Benehmen; Zuvorkommenheit. Синонимами понятия Höflichkeit являются: Entgegenkommen, Freundlichkeit, Gefälligkeit, Verbindlichkeit, Zuvorkommenheit. Вежливость можно также обозначить как черту характера человека, которая помогает выразить внутреннее уважение к собеседнику. А умение проявлять вежливость в конкретной ситуации является верным помощником на пути к успеху в процессе коммуникации. В сравнении с другими качествами человека вежливость обладает большим влиянием в управлении людьми.

В Германии понятие вежливость появилось в двенадцатом веке, когда стали образовываться территориальные центры влияния. И местное дворянство испытывало необходи-

мость закрепить в обществе новые стандарты и формы жизни. Для этого была создана специальная система регулирования, которая применялась во всех областях придворной жизни. Формы вежливости использовались представителями дворянства сознательно для демонстрации иерархии отношений, в то время как остальной народ воспринимал введенную систему правил как обязанность. Иерархия отношений обуславливала выбор не только речевых средств, но и даже одежды. Придворная жизнь была детально спланирована: *«Die Wahl der sprachlichen Mittel wird durch die Regeln der Höflichkeit gesteuert, die die Sprecher vor allem auf die korrekte Ehrerbietung gegenüber dem Gesprächspartner verpflichten; auch hier müssen die gewählten Mittel miteinander harmonieren. Die Komplimente als wichtigster Ausdruck der Höflichkeit führen eine wechselseitige Verschiebung des sozialen Ranggefülles herbei, die wieder in dessen adäquater Spiegelung münden soll»* [7].

Вследствие этого появились письменные документы и литературные произведения, которые дают представление о сложившихся тогда межличностных отношениях. Постепенно употребляемые в устной речи формы выражения вежливости стали повсеместно нормой. Вежливость оценивали как одно из достоинств человека, а кодекс вежливости гласил, что нужно идти навстречу другим, быть с ними по возможности любезными и услужливыми. Это рассматривается как высшая степень проявления вежливого общения.

«Anderen entgegenzukommen, ihnen möglichst gefällig zu sein und ihnen insofern auch tatsächlich zu gefallen, das gilt den großen Ratgebern der Höflichkeit, als Inbegriff höflicher Geselligkeit» [4].

Важным признаком вежливости являлась ориентация на другого человека. Но, по мнению А. Шопенгауера, не смотря на то, что вежливость подразумевает под собой отрицание эгоизма, в то же время это и признанное лицемерие. Он подчеркивал, что вежливость придает высказывающему оценочный характер: *«Die Höflichkeit nämlich ist die konventionelle und systematische Verleugnung des Egoismus in den Kleinigkeiten des täglichen Verkehrs und ist freilich anerkannte Heuchelei: dennoch wird sie gefordert und gelobt; weil, was sie verbirgt, der Egoismus, so garstig ist, dass man es nicht sehen will, obschon man weiß, dass es da ist»* [8].

С исчезновением дворянства увеличивалась роль демократизации, а вместе с тем появлялись новые потребности в коммуникации. На сегодняшний день правила этикета и приличия значительно отличаются от тех, которые существовали в начале и середине двадцатого века. Это не значит полное отсутствие норм вежливости в обществе, а лишь говорит о том, что данные нормы не являются больше предметом воспитания.

На сегодняшний день категория вежливости является предметом изучения в различных научных областях: в дидактике, культурологии, социологии и многих других. Среди существующих **теорий** выделяют: *вежливость как речевые максимы, правила; вежливость как сохранение лица; вежливость как этическая категория; вежливость как оценка статуса человека; вежливость как конверсационный контракт.*

Концепция «вежливость как речевые максимы, нормы», прежде всего, связана с именами таких ученых как П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич. В работе «Logic and Conversation» П. Грайс развивал идею о том, что оба участника общения заинтересованы в том, чтобы акт коммуникации прошел успешно. На основе этого он сформулировал принцип кооперации, который включает в себя 4 основных постулата:

1. Постулат качества/истинности. Сообщение должно быть истинным и иметь под собой должные основания.
2. Постулат количества/информативности. Сообщение должно содержать достаточное количество информации, чтобы оно было понятным.
3. Постулат отношения/релевантности. Не следует отвлекаться от темы, высказываться нужно только по существу. При смене темы разговора необходимо сигнализировать об этом.
4. Постулат способа/ясности выражения. Говорящий должен выбирать лексические и грамматические средства так, чтобы сообщение было понятным.

Отклонение от постулатов общения приводит к коммуникативным неудачам. Но постулаты сами по себе имеют противоречивый характер и иногда их намеренно нарушают, так как нельзя быть, и вежливым, и кратким, и ясным одновременно.

Основные идеи П. Грайса продолжила развивать Р. Лакофф. Ее концепция нашла отражение в двух основных правилах [5]:

1. Будь ясным, понятным, излагая информацию.
2. Будь вежлив.

Р. Лакофф подчеркивала, что все постулаты П. Грайса отражают ее первое правило, а второе правило включало в себя 3 основных принципа:

1. Не навязывай своего мнения.
2. Предоставь собеседнику возможность выбора.
3. Проявляй доброжелательность.

Согласно Р. Лакоффу, первый принцип характерен для «формальной вежливости», второй принцип отражает «неформальную вежливость», и третий принцип соответствует «интимной вежливости». Соблюдение данных правил и принципов способствует созданию дружелюбной атмосферы и налаживанию контакта между собеседниками [5].

Концепция речевых максим была значительно расширена Дж. Личем. Как П. Грайс, Р. Лакофф, он придерживался мнения, что вежливость представляет собой совокупность правил, которые регулируют общение [6]. Согласно его концепции, для достижения успеха в процессе коммуникации необходимо избегать конфликтных ситуаций. Этого можно достичь, если говорить больше комплиментов в адрес собеседника, хвалить и одобрять его действия, и меньше перетягивать внимание на себя, а больше порицать. Чтобы избежать возникновения конфликтных ситуаций, по мнению Дж. Лича, необходимо придерживаться основных речевых максим [6]:

1. Максима такта, которая определяет границы личного пространства.
2. Максима великодушия. Она подразумевает создание комфортных условий для коммуникации и исключает доминирование одного собеседника над другим.
3. Максима одобрения. Данная максима отражает отношения собеседников не только друг к другу, но и миру в целом.
4. Максима скромности, которая подразумевает отношение человека к самому себе.
5. Максима согласия, которая предполагает изменение тактики поведения обоих собеседников с целью избегания конфликтных ситуаций.
6. Максима симпатии. Цели коммуникации могут быть достигнуты путем проявления доброжелательности с обеих сторон.

Дж. Лич не настаивал также на уникальности введенных им максим общения и подчеркивал, что в разных странах предпочтение отдается разным максимам в соответствии с культурными особенностями.

Среди ученых, которые также занимались изучением категории вежливости, выделяют П. Брауна и С. Левинсова. Они развивали концепцию **«вежливость как сохранение лица»**. Понятие вежливость они трактовали как совокупность действий, которые способствуют сохранению социального имиджа. Свои идеи они представили в работе «Politeness: Some Universals in Language Usage». «Лицо» является ключевым понятием, в которое они вкладывают социальную ценность, характерную каждому человеку. В процессе общения собеседники стремятся «сохранить лицо», и при этом они должны учитывать факторы, которые могут привести и к «потере лица».

П. Браун и С. Левинсон рассматривают понятие «лицо» в двух аспектах: позитивное лицо и негативное лицо. Позитивное лицо – это положительная характеристика, достойный образ. Такую позицию стремится занять каждый участник общения. Негативное лицо рассматривается как стремление сохранить свое личное пространство, обладать свободой действий [3].

Залогом успешного общения является сохранение лиц обоих собеседников. Положения говорящего и слушающего должны находиться в равновесии. Но существуют такие ре-

чевые акты, которые этому препятствую. П. Браун и С. Левинсон называют их ликоугрожающими (Face Threatening Acts) [3]. Выделяют 4 типа ликоугрожающих актов, в зависимости от того, на кого они направлены:

- на позитивное лицо говорящего (извинение, принятие комплимента, признание, неконтролируемые действия);
- на негативное лицо говорящего (благодарность, предложения);
- на позитивное лицо слушающего (выражение неодобрения, противоречие или несогласие, непочтительность, упоминание о табуированных темах);
- на негативное лицо слушающего (приказы и просьбы, предложения и советы, угрозы, предупреждения, вызовы, комплименты).

Ликоугрожающие факторы, как и нормы вежливости, являются неотъемлемой составляющей общения: люди могут не согласиться с мнением, отклонить предложения, настоять на своей точке зрения. Авторы теории «вежливость как лицо» выделяют в этой связи позитивную и негативную вежливость. Позитивная вежливость проявляется через комплименты, путем демонстрации внимания к собеседнику. Таким образом, говорящие выражают свою симпатию и солидарность, указывают на то, что их взгляды совпадают. Негативная вежливость направлена на дистанцированное поведение, когда человек четко дает понять, что он нуждается в неприкосновенности своей территории, подчеркивая тем самым независимость его личности. Данная стратегия характерна для побудительных речевых актов. Вступая в общение, применение позитивной вежливости является необходимым условием, чтобы расположить к себе собеседника, но нужно так же и не забывать о соблюдении дистанции, и не приближаться слишком близко[3].

О важности культурных особенностей, которые накладывают отпечаток на формирование представлений о вежливости и способов ее выражения, писал немецкий историк Х. Арндт. В его работе «Intracultural tact versus intercultural tact», написанной совместно с Р. Дженни, отражены основные идеи концепции «**вежливость как такт**». Авторы теории разграничивают понятия вежливость и такт. Согласно Х. Арндту, Р. Дженни, вежливость является культурно обусловленным явлением. Вежливое поведение является социально желаемым. Для него характерно использование в речи ритуализированных фраз, соблюдение общепринятых норм и правил поведения. В отличие от вежливости такт - это индивидуальный стиль, стратегия поведения. Такое поведение человека основывается на личном опыте и может выходить за рамки установленных норм. К факторам, которые определяют такое поведение, относят возраст, принадлежность к какой-либо социальной группе, временной фактор.

Таким образом, на основе существующих теорий можно сделать вывод, что речеповеденческие нормы являются отражением исторического, культурного и социального своеобразия народов. Категория вежливости, в свою очередь, представляет собой систему норм, правил и принципов поведения, которые регулируют речевое поведение людей и реализуются в речи лексико-грамматическим набором средств.

Литература

1. Богданова А.Г. Социальные признаки концептов «вежливость» и «Höflichkeit» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2011. №2. – С. 147 – 150.
2. Браун П. Вежливость: универсалии языкового использования. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета. 1988. – 345 с.
3. Браун П. Левинсон С. Вопросы и вежливость: стратегии социального взаимодействия. - Нью-Йорк: Издательство Кембриджского университета, 1978. – с. 56–289.
4. Вайнрих Ч. Дело чести - вежливость: Доклад по поводу предоставления звания почетного доктора философского факультета университета Аугсбурга: 11.05.1995. – Аугсбург, в 1995 – 17 с.
5. Лакофф Р. Язык и место женщины. – Нью-Йорк: Харпер и Роу, 1975. – 296 с.
6. Лич Г.Н. Принципы прагматики. – Нью-Йорк: Лонгмен, 1983. – 257 с.
7. Шмитт-Зассе Дж. О немецкой вежливости: развитие представлений о коммуникации в работах о манерах общения в немецкоговорящих странах. – Берн: Лэнг, 1991. – с. 159 – 174.
8. Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений. – Висбаден: Ф.А. Брокгауз, 1962. – 576 с.

References

1. Bogdanova A.G. Social features of concepts "politeness" and "Höflichkeit"//Scientific notes of the Transbaikalian state university. 2011. №2. pp. 147 – 150.
2. Brown P. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 345.
3. Brown P., Levinson S. Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. – New York: Cambridge University Press, 1978. pp. 56–289.
4. Weinrich H. Point of honour politeness: Talk on the occasion of the lending of the honorary doctorate of the faculty of philosophy II of the university of Augsburg: 5.11.1995. – Augsburg, in 1995 – P. 17.
5. Lakoff R. Language and woman's place. – New York: Harper and Row, 1975. P. 296.
6. Leech G.N. Principles of pragmatics. – New York: Longman, 1983. P. 257.
7. Schmitt-Sasse J. About the German politeness: Development of the communication images in the fonts about manners in the German-speaking countries. – Bern: Long, in 1991. pp. 159 – 174.
8. Shopenhauer A. All works. – Wiesbaden: F.A. Brockhaus, in 1962. P. 576p.

УДК 811.111'37

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СПОСОБНЫЕ АКТИВИЗИРОВАТЬ ФРЕЙМ «ВОССТАНОВЛЕНИЕ» НА ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ

Мирошниченко Наталья Сергеевна

ассистент

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
natusikmir@yandex.ru

Белоусов Владимир Юрьевич

ст. преподаватель

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
belousov@bsu.edu.ru

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению функционально-семантических особенностей лексических единиц, активизирующих фрейм ВОССТАНОВЛЕНИЕ, а также специфике репрезентации названного фрейма в современном английском языке. В статье приводятся определение и описание процесса восстановления, проводится дефиниционный анализ лексических единиц, номинирующих восстановление.

Ключевые слова: фрейм, фреймовый анализ, семантика, лексическая единица, экстралингвистическая информация, восстановление.

LEXICAL UNITS ACTIVATING THE 'RESTORATION' FRAME ON THE LINGUISTIC LEVEL

Miroshnichenko Natalia

Assistant Professor

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
natusikmir@yandex.ru

Belousov Vladimir

Senior Lecturer

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
belousov@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the specificity of representation of RESTORATION frame in Modern English and the problem of correlation and functional and semantic peculiarities of the lexical units representing the frame. Here the definition analysis of lexical units nominating RESTORATION frame is carried out.

Keywords: frame, frame analysis, lexical unit, extralinguistic information, semantics, restore.

Фрейм является структурой, которая дает возможность осуществлять адекватную обработку поступающей и имеющейся в распоряжении индивида информации, способной связать языковую единицу со всем объемом экстралингвистической данности и наиболее полно выявить понятийную сторону языковой единицы. Фреймовое представление знаний позволяет изучить разнородную лексику и объяснить механизм формирования лексического значения глаголов.

Чтобы понять механизмы формирования значения лексических единиц восстановления, мы обратились к собственно экстралингвистической информации о том, как про-

цессы восстановления происходят в реальной жизни. Попытаемся понять, что же такое есть восстановление. Существует множество определений ВОССТАНОВЛЕНИЯ, так как данное понятие используется в различных сферах жизни. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

В **психологии** под восстановлением понимается корректировка эмоционального состояния, восстановление прежнего отношения к жизни, осознание утраченных функций, адаптация к внешнему миру, восстановление личностного и социального статуса человека, возрождение ресурсов жизнедеятельности, социальных связей и отношений. Восстановление в **медицине** – комплекс медицинских, психологических, педагогических, профессиональных и юридических мер по восстановлению автономности, трудоспособности и здоровья лиц с ограниченными физическими и психическими возможностями в результате перенесённых или врожденных заболеваний, а также в результате травм. Восстановление в **информатике** – возвращение потерянной информации, ремонт гибких и жестких дисков, исправление систем, восстановление программ. В **строительстве** под восстановлением понимается ремонт, исправление того, что было испорчено, изношено временем.

На основе анализа словарей и произведений художественной литературы и прессы, нами были отобраны лексические единицы со значением восстановления, в которых эксплицитно или имплицитно представлено понятие «восстановление». В результате сплошной выборки лексических единиц из указанных источников были выделены наиболее часто встречающиеся лексические единицы, репрезентирующие фрейм ВОССТАНОВЛЕНИЕ.

Семантическим основанием для выбора лексических единиц послужило понятие «восстановление». С целью классификации рассматриваемых единиц был проведен анализ словарных толкований на английском языке с последующей сверкой на русском.

Лексическая единица **restore** согласно Оксфордскому словарю имеет следующие определения:

Bring back or re-establish (a previous right, practice, or situation)

(1) *The government restored confidence in the housing market [9].*

1.1 Return (someone or something) to a former condition, place, or position.

(2) *The effort to restore him to office isn't working [9].*

1.2 Repair or renovate (a building, work of art, etc.) so as to return it to its original condition.

(3) *The building has been lovingly restored [9].*

1.3 Give (something stolen, taken away, or lost) back to the original owner or recipient [2].

(4) *The government will restore land to those who lost it through confiscation [9].*

В соответствии со словарем Уэбстера **restore** означает:

1. give back, return

2. to put or bring back into existence or use

3. to bring back to or put back into a former or original state: renew

4. to put again in possession of something [6].

Словарь «Лонгмен» дает следующие дефиниции заявленной лексической единице:

1. Former situation – to make something return to its former state or condition, restore something to something

(5) *The government promises to restore the economy to full strength [9].*

(6) *She was hoping that the Mediterranean climate would restore her to full health [9].*

2. Positive feeling – to bring back a positive feeling that a person or a group of people felt before

3. Repair – to repair an old building, piece of furniture, or painting etc. so that it is in its original condition

(7) *The church was carefully restored after the war [9].*

4. Give something back to give back to someone something that was lost or taken from them. [Словарь «Лонгмен» www.ldoceonline.com]

(8) *The treaty restored Okinawa to Japan [9].*

Лексическая единица **repair** согласно Оксфордскому словарю имеет следующие определения:

Restore (something damaged, faulty, or worn) to a good condition.

(9) *Faulty electrical appliances should be repaired by an electrician [9].*

1.1 Make good (damage)

(10) *An operation to repair damage to his neck [9].*

1.2 Put right (an unwelcome situation) [2].

(11) *The new government moved quickly to repair relations with the USA [9].*

В соответствии со словарем «Лонгмен» **repair** означает:

1. To fix something that is damaged, broken, split, or not working properly

(12) *Dad was up the ladder, repairing the roof [9].*

2. To do something to remove harm that you have caused [3].

(13) *Neil tried to repair the damage that his statements had caused [9].*

Лексическая единица **recover** имеет следующие дефиниции в Оксфордском словаре:

1. Return to a normal state of health, mind, or strength.

(14) *Neil is still recovering from shock [9].*

(15) *The economy has begun to recover [9].*

1.1 (of a person) be well again.

(16) *You'll be fully recovered before you know it [9].*

2. Find or regain possession of (something stolen or lost)

(17) *Police recovered a stolen video [9].*

2.1 Regain control of (oneself or of a physical or mental state)

(18) *He recovered his balance and sped on [9].*

2.2 Regain or secure (money spent or lost or compensation) by legal process or the making of profits.

(19) *Many companies recovered their costs within six months [9].*

2.3 Make up for (a loss in position or time)

(20) *The French recovered the lead [9].*

3. Remove or extract (an energy source or industrial chemical) for use, reuse, or waste treatment. [2]

(21) *Only 13 per cent of CFC refrigerant was being recovered from domestic fridges [9].*

Словарь Уэбстера дает следующие определения рассматриваемой лексической единице:

1. To get back: regain

2. To bring back to normal position or condition

3. **a**: to make up for **b**: to gain by legal process

4. To find or identify again

5. **a**: to obtain from an ore, a waste product, or a by-product **b**: to save from loss and restore to usefulness

6. To regain a normal position or condition (as of health) [6].

В словаре «Лонгмэн» есть следующие определения заявленной единице:

1. To get better after an illness, accident, shock etc.

(22) *After a few days of fever, she began to recover [9].*

(23) *He's in hospital, recovering from a heart attack [9].*

2. To return to a normal condition after a period of trouble or difficulty

(24) *The tourist industry is recovering to pre-war levels [9].*

3. To get back something that was taken from you, lost, or almost destroyed

(25) *Four paintings stolen from the gallery have been recovered [9].*

4. To get back an amount of money that you have spent or lost

(26) *He was entitled to recover damages from the defendants [9].*

5. To get back an ability, a sense, or control over your feelings, movements etc. after a period without it [3].

(27) *It was some hours before she recovered consciousness [9].*

Лексическая единица **regain** определяется следующим образом в Оксфордском словаре:

Obtain possession or use of (something, typically a quality or ability) again after losing it. [2]

(28) *He soon regained his composure [9].*

1.1 Reach (a place, position, or thing) again; get back to.

(29) *They were unable to regain their boats [9].*

Словарь «Лонгмен» дает следующую дефиницию данной лексической единице:

To get something back, especially an ability or quality, that you have lost [3].

(30) *The family never quite regained its former influence [9].*

Лексическая единица **revive** согласно Оксфордскому словарю имеет следующие определения:

Restore to life or consciousness.

(31) *Both men collapsed, but were revived [9].*

1.1 Regain life, consciousness, or strength.

(32) *She was beginning to revive from her faint [9].*

1.2 Give new strength or energy to.

(33) *The cool, refreshing water revived us all [9].*

1.3 Restore interest in or the popularity of.

(34) *Many pagan traditions are being revived [9].*

1.4 Improve the position or condition of. [2]

(35) *The paper made panicky attempts to revive falling sales [9].*

В соответствии со словарем Уэбстера **revive** означает:

1. To restore to consciousness or life

2. To restore from a depressed, inactive, or unused state: bring back

3. To renew in the mind or memory [6].

Словарь «Лонгмен» дает следующие дефиниции заявленной лексической единице:

1. To bring something back after it has not been used or has not existed for a period of time

(36) *Local people have decided to revive this centuries-old tradition [9].*

2. To become healthy and strong again, or to make someone or something healthy and strong again

(37) *The economy is beginning to revive [9].*

3. To produce a play again after it has not been performed for a long time [3].

(38) *A London theatre has decided to revive the 1950s musical 'In Town' [9].*

Лексическая единица **rebuild** определяется следующим способом в Оксфордском словаре:

Build (something) again after it has been damaged or destroyed. [2]

(39) *After the earthquake people set about rebuilding their homes [9].*

Данная лексическая единица имеет следующие дефиниции в словаре Уэбстера:

1. **a:** to make extensive repairs to: reconstruct **b:** to restore to a previous state

2. To make extensive changes in: remodel

3. To build again [6].

В соответствии со словарем «Лонгмен» **rebuild** означает:

1. To build something again, after it has been damaged or destroyed

(40) *The church was completely rebuilt in the last century [9].*

2. To make something strong and successful again [3].

(41) *The first priority is to rebuild the area's manufacturing industry [9].*

В результате анализа русскоязычных толковых словарей были найдены нижеперечисленные дефиниции понятия восстановления. Словарь Ожегова даёт следующие определения процессу восстановления: ВОССТАНОВИТЬ – 1. Привести в прежнее состояние:

Восстановить разрушенный город. Восстановить свое здоровье. 2. перен. Вновь представить кого-нибудь, что-нибудь, воспроизвести: Восстановить в памяти. 3. Вернуть в прежнее общественное, служебное положение: Восстановить в должности. Восстановить в правах. Восстановить на работе [4]. Согласно словарю Ушакова ВОССТАНОВЛЕНИЕ – Восстановление промышленности. Восстановление в правах (снятие ограничений, наложенных судом) [4]. Далее считаем необходимым привести определение из толкового словаря русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой, согласно которому восстановить – приходить в прежнее состояние, положение; возрождаться, возобновляться; вновь возникать в сознании, в воображении, оживать в памяти; воспроизводиться; возвращаться в прежнее общественное, служебное, правовое положение [7].

Таким образом, под восстановлением понимается возвращение к прежнему, начальному, нормальному состоянию, исправление, восстановление утраченного, обновление, обретение новых сил, получение обратно, ремонт, реставрацию, воскрешение.

Обзор словарей синонимов показал, что в английском языке в лексико-семантическую группу глаголов восстановления входит более 100 лексических единиц. Данное количество лексических единиц не является окончательным, так как границы фреймов относительно и возможен переход глаголов фрейма восстановления в смежные фреймы и наоборот. К наиболее рекуррентным лексическим единицам можно отнести, такие как *restore, repair, recover, regain, redress, rebuild, reproduce, revive* и некоторые другие. В качестве идентификатора лексических единиц восстановления рассматривается *restore* как лексическая единица, в значении которой фрейм “восстановление” представлен в наиболее абстрактной, обобщенной форме.

Следует также отметить, что большинство лексических единиц со значением восстановления характеризуются как многозначные. Поэтому при анализе синонимов рассматривались свободные, фразеологически не связанные единицы, а также только те, которые имеют отношение к рассматриваемому понятию.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
2. Оксфордский словарь <https://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения)
3. Словарь «Лонгмен» www.ldoceonline.com
4. Словарь Ожегова <http://slovarozhegova.ru>
5. Словарь Ушакова <http://ushakovdictionary.ru>
6. Словарь Уэбстера <http://www.dictionary.com/browse/webster>
7. Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой <http://www.efremova.info>
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып.23. Когнитивные аспекты языка. – С. 52-93.
9. BNC - British National Corpus - URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

References

1. BNC - British National Corpus - URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
2. Definition dictionary of T. F. Efremova <http://www.efremova.info>
3. Fillmore, H. Frames and semantics of understanding / Ch. Fillmore//New in foreign linguistics. – М.: 1988. pp. 52-93.
4. Kubryakova E. S. Parts of speech according to the cognitive point of view/ E. S. Kubryakova. – М.: Institute of linguistics of RAS, 1997. P. 327.
5. Longman Dictionary www.ldoceonline.com
6. Oxford Dictionary <https://www.oxforddictionaries.com>
7. Ozhegov Dictionary <http://slovarozhegova.ru>
8. Ushakov Dictionary <http://ushakovdictionary.ru>
9. Webster's English dictionary <http://www.dictionary.com/browse/webster>

УДК 811

МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**Мирузаева Екатерина Андреевна**

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

г. Белгород, Россия

m.ekaterina17@gmail.com

Науч. рук. к.филол.н., доцент Воронина Лариса Владимировна

Аннотация

В статье рассмотрен анализ концептуальных метафор в немецком политическом дискурсе. С позиций когнитивной лингвистики метафора рассматривается не как стилистический троп, а как форма мышления. Метафора в политической коммуникации не только передает информацию, но и преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира. В политическом дискурсе концептуальные метафоры выражают определённое отношение к социальной реальности (государству, правительству, политическим деятелям, партиям, институтам власти, другим странам), определённое восприятие и отражение этой действительности в сознании носителей политического языка. При этом концептуальная метафора отражает качества и свойства объектов, наиболее значимые и культурно обусловленные именно для того общества, в языке которого данная метафора существует.

Ключевые слова: когнитивный, метафора, дискурс, политическая коммуникация.

METAPHOR IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE**Miruzaeva Ekaterina**

Graduate student

Department of German and French languages

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

m.ekaterina17@gmail.com

Research supervisor Ph. D. in Philology, Associate Professor Voronina Larissa

Abstract

The article deals with the analysis of conceptual metaphor in the German political discourse. From the standpoint of cognitive linguistics the metaphor is not considered as a literary trope, but as a form of thought. The metaphor in political communication not only conveys information, but also changes the political picture of the world in the mind of a person. In the political discourse, conceptual metaphors express a certain relation to social reality (to the state, government, politicians, parties, institutions of power, other countries), a certain perception and reflection of this reality in the minds of the speakers of the political language. In this case the conceptual metaphor reflects the qualities and properties of the most significant and culturally conditioned objects precisely for the society in whose language this metaphor exists.

Key words: cognitive, metaphor, discourse, political communication.

Несмотря на тысячелетнюю историю исследования языковой метафоры, данное явление по-прежнему представляет большой интерес для отечественных и зарубежных лингвистов, так как она является весьма продуктивным элементом развития и обогащения языка.

Первым, кто положил начало изучению метафоры, является Аристотель. Он дал следующее определение понятию: «Метафора – это использование несвойственного имени, перенесенного с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [3, с. 10]. Во времена античности происходит подъем интереса к метафоре, где она изучается в рамках риторики и поэтики. В поэтике метафора находится в центре внимания, прежде всего, как средство создания художественного образа, как выражение стиля писателя и его индивидуального мировидения, поэтому ее художественная ценность зависит непосредственно от ее яркости, неожиданности и «свежести». В то время как в риторике важны ясность, уместность и доходчивость метафоры, которые определяют эффективность воздействия на

аудиторию. Метафора в этом случае расценивается как средство повышения действенности речи. И на протяжении последующих почти двух тысячелетий исследования лингвистов сводились к изучению метафоры как риторической фигуры речи.

На вторую половину XX века приходится развитие когнитивной науки. Именно в это время проблема метафоры переместилась из риторики в лингвистику, что повлекло за собой изменение взглядов на это явление. Немалый вклад в развитие теории метафоры внесли ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон. Своим исследованием «Метафоры, которыми мы живем» они привнесли системность в описание метафоры как когнитивного механизма [2, с. 18]. В качестве постулата лингвисты высказали, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [1, с. 25]. Т.е. метафора выходит за рамки языковой сферы, так как метафоричными являются сами процессы мышления человека. Такой подход позволил авторам продемонстрировать, что метафоры являются не только украшением языка, а предстают как фундаментальная часть любой мысли, в том числе и научной.

Когнитивный потенциал метафоры отражается в ее широком применении в различных типах дискурса, не исключая политический.

Метафора в политической коммуникации является не только средством выразительности при передаче информации, но и способом познания окружающей действительности. Наличие метафор в речи помогает осмыслить малодоступные для понимания обычных людей политические явления в рамках более простых понятий, а также способом преобразования существующей в сознании человека политической картины мира, являясь мощным средством воздействия на аудиторию. В соответствии с исходной понятийной областью метафорической экспансии А.П. Чудинов выделяет четыре основных типа моделей в российском политическом дискурсе: антропоморфная метафора; натуроморфная метафора; социоморфная метафора; артефактная метафора.

Рассмотрим более подробно антропоморфную метафору. В основе исследования метафор антропоморфного типа представлены сферы «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Семья» и др. Однако большего внимания при анализе требует физиологическая метафора, которая представляет собой одну из наиболее часто используемых и детально структурированных в политическом дискурсе. К примеру, субсфера «Анатомия» представлена наименованиями частей тела и органов человека, которые могут в переносном смысле выполнять различные политические функции или обозначать определенные социальные реалии. Большинство лингвистов находят обоснование данного факта в том, что человек, познавая окружающую действительность, соизмеряет ее со своим телом. В качестве метафоры используются лексемы «das Herz», «der Muskel». С целью выделения основных концептуальных признаков следует обратиться к дефинициям данных лексем.

Das Herz ist ein muskuläres Hohlorgan, das mit rhythmischen Kontraktionen Blut durch den Körper pumpt und so die Versorgung aller Organe sichert. Ein Leben ohne Herz ist für höhere Tiere und den Menschen nicht möglich. Das Herz gehört zu den ersten während der Embryonalentwicklung angelegten Organen [4].

Das Herz ist das Organ im Inneren der Brust, das das Blut durch die Adern pumpt [10].

Итак, человеческий орган «das Herz» считается самым важным внутренним органом, который обеспечивает кровью все органы тела, и без которого невозможна жизнедеятельность организма. Данные признаки берутся за основу при метафоризации лексемы «das Herz», которая употребляется не в основном своем значении, а подвергается изменению и переносится на сферу политической действительности, о чем свидетельствует сочетание данной лексемы с другими словами из политической области.

Ср.: «Hier schlägt das Herz der Demokratie, oder es schlägt nicht» [6, с. 11]

Данная цитата о немецком парламенте принадлежит президенту бундестага Норберту Ламмерту, который заявил во время учредительного заседания германского бундестага 16-го созыва, что "здесь (в бундестаге) бьется сердце демократии – или не бьется". При этом в предложении профилируется такой признак как важный, лежащий внутри демократической

формы правления и являющийся ее основой. Кроме того, в примере названа основная деятельность органа, которая подчеркивает, что парламент тоже выполняет политические функции. Причем бундестаг не является органом, исполняющим волю федерального правительства, а наоборот, дает ему (кабинету) поручения. Все это указывает на то, что именно бундестаг поддерживает функционирование политической системы государства, как сердце поддерживает функционирование всех остальных органов человека. В этом случае происходит метафорический перенос из области-источника «Анатомия» в область-мишень «Деятельность парламента». Политическая метафора не только помогает народу лучше понять деятельность органа правления, но и убеждает в его необходимости, формируя тем самым общую политическую картину.

Следующий пример подчеркивает употребление лексемы «das Herz» в качестве метафоры, выделяя при этом также признак важности и основы какой-либо деятельности или явления (в данном случае – стран шенгенского соглашения). Ср.:

«Die Grenze am Brenner zu schließen, wäre ein Hieb ins Herz von Schengen» [8].

Причем в сочетании со словом «ein Hieb» (удар) метафора подчеркивает масштабность, глубину и серьезность проблемы, затрагивающей множество стран Европы и нарушающей при определенных обстоятельствах функционирование Шенгенской зоны. Шенген выступает как целый организм, состоящий из нескольких органов (стран-союзников), и имеющий в том числе сердце. Как и в теле человека, при повреждении главного органа происходит сбой в функционировании всех органов, поэтому любой удар в сердце всегда имеет серьезные и негативные последствия. Метафора, использованная председателем Европейского совета Дональдом Туском, не только выполняет свою функцию, но и дает личную оценку политиком происходящих событий в Европе, в которой прослеживается критика в адрес правительства Австрии с целью убедить его, что данное решение затронет интересы нескольких стран. Осуществляется перенос из области-источника «Анатомия» в область-мишень «Политическая деятельность».

Рассмотрим метафоризацию лексемы «der Muskel».

Для выделения основных концептуальных признаков следует обратиться к дефиниции лексемы.

Als Muskeln bezeichnet man die kontraktile Organe des menschlichen Körpers, deren Aufgabe darin besteht, Teile des Körpers aktiv zu bewegen. Die Bewegung kommt durch Ausübung von Kraft auf die grob- oder feingeweblichen Strukturen zustande, an denen die Muskeln ansetzen [<http://flexikon.doccheck.com>]. Die bei der Muskelkontraktion entwickelte Kraft ist abhängig von der Größe der motorischen Einheiten, d.h. der Anzahl der von einem motorischen Neuron innervierten Muskelfasern [7].

Мышца – это орган человека, способный к сокращению. Во время сокращения мышцы вырабатывается сила, которая участвует в выполнении главной функции мускулатуры – двигательной.

Сравним дефиницию с метафорой «der Muskel» в предложениях.

«Paris lässt nach Enthüllungen über das angebliche Abhören mehrerer französischer Präsidenten durch die USA seine diplomatischen Muskeln spielen» [8].

Использование в предложении таких слов как «Präsident», «diplomatisch», а также характерных для данного дискурса реалий «Paris», «die USA» говорит о том, что лексема «der Muskel» употреблена не в своем прямом значении, а изменяется и переносится на сферу политики. «Der Muskel» метафоризируется и приобретает в словосочетании со словами «diplomatisch» и «spielen» значение «демонстрировать дипломатическую силу». Соперники демонстрируют свои силы не только для того, чтобы выиграть, но и оказать некое давление на противника. Метафора в этом контексте отражает негативную реакцию Парижа в ответ на действия США, которые были уличены в прослушке трех президентов Франции. Поэтому Париж намерен предпринять дипломатические меры по отношению к Америке. Происходит метафорический перенос из области-источника «Анатомия» в область-мишень «Политические отношения».

Следующий пример с употреблением метафоры «der Muskel» позволяет увидеть, что главными признаками при метафоризации служат анатомические функции органа.

«Nun stehen dort die Männer in Kampfmontur vor rot-weißem Absperrband. Der Sicherheitsapparat hat sofort seine Muskeln angespannt» [8].

После теракта в Стамбуле турецкие силы безопасности «напрягли свои мышцы», т.е. мобилизовали вооруженные силы, чтобы предотвратить подобные действия в городе. При этом глагол «anspannen» (напрягать) акцентирует внимание на сложности и серьезности ситуации. Наблюдается метафорический перенос из области-источника «Анатомия» в область-мишень «Политическая сила».

Рассмотрим также пример метафор субсферы «Физиология», которые демонстрируют физиологические состояния в политическом дискурсе Германии: «sterben», «schlafen». В первую очередь обратимся к дефинициям слов.

Als Verb „sterben“ definiert man „aufhören zu leben“ [5].

Sterben ist das Erlöschen der Organfunktionen eines Lebewesens, das zu seinem Tod führt [4].

Иными словами, «умереть» – это физиологическое состояние, обозначающее конец жизни; угасание физиологических функций живого существа, ведущее в последствие к смерти.

В качестве контекстуальных характеристик следует выделить опасность сложившейся ситуации, которая может привести к гибели, разрушению. У многих людей дефиниция «умереть» вызывает страх. Ср.:

«Europa stirbt, wenn der Brenner schließt, sagen die Italiener» [8].

В примере ярко выражен страх жителей одной из европейских стран. Это связано прежде всего с будущим их страны и Европы в целом. Европа находится в тяжелом положении из-за огромного притока беженцев. Между странами Евросоюза возникают конфликты, которые миграционная политика не в силах решить. Постройка забора с целью сократить приток беженцев в Австрию, разделяющего альпийский перевал Бреннер, может стать предвестником развала Европы на фоне вопроса беженцев. Стена будет препятствовать не только мигрантам, но и политическим и экономическим отношениям стран Еврозоны. Таким образом, если возникнет стена между Австрией и Италией, Европа может прийти к распаду. В подобных случаях метафоризация происходит посредством переноса признака из области-источника «Физиология» в область-мишень «Политика миграции».

Schlafen bedeutet „in einem Zustand der Ruhe sein, in dem die Augen geschlossen sind und in dem man die Umwelt nicht mehr bewusst wahrnimmt“ [<http://de.thefreedictionary.com/>].

Schlafen – sich im Zustand des Schlafes befinden. Lange wurde der Schlaf als inaktiver Zustand des Menschen betrachtet, als eine Sonderstellung zwischen Leben und Tod.

За основные концептуальные особенности следует взять «находиться в состоянии покоя, быть неактивным».

Слово «schlafen» употребляется в контексте таких слов как: «Nichtwählen», «Demokratie», «Partei», «Diktatur», которые указывают на не прямое использование дефиниции. Ср.:

«Es ist der Trend zum Nichtwählen: Die Demokratie schläft ein. Die "Partei der Nichtwähler", wie man gern sagt, ist längst die größte Partei in Deutschland» [8].

Германия относится к ряду демократических, социальных государств, где граждане страны имеют определенные права, в том числе избирать некоторых представителей власти. Несмотря на это, приведенный выше пример показывает, что у большинства жителей немецкого государства сложилась тенденция к неучастию в голосованиях. Тренд, господствующий в стране, противоречит принципу демократического правления, который предусматривает участие граждан в свободных выборах. В этом случае речь идет о «засыпающей демократии». За основной признак метафоризации взяты бездействие, неактивность, инертность граждан. Пример демонстрирует перенос признака из области-источника «Физиология» в область-мишень «Политическая активность».

Таким образом, антропоморфная метафора чаще всего используется в дискурсе политики, так как многие образы и политические реалии создаются на основе анатомии и физиологии человека, то есть «по подобию человека». Это позволяет дать более наглядное представление о сложившейся политической картине.

Литература

1. Баранов А.Н. // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. // под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – 2-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
2. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С.16 – 32.
3. Уфимцев Р. Хвост ящерицы: Метафизика метафоры. – Калининград: ОТТОКАР, 2010. – 295 с.
4. Уэйлс Дж., Сэнгер Л. Википедия, 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://de.wikipedia.org>
5. Duden K. Die deutsche Rechtschreibung: Das umfassende Standardwerk auf der Grundlage der amtlichen Regeln. – Berlin: Bibliographisches Institut GmbH, 2013. – Auflage 26. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de>
6. Holzapfel K.J. Kürschners Volkshandbuch: Deutscher Bundestag 18. Wahlperiode / 2013–2017, 2015. – № 134. – 320 S.
7. Spektrum der Wissenschaft. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spektrum.de>
8. Süddeutsche Zeitung. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de>
9. <http://flexikon.doccheck.com>
10. <http://de.thefreedictionary.com>

References

1. Baranov A. N. Foreword // Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by / ed. A.N. Baranov. Moscow: LKI Publishers, 2008. 256p.
2. Budaev E.V. Development of cognitive theory of metaphor // Linguistic culturology, Ekaterinburg. – 2007. – № 1. P. 16 – 32.
3. Ufimtsev R. Tail of a lizard: Metaphysics of metaphor. – Kaliningrad: OTTOKAR Publishers, 2010. 295p.
4. Wales J., Sanger L. Wikipedia, 2001. – [Digital resource]. – Website: <https://de.wikipedia.org>
5. Duden K. German Orthography: The comprehensive standard reference based on the current official rules. – Berlin: Bibliographisches Institut GmbH, 2013. – [Digital resource]. – Website: <http://www.duden.de>
6. Holzapfel K.J. Kürschners Volkshandbuch: German Bundestag 18. Election period / 2013–2017, № 134. 2015. –. 320p.
7. Spectrum of Science. – [Digital resource]. – Website: <http://www.spektrum.de>
8. South German Newspaper. – [Digital resource]. – Website: <http://www.sueddeutsche.de>
9. <http://flexikon.doccheck.com>
10. <http://de.thefreedictionary.com>

УДК 808.2-01-314.3

ОППОЗИТИВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТОВ «ЖАРА» – «ХОЛОД» В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ⁷

Мухина Ирина Константиновна

доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики
кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург, Российская Федерация
golst@el.ru

⁷Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 "Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты"). The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006. Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.

Аннотация

В статье выявлены когнитивные признаки концептов «Жара» – «Холод», вступающих в отношения противоположности: в приядерной зоне – разновидности в зависимости от показателей температуры воздуха; прототипически жаркое/холодное время года и его характеристики; территории с жарким/холодным климатом; продолжительность погодного периода, характеризующегося высокой/низкой температурой воздуха, сопутствующие погодные явления; противопоставленность погодных периодов с разной температурой воздуха; в зоне ближайшей периферии – способы определения температуры; влияние высокой/низкой температуры на организм человека и последствия такого влияния для здоровья человека; меры, предпринимаемые человеком, чтобы нейтрализовать влияние высокой/низкой температуры воздуха; одежда, обувь, предохраняющие от высокой/низкой температуры воздуха; устройства и материалы, предохраняющие от высокой/низкой температуры воздуха; воздействие высокой/низкой температуры воздуха на неодушевленные объекты.

Ключевые слова: концептуализация, оппозитивные концепты, когнитивные признаки, отношения противоположности.

APPOSITIVE COGNITIVE SIGNS OF CONCEPTS «HEAT» – «COLD» IN RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS

Mukhina Irina

Assistant Professor of the modern Russian and application-oriented linguistics

Candidate of Philology

Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Eltsin

Yekaterinburg, Russian Federation

golst@e1.ru

Abstract

The article describes cognitive features of the "Heat" and "Cold" concepts in their contrast relations in the core area. The variety depends on air temperature, weather periods, protection from high/low temperatures and impact of high/low temperature on inanimate objects.

Keywords: conceptualization, appositve concepts, cognitive signs, contrast relations.

Введение

Коллективом ученых Уральской семантической школы под руководством проф. Л.Г. Бабенко в русле идеографической концептографии создается словарь «Концептосфера русского языка», в котором концепты распределены по идеографическому признаку. Анализ описанных в словаре концептов позволяет утверждать, что концептосфера русского национального сознания содержит достаточно большое количество оппозитивных концептов, относящихся к различным денотативно-идеографическим сферам: «Жизнь» – «Смерть», «Юность» – «Старость», «Красивый» – «Некрасивый», «Обычный» – «Необычный», «Город» – «Деревня», «Умный» – «Дурак», «Согласия» – «Отказ», «Ругать» – «Хвалить», «Богатство» – «Бедность», «Образованный» – «Необразованный», «Вежливость» – «Невежливость», «Большой» – «Маленький», «Горячий» – «Холодный», «Ближний» – «Далекий», «Верх» – «Низ», «Много» – «Мало», «Удача» – «Неудача» [см. 1]. Актуальным является их сопоставительное изучение, поскольку оно позволяет делать выводы о когнитивных процессах концептуализации и категоризации действительности и об отображении в языковой картине мира отношений противоположности.

Цель работы. Рассмотрим общие и дифференциальные когнитивные признаки концептов «Жара» – «Холод», относящихся к денотативно-идеографической сфере «Концептуализация погодных явлений» (авторы в словаре концептов – И. К. Мухина, А. М. Плотникова).

Материалы и методы исследования. Ментальная сущность оппозитивных концептов моделируется по модели, предложенной Л.Г. Бабенко [там же]: в центре внимания находятся лексические репрезентации когнитивных признаков, связанные с приядерной зоной и зонами ближайшей и дальнейшей периферии данного концепта, представленные в совокупности когнитивными признаками, отображающими существенные аспекты конкретизации именуемого концептом явления.

Ядро концептов – основные понятийные признаки, выражающие самые существенные представления о концепте. В оппозитивных концептах ядерные когнитивные признаки, как правило, зеркально соотносятся, различаясь противоположными фокусами восприятия. Например, противоположными температурными показателями: «Имеющий *высокую/низкую* температуру; подвергшийся *нагреванию/охлаждению*» (концепты «Горячий» – «Холодный»); показателями размера, объема: «*Превышающий средний*, свойственный ряду однородных предметов размер, объем» – «Не очень большой, *ниже среднего*, свойственного ряду однородных предметов, размера, объема» (концепты «Большой» – «Маленький»).

Ядерные когнитивные признаки концептов «Жара» – «Холод» не являются абсолютно соотносительными: холодная погода – это погода, характеризующаяся низкой температурой воздуха; жара – это погода, характеризующаяся сухостью и очень высокой температурой воздуха, нагретого солнцем. Таким образом, человек воспринимает любую низкую температуру как холодную, с другой стороны, повышенная температура воздуха не всегда является дискомфортной для человека, как аномальная оценивается только очень высокая погода, характеризующаяся сухостью.

Приядерная зона концептов, которая формируется когнитивными признаками, отражающими представления о различных существенных для понимания концепта аспектах его конкретизации, является соотносимой по объему когнитивных признаков и их смысловому наполнению и содержит как общие, так и дифференциальные для концептов когнитивные признаки. В пересекающуюся приядерную часть концептов «Жара» – «Холод» входят следующие составляющие.

1. Разновидности в зависимости от показателей температуры воздуха. Погода может различаться величиной температуры воздуха:

- «от умеренно высокой (*тепло*) до очень высокой (*жара*)» (концепт «Жара»);
- «от умеренно низкой (*прохлада, свежесть, холодок*), низкой для данного времени года (*холодное лето*), достаточно низкой (*холода*) и очень низкой (*мороз, стужа, морозильник, морозяка, холодище, дубак, колотун, холодина, холодрыга; собачий холод; [мороз (холод)] до костей пробирает*). Морозная погода предполагает температуру воздуха обязательно ниже 0°C» (концепт «Холод»).

Как видно, температурная градация холодной температуры воздуха является более дробной и соотносится не только с температурной шкалой, но и с представлениями о температуре, эталонной для определенного времени года.

2. Прототипически жаркое/холодное время года и его характеристики: «самое жаркое время года — *лето*», «самым холодным временем года является *зима*».

Летом «обычно наблюдается самая высокая температура (*жара, зной, жарница, некло*), иногда сопровождаемая длительным отсутствием осадков, что приводит к высыханию почвы, гибели растительности (*засуха, сушь*), иногда к возникновению пожаров, которые усиливаются под воздействием сухого горячего ветра — *суховея*». Зимой «обычно дует сильный ветер, имеющий низкую температуру, порывистый, *леденящий, пронизывающий*, несущий большое количество снега, при этом снег движется вдоль поверхности земли или закручивается, образуя вихри (*метель, буран, вьюга, пурга*). Вода в реках и озерах замерзает, образуется устойчивый снежный покров. Особенно низкая температура воздуха обычно бывает на открытых пространствах, на которых может дуть холодный ветер (*борей, мистраль, памперо, трамонтана*)».

3. Территории с жарким/холодным климатом.

«Самый жаркий материк планеты — Африка. Очень жаркая погода свойственна южному климату, *тропикам*». «Очень холодная погода свойственна приполярным районам планеты — Арктике и Антарктике».

4. Продолжительность погодного периода, характеризующегося высокой/низкой температурой воздуха, сопутствующие погодные явления.

Высокая/низкая температура

- может держаться достаточно долго: «температура может повыситься/понизиться на несколько дней, так случается ранней весной, когда в связи с таянием снега и льда наступает *оттепель*, которая может через какое-то время смениться похолоданием», «температура также может понизиться на несколько дней – *похолодание*»;
- может быть кратковременным явлением: «когда происходит внезапное *потепление*»; «температура может понизиться на несколько часов – *утренники, заморозки*».

Данный когнитивный признак подвергается в концептах дальнейшей конкретизации: «Источником высокой температуры является *солнце*. Высокая температура воздуха бывает обычно в полуденные или послеполуденные часы, когда солнце находится почти в зените. Очень высокая температура воздуха бывает на выжженных солнцем открытых пространствах (*на самом солнцепеке*). В жаркую погоду от солнца нагреваются воздух, ветер, камни, песок, скалы, асфальт, мостовые, металлические поверхности (крыша, карниз, броня и т. п.)».

«При заморозках верхний слой земли промерзает, и земля слегка покрывается ледяной *коркой* (*заморозки на почве*). Холод также может быть связан с дождем, сыростью (*промозглый*). Климат с низкими температурами (*суровый, морозный*) считается неблагоприятным для жизни».

5. Противопоставленность погодных периодов с разной температурой воздуха: «теплая погода противопоставляется холодной, очень жаркая, знойная — морозной».

Ближайшая периферия концептов формируется сопряженными с другими ментальными сущностями когнитивными признаками, несущими информацию о реальных связях, существующих в действительности. Ближайшая периферия концептов «Жара» – «Холод» включает следующие общие когнитивные признаки.

1. Способы определения температуры. «Для измерения объективной температуры воздуха используют специальный прибор — термометр. В качестве ориентира для определения температуры воздуха как высокой/низкой могут также выступать субъективные ощущения человека».

2. Влияние высокой/низкой температуры на организм человека и последствия такого влияния для здоровья человека.

Общие когнитивные признаки: «Если температура воздуха в каком-либо месте в какой-либо промежуток времени очень высокая/ низкая или она ниже нормы, существующей для данного времени года, человек может испытывать неприятные ощущения (*Клонит в сон и ослепляет зной...* (И. Бунин))».

Дифференциальные когнитивные признаки. Концепт «Жара»: «Из-за длительного воздействия солнечных лучей или длительного пребывания в жарком месте (особенно при температуре воздуха, близкой к 30°C и выше) температура тела человека становится выше нормы, что приводит к ухудшению его состояния (*мозги плавятся; изнывать (изнемогать) от жары*). Человек может *перегреться на солнце*, на коже могут возникнуть *ожоги* различной степени тяжести, человек может получить *тепловой удар*.

Воздействие высокой температуры нагретого солнцем воздуха (*жечь, обжигать, палить, припекать, жарить, калить*) обычно не представляет непосредственной опасности для жизни, но и люди, и животные плохо переносят аномально высокую температуру воздуха (*нестерпимая, непереносимая, изнурительная, удушающая жара*). В жаркую погоду человек может покрыться потом (*потный, вспотеть, упариваться*). Ему может быть жарко также, если температура воздуха повысилась неожиданно или он одет не по погоде».

Концепт «Холод»: «Холодно обычно бывает всему телу человека, также различной силы неприятные ощущения от холода могут испытывать руки или ноги. Человеку может быть холодно также, если температура воздуха понизилась неожиданно, или он одет не по погоде (*Холодно, на ком платье одно*), или он плохо себя чувствует. Существуют люди, особенно чувствительные к холоду (*мерзляки*).

Человек обычно плохо переносит очень низкую температуру воздуха (*стужа*). При этом ощущения от воздействия холодного воздуха различаются по силе (*озябнуть, холод-*

но, замерзнуть, насквозь продрогнуть, ооченеть, заоченеть). Температура воздуха может быть настолько низкой, что человеку и животным становится очень холодно, им трудно ее переносить (*собачий холод, трескучий мороз*). Ощущение холода передается возгласом «брр».

В этом случае возможны *переохлаждение*, симптомами которого являются дрожь (*озябнуть; зуб на зуб не попадает*), потеря подвижности и частичная утрата чувствительности частей тела (*ооченеть, заоченеть*), изменение цвета кожи, которая становится бледной; кожа человека также может покрыться небольшими пупырышками (*гусиная кожа*). Результат понижения температуры может сказаться только через некоторое время, когда у человека развиваются простудные заболевания как следствие переохлаждения. Существует представление о том, что особенно негативные последствия для здоровья человека может вызвать чрезмерное охлаждение ног (*Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле!*).

Из-за длительного воздействия на организм холодного ветра или длительного пребывания в холодном месте (особенно при температуре воздуха близкой к 20°C и ниже) у человека возникает физиологическое ощущение сильного холода, температура его тела становится ниже нормы (*мороз до костей пробирает; продрогнуть до костей*), что приводит к ухудшению состояния организма (*замерзать*), может стать причиной *обморожений* и даже смерти».

3. Меры, предпринимаемые человеком, чтобы нейтрализовать влияние высокой/низкой температуры воздуха.

«Для того чтобы прийти в нормальное состояние, человеку лучше найти прохладное место, проветриваемое помещение, возможно, приложить холодный предмет ко лбу, выпить воды. Спасти от жары помогают водные процедуры, купание в водоемах».

«Для того чтобы уберечь себя от последствий замерзания, необходимо *отогреться* в теплом помещении, у огня или отопительных приборов. Человек может надеть дополнительную теплую одежду, выпить горячие или горячительные напитки.

Для повышения устойчивости организма к холоду и профилактики простудных заболеваний используется закаливание (холодные умывания, обтирания, обертывания, обливания, ванны и др.). Некоторые люди практикуют зимнее плавание, *моржевание* — плавание в открытых водоемах (в проруби) зимой».

4. Одежда, обувь, предохраняющие от высокой/низкой температуры воздуха.

«От воздействия солнечных лучей предохраняют головные уборы (кепки, панамы, шляпы), солнцезащитные косметические средства». «Влияние низкой температуры воздуха обычно представляет опасность для жизни человека, если он плохо одет, поэтому от воздействия холода человека предохраняют соответствующая одежда и обувь».

5. Устройства и материалы, предохраняющие от высокой/низкой температуры воздуха.

«Существуют специальные устройства для охлаждения воздуха в каком-либо жарком, душном помещении, приведения его в соответствие с нормами температуры, усиления потока воздуха (*кондиционер, вентилятор*)». «Существуют также специальные утеплители — материалы, предназначенные для защиты предметов, различных устройств, помещений от нежелательного охлаждения в холодную погоду».

6. Воздействие высокой/низкой температуры воздуха на неодушевленные объекты.

«От воздействия высокой температуры воздуха/холода продукты питания могут стать испорченными, поврежденными и в результате этого непригодными к употреблению в пищу (*мороженный, подмороженный, мерзлый*)».

Данный когнитивный признак получает в концепте «Холодный» дополнительную конкретизацию: «Холод может негативно, разрушительно воздействовать на весь окружающий мир: предметы, сооружения. В холодную погоду изменяются внешние признаки природных объектов: подвергаясь действию холода, вода превращается в лед (*сковать льдом, заледенить*); земля, почва становится твердой, как камень; на земле, металлических предметах и т. п. образуется тонкий слой льда (*заледенеть*); в туманную морозную погоду появля-

ются белые ледяные кристаллы, по форме напоминающие снежинки, оседающие благодаря испарению на ветвях деревьев, проводах, траве в виде рыхлого снежного покрова (*иней, изморозь*); выпадает снег. Остывание природного объекта до низкой температуры происходит в холодную погоду за счет внутреннего холода самого объекта (*ледник, вечная мерзлота*), в результате самопроизвольного процесса, протекание которого не связано с целями человека и не контролируется им (*подмерзать, холодеть; остыть, выстудиться*).

Холодная погода неблагоприятна для роста большинства растений. Но существуют растения, в течение длительного времени хорошо переносящие низкие температуры, способные противостоять другим неблагоприятным условиям зимы, например, находиться под снегом (*морозостойкий, зимостойкий, морозоустойчивый, холодостойкий, холодоустойчивый*). Обычно сорта таких растений специально выводятся учеными на селекционных станциях, в опытных хозяйствах».

Анализ показал, что по объему когнитивных признаков, относящихся к ближайшей периферии концептов, значительно доминирует концепт «Холод», что подтверждает наблюдение лингвистов о том, что негативные явления действительности получают привлекающее пристальное внимание познающего субъекта и в связи с этим получают более детальную репрезентацию в языке.

Дальнейшая периферия ментальной сущности концептов «Жара» – «Холод» состоит из когнитивных признаков, выражающих представления о субъективно-модальных и оценочных смыслах и репрезентированных во фразеологических единицах и поговорках.

При этом *положительной оценке* подвергаются следующие явления.

1. В меру низкая/высокая температура воздуха.

Концепт «Жара»: «Умеренно высокая температура (*тепло*), как правило, оценивается положительно, поскольку нахождение в таких условиях обычно приятно человеку. Так как большие территории страны характеризуются холодным климатом, тепло оказывается предпочтительнее и полезнее холода (*Русская кость тепло любит; И журавль тепла ищет; Не моли лета долгого, моли теплого*)».

Концепт «Холод»: «В меру низкая температура воздуха (*холодок, прохлада*) может оцениваться как приятная (*освежать, свежо*), человеку легко дышится, особенно по контрасту с утомительной жарой: *И с каждой осенью я расцветаю вновь. / Здоровью моему полезен русский холод* (А. Пушкин). Положительную оценку получают прохладные природные объекты, явления, температура которых ниже температуры тела человека, но не составляет с ней резкого контраста, поэтому соприкосновение с ними вызывает приятные ощущения, особенно если человеку жарко, например, охлаждающий до приятного состояния *свежий ветер (остудить)*, прохладная вода в водоеме.

2. Морозная погода.

«Иногда *мороз* может быть связан с представлениями о приятных ощущениях (например, с ощущением бодрости) или представлениями о красоте зимней природы: *Мороз и солнце — день чудесный!* (А. Пушкин); *На пажитях немых люблю в мороз трескучий / При свете солнечном я снега блеск колючий, / Леса под шапками иль в инее седом / Да речку звонкую под темно-синим льдом* (А. Фет). Морозу приписывается способность быть связанным с характерным запахом (*запахло морозом*)».

Отрицательную оценку получают в концепте «Холод» следующие явления:

1. «низкая температура воздуха, характерная для зимы или поздней осени, которая весной и летом воспринимается как отклонение от нормы, а признак низкой температуры может восприниматься как нежелательный, досадный.

2. «очень низкая температура (*мороз, стужа*), которая оценивается как труднопереносимая, опасная для человека (*Ой, мороз, мороз, не морозь меня, русская народная песня*)».

«В поговорках также отражено представление о смене погодных режимов и переменчивости погоды (*День дню рознь: нынче тепло, а завтра мороз; Июль — хоть разденься, а декабрь — потеплей оденься; В августе серпы греют, вода холодит*), с этим свя-

заны многочисленные приметы (*Май холодный — год хлебородный; По холодной весне — градобойное лето; Хлеба урожай, так зима холодна* и др.). Погода рассматривается как то, что не зависит от человека (*Божье тепло, Божье и холодно*), При этом тепло для русского человека оказывается предпочтительнее и полезнее холода (*Русская кость тепло любит; Не моли лета долгого, моли теплого*).

Ощущение тепла связывается в пословицах с ощущением сытости (*Сытый по голодном, а теплый по холодном не плачут; Хлеб греет, не шуба*), а холода — с ощущениями, которые испытывает голодный (*Кто голоден, тот и холоден; Где холодно, тут и голодно; Стужа да нужда — нет их хуже, холод да голод — не легче того*) или терпящий нужду человек (*И холодно, и голодно, и мошна пуста; И холодовал, и голодовал, и нужду знавал; Нужда и голод погонят на холод*). Голодному человеку труднее переносить холод (*Холод не терпит голоду*)».

Что касается лексических репрезентаций концептов «Жара» – «Холод» в русском языке, можно отметить, что во всех основных группах лексики – основных лексических репрезентациях, комплексных совмещенных репрезентациях, устойчивых ассоциативно-образных репрезентациях, соотносящихся с основными когнитивными слоями концептов, значительно преобладают репрезентации концепта «Холод». Тот же перевес наблюдается и в зоне фразеологизмов и пословиц, поговорок: с концептом «Жара» ассоциативно связано 7 фразеологических единиц и 15 пословиц, с концептом «Холод» соответственно 16 и 30.

Результаты исследования. Таким образом, общими и дифференциальными когнитивными признаками концептов «Жара» – «Холод» являются в *приядерной зоне* – разновидности в зависимости от показателей температуры воздуха; прототипически жаркое/холодное время года и его характеристики; территории с жарким/холодным климатом; продолжительность погодного периода, характеризующегося высокой/низкой температурой воздуха, сопутствующие погодные явления; противопоставленность погодных периодов с разной температурой воздуха; в *зоне ближайшей периферии* – способы определения температуры; влияние высокой/низкой температуры на организм человека и последствия такого влияния для здоровья человека; меры, предпринимаемые человеком, чтобы нейтрализовать влияние высокой/низкой температуры воздуха; одежда, обувь, предохраняющие от высокой/низкой температуры воздуха; устройства и материалы, предохраняющие от высокой/низкой температуры воздуха; воздействие высокой/низкой температуры воздуха на неодушевленные объекты.

В *зоне национально-культурных представлений и ассоциаций* концепт «Холод» ассоциативно соотносится со следующими национально-культурными смыслами и представлениями: регионы России, характеризующиеся климатом с низкой температурой воздуха; зима как самое холодное время года; фольклорные персонажи, ассоциативно связанные с холодом; важнейшие исторические события, на которые повлияли погодные явления, характеризующиеся низкой температурой воздуха. В *зоне дальнейшей периферии ментальной сущности концептов* положительной оценке подвергаются в меру низкая/высокая температура воздуха, а также морозная погода.

Перспективы исследования видятся в исследовании других оппозитивных концептов, входящих в русскую концептосферу, а также в изучении их текстовой дискурсивной реализации.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: Словари.Ру, 2017 (в печати).

References

1. Babenko L. G. Preface // Sphere of concepts of Russian: key concepts and their representations (on material of lexicon, phraseology and paramiology) / under a general edition professional. L. G. Babenko. Moscow: Dictionary.Ru, 2017 (in the press).

УДК 81'1

СТАТУС И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ ГЛАСНЫХ В СОСТАВЕ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ – ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

Найденова Маргарита Викторовна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Naidenova@bsu.edu.ru

Кудрявцева Наталья Борисовна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Nkud@bsu.edu.ru

Аннотация

Отличительным признаком словосложения в древнегерманскую эпоху является использование в качестве соединительных элементов только гласных звуков: -a-, -o-, -i-, -u-. Я. Гримм и младограмматики занимают различные позиции в отношении статуса и происхождения данных гласных.

Ключевые слова: сложное существительное, соединительный гласный, полносложное словосложение, основообразующий суффикс, древневерхнегерманский период.

STATUS AND ORIGIN OF CONNECTING VOWELS IN GERMAN COMPOUND NOUNS WITH A NOUN AS FIRST COMPONENT

Naydenova Margarita
Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Naidenova@bsu.edu.ru

Kudryavtseva Natalia
Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Nkud@bsu.edu.ru

Abstract

Distinguishing feature of compounding in Old Germanic age is as the use of vowels alone connective elements: -a-, -o-, -i-, -u-. J. Grimm and neogrammarians occupied different positions in relation to the status and origin of these vowels.

Keywords: compound noun, the connective vowel, vowel compounding, stem-forming suffix, Old High German period.

Обобщая теории, освещающие немецкое именное словосложение в его историческом развитии, прежде всего, обращает на себя внимание позиция авторов при выделении и толковании «полносложного» и «неполносложного» типов словосложения и интерпретация ряда связанных с этой проблемой вопросов.

Я. Гримм рассматривает полносложные и неполносложные соединения в двух планах: формально-структурном и функционально-семантическом, пытаясь соотнести различия в их форме с различиями в семантике. По его мнению, *полносложные* (или буквально: истинные) композиты «порождают общее, многостороннее, новое значение», поэтому с точки зрения структуры представляют собой присоединение либо «чистой» основы первого компонента ко второму, либо при помощи соединительного гласного.

Я. Гримм и Л. Тоблер считают, что полносложное словосложение является «истинным» процессом словообразования по типу словообразовательной модели существительное+существительное, которая появляется в языке уже на фоне наличной системы склонения и не может считаться результатом изоляции какого-либо древнего вида синтаксической конструкции [3, с. 387 - 389; 6, с. 2 -3];

Я. Гримм утверждал, что первоначально в германских языках для соединения основ служил «универсальный» соединительный гласный -a-. Однако на стыке основ древнегерманских композитов (начиная с первых памятников письменности) наряду с соединительным гласным -a- регулярно прослеживается появление гласных -o-, -i-, -u-. Использование этих гласных в качестве соединительных кластеров Я. Гримм рассматривает как результат действия фонетических, разрушающих форму «истинного» соединительного

гласного -а-, процессов, так как они часто не соответствуют основообразующим суффиксам существительных, выступающих в роли первых компонентов. Такие явления в составе древневерхненемецких сложений автор объясняет процессами ассимиляций гласных -о-, -i-, как например: *boto-scaf, gomo-heit, spili-man* [3, с. 395-396]. По мнению Я. Гримм «заслуживает порицания» появление переднеязычного гласного -i- после корневых -а- или -е- в *tragi-stuol, rebi-plat* [3, с. 396-397]. В некоторых случаях между двумя корневыми морфемами сложного слова могут появляться основообразующие элементы -i-, -u-, -ja-, которые согласно концепции Гримма поглощают соединительный гласный -а-: гот. *magi-saivs, brôþru-lubô*; днв. *endi-tago, witu-hoffa* [3, с. 331].

Однако, как признает сам Я. Гримм, некоторое количество сложений невозможно отнести ни к одной из вышеназванных гипотез. Гласные в таких композитах автор считает искажениями соединительного гласного -а- и называет их либо ошибками переписчиков, либо вообще загадочными явлениями: днв. *piro-man, sita-lôsi, hagu-stalt* [3, с. 395-396].

Несмотря на утверждение автора о необходимости разграничивать ассимиляции, неорганические гласные и основообразующие суффиксы, осуществить это разделение невозможно вследствие его иррелевантности с точки зрения словообразования.

Языковеды младограмматического направления придерживаются несколько иной точки зрения и сходятся во мнении, что гласные на стыке основ полносложного соединения являются реликтами основообразующих суффиксов, некогда маркировавших тип основы первого компонента. Хотя младограмматики не придают этим гласным такого словообразовательного значения, каким Я. Гримм наделяет свой соединительный гласный -а-, но признают, что такие гласные являются «общими средствами словосложения» [7, с. 520- 521].

В целом, младограмматики считают, что в индоевропейском праязыке основа первого компонента именных сложений должна была оканчиваться на соответствующий данному существительному основообразующий суффикс. Однако даже самые ранние памятники древнегерманской письменности уже не отражают такого «идеального состояния» в полносложном словосложении. В составе готских и древневерхненемецких сложений регулярно появляются гласные, которые не совпадают с первоначальным основообразующим суффиксом данных существительных [4, с. 49].

Анализируя столь сложное и противоречивое явление, младограмматики пытаются дать ему или грамматическое, или чисто фонетическое объяснение.

С одной стороны, эти учёные связывают утрату «идеального состояния» в именном словосложении с процессами перегруппировки парадигматических рядов в системе склонения, а именно с процессами взаимодействия и метаплазы между различными классами основ. В. Хенцен утверждает, что именно «...заглушение, смешение, подавление» основообразующих суффиксов в именной парадигматике, обусловленное утратой способности легко выделять форму основы каждого имени во флективных формах слов внутри парадигмы склонения, вызвали искажение основообразующих элементов в составе древних именных сложений. С этой позиции В. Хенцен рассматривает широкое распространение гласного -а- в составе композитов после *ô-* и *n-* основ: гот. *airþa-kunds, auga-dauro* [4, с. 49-50]. К. Бругман при анализе древнего композитного материала также ссылается на взаимообусловленность процессов в словоизменении и словосложении. Так, частое появление гласного -i- вместо -о- или -а- автор объясняет взаимодействием в именной парадигматике классов *i-* и *a-* основ: днв. *wegi-gîh* наряду с *wego-gîh, wega-gîh* [2, с. 69-70]. Взаимодействие -i- и -ô основ в именном склонении приводит, по словам К. Бругмана, к проникновению гласных -о- и -а- после *i-* основ: днв. *scrita-mâl* и *scriti-mâl* [2, с. 69].

Однако такая точка зрения порождает большое количество нерегулярностей, которые не могут быть истолкованы только грамматически, т.е. как последствия преобразований в именной парадигматике. Несмотря на это, следует признать, что в области словосложения существует определенная тенденция к обусловленности формы стыка в композите процессами в именной парадигматике и, в конечном счете, влиянием формы самосто-

ятельного существительного на форму существительного, выступающего в качестве первого компонента. В то же время, практические исследования показывают, что нельзя говорить об этой тенденции как о едином принципе упорядочения композитного материала, как это пытаются представить младограмматики.

Чаще всего к фонетическому объяснению младограмматики прибегают, когда сталкиваются с явлениями выпадения соединительного гласного. Эти языковеды отмечают возрастающую активность соответствующих фонетических процессов в памятниках древневерхненемецкой письменности, в то время как в готском языке случаи выпадения соединительного гласного были еще довольно редки. В. Вильманс, а вслед за ним и В. Хенцен установили, что для древневерхненемецкого словосложения решающее влияние на соединительный гласный оказывает объем корневой морфемы и долгота корневого слога первого компонента. Согласно их наблюдениям соединительная прокладка сохраняется, если корневой гласный - краток, и выпадает, если первый компонент является долго- или многосложной основой: двн. *daga-frist*, *bota-scaf* наряду с *spräch-hûs*, *brût-louf* [4, с. 49-50].

Трудности, с которыми столкнулись младограмматики при систематизации этого языкового материала в соответствии либо с фонетическими, либо с грамматическими правилами, обусловили их теорию, согласно которой «неорганическое» распространение гласных в композитах рассматривалось как развитие по аналогии, а сами гласные - как общие средства словосложения [7, с. 520-521].

Несмотря на различное происхождение и интерпретацию, промежуточные гласные -а-, -о-, -у-, -і- приобретают в положении между двумя основами сложного слова особую значимость с точки зрения словообразования и начинают выполнять функцию структурной прокладки, соединительного элемента. Характерная для всех германских языков тенденция к универсализации отдельных гласных при словосложении, как отмечает Е. С. Кубрякова, указывает на превращении этих гласных, исконно относившихся лишь к первой основе, в соединительный элемент, оформляющий сложное слово в целом [1, с. 128]. Такие суффиксы постепенно утрачивают своё формообразовательное значение в составе сложного слова и используется в качестве соединительного элемента – пограничного сигнала между корневыми морфемами.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Именное словообразование в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. - С. 39-131.
2. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen: Wortbildungslehre. - Strassburg: Karl J. Trübner, 1889. - Bd. 2. – 462 S.
3. Grimm J. Deutsche Grammatik. - Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1878. - Th. 2. - 991 S.
4. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Halle (Salle): Niemeyer-Verlag, 1947. – 307 S.
5. Paul H. Deutsche Grammatik. Halle (Salle): Niemeyer-Verlag, 1957. - Bd. 5. – 142 S.
6. Tobler L. Über die Wortzusammensetzung // Ein Beitrag zur Philosophischen und Vergleichenden Sprachwissenschaft. - Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1868. – 143 S.
7. Wilmanns W. Deutsche Grammatik Gottisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1899. – 671 S.

References

1. Kubrjakova E.S. Nominal word formation in Germanic languages // Comparative grammar of Germanic languages. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. P. 39-131.
2. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen: Wortbildungslehre - Strassburg: Karl J. Trübner, 1889. - Bd. 2. 462p.
3. Grimm J. Deutsche Grammatik. Berlin : Harrwitz und Gossmann, 1878. - Th. 2. 991p.
4. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Halle (Salle): Niemeyer-Verlag, 1947. 307p.
5. Paul H. Deutsche Grammatik. Halle (Salle) : Niemeyer-Verlag, 1957.- Bd. 5. 142p.
6. Tobler L. Über die Wortzusammensetzung // Ein Beitrag zur Philosophischen und Vergleichenden Sprachwissenschaft. Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1868. 143p.
7. Wilmanns W. Deutsche Grammatik Gottisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1899. 671p.

УДК 81

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА, КОНЦЕПТОСФЕРЫ И КУЛЬТУРЫ

Невенгловская Наталья Юрьевна,
магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия / nnevenglouvszkaya@mail.ru)
Научный руководитель: профессор Седых А.П.

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы взаимосвязи языка и культуры, теории лингвистической относительности, необходимость знать и понимать концептосферу автора, для того чтобы правильно декодировать смысл его сообщения. Рассматриваются вопросы фоновых знаний, их связи с прецедентными текстами и культурой, а также механизмы понимания смысла текстов.

Ключевые слова: теория лингвистической относительности, фоновые знания, смысл текста, язык и культура

ON THE INTERACTION OF LANGUAGE, CONCEPTOSPHERE AND CULTURE

Nevenglouvszkaya Natalia
Graduate student, Belgorod State University
Belgorod, Russia / nnevenglouvszkaya@mail.ru)
Scientific Supervisor Professor Sedykh A.P.

Abstract

The article deals with the questions of interaction of language and culture, the theory of linguistic relativity and the necessity to know and understand author's conceptosphere in order to decode the sense of his message in a proper way. We consider the questions of the background knowledge, their link with the culture and precedent texts. The mechanisms of understanding the sense of texts.

Key words: theory of linguistic relativity, background knowledge, sense of text, language and culture

Язык является основным средством познания и освоения окружающего мира, средством общения и овладения информацией, в связи с чем он также неотделим от культуры, поскольку является ее выражением. Язык и культура настолько взаимосвязаны, что одно плавно перетекает в другое. Но различные пути исторического развития тех или иных культур накладывают отпечаток и на язык, а значит и на мышление и концептосферу людей, говорящих на нем. Язык и мышление неотделимы друг от друга, поскольку мы думаем на языке и он формирует наши мысли.

Согласно теории лингвистической относительности, предложенной Э. Сепиром и Б. Уорфом, люди видят окружающий мир через призму языковой системы, в которой они растут и развиваются, что предполагает определенный склад мышления, восприятия и суждения [9, 1968]. Данная теория базируется на принципе выделения различных частей действительности. Классическими примерами являются разделение в английском языке понятий «hand» и «arm» и, напротив, их унификация в русском языке, другим примером может служить понятие «Geschwister» в немецком языке, обозначающее понятие и братьев, и сестер, в то время как в русском нет аналога этого слова, есть четкое разделение. Еще одним примером различного деления действительности может служить понятие цвета: «голубой, синий, небесный» в русском языке и только «blue» и «blau» в английском и немецком языках. На данных примерах мы видим, насколько отличается концептосфера людей, говорящих на разных языках. Таким образом, мы видим, что восприятие действительности определяется ментальным представлением людей, которое лингвистически относительно.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский доказал, что ребёнок до усвоения языка не имеет национальных психологических признаков [7, 1922]. А. Потемня говорил об участии национального языка не только в формировании народного мировосприятия, но и в самом развёртывании мысли. Именно с этим связана немецкая дисциплинированность и организованность, влияв-

шаяся в жёсткий синтаксис, наполненный длинными составными словами и абстрактными понятиями. Демократичная американская речь, напротив, изобилует юмором, шутками и жаргонизмами [8, 2010]. Г. Гачев отмечает, что во внешней грамматической структуре речи языка запечатлена логика мышления и взаимодействия людей, способ национального мировосприятия.

Еще одним пунктом различий национальной концептосферы служат прецедентные тексты. Первым, кто ввел это понятие был Ю.Н. Караулов, определивший его как значимое для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющий сверхличностный характер, т. е. хорошо известное широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, 2007]. В.В. Красных дает следующее определение прецедентным текстам - «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [3, 2002].

Уровень знаний прецедентной базы языка свидетельствует о том, насколько хорошо человек им владеет. Язык массовой информации насыщен различного рода прецедентными текстами в видоизмененном формате. Носитель языка без труда понимает данные ссылки, а вот иностранцам приходится сложнее. При восприятии предлагаемого материала человек неизменно обращается к своему опыту, соотнося полученную информацию со своими культурными традициями. В каждой культуре есть определенные коды, создающие национальную картину мира. Например, в английской культуре для ироничного отношения к человеку, излишне выставляющего свои корни, используется выражение, неясное для русского человека: «*When Adam delved and Eve span who was the gentleman?*», что означает «Когда пахал Адам и пряла Ева, где родословное стояло древо». Любовь немецкого населения к порядку, также выразилась в ряде крылатых выражений известных каждому немцу «*Ordnung ist das halbe Leben*» (Порядок – душа всякого дела), «*Ordnung muß sein!*» (Порядок превыше всего!). Прецедентные тексты позволяют мгновенно актуализировать имеющуюся информацию в сознание каждого жителя и читателя, позволяя очень точно и колко оценить имеющуюся ситуацию. Часто прецедентные тексты используются в заголовках газет, как например, посвященные выборам президент в России в 2012 году «*Каюк-кампания*» («Коммерсантъ. Деньги». 05.03.2012) известная ссылка на фразу «кают-кампания», «*Кандидат наблюдателю не товарищ*» («Независимая газета». 02.03.2012) – ссылка на русскую поговорку «гусь свинье не товарищ» [10].

Здесь важную роль играет правильное понимание сообщения, посланного автором, то есть понятие «смысл текста». В современной научной литературе прослеживаются несколько тенденций в определении понятия смысл текста. А.Н. Леонтьев говорит о том, что при создании текста автор фиксирует своё отношение или личностный смысл к реальности в тексте, а реципиент, вычленив из текста авторский смысл и пропускает его через призму своего мировосприятия, формируя свой собственный личностный смысл [5, 1975]. Р.П. Мильруд и А.А. Гончаров оперируют понятием коммуникативный смысл текста, определяя его как отношение содержания текста и достигаемой цели коммуникации. Понимание коммуникативного смысла заключается в степени совпадения смысла, подразумеваемого автором и понятого реципиентом. Т.А. ван Дейк отмечал необходимость существования единого семиотического пространства автора и аудитории, все участники ситуации должны иметь более или менее однородную концептосферу. Чем богаче у реципиента модель мира в конкретной предметной области, тем глубже проникновение в смысл текста. Читатель прочитывает текст, выбирает из него только то, что соответствует его коммуникативному намерению в данный момент или интересу.

Основным условием успешной коммуникации является наличие фонового знания, то есть знание реалий и культуры, которым взаимно обладают говорящий и слушающий. Фоновые знания можно определить как совокупность сведений, которыми располагает каждый из участников коммуникации. Нам близка позиция И.В. Гюббенет, которая говорит, что для це-

лостного и адекватного восприятия текста необходимы вертикальный контекст и фоновые знания. Она определяет вертикальный контекст как весь социальный уклад, понятия, представления, воззрения, знание которых необходимо для того, чтобы текст мог быть воспринят читателями разных стран. Категорию глобального вертикального контекста как раз и составляют фоновые знания и внутритекстовый вертикальный контекст. Понятие внутритекстового вертикального контекста отображает связь текста с культурой.

Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит и передаёт её из поколения в поколение. Поэтому язык играет ведущую роль в формировании не только отдельной личности, но и национального характера, этнической общности. Например, заголовок статьи, посвященной оценке действий Дональда Трампа, звучит следующим образом: «*Donald Trump rudert in zentralen Fragen zurück*» (Дональд Трамп гребет назад в центральных вопросах) [Donald Trump rudert in zentralen Fragen zurück]. Использование глагола «rudert» свидетельствует о весьма враждебном настроении прессы в отношении Д. Трампа. Это и понятно: в статье рассматривается противоречие между тем, что заявлял Дональд Трамп в своей предвыборной кампании, с тем, что он делает сейчас. Именно это расхождение и обличают немецкие СМИ. Другой пример из этой же статьи «*Der Klimawandel? "Ein Scherz." Clinton? "Sperrt sie ein!" Folter? "Warum nicht!" Das sind alles bekannte Wahlkampf-Aussagen von Donald Trump. Nun revidiert er sie. Zumindest vorläufig*» («Изменение климата?-Шутка. – Клинтон?-За решетку ее!Пытка?- почему нет?» - все это известные высказывания предвыборной борьбы Дональда Трампа. Теперь он пересматривает их. По меньшей мере, пока что)[Donald Trump rudert in zentralen Fragen zurück]. В данном случае его обещания и есть вертикальный контекст или фоновые знания, а сегодняшнее обличение невыполнения этих обещаний является внутритекстовым вертикальным контекстом.

С.Г. Тер-Минасова обосновывает необходимость объяснения социокультурного фона. Социокультурный комментарий имеет своей целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог. Т.Г. Добросклонская упоминает о лингвомедийных технологиях создания образов и стереотипов. Одним из результатов взаимодействия культур в сфере массовой информации является распространение устойчивых образов и стереотипов о жизни других стран и народов. Технологии подобного рода тесно связаны с отбором фактов, всегда обусловленных и определённой идеологией, и особенностями национального мировосприятия. Например, практически весь мир ополчился против избранного президента Дональда Трампа. Вот, что написано на немецком новостном портале *DeWe*: «*Der US-Wahlkampf war schmutzig und oft unter der Gürtellinie. Eine Schlammschlacht, die unser politisches Selbstverständnis und das Bild der Demokratie bleibend beschädigt hat. Welche Folgen hat Trumps Sieg?*» (Американская предвыборная борьба была грязной и часто ниже пояса. Постоянное смешение с грязью испортило наше представление о себе и образ демократии. Какие последствия имеет победа Трампа?) [Trump als US-Präsident – und jetzt]. Называя политическую игру американцев грязной и «ниже пояса» (schmutzig und oft unter der Gürtellinie), Германия считает, что это колыхнуло и их представление о демократии.Выражая тем самым свое негодование по поводу нового президента Америки.

На портале ВВС в одной из статей известный журналист и сторонник Хилари Клинтон профессор Джеф Джарвис так прокомментировал победу Дональда Трампа «*The mere fact of Donald Trump's candidacy is evidence of the failure of journalism*» (Простой факт кандидатуры Дональда Трампа является провалом журналистики) [Donald Trump: How the media created the President]. Ключевой фразой здесь является «failure of journalism» - провал журналистики, дальнейшее продолжение разъясняет, что именно подразумевал говорящий: «*He, like many other members of the liberal media class, feels Trump's success is a sign that the media failed to communicate the truth with enough force*» (Он, как и многие другие члены либерального класса СМИ, чувствует, что успех Трампа является признаком того, что средства массовой информации не смогли сообщить правду с достаточной силой) [Donald

Trump: How the media created the President]. «media failed to communicate the truth with enough force» – СМИ не смогли донести до избирателя правду о Трампе с нужной силой. Таким образом, победа Дональда Трампа на выборах – это не только унижением для СМИ, но и настоящая трагедия для половины жителей США. «*Trump's victory... was also a humiliation for the thousands of journalists who had spent months trying to warn the public about Donald J Trump*» (Победа Трампа ... это унижение для тысяч журналистов, которые провели месяцы, пытаясь предупредить общественность о Дональде Трампе) [Donald Trump: How the media created the President].

Таким образом, фоновые знания и общность концептосферы адресанта и адресата позволяют адекватно воспринимать и трактовать семантико-смысловые параметры текстового пространства, создаваемого журналистом.

Литература

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 44.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Караулов. – Изд. 6-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
3. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) – М. : Диалог-МГУ, 2002.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.166-205.
5. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 7–28.
6. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. Изд.2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 168 с.
7. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности / Овсяннико-Куликовский Д.Н.-ПгюЖ Время, 1922. – 38, [1] с
8. Потебня А.А. Язык и народность. – М, 2010., 47 С.
9. Уорф Б.Л. Статьи. – Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960
10. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968
10. Интернет-издание Slon // http://slon.ru/russia/kogda_gorbachev_uznal_o_raskole_v_komsomolke_on_s-509616.xhtml

References

1. Galperin I. R. Text kak object linguisticheskogo issledovaniya M., 1981. P. 44.
2. Karaulov Y. N. Russkiy yazik I yazikovaya lichnost / Karaulov. – Vol. 6. – M. : Edit LKI, 2007.
3. Krasnich V.V. Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsia) – M. : Dialog-MGU, 2002.
4. Karasik V.I. Yazikovoy krug: lichnost, konsepty, diskurs - Volgograd: Peremena, 2002. – P.166-205.
5. Leontiev A. N. Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost. M., 1975. P. 7–28.
6. Moskvina V.P. Interkontekstualnost: Ponatiyniy apparat. Figuri, zhanri, stili. Edition.2. – M.: Knizhniy dom «LIBRKOM», 2013. – 168 p.
7. Ovsianniko-Kulikovskiy D.N. Psychologia nationalnosti / Ovsianniko-Kulikovskiy D.N. -PguZH Vreya, 1922.- 38, [1] p
8. Potebnaya A.A. Yazik I narodnost., Moscow, 2010., 47 P.
9. Yorf B.L. Statii. – Novoe v linguistike, vip. I. M., 1960
10. Zvegintsev V.A. Teoreticheskaya I prikladnaya linguistika. M., 1968
10. Internet-edition Slon // http://slon.ru/russia/kogda_gorbachev_uznal_o_raskole_v_komsomolke_on_s-509616.xhtml

УДК 81'139

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ: МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Огнева Елена Анатольевна

доктор филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье исследуется концептосфера научно-популярной книги В. Распутина «Сибирь. Сибирь...». Рассматривается текст как сокровищница индивидуально-авторского преломления мира. В научную терминологическую базу вводятся новые термины: научно-популярный концепт, трансконцепт, трансубконцепт. Анализируется архитектура научно-популярного концепта «Освоение Сибири». Номинативное поле концепта моделируется в виде совокупности восьми субконцептов и одного трансубконцепта. Выявляется специфика номинативного поля каждого субконцепта. Определяется высокая частотность лингвокультурем в составе номинантов номинативных полей субконцептов как отличительная черта идиостиля В. Распутина.

Ключевые слова: текст, концептосфера, моделирование, научно-популярный концепт, идиостиль писателя.

LINGUO-CULTURAL ASPECT OF WRITER'S STYLE: MODELING AND INTERPRETING

Ogneva Elena

Doctor of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Ogneva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the conceptsphere of the novel "Siberia. Siberia..." by V. Rasputin. The text is studied as treasury of writer's projection of the world. New terms are presented, such as scientific-popular concept, transconcept, and sub-transconcept. The architectonics of scientific-popular concept "Exploring Siberia" is analyzed. The nominative field of concept is modeled as the unity of eight subconcepts and one transubconcept. The specificity of nominative fields of eight subconcepts is identified. The high frequency of linguo-culturemes among nominees of subconcepts' nominative fields is identified. This high frequency of linguo-culturemes is identified as the specificity of V. Rasputin's style.

Keywords: text, conceptsphere, modeling, scientific-popular concept, writer's style.

Посвящается 80-летию со дня рождения В. Распутина

Исследование концептосферы языка и речи является одним из перспективных направлений современной лингвокогнитивистики. Всестороннее рассмотрение концептосферы произведения или нескольких произведений отдельно взятого писателя позволяет решить ряд ключевых задач по выявлению особенностей идиостиля писателя, специфики его языковой личности, репрезентированной в творчестве.

Концептосфера произведения, рассматриваемая нами как совокупность концептов, является обширным полем для исследователя речевых форматов репрезентации концептов. В свете концептуализации писателем в когнитивной канве произведения различных эпох и явлений актуальным является тезис Н.Г. Юзефович о том, что «реконструкция концептуального субстрата на стадии мыслительного процесса способствует адекватной актуализации культурной специфики концепта описываемой культуры» [Юзефович, 2013: 133], репрезентируемой в лингвокультурах. В настоящее время Г.А. Кажигалиевой предложено разделить текстовые лингвокультуры на три типа: прямые (неопосредованные) лингвокультуры, описательные лингвокультуры, фоновые лингвокультуры [Кажигалиева, 2004].

Текст – это сокровищница индивидуально-авторского преломления мира. По мнению Н.И. Панасенко, «исследование текста как самостоятельного лингвистического объекта, обладающего особыми чертами смысловой и структурной организации, делает возможным членение текста на составляющие его фразовые единства и их сочетания» [Панасенко, 2006: 396]. Примечательно, что К.И. Белоусов и Е.И. Подтихова полагают, что «предметная область лингвистического/лингвосомиотического анализа восприятия композиции текста только формируется и пока складывается из отдельных наблюдений над композицией текстуальных объектов и её воздействием на воспринимающее сознание, представленных как в классических трудах ..., так и современных трудах в области линг-

восемиотики, когнитивной лингвистики, теории текста, теории гипертекста, лингвосинергетики» [Белоусов, 2014: 62].

В год восьмидесятилетия со дня рождения известного советского и русского писателя В. Распутина считаем необходимым представить в данной статье результаты проведённого исследования концептосферы значимого произведения «Сибирь. Сибирь...» [Распутин, 2006].

Проведённые исследования концептосферы «Сибирь» позволили смоделировать архитектуру научно-популярного концепта «Освоение Сибири». Напомним, что, по мнению В.И. Карасика, «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [Карасик, 2013: 6].

В нашем исследовании под научно-популярным концептом понимается исследовательский конструкт, имеющий ядерно-периферийную архитектуру, репрезентирующую синергию двух стилей научного и популярного.

Проведённые нами исследование выявили, что архитектура номинативных полей концептов, репрезентирующих в романе писателя исследование и освоение Сибири, представляет сочетание следующих восьми субконцептов: (1) вид транспорта в России, (2) время открытий, (3) территория открытий, (4) взаимодействие исследователей и государства, (5) опасность путешествия, (6) быт исследователей, (7) организация экспедиций, (8) результат экспедиций.

Рассмотрим архитектуру научно-популярного концепта «Освоение Сибири» в следующем контексте:

Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжёлые грузы, зимую в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой, нередко в горстку людей, не ведая, что ждёт их завтра и послезавтра, они шли вперёд и вперёд, дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья, и остроги, и чертежи, и записи «распросных речей», и опыт общения с туземцами, и пашины, и солеварни, и просто затеси, указывающие путь, – для них же всё было впервые, всё представляло неизведанную и опасную новизну. И сейчас, когда каждый шаг и каждое дело сибирских строителей и покорителей мы без заминки называем подвигом, нелишне было бы вспомнить нам и не лишне бы чаще представлять, как доставались начальные шаги и дела нашим предкам [12].

Субконцепт «вид транспорта в России». Установлено, что номинанты номинативного поля этого концепта весьма разнообразны. Номинант *волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжёлые грузы* включает в свой состав две лингвокультуремы; одна репрезентирует вид транспорта *волоком перетаскивать*. По данным Википедии, «Вóлок — участок суши обычно с перевалом, между двумя озёрами или реками, через который тащили суда «волоком» [Волок].

Вторая лингвокультурема *струги* обозначает вид древнего транспортного средства: «Стру́г, (от скользивший по волнам – «стругам») – русское плоскодонное парусно-гребное судно XI XVIII веков, служившее для перевозки людей и грузов. Название *струг* употреблялось на всей Руси, в западных источниках – Strook. Впервые термин «*струг*» упоминает Русская Правда в 1054 году» [Струг].

Номинант *двигаясь только по рекам* имплицитно указывает, что использовался исключительно водный вид транспорта, те же струги и другие типы лодок. Номинант *без дорог* подчёркивает тот факт, что в качестве транспорта могли использоваться только животные для перевозки тяжестей и людей, реже телеги.

В целом номинативное поле субконцепта «вид транспорта в России» подчеркивает высокую степень сложности освоения Сибири.

Субконцепт «время открытий». Номинативное поле данного субконцепта примечательно тем, в его составе выявлено четыре обобщающие хронемы: *завтра, послезавтра, наскоро (срубленные), ледоход*; последняя указывает на тот факт, что первопроходцы вынуждены были ожидать время прихода весны в Сибирь и начало навигационного сезона на сибирских реках. Выявлена также пролонгированная хронема *зимовать*.

Наряду с перечисленными хронемами, определено единство двух темпоральных векторов: вектора настоящего времени и вектора прошлого времени на темпоральной оси. Вектор настоящего времени репрезентирован следующим образом: *сейчас <...> дело сибирских строителей и покорителей мы <...> называем подвигом*. Вектор прошлого времени репрезентирован: *как доставались начальные шаги и дела нашим предкам*. Векторы настоящего и прошлого времени связаны глаголом мыслительной деятельности: *вспомнить (нам)*.

Подчеркнём, что лексема *подвиг* эксплицирует степень сложности освоения Сибири.

Субконцепт «территория открытий». Номинативное поле этого субконцепта примечательно тем, что, во-первых, номинант *эти великие и гиблые расстояния* подчеркивает бескрайнее пространство Сибири. Семантика прилагательного *гиблые* вербализует тяжёлые условия освоения Сибири. Во-вторых, номинант (*зимаю*) в *незнакомых местах* эксплицирует степень опасности, перед лицом которой оказались первопроходцы. В-третьих, номинанты (1) *они шли вперёд и вперёд*, (2) *дальше и дальше на восток* маркируют горизонтальную пространственную ось и бескрайние просторы, уходящие вдаль от столицы государства.

Субконцепт «взаимодействие государства и исследователей». Номинативное поле этого субконцепта примечательно тем, что взаимодействие государства и исследователей в прошлом определяется номинантами, которые эксплицируют отсутствие заботы: *без дорог, (страдаю) от холода, голода, болезней, зверья и гнуса*, что подчёркивает трудности исследования Сибири. В настоящее время взаимодействие государства и исследователей эксплицируется словосочетанием: *называем подвигом*. Подчеркнём тот факт, что под настоящим временем имеется ввиду время, в которое была написана исследуемая книга В.Руспутиным, т.е. на излёте советской эпохи.

Субконцепт «опасность путешествия». Данное номинативное поле представлено тремя номинантами. Номинант (*зимаю*) *среди враждебно настроенного коренного кочевника* репрезентирует уровень развития коренных жителей Сибири в тот период, когда пришли первопроходцы из Московского княжества. Номинант *теряя с каждым переходом товарищей и силы* и номинант *не ведая, что ждёт их завтра* эксплицируют наивысшую степень опасности и сложности путешествия землепроходцев по Сибири.

Субконцепт «быт исследователей». Номинативное поле данного субконцепта представлено различными номинантами. Номинант *зимаю в ожидании ледохода в наскоро срубленных избышках* включает в свой состав лингвокультуре *срубленные избышки*. Напомним, что «изба – деревянный срубный (бревенчатый) жилой дом в сельской лесистой местности России» [Затесь]. В исследуемом контексте употреблена форма слова *избушка*, маркирующая ограниченное внутреннее пространство жилья. Более того словосочетание *наскоро срубленные избышки* подчёркивает нехватку времени и сил у первопроходцев.

Номинант (*зимаю*) в *незнакомых местах* эксплицирует оторванность первопроходцев от мира, от которого не приходится ждать помощи, потому что никто не знает, где находится землепроходцы.

Номинант (*зимаю*) *среди враждебно настроенного коренного кочевника* также эксплицирует оторванность первопроходцев от их обычного мира, образа жизни. Номинанты (*страдаю*) *от холода, (страдаю) от голода, (страдаю) от зверья, (страдаю) от гнуса* под-

чёркивают тяжёлый быт первопроходцев вследствие недостаточной оснащённости путешествия. Номинант (*страда*) от болезней эксплицирует отсутствие необходимой врачебной помощи.

Совокупность рассматриваемых номинантов субконцепта репрезентирует тяжёлые условия освоения Сибири.

Субконцепт «организация экспедиций». Номинативное поле субконцепта эксплицирует низкий уровень подготовки и поддержки проводимых экспедиций: (1) *нередко в горстку людей*, (2) *пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой*, (3) *страда от холода, голода*. Совокупность номинантов эксплицирует тяжёлые условия освоения Сибири.

Примечательно, что часть номинантов семи рассмотренных субконцептов маркирует сложности и трудности исследования и освоения территории Сибири, т.е. можно сделать вывод о существовании транссубконцепта «сложности освоения Сибири». Под транссубконцептом нами понимается субконцепт, номинативное поле которого состоит из номинантов, входящих в номинативные поля других субконцептов в пределах одного концепта или одной концептосферы произведения.

Подчеркнём тот факт, что в других исследуемых контекстах нами выявлены трансконцепты, под которыми нами понимаются концепты, номинативные поля которых состоят из номинантов, входящих в номинативные поля других концептов в пределах одной концептосферы произведения.

Субконцепт «результат экспедиций». Номинанты данного субконцепта репрезентируют то, ради чего свершались подвиги освоения территорий. Среди восьми номинантов в четырёх выявлены лингвокультуемы. Номинант *появятся зимовья* включает в себя лингвокультуему *зимовье*, которая обозначает «название первоначальных поселений русских землепроходцев при освоении Восточной Сибири. Ставились обычно на слиянии рек, в то время единственных транспортных артериях. Со временем, в стратегических пунктах, становились крепостями – острогами» [Зимовье].

Номинант *появятся остроги* включает в себя лингвокультуему *острог*, обозначающую «фортификационное сооружение (опорный пункт) постоянный или временный населённый укреплённый пункт, обнесённый частоколом из заострённых сверху брёвен (кольев) высотой 4- 6 метров. Изначально острогом называлась сама ограда из острых кольев и плетня, устраиваемая во время осады неприятельских городов на Руси» [Острог].

Номинант *появятся записи «распросных речей»* включает лингвокультуему *распросные речи*, которая обозначает совокупность записанной о чём-либо информации. Так, например, существуют «Распросные речи по государеву указу о горах, озёрах, зверях, серебряной или медной руде на северо-восток от Перми», которые были составлены и представлены в царю в 1667 году.

Номинант *появятся просто затеси, указывающие путь* также включает в свой состав лингвокультуему *затесь*, обозначающую «затес, стёс, сделанный на дереве топором или другим острым предметом [8].

Также выявлено четыре простых номинанта, вербализующих результаты экспедиций: (1) *появятся чертежи*, (2) *появится опыт общения с туземцами*, (3) *появятся пашины*, (4) *появятся солеварни*.

Таким образом, исследование научно-публицистического труда В. Распутина «Сибирь. Сибирь...» выявило особенности архитектоники модели научно-популярного концепта «Освоение Сибири». Концепт состоит из восьми субконцептов, семь из которых репрезентируют процесс освоения этой территории, а восьмой субконцепт – позитивный результат этого освоения. Установлено также, что архитектоника модели научно-популярного концепта «Освоение Сибири» включает в себя транссубконцепт «сложности освоения Сибири».

Было выявлена высокая частотность лингвокультурем в номинативных полях всех субконцептов, что обусловлено тем, что описываемые в тексте времена и их символы от-

стоят от наших дней и от дней написания книги В. Распутиным (опубликована в 1991 году) более, чем на три с половиной века. Номинанты предметов и явлений той эпохи составляют лингвокультурологическую сокровищницу русского языка, которой активно пользуется писатель в своей книге, что является одной из специфических черт его языковой личности. Значение этих слов требует пояснения для молодого поколения.

Введение в терминологическую базу проводимых исследований двух терминов: научно-популярных концепт и трансубконцепт позволяет углубить научные изыскания в области интерпретации и моделирования концептов, репрезентированных в научно-популярных книгах, и расширяет горизонты проводимых ранее исследований в области типологизации концептов и интерпретации форматов их речевой репрезентации.

Литература

1. Белоусов К.И. Некоторые наблюдения над концептуальной композицией текста / К.И. Белоусов, Е.А. Подтихова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 62-74.
2. Кажигалиева Г.А. О системе текстовых лингвокультурем // Вестник ТГГПУ. – № 1 (16), 2009.
3. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
4. Панасенко Н.И. Семантическое пространство художественного текста // Семантика мови і тексту. Матеріали ІХ міжнародної науково-практичної конференції. 26-28 вересня 2006 р. – Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ, 2006. – С. 394-396.
5. Юзефович Н. Г. Актуализация субстрата инокультуры: от внутреннего кодового переключения и внутреннего перевода к вербализации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4. – С. 129-134.
6. Распутин В. Сибирь, Сибирь ... Сибирь без романтики. – М.: «Издатель Сапронов», 2006. – 257 с.

Данные энциклопедии:

1. Волок. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Волок> (дата обращения: 04.04.2017)
2. Изба. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Изба> (дата обращения: 02.04.2017)
3. Затесь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Затесь> (дата обращения: 24.03.2017)
4. Зимовье. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зимовье> (дата обращения: 04.04.2017)
5. Острог. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Острог> (дата обращения: 02.04.2017)
6. Струг. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Струг> (дата обращения: 04.04.2017)

References

1. Belousov K.I., Podtichova K.I. Some ideas about conceptual structure of text. *Voprosi kognitivnoi lingvistikoi*. – 2014. – № 1. – P. 62-74.
2. Kajigaliev G.A. *About the system of textual linguo-culturemes*. Vestnik TGGPU. – № 1 (16), 2009.
3. Karasik V.I. *Lingual matrix of culture*. – M.: Gnozis, 2013. – 320 p.
4. Panasenko N.I. Semantisc space of literary text. *Semantika movi I textu*. – Ivano-Frankivsk, 2006. – P. 394-396.
5. Uzefovich N.G. Actualization of substrut of ino-culture: from inside code of changeover and inside translation to verbalization. *Voprosi kognitivnoi lingvistikoi*. – 2013. – № 4. – P. 129-134.
6. Pasputin V. "Siberia. Siberia ... "Siberia without romanticism". – M.: «Izdatel Saproniv», 2006. – 257 p.

УДК 81'42

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ В СЛОВАРНОМ ДИСКУРСЕ

Осинцева Татьяна Викторовна

ассистент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / delfina.87@inbox.ru

Дружлякова Анна Витальевна

студент кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / druzh-anya@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются характеристики нормативного словарного дискурса и концептуальной метафоры EUROPEO, зафиксированной словарем.

Ключевые слова: дискурс, словарный тип дискурса, концептуальная метафора EUROPEO.

THE FUNCTIONAL ASPECT OF THE METAPHOR IN THE DICTIONARY DISCOURSE

Osintseva Tatiana

Assistant of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *delfina.87@inbox.ru*

Druzhiakova Anna

Student of English language and teaching methods department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *druzh-anya@yandex.ru*

Abstract

The characteristics of the standard dictionary discourse and of the conceptual metaphor EUROPEO fixed by the dictionary are under consideration in this article.

Keywords: discourse, the dictionary type of the discourse, the conceptual metaphor EUROPEO.

1. Теоретические основы понятия дискурс.

Термин «дискурс» принято понимать как связный текст в совокупности с различными жизненными, социокультурными, психологическими и другими факторами, то есть текст, погруженный в ситуацию общения. Однако, несмотря на то, что термин «дискурс» неоспоримо имеет важнейшее значение для когнитивной лингвистики, он до сих пор не имеет единого, четкого и общепринятого определения.

Дискурс представляет большой интерес для многих наук. В прагмалингвистике дискурс рассматривают как интерактивную деятельность участников общения, которая состоит в установлении и поддержании контакта между ними, эмоциональном и информационном обмене, оказании воздействия друг на друга, переплетении меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определении коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. Психолингвистика интересуется дискурсом с других позиций. Психолингвистов в большей степени интересуют типы речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции.

Структурно-лингвистическое описание дискурса ориентировано на его сегментацию и имеет целью освещение собственно текстовых особенностей общения, таких как содержательная и формальная связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничители, большие и малые текстовые блоки, дискурсивная полифония как общение одновременно на нескольких уровнях глубины текста.

Лингвостилистический анализ дискурса в свою очередь направлен на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц. В рамках лингвокультурного изучения дискурса основной задачей является установление специфики общения в рамках определенного этноса, определение моделей этикета и речевого поведения в целом, характеристика культурных доминантов соответствующего сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявление способов обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры.

Когнитивно-семантическое описание дискурса рассматривает его в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когнитивов, т.е. различных моделей репрезентации общения в сознании.

Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения в качестве представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения именно в социокультурном контексте.

Несмотря на такое многообразие подходов, они не являются взаимоисключающими и вносят большой вклад в развитие теории дискурса.

Тён Адрианус ван Дейк, нидерландский лингвист, определяет дискурс как сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию "коммуникативное событие" [ван Дейк 1989: 46]. Этот подход обладает многими преимуществами, среди которых следует выделить то, что дискурс не ограничивается рамками собственно

текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

Ситуативное (культурно-ситуативное) понимание дискурса раскрывается в "Лингвистическом энциклопедическом словаре", где дискурс определяется как "речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «речь, погруженную в жизнь». Поэтому, по ее словам, термин "дискурс", в отличие от термина "текст", не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно. [Арутюнова 1990: 136-137].

В. Я. Мыркин, известный ученый и лингвист, считает, что между языком и речью должно быть опосредующее звено, и предлагает считать таким звеном три различных образования: языковую (или речевую) норму, индивидуальный язык (идиолект), дискурс (или текст) в отвлечении от личности говорящего и контекста (ситуации); в таком прочтении дискурс толкуется как искусственный аналог подлинной речи, например, сконструированное предложение [Мыркин 1994: 7, 19].

2. Типы дискурсов и их характеристика

Принято выделять два основных типа дискурса с позиций социолингвистики:

- персональный (личностноориентированный) – тип дискурса, когда говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира;
- институциональный - тип дискурса, когда говорящий выступает как представитель определенного социального института.

Персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение. Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом.

В отличие от бытового в бытийном дискурсе предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами.

Институциональный дискурс отличается от персонального тем, что представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Этот тип дискурса можно подразделить на множество видов, в соответствии со сферами человеческой деятельности: педагогический, религиозный политический, дипломатический, административный, юридический, медицинский, деловой и пр. Развитие институциональный дискурса осуществляется на основании двух системообразующих признаков: цели и участников общения (представители института и люди, обращающиеся к ним).

Для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами. Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т.е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (административный дискурс – управление, политический - власть, педагогический - обучение, религиозный - вера, юридический - закон, медицинский - здоровье и т.д.), связывается с определенными функциями и ролями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании.

Б. М. Гаспаров, известный советский и американский лингвист, считает, что «дискурс вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан». К этим обстоятельствам он относит:

- 1) коммуникативные намерения автора;

- 2) взаимоотношения автора и адресатов;
- 3) всевозможные "обстоятельства", значимые и случайные;
- 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано;
- 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается;
- 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия [Гаспаров 1996: 10].

Опираясь на работы и концепции толкования дискурса нескольких авторов: Т. А. ван Дейка, Б. М. Гаспарова и Р. С. Аликаева можно утверждать, что «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический характер реального языкового общения; в противоположность этому, текст рассматривается преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности.

3. Нормативный словарный дискурс.

В нормативном словарном дискурсе отражается словарная норма языка со множеством дополнительных характеристик (стилистических, грамматических, лексико-семантические толкования, заимствования - результат этноконтактов, этимологическая справка и пр.) с целью ее культивирования в среде обучаемых или заинтересованных лиц (например, исследователей-лингвистов). Одними участниками дискурса являются заинтересованные лица или те, кого они обучают, а другими являются обычно точно зафиксированные авторы изданий (например, Х. Ногейра – автор «Большого русско-испанского словаря»).

Особенностью нормативного словарного дискурса является то, что несмотря на то, что в словарных источниках есть цитаты из конкретно указанных индивидуальных источников (публицистических текстов, газетных статей, текстов художественной литературы и т.д.), такой дискурс отличается крайней институциональностью, которая обусловлена точным изложением справочной информации по теме, зафиксированной в названии словарного источника. Его основная задача состоит в фиксации, сохранении и культивировании языковой нормы и относительно ненормативных языковых единиц с определенной степенью отклонения от данной языковой нормы. Соответственно, норма языка, зафиксированная в словарях, является крайне консервативным и регламентированным явлением социальной жизнедеятельности человека. Языковой словарный источник не может быть тематически ориентирован на передачу и хранение информации только о каком-то одном конкретном понятии, в словарных источниках фиксируется большее разнообразие номинаций какого-либо явления, номинаций концептуальной метафоры. Благодаря такой специфике словарной информации (словарных знаний), в словарных источниках фиксируется большее разнообразие номинаций какого-либо явления, в частности, номинаций концептуальной метафоры *EUROPEO*.

На этом основании можно проследить развитие концептуализации данного фрагмента действительности и особенности его восприятия несколькими поколениями говорящих на данном языке.

4. Концептуальная метафора *EUROPEO* в НСД.

НСД отличается своеобразием фиксации концептуальных смыслов, но это не является задачей этого дискурса и словарей, в частности, используемых нами в качестве источников на материале НСД. У словаря и у дискурса в целом другая информативно-прагматическая ориентация: фиксировать все значимые, хоть и относящиеся к разному времени возникновения, слова и выражения и давать им лингвистический и концептуальный комментарий. Поэтому выделить всю вариативность концептуальных метафор в текстах словарей – задача сложная, тем более, абстрагировать их до инвариантов – метафорических моделей.

Понятие «дискурс» в современной испанской лингвистике в основном отождествляется с понятием «речевой жанр» (А. Брис и представители его школы) или употребляется

как синоним понятия «речь» (А.-М. Вигара Таусте и ее ученики), что не дает необходимой теоретико-методологической базы для того, чтобы рассматривать разговорную речь не только как феномен универсальный, т.е. обладающий определенным набором характерологических свойств и признаков, свойственных разговорной речи любого развитого языка, но и как феномен идиоэтнического порядка, определяемый особенностями национальной ментальности, запечатленной в национальной концептуальной картине мира.

Метафора, как концептуальная, так и дескриптивная, выполняет в языке прессы целый ряд важнейших функций. Она необходима автору для того, чтобы объяснить читателю, слушателю или зрителю значение некоторых сложных политических концептов с помощью семантически более понятных выражений. Во многом это связано с тем, что состав участников массовой коммуникации значительно увеличился в результате приобщения к социально-политической жизни слоев населения разного культурного уровня, в разной степени владеющих языковой нормой и занимающих разное общественное положение. Стремясь быть понятыми максимально широкой читательской аудиторией, журналисты нередко прибегают к так называемым бытовым метафорам, например: *La administración de EE UU quiere mantener la sartén por el mango en este conflicto* (quiere ejercer pleno control, дословно держать сковороду за ручку-быть хозяином положения, контролировать ситуацию); *Al ministro le está tocando otra vez bailar con la fea* (enfrentar un momento no muy agradable-выполнять самую неприятную работу, расплачиваться за всех); *Resulta más difícil bajarse del coche oficial* (abandonar la carrera política).

Следует помнить, что моделирующая роль метафоры заключается в том, что она не только формирует представление об объекте, но и предопределяет стиль и способ мышления о нем. В этой связи особая роль принадлежит так называемым «ключевым метафорам» (Арутюнова Н.Д.), которые задают аналогии и порождают ассоциации между разными системами понятий, обеспечивая концептуализацию какого-либо фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий и ценностей. В языке СМИ активно функционирует целый ряд ключевых метафор, обобщающих национально-специфическое видение мира, сложившееся в испанской культуре.

Одной из основных ключевых метафор является ассоциация общества, его политических институтов с домом, который строит человек. В испанской прессе чаще всего уподобляют дому не столь давно появившуюся новую политическую реалию — Европейский Союз: *la construcción europea*; *construir la gran casa común*; *sentar las bases de la casa comunitaria*; *el cobijo comunitario*; *las murallas de la fortaleza de la Unión Europea*.

Ниже приведем несколько примеров использования выше приведенных метафор в основных изданиях испанской прессы:

- *Construir la casa común europea es ahora más urgente que nunca. Hay que crear un sistema de seguridad que incluya a EE UU, Canadá, Rusia y los países europeos*”, afirma vehementemente Михаил Горбачев, de 83 años, a la vista de las turbulencias por las que atraviesa la relación de Rusia con Occidente.

- “*La casa común europea hay que edificarla con buenos cimientos para que todos se sientan bien en ella*”, opina, recuperando una de las ideas con las que revolucionó el panorama internacional cuando llegó al poder en 1985.

- *La construcción europea es un proyecto único que ha logrado que los Estados europeos hayan superado un pasado marcado por el conflicto y desarrollen conjuntamente un nuevo marco común de entendimiento político, económico y social.*

Далее кратко рассмотрим объективации других метафорических моделей, зафиксированных в словарях испанского языка «*Diccionario Salamanca de la Lengua Española*» и «*Diccionario de la lengua española - Real Academia Española*» в соотносимых с ними конкретных концептуальных метафор:

- 1) *européismo*
sustantivo masculino

Área: política Ideología y comportamiento de los partidarios de la unificación europea: El europeísmo de algunos partidos choca con la defensa de los valores nacionales de los Estados.

В качестве существительного, “europeísmo” означает политическую идеологию сторонников европейского объединения.

2) europeísta

adjetivo

1. Del europeísmo: tendencia europeísta, política europeísta.

adjetivo, sustantivo masculino y femenino

2. Que es partidario del europeísmo: político europeísta. Los europeístas anteponen los intereses globales de Europa a cualquier interés nacional.

“europeísta” в качестве прилагательного трактуется как характеристика чего-то, что относится к Европейскому Союзу, или кого-то, кто является сторонником Европейского Союза, а в качестве существительного - как сторонник Европейского союза.

В качестве примера использования данной метафорической модели, можно привести отрывок из статьи знаменитой испанской газеты “El País”:

«Los verdaderos grupos nacionalistas europeos rechazan a la Unión Europea (UE), entidad a la que la ven como una invención del capitalismo financiero globalista para ampliar su horizonte, perjudicando a los pueblos de Europa. Además los europeístas sostienen que la UE colabora en la islamización continental.»

3) europeizar

Dar carácter europeo a algo o a alguien.

Здесь «europeizar» выступает как глагол и означает дословно «придавать кому-то или чему-то «европейский характер»».

Эта метафорическая модель также широко употребляется в испанской прессе:

«El expresidente de la Comisión Europea y Premio Europeo Carlos V, José Manuel Durão Barroso, ha asegurado este lunes que "los líderes políticos europeos no deben nacionalizar los éxitos y europeizar los fracasos".»

Таким образом, можно сделать вывод, что нормативный словарный дискурс обладает уже давно сложившимися специфическими характеристиками, которые являются свойственными только для текстов словарей и справочной литературы. В словаре никогда не отражается единая тема, а фиксируется политематический словарный состав, который включает в себя номинации всех ментальных сущностей, значимых в этой языковой национальной культуре. Текст словаря сконструирован определенным, довольно жестко регламентированным образом и наполнен дополнительными профессиональными терминами. Задачей НСД является фиксация языковой нормы и отклонений от нее, функционирующих в различных социальных сферах общения, с указанием их точных соотношений. В фиксируемом множестве номинаций, их толкований объективируется своеобразная концептуальная система носителей данного естественного языка, которая помогает нам понять специфику их менталитета и восприятия мира.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 296 – 297.
2. Аликаев, Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики [Текст] / Р. С. Аликаев. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 318 с.
3. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.
5. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 20.
6. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст]/А. В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
7. Мыркин, В. Я. Язык – речь – контекст – смысл: учеб.пособие [Текст] / В. Я. Мыркин. – Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 1994. – 97 с.

8. Diccionario Salamanca de la Lengua Española [Электронный ресурс]// URL: <http://fenix.cnice.mec.es/diccionario/> (дата обращения: 31.03.2017).
9. Diccionario de la lengua española - Real Academia Española [Электронный ресурс]// URL: <http://dle.rae.es/> (дата обращения: 31.03.2017).
10. El Periódico “El País” [Электронный ресурс]// URL:<http://internacional.elpais.com/internacional/2014/12/05/>(дата обращения: 31.03.2017).

References

1. Arutyunova, N.D. Metaphor [Text] / N.D. Arutyunova // Linguistic encyclopedic dictionary. - Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. - P. 296 - 297.
2. Alikayev, RS The Language of Science in the Paradigm of Modern Linguistics [Text] / RS Alikayev. - Nalchik: El-Fa, 1999. - 318 p.
3. Gasparov, VM Language, memory, image. Linguistics of language existence [Text] / VM Gasparov. - Moscow: New Literary Review, 1996. - 352 p.
4. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.
5. Karasik, VI On types of discourse [Text] / VI Karasik // Linguistic Person: Institutional and Personal Discourse. Collection of scientific papers. - Volgograd: Change, 2000. - S. 5 - 20.
6. Kirilina, AV Gender: linguistic aspects [Text] / A. V. Kirilin. - Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 1999. - 189 p.
7. Myrkin, V. Ya. Language - speech - context - meaning: teaching aid [Text] / V. Ya. Myrkin. - Arkhangelsk: Publishing house Pomorsk. University, 1994. - 97 p.
8. Diccionario Salamanca de la Lengua Española [Electronic resource]// URL: <http://fenix.cnice.mec.es/diccionario/> (date of the application: 31.03.2017).
9. Diccionario de la lengua española - Real Academia Española [Electronic resource]// URL: <http://dle.rae.es/> (date of the application: 31.03.2017).
10. El Periódico “El País” [Electronic resource]// URL:<http://internacional.elpais.com/internacional/2014/12/05/>(date of the application: 31.03.2017).

УДК 81'1

О ПОЛИТКОРРЕКТНОМ ЛЕКСИКОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

Пономарёва Анастасия

студентка факультета иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
ponomareva.anastasya2016@yandex.ru

Кривчикова Нэля Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
krivchikova@bsu.edu.ru

Аннотация

Явление «политкорректность» и современные СМИ имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения. В практическом сознании носителя языка формируется «медийная» картина мира, свойственная каждой культуре. В статье рассматриваются некоторые аспекты медийной коммуникации и языковой картины мира с учетом этнокультурных факторов. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что медийный дискурс вбирает в себя не только элементы, присущие тому или иному жанру, но и особенности коммуникативного поведения представителей данной лингвокультуры как языковых личностей, доминантные параметры которых могут быть выделены на основе комплексного анализа соответствующего языкового материала.

Ключевые слова: политкорректность, медийная картина мира, коммуникативное поведение, лингвокультура, языковая личность.

ON POLITICAL CORRECTNESS IN CONTEMPORARY FRENCH MEDIA

Ponomareva Anastasia

Student of the Faculty of Foreign Languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
ponomareva.anastasya2016@yandex.ru

Krivchikova Nelya

Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
krivchikova@bsu.edu.ru

Abstract

The phenomenon of “political correctness” and modern media have specific points of contact in each culture. In the practical consciousness of native speaker, a “media” picture of the world is formed, which is typical for each culture. In the article some aspects of media communication and the language picture of the world are considered taking into account ethno cultural factors. A working hypothesis is that media discourse incorporates not only elements inherent in this or that genre, but also features of communicative behaviour of representatives of this linguoculture as linguistic personalities whose dominant parameters can be distinguished on the basis of a comprehensive analysis of the corresponding linguistic material.

Key words: political correctness, media picture of the world, communicative behaviour, linguistic culture, linguistic personality.

Язык – чувствительный барометр интеллектуального и социального состояния общества. Специфика коллективного мировосприятия и мышления закрепляется в языке, который фиксирует доминантные способы вербализации ценностных установок нации. Если культура поддерживает одни речевые и коммуникативные жанры и не поддерживает другие, то данный факт может служить эмистемологическим основанием для отнесения данной культуры к определенному когнитивно-коммуникативному типу.

Когнитивная генристика указывает на тот факт, что в речевой культуре “с одним и тем же жанром могут соотноситься одновременно положительные и отрицательные характеристики” [Дементьев, Фенина 2005, 13]. Исследователи отмечают: “русский речевой жанр *светская беседа* является в целом культурно поддерживаемым и скорее положительно оцениваемым в силу особенностей русской речевой культуры (...) однако в силу других особенностей той же культуры это может быть отрицательно оцениваемый вид общения (ср. выражения: *светская болтовня, светский треп, светская тусовка*)” [ibid.]. Подобная амбивалентность характерна и для имени жанра “политкорректность”, которое активно вошло в обиход российского научного и медийного дискурса.

Как известно, термин “политкорректность” (ПК) заимствован из английского языка и в общих чертах означает способность говорящего к вежливой и корректной форме ведения беседы. Главенствующей функцией жанра здесь выступает функция поддержания и сохранения эффективности коммуникации.

Мы предлагаем выделить два “идеальных” (по М. Веберу) подтипа ПК:

1. Нормативный (НПК).
2. Псевдонормативный (ППК).

К первому подтипу относится ПК, функционирующая прежде всего в рамках профессиональной этики. Данный подтип характеризуется стремлением к нормативности коммуникации, употреблению стандартных языковых моделей, нейтральности стилистических средств. Дифференциальный признак - эмпатическая, участная коммуникация. Здесь можно говорить о ПК “хороших” врачей, учителей, научных работников, журналистов и т.д.

Второй подтип представляет собой зеркальное отражение первого, хотя ППК также стремится к нормативности коммуникации, употреблению стандартных языковых моделей, нейтральности стилистических средств. Главным отличием ППК является семантический вакуум высказывания и коммуникативная индифферентность говорящего. Речь идет о языковом поведении “плохих” врачей, учителей, научных работников, журналистов и т.д. Оппозиция плохой / хороший понимается как предельное понятие (позитивный / негативный стереотип), касающееся коммуникативных качеств “человека говорящего”. В настоящей статье мы хотим рассмотреть некоторые черты ППК, которые поддерживаются современной французской культурой, в частности, национальными СМИ.

Искусство политически корректного выражения своих мыслей родилось не вчера. ПК как речевой жанр имеет свою историю в каждой “отдельно взятой стране”.

Французская ПК берет свое начало в рыцарских романах средневековья и закрепляется в литературном творчестве XVII-XVIII столетий, справедливо называемых “золотым веком” французского языковой культуры. Данный период отмечен не только обилием литературных и политических событий, значимых для развития, прославления и распро-

странения французского языка по всей Европе, но и “выведением” особого “парникового” подъязыка, в котором обычные слова и выражения были заменены на более тонкие и изящные (по мнению его создателей).

Для того, чтобы иметь представление о мастерстве косвенного выражения мыслей в светских салонах Франции, достаточно процитировать некоторые слова и выражения из знаменитого словаря Антуана Сомэза: “Меблировка уст” - зубы; “Подушечки любви” - груди; “Заставить говорить немого” - стучаться в дверь; “Снег лица мадемуазели начинает таять” - мадемуазель начинает стареть; “Ваша собака вела себя преувеличенно” - ваша собака нагадила и пр. [Somaize 1661].

Современные французские СМИ не забыли уроков прошлого и во Франции снова пышным цветом “расцвел” жанр ПК, причем в худших своих проявлениях. Еще Валери Жискар д’Эстен в свое время писал о том, что французы перестали понимать друг друга: “Tout le monde doit être bilingue dans une langue et en parler une autre (Каждый вынужден быть билингом в своем языке и уметь говорить на другом наречии)”. В этом смысле национальные средства массовой информации способствуют созданию псевдонормы языка, так как поддерживают данный речевой жанр.

Не случайно известный журналист и филолог Филипп Вандель назвал свой словарь “Франко-французский словарь” (*Le Dico français / français*), в котором, в частности, отражены “причесанные” до неузнаваемости высказывания из национальных СМИ: “Les hommes et les femmes de ce pays” - les électeurs (“Женщины и мужчины этой страны” - избиратели); “Consensus” - accord de circonstance (“Консенсус - вынужденное соглашение”); “Logique d’exclusion” - chômage (“Логика вытеснения” - безработица) [Vandel 1995]. Данные речения являются языковыми аналогами сознательной / подсознательной идеологической установки на затушевывание социальных проблем при помощи косвенных способов передачи мысли. Современный политический и медийный дискурс Франции изобилует образчиками подобного речевого “шлака”.

Известный лингвист Пьер Мерль употребляет по этому поводу термин “charabia” (тарабарщина), который он включил в название своей новой книги “Le nouveau **charabia**. Le français est une langue étrangère” [Merle 2005]. Синонимический ряд определений современного узуса французских СМИ красноречиво говорит сам за себя: le français **ampoulé**, a l’**esbroufe**, **pédant**, **boursoufflé**, **bouffi**, **tarabiscoté**, a **texture cotonneuse**, d’une **neutralité hypocrite**, il a hérité la **lourdeur**, l’**empesage**, la **grisaille**, le gout de **lustrine**, bref, la **laideur** (французский язык - выпрепанный, арапистый, педантский, напыщенный, высокопарный, вычурный, вялой текстуры, лицемерной нейтральности, тяжелый, чопорный, тусклый, лоснящийся, уродливый).

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров ПК, взятых из французской прессы: “Module pratique de mise à niveau langagière” - cours de français (“Группа практической языковой подготовки” - курсы французского языка); “SDF structurel” - SDF (“Структурный бомж” - бомж); “Public fragile, en grande difficulté sociale” - vieux, pauvres (“Хрупкая публика, в затруднительном социальном положении” - старики, бедные); “Ce pays” - France (“Эта страна” - Франция); “Soutien de l’Etat” - nationalisation (“Поддержка государства” - национализация).

Приведенные высказывания со всей очевидностью напоминают прециозный стиль классической эпохи Франции, но если речь посетителей салонов не выходила за пределы “рассадников изящного языка”, то современные “перлы” французской ПК агрессивно активны в силу вездесущности современных информационных технологий. Остается надеяться на внутренние ресурсы языка Корнеля и Мольера и на авторитетность французских литераторов и филологов, которая всегда основывалась на их энциклопедической доминации, лингвистической компетенции и, как следствие, проявлялась в коммуникативном лидерстве.

В данной статье была рассмотрена лишь малая часть образцов медийного дискурса Франции, но она красноречиво отражает характерные признаки жанра ПК современных

французских СМИ: псевдонормативность, дистантную проксемику, прагматическую утилитарность.

Таким образом, медийный дискурс вбирает в себя не только элементы, присущие тому или иному жанру, но и особенности коммуникативного поведения представителей данной лингвокультуры как языковых личностей, доминантные параметры которых могут быть выделены на основе комплексного анализа соответствующего языкового материала.

Литература

1. Дементьев В.В., Фенина, В.В. Когнитивная генерика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ “Колледж”, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 5-34.
2. Merle P. Le nouveau charabia. Le français est une langue étrangère! – P.: Editions Milan, 2005. – 315 p.
3. Somaize A. Grand dictionnaire historique des précieuses. – P.: P.Jannet, 1856. – 2 Vol.
4. Vandel Ph., Le Dico français / français / Ph. Vandel – P.: Editions Jean-Claude Lattès, 1993. – 352 p.

References

1. Dementiev V.V., Fenina V.V. Cognitive genetics: intracultural speech values // Genres of speech: Collection of scientific articles. – Saratov: Publishing house of the State Unitary Enterprise "College", 2005. Issue. 4. Genre and concept. – P. 5-34.
2. Merle P. Le nouveau charabia. Le français est une langue étrangère! – P.: Editions Milan, 2005. – 315 p.
3. Somaize A. Grand dictionnaire historique des précieuses – P.: P.Jannet, 1856. – 2 Vol.
3. Vandel Ph. Le Dico français / français – P.: Editions Jean-Claude Lattès, 1993. – 352 p.

УДК 811.111’37:811.161.1

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Раздабарина Юлия Анатольевна

старший преподаватель, кандидат филологических наук
НИУ «БелГУ», Белгород, Россия
rasdabarina@mail.ru

Шеховцева Татьяна Михайловна

доцент, кандидат филологических наук
НИУ «БелГУ», Белгород, Россия
shekhovtseva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье описывается когнитивно-матричный анализ широкозначных существительных русского и английского языков. Данный вид анализа основан на выделении компонентов когнитивной матрицы как особого формата многоаспектного знания, представляющего собой систему взаимосвязанных когнитивных контекстов. В статье описаны приёмы когнитивно-матричного анализа применительно к существительным широкой семантики концептуальной области «Артефакты».

Ключевые слова: широкозначные существительные, когнитивная матрица, когнитивно-матричный анализ, когнитивная область, когнитивный контекст.

COGNITIVE AND MATRIX ANALYSIS AS RESEARCH METHOD OF WIDE SEMANTICS NOUNS

Razdabarina Yuliya

Senior Lecturer, Candidate of Philology
Belgorod, Russia
razdabarina@mail.ru

Shekhovtseva Tatiana

Associate Professor, Candidate of Philology
Belgorod, Russia
shekhovtseva@bsu.edu.ru

Abstract

The article describes the cognitive-matrix analysis of wide semantics nouns of Russian and English. This analysis is based on selecting cognitive matrix components as special format of multi aspect knowledge that is in system of interrelated cognitive contexts. The article describes methods of cognitive-matrix analysis applied to the nouns of the wide semantics of the conceptual field "Artifacts".

Key words: nouns of wide semantics, cognitive matrix, cognitive and matrix analysis, cognitive field, cognitive context.

Лексические единицы, выступающие объектом исследования в данной статье, входят в особое тематическое объединение – группу имён существительных широкой семантики. К ним относятся такие слова как *thing, matter, fact, problem, act, idea* и т.д. в английском языке и *вещь, дело, факт, идея, проблема* и т.д. в русском языке). Подобные существительные уникальны тем, что способны выражать разнообразные смыслы, обозначая некий общий признак, присущий огромному числу предметов. Концептуальное содержание существительных широкой семантики весьма непостоянно и по-разному реализуется в различных контекстах. Подобным существительным присуща функциональная открытость, возможность выполнять разные функции – концептообразующую, характеризующую, дейктическую и т.д. (см. [1,7,8]).

В частности, концептообразующая функция имен существительных широкой семантики проявляется, по мнению Х. Шмида, в способности «обрамления» любого типа опыта, который нельзя передать обычным конкретным словом, в конкретно-зависимые концептуальные гештальты. Автор считает, что существительные с обобщенным значением, выполняют когнитивную функцию формирования временного концепта. Они позволяют инкапсулировать сложную по структуре информацию во временные именные концепты с достаточно жесткими и хорошо очерченными границами. С одной стороны, как полнозначные существительные, лексические единицы рассматриваемого типа создают впечатление, что тот опыт, который они инкапсулируют в качестве концепта, относится к классу вещей. С другой стороны, природа их содержания временна, непостоянна, так как это содержание меняется в зависимости от ситуативного и языкового контекстов, в которых они функционируют [7].

Как отмечает Т.Н. Гарьковская, именам существительным широкой семантики присуща семантическая опустошенность и контекстуальная обусловленность. При этом такие существительные имеют своё номинативное значение, которое сохраняется, хотя и частично десемантизируется. В их семантике происходит уравнивание объёмов грамматической и лексической абстракции, вследствие чего такие существительные способны замещать любую единицу того грамматического класса, с которым соотносится их широкое значение. Подобные лексические единицы характеризуются категориально-обобщённым сигнификативным значением [6]. Они могут служить примером репрезентации многоаспектного знания, поскольку «многоаспектное знание объединяет в себе множество различных контекстов осмысления, его невозможно описать простым набором компонентов и характеристик» [4, с.51].

Объяснение отмеченных закономерностей требует использования современных методов исследования в когнитивной лингвистике. Одним из них является когнитивно-матричный анализ, предложенный Н.Н. Болдыревым (см. подр. [2-5]). Когнитивно-матричный анализ относится к специфическим методам исследования концептуально-сложных форматов знания. Он представляет собой систему исследовательских приёмов, включающих: «1) выявление посредством концептуального анализа взаимосвязанных аспектов единого знания интегративного характера (интегративного концепта), 2) построение на этой основе когнитивной матрицы интегративного концепта (когнитивно-матричное моделирование), 3) описание компонентов матрицы как системы когнитивных контекстов или концептуальных областей, лежащих в основе формирования значений языковых единиц, а также средств языковой актуализации этих контекстов, 4) выделение с помощью концептуального анализа основных характеристик объекта, интерпретируемых в рамках конкретных когнитивных контекстов, 5) изучение взаимосвязей объекта с этими контекстами на основе выделенных характеристик, 6) описание когнитивных механизмов формирования соответствующих языковых значений, 7) анализ языковых механизмов и конкретных средств актуализации этих значений на функциональном уровне» [5, с. 62].

Приёмами когнитивно-матричного анализа для существительных широкой семантики соответственно будут: 1) выявление посредством концептуального анализа взаимо-

связанных аспектов единого знания интегративного характера, лежащего в основе семантики широкозначных существительных, 2) построение на этой основе когнитивной матрицы интегративного концепта, 3) описание компонентов матрицы как системы когнитивных контекстов необходимых для формирования значений существительных широкой семантики, 4) выделение с помощью концептуального анализа основных характеристик широкозначных существительных, интерпретируемых в рамках конкретных когнитивных контекстов, 5) описание когнитивных механизмов формирования смыслов, передаваемых существительными широкой семантики.

В результате концептуального анализа имён существительных широкой семантики русского и английского языков и контекстов их употребления, нами были выделены следующие области их концептуализации: *человек, природа, абстрактные сущности, артефакты*. Рассмотрим концептуальную область артефакты более подробно. Согласно словарным толкованиям, артефакт – это 1) «предмет, изготовленный, сделанный человеком» [10], 2) «искусственно сделанный» [10], 3) «an object made or shaped by human hand» [11], 4) «an object of archaeological or historical interest» [11], 5) «an object made or shaped by some agent or intelligence, not necessarily of direct human origin» [11]. Всё это позволяет нам сделать вывод, что к области артефакты относятся любые вещи, сделанные людьми. Все эти предметы образуют единую концептуальную область артефакты, которая может быть выражена в языке, в том числе и посредством существительных широкой семантики.

Ядерным элементом когнитивной матрицы в данном случае являются существительные широкой семантики, значения которых формируются на фоне концептуальной области артефакты. Основным содержательным признаком, который даёт анализ словарных толкований, этой концептуальной области, будет характеристика «искусственно сделанный, сделанный человеком». Описать возможные контексты осмысления в данной концептуальной области достаточно сложно в рамках отдельной статьи, поскольку артефакт – это любой предмет, созданный человеком. Поэтому мы постараемся рассмотреть только некоторые из них:

- This sweater is very nice. May I put this *thing* on? [12]

В процессе формирования смысла в данном примере в концептуальной области артефакты активизируется основная характеристика этой области «сделанный человеком». Эта характеристика ложится в основу семантики существительного *thing* при употреблении в данном контексте. Активизация характеристики на языковом уровне происходит под влиянием сказуемого, выраженного глаголом с послелогом (put on) и предшествующего контекста, из которого мы понимаем, что речь идёт о *свитере*, который создан руками человека. Когнитивный механизм фокусирования, действуя в процессе концептуализации существительного широкой семантики *thing* как предмета одежды, обеспечивает актуализацию его основной характеристики в данном контексте – «сделанный человеком», соответственно, являющийся артефактом.

- Let's sit on this carved stone *thing*. [12]

В данном случае на основе той же самой характеристики «сделанный человеком», в концептуальной области артефакты формируется семантика существительного *thing* в рассматриваемом контексте. В данном случае оно может быть рассмотрено как bench или chair, на что указывает сказуемое (sit). На то, что эта *вещь* является артефактом, на языковом уровне указывает использование препозитивного определения, выраженного прилагательным carved. Когнитивный механизм конкретизации обеспечивает актуализацию характеристики «сделанный человеком». Благодаря чему становится понятным, что это место для сидения было сделано при помощи труда человека (carved).

- The *stuff* of her granny's pies is always rather unusual for strangers, but we like it. [12]

Согласно словарям существительное «пирог» - это «мягкое выпеченное изделие с начинкой» [10]. В этом примере речь идёт о необычной начинке (*stuff*), на что указывает наличие постпозитивных определений, выраженных на языковом уровне прилагательными rather unusual. Из словарного толкования этого слова становится понятным, что и само

изделие и его начинка изготовлены человеком (в данном случае granny) и, следовательно, являются артефактами.

- Новое платье Светланы такое красивое! И где она только находит такие интересные вещи! [9]

Языковыми механизмами, обеспечивающими передачу смысла *одежда* существительным широкой семантики *вещь*, служат препозитивные и постпозитивные определения, выраженные в данном контексте прилагательными новое, красивое, интересные, а так же прямое указание на один из видов женской одежды – платье в первом предложении-высказывании. В данном случае задействован когнитивный механизм обобщения, когда от частного знания (платье), мы переходим к более общему (одежда). Одежда также создана руками человека и является артефактом.

- Could we please concentrate on the plastic *matter* in my hand? [12]

В основу семантики существительного *matter* в данном примере ложится характеристика «искусственный». На языковом уровне это становится понятным благодаря препозитивному определению, выраженному прилагательным *plastic*. Активизация данной характеристики происходит под влиянием предшествующего контекста «*plastic*». Нам известно, что *plastic* (пластмассовый) – это искусственно созданный материал, а сделанный из него предмет (*matter*), также будет искусственно созданным и, следовательно, артефактом.

Как видно из приведённых выше примеров, средствами языковой репрезентации концептуальной области артефакты могут служить существительные широкой семантики английского (*thing, stuff, matter*) и русского (вещь) языков. Все эти существительные приобретают соответствующий смысл (*свитер, скамейка, начинка, одежда, предмет*) в рамках концептуальной области артефакты за счёт активизации характеристики «сделанный человеком, искусственный» и когнитивных механизмов конкретизации и фокусирования.

Проведённый в настоящей статье когнитивно-матричный анализ позволяет заключить, что в основе значений существительных широкой семантики в концептуальной области «Артефакты» лежит сложная концептуальная структура матричного формата, представляющая собой систему контекстов осмысления ядерного элемента в рамках данной концептуальной области. Данная когнитивная матрица может рассматриваться как многомерная система взаимосвязанных когнитивных контекстов существительных широкой семантики, передающих многоаспектность знаний об артефактах.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
2. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч.тр. – Тамбов, 2007а. С. 12-28.
2. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007б. №4. С. 17-27.
3. Болдырев Н.Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. – Тамбов, 2008. – С. 50-55.
4. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа слова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV // Коллективная Монография. – М., 2009. – С. 25-78.
5. Гарьковская Т.Н. О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) // Бытие и язык. Новосибирск, 2004. С. 324-330.
6. Schmid Hans-Jorg. English Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
7. Vendler Z. Adjectives and Nominalisations. The Hague: Mouton, 1968.
8. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.search.ruscorpora.ru>
5. 10. ТСПЯ – Толковый словарь русского языка: В 4т. Т.1 / Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935-1940.
11. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. NY: Longman, 2001.
12. BNC – British National Corpus. URL: <http://www.nat.corp.ox.ac.uk>

УДК 81'1

МИФОЛОГЕМЫ И ПРАГМАТОНИМЫ СФЕРЫ ПИТАНИЯ

Седых Аркадий Петрович

доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный ис-
следовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Седых Наталья Викторовна

магистрант кафедры немецкого и французского
языков
Белгородский государственный национальный ис-
следовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Своеобразие национального характера проявляется в пищевых предпочтениях народа. Глуттоническая картина мира имеет точки соприкосновения с мифологической картиной мира. В статье рассматриваются некоторые аспекты корреляций мифологем и прагматонимов с учетом этнокультурных факторов. Гастрономические прагматонимы обладают высокой степенью лингвокультурной активности в национальном мировидении, что способствует формированию характерных для данной области параметров идиоэтнической коммуникации.

Ключевые слова: мифологема, прагматоним, языковая и глуттоническая картина мира, коммуникация, номинация, символическая доминанта, лингвокультура, этнос и нация.

MYTHOLOGIES AND PRAGMATONS OF NUTRITION SPHERE

Sedykh Arkadiy

Head of the Department of German and French
Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Sedykh Natalia

Graduate student of German and French department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / nata.victorovna75@mail.ru

Abstract

The peculiarity of the national character manifests itself in people's food preferences. Gluttonic picture of the world has a point of contact with the mythological picture of the world. The paper deals with some aspects of correlations of mythology and pragmatonyms considering ethno-cultural factors. Gastronomic pragmatonyms are highly active in the national worldview. A working hypothesis is put forward that a particular food can have varying degrees of linguistic-cultural activity in various national discourses.

Key words: national character, language and gluttonic picture of the world, communication, nomination, symbolic dominant, linguistic culture, ethnicity and nation

Глуттоническая деятельность в её речевой ипостаси строится главным образом на использовании готовых коммуникативных единиц: схем, шаблонов, клише, связанных с особенностями языкового мышления в области пищевых предпочтений. Языковое мышление проецируется в глуттоническую активность, которая связана через конвенциональность семантики с мифологическими установками каждого национально-культурного сообщества. Мифологизация является универсальным способом постижения, организации и категоризации действительности. Она охватывает все уровни социальной и индивидуальной практик. При этом гастрономический миф есть особое состояние сознания, специфическая мыслительная парадигма, продуцирующая систему представлений индивида о культуре питания.

Культурные архетипы подразделяются на универсальные и этнические и рассматриваются нами как базисные элементы культуры, представленные в сознании в виде архетипических образов, черты которых определяются культурной средой и способом метафорической репрезентации. Культурные архетипы являются результатом обработки и способом хранения и репрезентации коллективного культурного опыта [Седых 2004].

Из фундаментальных архетипических представлений человека формируются культурные коды, которые универсальны по своей сущности. Вместе с тем, следует отметить, что в них запечатлен национальный способ видения мира, который определяет и формирует национальный характер.

Пища сама по себе является древнейшим архетипом, корнями уходящим в принципы безопасности человеческого существования. Культурные коды потребления пищи формируют правила культуры питания. Термин «культурный код» в общих чертах совпадает с содержанием термина Р. Барта «акциональный код», который означает пучок ассоциаций, принадлежащих культуре и конституиру-

ющих всякое письмо. Письмо (*l'écriture*), по мнению Р. Барта, обозначает некую идеологическую сетку, находящуюся между индивидом и действительностью и заставляющую его принимать те или иные ценностные ориентации в зависимости от «установок» письма [Барт 1994]. В этом смысле можно говорить о гастрономическом коде нации, конституирующем глоттоническое письмо.

Национальная культура питания ориентирована на определённые формы её осуществления. В своих сущностных характеристиках динамика глоттонии определяется и выражается господствующими в обществе архетипами. Архетип для К.Г. Юнга – это структурный элемент психики, который возник в примитивном мире первобытного человека и изначально нашел свое выражение в его мифологии. Юнг был убежден, что такого рода архетипы живут в каждом из нас до сих пор, «являются неоспоримым общим наследием всего человечества», что основу человеческой психики составляют некоторые древние образы, с которыми мы знакомы по мифологемам и отчасти по сновидениям [Юнг 1991, 35].

Имена мифических, сказочных, литературных персонажей, сказочная и мифологическая фразеология знакомы человеку с детства и манифестируют ключевые архетипы нации: русск. *Василиса Прекрасная; водяной; леший; старичок-боровичок; Весна Красна; Волк и семеро козлят; Дед Мазай и зайцы; Мать Сыра земля; Скатерть-самобранка; Молочные реки и кисельные берега; По усам текло, в рот не попало; Илья Муромец; Алеша Попович; Каменный гость; Медный всадник; Соловей-Разбойник; Гамаюн – птица вещая; Кощей Бессмертный; Посадить дерево, построить дом, вырастить сына*; англ. *Король Артур; рыцари Круглого стола; Чаша Грааля; Тристан и Изольда; Камелот; Дикая Охота; Беовульф (Beowulf = букв. 'пчелиный волк'); Ланцелот; Дева Озера; Мерлин; Фея Мограна; Стоунхендж; гоблины; драконы; русалки; великаны; ведьмы (goblins, dragons, mermaids, giants, witches); Робин-Бобин-Барабек (архетип обжоры); Робин Гуд*. Как видим, некоторые из архетипов связаны с пищевыми образами.

Теперь перейдём к архетипам, непосредственно связанным с продуктами питания. Предположим, что для русской культуры важнейшим архетипом, связанным с культурой питания, выступает мифологема «хлеб». Действительно, символическую значимость данного продукта для русской нации трудно переоценить. Для русского человека процесс употребления хлеба начинается с визуального восприятия: зажаренная корочка, ее цвет вызывают особые ощущения, которые провоцируют выделение слюны. Следующий этап – тактильное восприятие: определение теплоты, мягкости, хруст пропечённой корочки. Причём этот хруст невозможно сравнить с другим звуком, он не похож ни на один другой и связан с воспоминаниями детства.

В представлениях русского человека отсутствие хлеба в доме соответствует содержанию высказывания «в доме нечего есть». Даже наличие любых других продуктов в холодильнике или на столе не является индикатором возможности насыщения и утоления голода, если отсутствует хлеб. Хлеб подчеркивает ценность употребляемых блюд, является показателем чистых помыслов, уважения к окружающим. В данном случае первостепенную роль играет метафора «хлебосольные хозяева».

Для русского хлеб должен всегда быть свежим. Покупка хлеба – каждодневное дело. Остаток хлеба «на завтра» вызывает разочарование и растерянность, так как вчерашний хлеб уже воспринимается как «неудовлетворенность ощущений» и оскорбление собственного «я».

Хотя существительное «хлеб» мужского рода, но, скорее всего, он соотносится с комфортным архетипом матери. Через материнское начало этот образ посылает русским силу для продления рода и поддержания жизни потомков, представляя пищу, комфорт и воспитание. Основная функция матери – защита, стабилизация существования. Сфера действия этой инстанции – «реальное», которое находится по ту сторону всякой рациональности и никогда не может быть удовлетворено в качестве потребности. Эмоционально-волевые особенности данного архетипа в большей степени формируют коллективное бессознательное русских [Седых 2004].

Пословичный фонд русского языка насчитывает множество пословиц, содержащих лексему «хлеб»: *Хлеб всему голова; Хлеб-соль на столе, а руки свое; Хлеб да вода – богатырская еда; Хлеб сердце человеку укрепит; Блюда хлеб про еду, а копейку про беду; Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной* и др.

Наименования хлебобулочных изделий в русском языке представляют обширный ряд лексем: *Бараночные изделия (Бублики, Баранки, Сушки, Хлебные палочки, Соломка); Булки (Батон простой, Батон Городской, Батон Столичный, Батон Нарезной, Батон Подмосковный, Батон Дачный, Батон с изюмом, Плетенки, Халы плетеные, Булка Черкизовская, Дорожная, Булки Городские, Булки Русские круглые и пр.); Гренки (солёные, сладкие, Сухари-гренки «Ржаные», «Хлебник»); Лаваши; Лепешки; Сдобы; Сухари; Хлеб; Хлебцы* и др.

И, наконец, знаменитый абсолютно «архетипический» персонаж русских сказок, отсутствующий в других культурах, – *Колобок*. Это чисто русское «изобретение» вызывает проблемы с переводом на другие языки мира (англ. *Gingerbread Man* (букв. ‘человечек из имбирного пряника’); *Johnny-Cake* (букв. ‘кукурузная лепёшка’); *The bun* (букв. ‘сдобная булочка’); франц. *Le petit pain rond* (букв. ‘маленький круглый хлеб’); японск. *Онигири* (букв. ‘то, что лепят руками’)). Как видим, ни один перевод не передаёт и не может передать национально-культурную специфику русского архетипа «колобок».

На уровне историко-мифологического сознания «хлеб» соотносится с женским началом: «На Калитянских вечерницах происходят инициации парней, где проба праздничного калача символизирует знакомство с женским природным началом (хлеб Калиту выпекают исключительно девушки)» [Велесова Слобода: рус. интеллектуально-познават. ресурс: URL: <http://www.velesova-sloboda.org/heath/belief.html>].

Вышесказанное обнаруживает, что мифологема «хлеб» входит в информационную сферу архетипа «мать», который для русского народа имеет непреходящее значение. Это далеко не единственный случай амбивалентной реализации родственных отношений в культурном континууме России. Так, «вождь всех времён и народов» и «отец нации» Сталин обладает всеми чертами материнского архетипа в коллективном сознании русских. Знаменитые фотографии Сталина с девочкой на руках или портреты вождя на стеклах автомобилей по сути дела выступают субститутами домашних фотографических изображений матери.

В трансперсональном сознании русских образ Сталина очевидно коррелирует с архетипом Великой и одновременно Ужасной матери. Для древних культов Великой Матери были характерны человеческие жертвоприношения, в ходе которых тело умерщвленной жертвы разрубалось на куски, которые затем разбрасывались по вспаханной земле, чтобы сделать ее плодородной. В ритуалах плодородия и человеческих жертвоприношений ведущую роль играла кровь [Винокуров 2002, 190].

По мысли психоаналитиков, в основе мифа о Сталине лежит несколько архетипов и мифологем: «Сталин, как отец – мудр, суров, но справедлив, как мать, он защитит и обогреет, и мы должны хранить святую сыновнюю любовь, как к матери, беззаветно вставая на ее защиту: «Как невесту Родину мы любим, бережем как ласковую мать», пелось в одной известной песне. И хотя имя Сталина в этой песне не звучало, мифологическая связь, через лежащие в ее контексте архетипы, напрямую вела к Сталину как к верховному божеству. В результате уже и сам «Сталин» приобретает архетипические черты, причем здесь явно присутствуют и компоненты древнегреческой богини Немезиды – богини возмездия» [Работа и бизнес идеи: Ваш заработок и Ваши деньги – Интернет! [сайт]. URL: <http://www.job-2u.com/kak-ustroen-mif>].

Вообще «царь-батюшка», обладающий одновременно отцовскими и в большой степени материнскими чертами, является центральной архетипической фигурой российского мира. «Хороший» царь в представлении россиян должен быть не только «законным», но и являться одновременно эталоном совести. Символическая характеристика «хороший» как раз и олицетворяет это совмещение. В основе имиджа могут лежать несколько стереотипов, сочетаться различные маски. Для русской культуры амбивалентность и даже плюривалентность имиджа – довольно часто встречающееся явление. Так, Юрий Лотман отмечает, что «сложная маска Суворова, например, строилась из комбинации «богатыря», «стойка» и «шута» [Лотман 1976, 292].

Таким образом, в русской культуре преобладающими архетипами выступают архетипы «хлеб» и «мать», которые по своим семиотическим характеристикам находятся в одном информационном поле. Архетип матери выступает ядерным персонифицированным элементом в ассоциативной цепочке: *материя, земля, мать, домашний очаг, хлеб, благосостояние, магия мудрости*. Динамическое взаимопроникновение языковой гастрономии и языковой картины мира проявляется в национальной психологии и чертах характера носителей языка. Основополагающие архетипы нации играют здесь фундаментальную роль. По сути дела сама пища относится к числу архаических когнитивных структур, которые способствуют формированию вкусовых предпочтений и потребительской культуры нации.

Литература

1. Барт, Р. Избранные работы [Текст]: семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1994. – 616 с.
2. Винокуров, Н. И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время: по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья [Текст] / Н. И. Винокуров // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, окт.

2002 г. : в 2 ч. / Гос. Эрмитаж, Гос. музей истории религии, РАН, Ин-т истории материальной культуры ; отв. ред. В. Ю. Зуев. – СПб., 2002. – Ч. 1. – С. 189-194.

3. Лотман, Ю. М. Бытовое поведение и типология культуры в России [Текст] // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции / Ю. М. Лотман. – М.: Наука, 1976. – С. 286-292.
4. Седых, А. П. Языковая личность и этнос [Текст]: нац.-культур. особенности коммуникативного поведения русских и французов / А. П. Седых. – М.: Спутник +, 2004. – 268 с.
5. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с. : портр. – (Страницы мировой философии).

References

1. Bart, R. Selected Works [Text]: semiotics. Poetics. – М.: Progress, 1994. – 616 p.
2. Vinokurov, N.I. The phenomenon of human sacrifice in ancient and medieval times: according to the materials of ritual burials of the Crimean Priazovye [Text] / N.I. Vinokurov // Bosphorus phenomenon: funerary monuments and sanctuaries: materials of the international. Sci. Conf., St. Petersburg, oct. 2002: at 2 o'clock / State University. The Hermitage, Gos. Museum of the History of Religion, RAS, Institute of the History of Material Culture; Otv. Ed. V. Yu. Zuev. – St. Petersburg, 2002. – Part 1. – P. 189-194.
3. Lotman, Yu. M. Household behavior and the typology of culture in Russia [Text] // Cultural heritage of Ancient Rus. Origins, formation, traditions / Yu. M. Lotman. – М.: Nauka, 1976. – P. 286-292.
4. Sedykh, AP Language identity and ethnos [Text]: national-cultural features of communicative behavior. – М.: Sputnik +, 2004. – 268 p.
5. Jung, K. G. Archetype and the symbol [Text] / K. G. Jung. – М.: Renaissance, 1991. – 297 p.

УДК 811.112.2

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

Скляр Мария Сергеевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
mariya.sklyar@yandex.ru

Науч. рук., к.филол.н., доцент Скокова Татьяна Николаевна

Аннотация

В статье раскрыты основные предпосылки изучения метафорических номинаций в политическом дискурсе СМИ. Представлено обобщение представлений о политической действительности России, складывающихся в немецких СМИ.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, метафора, сфера-мишень, сфера-источник.

METAPHORICAL REPRESENTATION OF POLITICAL LIFE OF RUSSIA IN THE GERMAN MEDIA DISCOURSE

Sklyar Maria

Graduate student
Department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
mariya.sklyar@yandex.ru

Research supervisor Ph. D in Philology, Associate Professor Skokova Tatjana

Abstract

The article deals with the basic prerequisites for research of metaphors in the political discourse of the media. A generalization of ideas of the political reality of Russia in the German media is presented.

Keywords: discourse, political discourse, metaphor, sphere-target, sphere-source.

На сегодняшний день политическая лингвистика представляет собой одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений отечественной филологии, что является

ся следствием возрастающего интереса общества к применению языка в области политической коммуникации. Предназначение политического дискурса заключается в возможности воздействия на массы в соответствии с определенными политическими целями. В современном политизированном мире главным инструментом политической борьбы является слово. Так, язык выступает в политике основным средством воздействия на индивида. Вследствие этого он активно используется властями для формирования у представителей социума определенной политической картины, политических взглядов.

Одно из средств языкового воздействия – метафора. Среди приёмов политического воздействия, политической манипуляции в средствах массовой информации применяются и другие, однако, метафора, представляющая собой источник образных номинаций, является наиболее действенным.

В последние годы политический дискурс сильно метафоризирован, что объясняется общей метафоризацией человеческого сознания. В политической сфере при построении картины мира использование метафор также является частым. В рамках данного исследования особую важность приобретает когнитивно-дискурсивный подход в понимании метафоры. Вслед за Е.С. Кубряковой, метафора трактуется нами как «способ познания, категоризации, концептуализации и оценки действительности» [1, с. 235].

Стоит подчеркнуть, что политическая коммуникация зачастую опосредована дискурсом СМИ, так как в современном мире у политиков минимизированы возможности прямого контакта с населением. В области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ возникает политический дискурс СМИ. Под политическим дискурсом СМИ мы понимаем «сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный, социокультурный и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [2, с.3].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения закономерностей метафорического моделирования в современном медийном политическом дискурсе, а также значимостью выявления особенностей образного представления России в немецкой политической картине мира.

Для выявления особенностей концептуализации политической жизни России в немецком политическом дискурсе СМИ нами был проанализирован корпус эмпирического материала, который составлял 231 метафорическую единицу, извлеченную методом сплошной выборки из политических текстов печатных изданий Германии «Der Spiegel» и «Stern», опубликованных в период с 01.01.2014 по 31.03.2017.

Классификация эмпирического материала была осуществлена на основе теории метафорического моделирования. Для развития теории метафорического моделирования важное методологическое значение имеют работы Дж. Лакоффа, Ю.Д. Апресяна, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, А.П. Чудинова и других ученых.

Метафорическая модель трактуется А.П. Чудиновым как схема взаимосвязи понятийных сфер, которая существует и/или складывается в сознании носителей языка. Данную схему можно представить посредством формулы «X – это Y». Для описания метафорической модели необходимо выявить особенности структурирования сферы-мишени и сферы-источника [4, с. 131].

В рамках анализа примеров мы пришли к выводу, что структура сферы-мишени образных номинаций, репрезентирующих политическую действительность России, представлена двумя основными метафорическими моделями: «Россия – это Путин» (53%) и «Россия – это внешняя угроза» (41%).

Большая часть эмпирического материала относится к разрядам социальной и антропоморфной метафор. Наиболее продуктивными источниками метафорической экспансии являются такие понятийные сферы, как «Война», «Театр», «Игра» и «Иерархия».

При моделировании образа внешнеполитической деятельности России метафорически употребленная лексика, относящаяся к сфере-источнику «Война» (25,6%), способ-

ствует формированию в сознании реципиента негативно окрашенных ассоциаций и образов. Россия и, в частности, президент страны образно предстают агрессорами, участниками военных действий, которые используют различные средства и приемы ведения боя:

«*Waren die rätselhaften Vorgänge auf der Krim wieder nur wie ein Rauchvorhang, der einen anderen russischen Plan verdecken soll?*» (Der Spiegel №33/13.08.2016).

В немецких печатных СМИ Российская Федерация образно представлена в качестве мощной военной державы. Военная поддержка со стороны России может позволить изменить сложившуюся на Ближнем Востоке ситуацию. Для достижения данной цели необходимым является использование военных сил:

«*Russland, so Putins Botschaft, wird fortan mit militärischem Fußabdruck das Vakuum füllen, das die USA mit einer gescheiterten Strategie im Nahen Osten geschaffen haben, in Syrien ebenso wie mit ihren erfolglosen Interventionen im Irak und in Libyen*» (Stern №42/08.10.2015).

Стоит отметить, что на страницах немецкой прессы часто создается образ «натянутых» взаимоотношений России и США, описываются возникающие столкновения интересов обеих сторон:

«*Die offizielle Erklärung für Russlands Einsatz in Syrien ist immer noch: Es gehe nicht um die Rettung Assads, sondern darum, den internationalen Terrorismus zu bekämpfen. Inoffiziell geben russische Politiker das eigentliche Ziel zu: geopolitisch mit den Amerikanern gleichzuziehen*» (Der Spiegel №41/08.10.2016).

Количество образных номинаций, относящихся к сфере-источнику «Театр», в рамках данного исследования составляет 17,5%. Для немецкой прессы характерным является проведение параллелей между современной политической ситуацией и театром. Метафорические номинации, относящиеся к сфере-источнику «Театр», показывают положение стран и политиков на «мировой политической арене»:

«*Jetzt ist Russland stärker und zurück auf der Bühne der Weltpolitik*» (Der Spiegel №21/19.05.2014).

Основной целью употребления театральной метафоры в политическом дискурсе является показ неискренности и притворства, мнимости происходящего:

«*Diese «humanitären Korridore» sind eine komplette Inszenierung. Wenn jetzt Russland und das Regime Ost-Aleppo angreifen und noch mal zig Menschen töten werden, können sie sagen: «Wir haben allen Zivilisten Gelegenheit zur Flucht gegeben. Wer blieb, das sind Terroristen, und wir haben das Recht, die zu töten»*» (Der Spiegel №32/06.08.2016).

Важнейшим событием в жизни страны являются выборы президента, поэтому периоду избирательной компании характерна активизация использования языковых средств для описания происходящего. Кандидаты обращаются к массам напрямую или опосредованно, через СМИ. Для проведения предвыборной компании необходим определенный сценарий. Кроме того, чтобы добиться прихода к власти, политические лидеры обязаны «играть на публику», а, следовательно, примерять на себе различные образы и роли:

«*Die Monate vor Wahlen sind die einzige Zeit in Russland, in der sich das Volk etwas wünschen darf, es ist wie vor Weihnachten. Die Rolle des Weihnachtsmanns soll Wladimir Putin spielen, auf seine Partei und seine Beamten hofft niemand mehr. Es ist schizophren – die Leute tun so, als hätte Putin mit den Mängeln im Land nichts zu tun*» (Der Spiegel №37/10.09.2016).

Особое значение в создании образа политической действительности России отводится использованию терминологии, обозначающей реквизиты, костюмы и декорации. Так, например, понятие «кулисы» выражает значение прикрытие, маскировка какой-либо деятельности:

«*Moskau soll angenehm werden zum Leben», sagt er. Das wäre ein Paradigmenwechsel. Die Stadt war stets nur Kulisse für die Machthaber. Jetzt wird sie auch zum attraktiven Wohnort*» (Der Spiegel №16/16.04.2016).

В ходе анализа эмпирического материала нами было выявлено 11,3% от общего количества метафорических словоупотреблений, относящихся к разряду игровых метафор. В

прессе политические деятели зачастую образно представляются «игроками». Большое количество политических метафор ориентировано на командные игры. То есть, успех той или иной политической кампании зависит от возможностей и действий каждого «игрока». В нижеприведенном контексте образно раскрывается значимость Российской Федерации посредством ее представления в качестве «игрока»:

«Die wichtigste Rolle bei den Verhandlungen hat *ein dritter Spieler Russland*. Wladimir Putin unterhält gute Beziehungen zum Iran und zum syrischen Diktator» (Stern №36/27.08.2015).

Процент использования терминологии иерархических отношений в рамках исследования российской политической действительности в немецком дискурсе СМИ составляет 19,2%. В основе иерархического представления государств лежит противопоставление «высоких» социальных ступеней «низким»: богатые/бедные, король/паж. Посредством такого представления в сознание реципиентов формируется определенный статусный образ страны или политика в частности.

В немецких печатных СМИ нередко проводится параллель между современной и царской Россией. Президент Российской Федерации образно предстает как «владыка», «властитель», «властный царь», «всемогущий» с присущими ему качествами авторитарного лидера:

«*Putin ist ein Tyrann mit imperialen Allüren*, er hat einen Napoleon- und einen Hitler-Komplex zugleich“, ruft Sawtschenko aus ihrem Käfig heraus» (Der Spiegel №36/03.09.2016).

Россия же стилизуется на страницах немецких печатных изданий под «Путинскую империю»:

«*In Putins Reich* ist es derzeit gerade andersherum. Aber es wird nicht ewig so bleiben. Ich freue mich auf den Tag, an dem meine Heimat erlöst wird – und der derzeitige Triumphator zum Verlierer wird» (Der Spiegel №46/7.11.2015).

В немецком обществе трактовка политической деятельности России в большинстве текстов принимает негативную окраску. Наиболее продуктивной при создании образа России в немецких СМИ стала военная метафорика. Так, в немецких печатных изданиях восприятие современной российской политической действительности осуществляется посредством военных образов. Стоит отметить, что это восприятие Российской Федерации глазами немецкой «публики» сквозь призму СМИ является неоднозначным.

Итак, подведем итог. 1. Посредством метафорических репрезентаций реципиент получает наиболее значимую информацию, которая в процессе номинативных повторов в СМИ становится стереотипом, клише, концептуальной установкой.

2. На основе классификации примеров образных номинаций по принадлежности к сфере-источнику было установлено следующее процентное соотношение: социальная метафора – 61,2%, антропоморфная – 28,1%, артефактная – 7,3%, природоморфная – 3,4%. Анализ показал, что в количественном соотношении значительно превалирует социальная метафора. Наиболее продуктивными источниками метафорической экспансии в рамках социальной метафоры являются такие понятийные сферы, как «Война» (25,6%), «Театр» (17,5%), «Игра» (11,3%) и Иерархия (19,2%).

3. Исследование политических метафорических репрезентаций немецкого политического дискурса представляет собой фрагмент немецкой национальной культуры. Использование образных номинаций в контексте немецкого политического дискурса свидетельствует об особом эффективном когнитивном потенциале метафор и их способности отображать характерные черты современной картины мира политического пространства.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами: многопредмет. науч. журн. / – Орел: ОрелГТУ, 2006. – 318с.

3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А. П. Чудинов. – 2-е изд., стереотип. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – 257 с.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / Москва. Изд-ва «Флинта», «Наука». 2006. – 254 с.

References

1. Kubryakova E.S. Language and knowledge. Towards Learning the Language. Parts of Speech with Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World. Moscow: Yaziki slavyanskoj kulturi, 2004. 560p.
2. Nikitina K.V. Political discourse and its specifics, making prerequisites for manipulation with public opinion. Management of public and economic systems. Oryol: OreIGTU, 2006. 318p.
3. Chudinov A.P. Metaphorical mosaic in modern political communication. Ekaterinburg: Ural state pedagogical university, 2003. 248p.
4. Chudinov A.P. Political linguistics. Moscow: Flint: Nauka, 2006. 254p.

УДК 811.161.1'1: 811.112.2'1

ОТНОШЕНИЕ «КОГНИТИВНЫЕ ↔ ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ» И ДЕКОДИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ

Скокова Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Skokova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются корреляции между величинами, раскрывающими организацию сферы человеческого бытия вообще, и параметрами субъектного членения действительности, которые являются вектором реконструкции смыслов.

Ключевые слова: значение как когнитивно-семиотический инвариант, сигнификативные структуры, сигнификативные центры, сигнификативные проекции, отношения, смысл.

RELATION «COGNITIVE ↔ LANGUAGE STRUCTURES» AND DECODING OF MEANINGS

Skokova Tatjana

Ph. D in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Skokova@bsu.edu.ru

Abstract

This article focuses on the correlation between the parameters, revealing the organization of the sphere of human existence in general and the parameters of subjective reality (ethno-linguistic mental parameters), which are the mechanisms of reconstruction of knowledge as the basis of linguistic consciousness.

Key words: value as a cognitive-semiotic invariant, signifying structure, signifying centres, signifying projection, relationships, meaning

Деятельностный подход позволяет выделить несколько типов значения: системное значение знака, денотативное значение, речевой смысл, значение как отражение предметных отношений. А.А. Леонтьев предлагает широкое (предметное, существующее на чувственной основе перцептивного образа, ролевые и некоторые другие формы) и узкое (знаковое, языковое, вербальное) понимание феномена «значение». Для лингвокогнитивистики особую актуальность получает подход к значению как к когнитивно-семиотическому инварианту, который приобретает смысл в условиях дискурсивного контекста. С помощью этого инварианта через отношения с изначально заданным смыслом (протосемантикой) уравнивается ре-

чевой процесс на уровне смыслопорождения. Конкретизировать *смыслы* можно при осознании результатов корреляции между *интегративным смысловым компонентом* и *системой значений*, выраженных, по А.Н. Леонтьеву [1], с помощью словесных и несловесных средств, отражение которых осуществляется с *помощью релятивности*, базирующейся на конкретных *отношениях*. В основе этой корреляции лежит функциональность значения и лингвокультурологическая сущность смысла. Кроме того, интерпретировать и познавать смысл позволяет интеграция систем значений в концептуальную систему адресата.

Онтология смысла была и продолжает оставаться актуальным предметом гуманитарных исследований. Д.А. Леонтьевым [1] смысл определяется как субъектно-объектная категория, выражающая отношение между субъектом и объектом (явлением) действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет их в образе мира и воплощается в структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к ним. Г. Фреге, которого принято считать автором концептуальной оппозиции «значение – смысл», полагает, что смысл отображает характер восприятия референта будущего языкового знака и в силу этого детерминирует значение. Если денотат знака – это вещь, данная нам в ощущениях, то представление об этой вещи, по его мнению, есть внутренний образ, возникший на основе субъективных впечатлений об этой вещи, а также в результате деятельности субъекта, связанной с этой вещью. Представление (внутренний образ) всегда субъективно – оно меняется от человека к человеку. Отсюда – многообразие представлений, сопряжённых с одним и тем же смыслом. При всем разнообразии трактовок смысла и его соотношения со значением (ср.: смысл уже существует до того, как оказывается выраженным, значения помогают его раскрыть; «смысл» и «значение» – синонимы; и то, и другое – результат процесса отражения объективной действительности; смысл – это дополнительное (по отношению к значению) прагматическое содержание, которое слово приобретает в дискурсии; смысл порождается значением, т.е. значение первично и др.), Д.А. Леонтьев выделяет общее, состоящее в том, что, в отличие от значения, смысл всегда указывает на замысел автора, на внеязыковой контекст, ситуацию употребления знака.

По В. Гумбольдту, язык есть не что иное, как дополнение мысли, стремление возвысить до ясных понятий впечатления от внешнего мира. На основе отношений между смутными внутренними ощущениями и ясными впечатлениями от внешнего мира появляются новые понятия. На первый план фактически выступает не проблема отношения «язык – мышление» в целом, а определённые механизмы, которыми располагает мышление и которым язык даёт точное отображение. Важнейшим из таких механизмов является систематизация и организация, в основе которой – система отношений. В период бурного развития когнитивистики более дифференцированно рассматриваются вопросы о человеческих способностях, а также о том, как когнитивные комбинаторные способности, которые мы изучаем через призму языковых комбинаций, позволяют нам познавать мир. Процессу познания *корреляций* между когнитивными и языковыми структурами, а также к механизмам кодирования и декодирования смыслов, порождаемых в результате этих корреляций, способствует лингвокогнитивный подход.

Исходным пунктом порождения значения языкового знака и завершающим когнитивным этапом смыслового насыщения является концепт. Это двуединый синергетический процесс, связанный с формированием содержания *сигнификативных структур*. *Сигнификативные структуры* имеют следующий вид: категориально-концептуальные континуумы концепта как совокупности образов, коррелирующих с определённым видом познавательного опыта, взаимосвязанных между собой (например, отдельное пространство может быть составляющим элементом нескольких) и являющихся сигнификативным центром; сигнификативный центр проецирует номинаты предметов и явлений в актуализованную речь. Результатом действия механизма концентрации смысловых элементов концепта являются функциональные отношения между сигнификативными центрами и сигнификативными проекциями, а также отношения сигнификативных прекций между собой. Генерирующая функция реляций состоит в постоянном обновлении создаваемого человеком перцептивно-

го образа Я и Я в отношениях с окружающим миром (сигнификативные проекции). В качестве примера функционирования проективного механизма восприятия, результатом которого является фиксирование в сознании человека смыслов, приведем анализ объективации концепта ЖИЗНЕСМЫСЛ как особого формата знаний об онтологии мира.

Рассмотрим контексты. *Это землевед такой, у него ничего нет даром. Мало, что он почву знает, как знает, какое соседство для кого нужно, возле какого хлеба какие деревья. Всякой у него три, четыре должности разом отправляет. Лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте настолько-то влаги прибавить полям, настолько-то унавозить падающим листом, настолько-то дать тени. Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая. Жаль, что я сам мало эти вещи знаю, не умею рассказать, а у него такие штуки. Его называют колдуном [2].* Сигнификативные центры «деятельность, преобразующая физический мир» → «деятельность души» → «продукты деятельности, связывающие поколения» в данном контексте имеют следующие проекции: *лес* (как дело рук человека) → *землевед-колдун* → *ничего нет даром*. Между ними конституируется **отношение транзитивности** (из того, что А, В и В, С находятся в этом отношении, всегда следует, что в этом же отношении находятся и А, С), проецирующее углубление смысла: деятельность, обладающая благодатной, преобразующей энергией, является неизбежным преумножением ценностей (*ничего нет даром*), которые наполняются, в свою очередь, созидательной силой, что находит отражение в дискурсе писателя: *Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая [2].* Заметим, что В. Ключевский и другие писали, что пейзаж русской души эквивалентен пейзажу русской земли, та же безграничность, устремлённость в бесконечность, широта. Несмотря на то, что человеческое Я конечно, познавательный опыт возможен благодаря открытости индивидуума ко всеобщему, универсальному.

Примером еще одного типа смыслообразующего отношения является **отношение детерминации**. Материальное формирует ход мысли человека, его духовный мир, деятельность души и пр.: *Чичиков с любопытством рассматривал жилище этого необыкновенного человека, который получал 200 тысяч, думая по нём отыскать свойства самого хозяина, как по оставшейся раковине заключают об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей и оставившей своё впечатление [2].* Сигнификативные центры «бытовой фон как совокупность физических предметов» → «бытовой фон как состояние души» – «быт как опыт поколений» в приведенном фрагменте имеют сигнификативные проекции: *жилище необыкновенного человека* → *свойства самого хозяина* → *оставить своё впечатление*. Данный вид отношения (детерминация) порождает следующий смысл: являясь символом материальности, жилище *этого необыкновенного человека* входит в картину мира как важнейший ориентир для познания образа жизни, мыслей, *свойств самого хозяина, как по оставшейся раковине заключают об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей и оставившей своё впечатление*; через него индивид попадает в существующий мир, этот образ становится основой восприятия внешнего мира. Но возможен и другой процесс: человек создает идеальный образ, и он воплощается вне его Я; материальное становится следствием идеального. Ср. категориально-концептуальные континуумы рассматриваемого концепта: «жизненные ориентиры в физическом мире» → «цели в духовной жизни» → «поиск истины» и сигнификативные проекции: *чаща огромного заглохнувшего леса; дорога лугами, мимо осиновых роц, молодых и старых ив и лоз и др.* → *ощущенья от обладания земным раем* → *земной рай* (образ идеального поместья) в примере: *Когда же дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглохнувшего леса, и он увидел сверху, внизу, над собой и под собой трехсотлетние дубы...и блеснули золотые верхи, когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куды приехало, – ощущенья, непрестанно накоплявшиеся, исторгнулись, наконец, в громогласных словах: «Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я закабалил себя в кропатели мертвых бумаг [2].*

Итак, при анализе концептуального целого обнаруживается многоуровневое взаимодействие: в любом содержании наличествует содержание другого плана. Смысл тесно свя-

зан множеством смысловых отношений, которые одинаково представлены на всех уровнях структурной иерархии, но каждое из них оформляется особо, в зависимости от лексико-семантической специфики членов отношения. Корреляции между величинами, раскрывающими организацию сферы человеческого бытия вообще, и параметрами субъектного членения действительности (этно-ментально-языковыми), являются механизмом реконструкции знания как основы языкового сознания. Смысл представляет собой результат многослойных ассоциативных отношений между элементами отраженной в языковом образе ситуации.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение, динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003.
2. Гоголь Н.В. Мёртвые души. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

References

1. Leontev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie, dinamika smyslovoy realnosti. 2-e, ispr. izd. M.: Smysl, 2003.
2. Gogol N.V. Myortvye dushi. M.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014.

УДК 811.11-112

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Сопова Ирина Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
sopova@bsu.edu.ru

Долуденко Оксана Сергеевна

ассистент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
doludenko@bsu.edu.ru

Аннотация

Фразеологизмы в канве современного политического дискурса прочно завоевали позиции дискурсивных формул, то есть определённых речевых оборотов, характерных процессу коммуникации, которые благодаря имплицитным свойствам образности позволяют сделать коммуникативную стратегию более эмоциональной и добавляют напряжённости в политические призывы. Политик, обладающий навыками фразеологической компетенции, способен быстро завоевать внимание аудитории и приобрести статус «своего среди своих», если он имеет способность формулировать свою речь, умело обращаясь к национально и эмоционально окрашенным языковым средствам, ведущую роль среди которых как раз и играют выражения с высокой степенью идиоматичности.

Ключевые слова: фразеологизм, политический дискурс, лингвоперсонология, лингвистическая компетенция, идиоматика.

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE POLITICAL DISCOURSE

Sopova Irina

Ph. D in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
sopova@bsu.edu.ru

Doludenko Oxana

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
doludenko@bsu.edu.ru

Abstract

Idioms in line with modern political discourse firmly gained the position of discursive formulas that are certain turns of speech characteristic of the process of communication, which, thanks to the implicit properties of the imagery make communication strategy more emotional and add to the tensions in political appeals. The politician with the skills of phraseological competence, the ability to quickly gain the attention of the audience and gaining the status of "your out", if he has the ability to formulate his speech, skillfully addressing national and emotive language tools, among which the expressions with a high degree of idiomaticity play the leading role.

Keywords: phraseologism, political discourse, linguistic competence, idiom.

Фразеологизмы достаточно широко изучены в современной лингвистике, они привлекают внимание языковедов благодаря тому, что являются национально маркированными компонентами живой речи. Всё чаще в последнее время исследователи языка обращаются к фразеологическому фонду и рассматривают фразеологизмы в институциональных дискурсах. Некоторые выбирают для изучения устойчивые выражения в аспекте лингвоперсонологии. Исходя из этого, актуальность темы исследования не подвергается сомнениям, поскольку в речи представителей различных институтов, и в том числе института власти всё чаще встречаются единицы фразеологического фонда языка.

Целью предлагаемого исследования являются устойчивые словесные комплексы в политическом дискурсе.

В качестве основных методов и приёмов выступают: описательный, метод контекстного анализа, компонентного анализа, приём внешней интерпретации и элементы трансформационной методики.

Основным материалом для работы послужили речевые манифестации известных российских политических лидеров, использующих фразеологизмы в своих публичных выступлениях.

Согласно утверждению В.И. Карасика дискурс рассматривается как интерактивная деятельность участников коммуникативной ситуации, которая подразумевает установление и удержание контакта, а также обмен информацией и эмоциями, включает в себя стремительно меняющиеся коммуникативные стратегии, ходы [3]. Главной составляющей политического дискурса, точнее его основной функцией считается воздействие на аудиторию слушателей. Политический дискурс современности преподносит ряд ролевых установок согласно ситуации общения, а также личностных характеристик участников коммуникативного акта и индивидуальных интерпретаций привычных языковых единиц лексического и фразеологического уровней языка.

В данной статье мы уделяем особое внимание именно фразеологическим единицам, которые находят своеобразное применение в дискурсе политического деятеля с учётом индивидуально-психологических характеристик личности, обусловленных картиной мира участника общения и его этнокультурной и лингвистической компетенцией. Сам по себе политический дискурс уже является институциональным, поскольку коммуникант выступает в роли представителя института власти, то есть он статусно ориентирован.

Фразеологизмы в канве современного политического дискурса прочно завоевали позиции дискурсивных формул, то есть определённых речевых оборотов, характерных процессу коммуникации, которые благодаря имплицитным свойствам образности позволяют сделать коммуникативную стратегию более эмоциональной и добавляют напряжённости в политические призывы. Политик, обладающий навыками фразеологической компетенции, способен быстро завоевать внимание аудитории и приобрести статус «своего среди своих», если он имеет способность формулировать свою речь, умело обращаясь к национально и эмоционально окрашенным языковым средствам, ведущую роль среди которых как раз и играют выражения с высокой степенью идиоматичности. Народные массы воспринимают подобные речи с восторгом и прагматическая функция публичных выступлений в рамках политического дискурса достигает своей цели.

Рассмотрим некоторые примеры речевых манифестаций ведущих политических деятелей нашей страны, которые виртуозно манипулируют сознанием широкой аудитории слушателей, используя фразеологизмы:

«Всё, что в Европе считалось всего лишь гипотезой, в России *принималось на веру* без малейшего обсуждения» (Рагозин Д.О.) [5, с. 49];

«Конечно, я жду откровенного разговора с коллегами, не просто разговора *вокруг да около*» (Путин В.В.) [2];

«Давайте зададимся вопросом: не слишком ли мы тогда *сгущали краски?*» (Медведев Д.А.) [7];

«За Крым все бились сотни лет, и британцы глазки свои раскрывали, и немцы, австрийцы – всем хотелось этот *лакомый кусочек!*» (Жириновский) [1].

Как видим из приведённых примеров, речь политического деятеля, которая пестрит фразеологизмами, наиболее ярко демонстрирует содержательную сторону высказываний. Данные устойчивые выражения нередко подвергаются различного рода изменениям касательно лексико-грамматического строя, стилистическим и другого рода модификациям, о которых мы уже писали ранее [6]. Выражения с различной степенью идиоматичности помогают политику влиять на сознание потенциального электората, а по сути манипулировать общественным мнением.

Политики часто употребляют крылатые слова и выражения, а иногда их собственные речевые обороты сами становятся крылатыми.

В дискурсе политического деятеля имеют место и устойчивые словесные комплексы, которые связаны с библейскими или же мифологическими темами:

«Когда же он добрался до меня, то посмотрел *глазами люцифера* и пообещал «*пожарить меня без масла*»» (Рагозин Д.О.) [5, с. 38];

«Если кому-то хочется *вскрыть этот ящик Пандоры* и начать с ним работать, – пожалуйста, флаг в руки, начинайте» (Путин В.В.) [4].

Подобные речевые образцы свидетельствуют об осведомлённости представителей власти, их знании различных сфер жизни, в том числе религиозной, культурной, исторической. Общественная деятельность – неприемлемая обязанность представителя властных структур. Фразеологизмы с национально-культурной коннотацией, как уже упоминалось ранее, помогают сблизиться с основной массой населения, поскольку фразеология имплицитно присутствует в памяти среднестатистического представителя народа или нации, и понимание между политиком и народными массами происходит гораздо быстрее. Политическая речь, таким образом, изобилующая фразеологизмами, достигает своей цели.

В политическом дискурсе часто присутствуют метафоры. А фразеологизмы по своим свойствам обладают образностью, преобразованным значением, когда значения отдельных компонентов не суммируются, а переосмысливаются, и на основе этого происходит формирование нового значения всего выражения. В качестве метафорических примеров в политическом дискурсе выступают номинативные фразеологизмы, то есть устойчивые словесные комплексы назывные. Рассмотрим некоторые из них:

«Недаром так называемый *большой брат* тратит миллиарды долларов на слезку по всему миру, в том числе и за своими ближайшими союзниками» (Путин В.В.) [2];

«Сегодняшний спор КПРФ с *партией власти* – это такой междусобойчик, где бывшие секретари обкомов и райкомов (КПРФ) выясняют отношения с бывшими первыми секретарями обкомов и райкомов («Единая Россия»)» (Рагозин Д.О.) [5, с. 147].

««Троянский конь» споткнулся, оставив в памяти русских, молдаван и украинцев мрачные воспоминания об этом кровавом конфликте» [5, с. 104]

В приведённых примерах с сарказмом употреблены выражения «большой брат», под которым подразумеваются США, и «партия власти», в котором угадывается правящая партия в России «Единая Россия», а название «Троянский конь» носила операция вооружённых отрядов румынских и молдавских униатов по уничтожению Приднестровья в 1992 году. В первом высказывании сарказм выражен в том, что Америка, пытаясь якобы сформировать дружеские, даже почти родственные отношения со странами «брат», представляет собой огромную страну «большой», но, как видно из дальнейшего смысла предложения, не готова доверять своим «собратьям». «Партия власти» явно указывает на то, что руководить внутренней и внешней политикой может только одна партия в стране. Может возникнуть вопрос о том, что данные выражения не являются фразеологизмами и не закреплены во фразеологических словарях. В рамках данной работы мы рассматриваем фразеологию в широком смысле, которая охватывает не только зафиксированные словарями фразеологизмы, но и выражения, свойственные тому или иному институциональному дискурсу и находят в нём довольно частое применение.

Определённого внимания заслуживают и цитирования представителями правящих кругов высказываний людей науки, культуры, известных как в стране, так и во всём мире.

«Вы знаете, у нас есть известное высказывание: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать, в Россию можно только верить»» (Путин В.В.) [2].

«Все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением» (Рагозин Д.О.) [5, с. 264].

Российский президент цитирует стихотворение Ф.И.Тютчева, в котором известный русский поэт выражает свою любовь и видение страны и родного края. Подобные слова не зря находят своё применение в выступлении В.В. Путина. Он их помнит и бесспорно разделяет мнение поэта. Вице-премьер цитирует слова Ф.М. Достоевского, которые приоткрывают завесу над тем, как воспринимают русских людей европейцы. Эти насмешки и снисхождение явно ранят душу любого русского, радеющего за славу и величие своей Родины на мировой арене. Но в данных словах русского писателя, также известного широкому кругу зарубежных читателей, чувствуется ирония по поводу неоправданного снобизма европейцев. Цитаты подобного рода наполняют политический дискурс глубоким смыслом, характеризуют политиков как разносторонне развитых, образованных национальных лидеров.

Таким образом, рассмотрев на небольшом количестве примеров устойчивые словесные комплексы в политическом дискурсе, мы можем заключить, что данные речевые единицы обогащают выступления представителей власти. С помощью единиц фразеологического уровня языка можно дать оценку ситуации, привести наглядный пример и выразить эмоциональный настрой. Фразеологизмы также помогают выполнять основополагающую функцию политического дискурса – прагматическую. Употребляя в публичных выступлениях выражения с различной степенью идиоматичности, национальный лидер способен повлиять на массовое сознание электората. На основе данного исследования можно в перспективе рассматривать различные способы авторских модификаций фразеологизмов, идеологическую составляющую дискурса отдельных политических деятелей, а также выявлять национально-культурные тренды в картине мира представителей политических взглядов.

Литература

1. Из выступления Владимира Жириновского на митинге «Весна» 18 марта 2017 года, 2017 URL: https://ldpr.ru/leader/speech/Crimea_the_situation_in_Turkey_Europe_Germany_Russia/ (дата обращения: 31.03.2017).
2. Интервью Владимира Путина немецкому телеканалу ARD, 2014 URL: <http://www.putin-today.ru/archives/6912> (дата обращения: 31.03.2017).
3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. Путин сравнил пересмотр итогов Второй мировой войны с открытием ящика Пандоры, 2016 URL: <https://lenta.ru/news/2016/09/02/yaschik/> (дата обращения: 31.03.2017).
5. Рагозин Д.О. Ястребы мира: Дневник русского посла. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 441 с.
6. Сопова И.В., Мишанова Ю.В., Долуденко О.С. Трансформации фразеологизмов в русском политическом дискурсе и риски национальной культуры // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж: ООО «ПТ», 2015.. – С. 652-657.
7. Стенограмма выступления Дмитрия Медведева на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 2016 URL: <https://rg.ru/2016/02/13/stenogramma-vystupeniia-dmitriia-medvedeva-na-miunhenskoj-konferencii.html> (дата обращения: 31.03.2017).

References

1. From the speech of Vladimir Zhirinovskiy at the meeting "Spring" March 18, 2017, 2017 URL: https://ldpr.ru/leader/speech/Crimea_the_situation_in_Turkey_Europe_Germany_Russia/ (date of access: 31.03.2017).
2. Interview Vladimir Putin German TV channel ARD, 2014 URL: <http://www.putin-today.ru/archives/6912> (date of access: 31.03.2017).

3. Karasik V.I. About the types of discourse // Linguistic personality: institutional and personal discourse. – Volgograd: Peremena, 2000. – pp. 5-20.
4. Putin compared the revision results of the Second world war with the opening of Pandora's box, 2016 URL: <https://lenta.ru/news/2016/09/02/yaschik/> (date of access: 31.03.2017).
5. Ragozin D.O. The hawks of peace: Diary of a Russian Ambassador. – M.: Alpina-nonfiktion, 2010. – P. 441.
6. Sopova I.V., Mishanova J.V., Doludenko O.S. Transformation of idioms in Russian political discourse and the risks of national culture // Risks in a changing social reality: the problem of prediction and control: mat. of intern. scientific.-pract. conf. – Voronezh: OOO "PT", 2015. – pp. 652-657.
7. Transcript of remarks by Dmitry Medvedev at the Munich conference on security policy, 2016 URL: <https://rg.ru/2016/02/13/stenogramma-vystupleniia-dmitriia-medvedeva-na-miunhenskoj-konferencii.html> (date of access: 31.03.2017).

УДК 81

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ-ТРАВЕЛОГАХ

Стрижнева Марианна Юрьевна,
аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

maris@ukr.net

Науч. рук.: д. филол. н., профессор Седых А.П.

Аннотация

Рассматриваются коммуникативные стратегии используемые в русских журналах-травелогах при позиционировании и продвижении объектов туризма: позиционирующие и оптимизирующие взаимодействие адресанта и адресата, с целью прямого и скрытого убеждения последнего приобрести туристический продукт. Они реализуются в следующих тактиках – аргументации, обобщения, конкретизации, сочетания знания и опыта, представления себя знатоком местных стереотипов, русификации, диалога с местным экспертом, девальвации, апелляция к роскоши, к стилю и моде, ссылка на индивидуальный подход и уникальность объекта, диалогизации текста, использование императивных конструкций, мотивирования потребителя. Статьи современных русскоязычных журналов-травелогов характеризуются высокой персуазивностью, экспрессивностью и разнообразием риторических средств. Чужая речь упрощает стиль письменного текста, а цитируемые авторы наделяют особой привлекательностью достопримечательность, что повышает эффективность туристического дискурса.

Ключевые слова: туристический дискурс, журнал-травелог, коммуникативные стратегии, позиционирование, оптимизация.

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF TOURIST DISCOURSE IN THE RUSSIAN JOURNALS-TRAVELOGUES

Stryzhnova Mariana
postgraduate student

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

maris@ukr.net

Scientific Supervisor: Dr of Philology, Professor Sedykh A.P.

Abstract

The communicative strategy used in the Russian magazines-travelogues during the positioning and promotion of objects of tourism are considered: positioning and optimization the interaction between addressant and addressee aiming to persuade explicitly or implicitly the latter to buy a tourist product. They are realized in the following tactics – argumentation, generalization, specification, combination of knowledge and experience, representation of oneself as an expert on local stereotypes, russification, dialogue with the local expert, devaluation, the appeal to luxury, style and fashion, reference to individual approach and uniqueness of an object, dialogization of the text, use of imperative constructions, consumer motivation. Articles of modern Russian-language magazines travelogues are characterized by a high persuasiveness, expressivity and a variety of rhetorical means. Borrowed speech simplifies the style of the written text, and the quoted authors allocate with special appeal a place of interest that increases efficiency of tourist discourse.

Key words: tourist discourse, magazines-travelogue, communicative strategies, positioning, optimization.

В современном глобализованном пространстве происходит интенсивный обмен и использование популярной и профессионально значимой информации в сфере туризма на государственном и международном уровнях. Диверсифицируются и становятся интерактивными формы представления рекреационной деятельности в масс-медиа сферы туризма. Современный этап развития лингвистической науки характеризуется глубоким интересом к описанию различных видов дискурса в межкультурной коммуникации, в том числе туристического дискурса (ТД). В современных лингвистических исследованиях ТД также рассматривается во многих аспектах. Активно разрабатывается прагматический (изучение способов аргументации, рекламных стратегий - Г.С. Атакьян, П.Н. Донец, О.П. Каребина, С.А. Погодаева, Н.А. Тюленева, М.Ю. Илюшкина), когнитивный (выявление групп, концептов, на которые опирается дискурс - Т.И. Бабкина, Ю.В. Белкова, Е.А. Боброва, Е.А. Стародубцева, Е.М. Шевченко, В.А. Пищальникова, О.В. Евтушенко, А.А. Кошенкова, О.А. Кузина, Е.М. Шевченко), лингвокультурологический (Л.Г. Викулова, Е.В. Высоких, А.В. Павловская, географические названия - А.В. Суперанская, Т.В. Лиштованная, влияние постмодернизма - Е.Е. Меньшикова, Е.В. Мошняга), сопоставительный (выявление национальных различий в туристическом дискурсе - В.А. Митягина). Лингвистический аспект рассматривался такими исследователями как Н.В. Филатова, Е.Ю. Аликина, А.В. Протченко, Ю.В. Слезко, П.С. Бирюкова, О.С. Иссерс, О.Г. Ревзина, О.К. Ирисханова, Е.Г. Беляевская, Дж.Р. Сёрль, О.Дюкро, К. Вестито, Г. Каппелли, Н.Д. Арутюнова, П. Шародо, Д. Мэнгено, П. Серио, Ю.С. Степанов, М.Т. Макаров, С.Н. Плотникова. Однако, несмотря на значительный опыт изучения понятий дискурса, коммуникативные стратегии туристического дискурса в журналах-травелогах русскоязычного ТД еще недостаточно изучены отечественными и зарубежными учеными.

Целью статьи является описание различных видов коммуникативных стратегий на материале русских журналов-травелогов («ГЕО», Traveler», «Вокруг света»). Для достижения цели используются следующие *методы*: метод сплошной выборки и непосредственного наблюдения материала с последующим анализом и обобщением результатов, типологический и контекстуально-интерпретационный анализ.

Для начала дадим определение ТД, опираясь на понимание дискурса в целом А.П. Седых. Итак, мы будем рассматривать дискурс как как вербализуемую речемыслительную деятельность, происходящую между представителями туристических и взаимодействующих с ними социальных институтов в определённых (конкретных) социокультурных условиях. [5, 104].

«Журналы-травелоги», или журналы о путешествиях, на современном информационном рынке как в России представляют один из наиболее активно развивающихся и перспективных сегментов прессы путешествий. Журнал-травелог представляет собой журнал путешествий универсального типа, относящийся к массовому научно-популярному типу издания и рассказывающий о природе и человеке, путешествиях по различным странам, быте, культуре, истории и мифологии людей разных стран. В условиях глобализации масс-медиа журнал-травелог отражает идеологию глокализации, то есть вводит локальное в контекст глобального, тем самым создавая и закрепляя через страноведческий компонент кросс-культурные связи между разными странами и включая в свой контент познавательные и практические аспекты [3, 4- 9].

Коммуникация в сфере туризма может быть охарактеризована как персуазивная. Она представляет собой инвариантный тип ментально-речевой деятельности индивида, реализующий попытку воздействия на адресата с целью добиться от него самостоятельного решения о необходимости, желательности, возможности совершения или отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресата [6, 238-239]. Иностранные ученые отмечают, что необходимо «развивать соответствующие коммуникативные стратегии и разрабатывать каналы коммуникации учитывая определенную степень тонкого культурного восприятия» [10, 4219].

Рассмотрим типы коммуникативных стратегий речевого воздействия и примеры их реализации в статьях журналов-травелогов.

Коммуникативная стратегия речи есть способ реализации замысла, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата» [1, 85-86].

Единицами анализа речевых/коммуникативных стратегий в работах разных авторов выступают высказывание (предложение), диалогическое единство, коммуникативное событие.

В исследованиях Т.Е. Янко единицей анализа стратегий считается отдельное высказывание. Коммуникативная стратегия включает в себя:

- выбор глобального речевого намерения, например, выступить с сообщением или констатацией факта, задать вопрос, обратиться с просьбой;
- отбор тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической ситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям;
- определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т. д.;
- соотнесение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии;
- определение порядка следования коммуникативных составляющих;
- настройку коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный, режим озвучивания письменного текста), стиль и жанр [8, 38].

О.С. Иссерс предлагает выделять основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Основной можно назвать стратегию, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является с точки зрения иерархии мотивов и целей наиболее значимой. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное). Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата [2, 106-108].

Отечественные ученые Терских М.В. и Зайцева О. А. выделяют два типа коммуникативных стратегий: позиционирующие и оптимизирующие. Позиционирующие стратегии направлены на формирование имиджа рекламируемого объекта, оптимизирующие — на повышение эффективности воздействия рекламного текста, создание благоприятных условий для интерпретации сообщения и преодоление различных коммуникативных барьеров [6, 239-240].

Выделяют также две группы стратегий убеждения: 1) создающая позитивную речь (с помощью прилагательных и неологизмов, которые представляют красоту, привлекательность и уникальность туристического продукта);

2) включающая потенциального клиента в чтение текстов, чтобы создать коммуникативное сближение (в частности, с помощью местоимения «ваш», которое побуждает читателей напрямую попробовать ощущения, предлагаемые туристическим направлением) [9, 9-21].

Итак, как пишет Н. В. Филатова, основной стратегией ТД является доминирование субъекта. Такое позиционирование производится с помощью стратегии самопрезентации (представление себя в выгодном свете как эксперта, знатока региона) с делегированием части своих функций авторитетным носителям информации. Эта стратегия включает визуальные и креативные практики, которые делятся на рациональные и эмоциональные. [7, 11]. В первой группе рассмотрим следующие тактики:

- обобщения (субъект показывает свою осведомленность обо всех элементах через выделение его ядра): *Если Стамбул отвечает в европейских фильмах за встречу Запада и Востока, то в азиатской части света такую роль играет Гонконг.*

- конкретизации (с помощью отдельного представителя характеризуют страну или город): *В нашем городе клубника поспевает круглый год, - рассказывает фермер Энцо Витербезе.*

- представления себя знатоком местных стереотипов (*уйти по-английски*),

- сочетания знания и опыта (с помощью перцептивных конкретизаторов): *Культура употребления кофе во Вьетнаме: я заказываю холодный и наслаждаюсь сладким вкусом, в котором отчетливо чувствуются нотки восточных специй.*

У второй группы другие тактики:

- освобождения от страха «чужого» (с помощью русификации в т.ч.): *путешествие в стиле «диджитал детокс»: отказ от гаджетов.*

- диалога с местным экспертом: *Это, если верить Орасио, крупнейшая в мире коллекция кактусов.*

- девальвации (характеристика с пренебрежительными коннотациями): *Туристы, нацепив конусообразные бамбуковые шляпы, с упоением фотографируют покосившиеся металлические крыши.*

Стратегия делегирования проводится путем вкрапления разнообразных форм чужой речи (прямой, косвенной, несобственно-авторской речи, пересказа, цитат, реминисценции):

«Сперва я не поняла, что особенного в Италии, - удивляется студентка Патриция Даванелли, - а потом узнала, что Кальката – итальянская столица хиппи.

Максимова Н.В. отмечает, что «для выражения эмоциональной оценки, согласия, подтверждения, угрозы, приветствия и др. регулярно используется репликовая форма; для выражения же аргументирующего сомнения (и вообще мнения), толкования, событийности регулярно востребуется текстовая форма» [4, 103-104].

Чужая речь выполняет специальные функции в туристическом дискурсе:

- введение второго гида: *Природный заповедник Монте-Руфено – волшебное место, - поглаживает лошадь гид-проводник Стефано Мараесса.*

- введение проникновенного и авторитетного наблюдателя: *по мнению ученых...*

- введение остроумного наблюдателя: *Если потеряетесь [в подземных туннелях Кути, Вьетнам], можете случайно оказаться в Камбодже (проводник).*

- введение рекомендующего авторитета-«гения места»: *В свое время лечит камни в почках и другие заболевания сюда приезжали Микеланджело, папа Григорий IX., Джованни Джолитти, Бенедетто кроче, Марадона и многие другие.*

- функция оживления истории: *Я до сих пор вспоминаю, какой вкусный в Советском Союзе был шоколад...*

- функция пространственного перемещения адресата (включение в текст реплик местных жителей, чтобы показать туристический объект изнутри): *Чивита-ди-Баньореджо – мое любимое место для съемок – протирает объектив фотограф Андреа Капуто. – Город находится на вершине холма и если бы не длинный трехсотметровый мост, попасть в него было бы весьма затруднительно.*

- изменение типа дискурса (например с помощью цитаты или аллюзии) [6, 12-13]:

Эрнан Кортес плакал, когда на его глазах в огне пожара погибла столица ацтеков Теночтитлан [Все примеры выше взяты из журнала «Вокруг света» №2 (2905) февраль 2016].

Далее рассмотрим примеры позиционирующих и оптимизирующих стратегий. В первой категории представим стратегию апелляции к статусу, которая проявляется в следующих тактических приемах:

а) апелляция к роскоши: *Если вы хотите понять, что такое отдых в стиле аристократии, вам прямая дорога на пляжи Ривьера-да-Улиссе;*

б) апелляция к стилю и моде: *Среди беспроектных вариантов – культовый швейцарский Церматт. Культовый он прежде всего благодаря самой фотографируемой*

вершине Европы – Маттерхорлу [Примеры из журнала «Вокруг света» №2 (2905) февраль 2016].

Стратегия дифференцирования также принадлежит к этой категории. Она проявляется с помощью таких приемов как:

а) ссылка на индивидуальный подход: *На лужайках сада разместятся десять языковых зон. На фестивале можно будет выбрать язык для изучения, подобрать детский сад, школу, курсы и просто познакомиться с культурой той или иной страны;*

б) ссылка на уникальность объекта:

Церковь иконы Божией Матери «Одигитрия». Уникальный образец Иоанно-Предтеченского монастыря в Вязьме.

Владивостокская крепость – единственная из русских морских крепостей XIX в., которая сохранилась до нашего времени. [Примеры из журнала *GEO* № 06 (2016) июль 2016].

Среди оптимизирующих стратегий выделяются стратегия диалогизации текста и мотивирования потребителя. Первая способствует созданию доверительного тона высказывания и эмоциональному взаимодействию адресата с автором текста. Она достигается через интимизацию коммуникативного пространства за счет использования местоимений *мы* и *вы*, а также глаголов первого и второго лица. Данный прием позволяет сократить коммуникативную дистанцию между автором и адресатом сообщения, создать иллюзию внимания рекламодателя к потребителю, настроить адресата на позитивный посткоммуникативный результат: *Позвольте нам познакомиться ... Позвольте нам пригласить вас...*

Еще одним приемом диалогизации сообщения является использование императивных конструкций. Императивность выступает чаще всего в форме совета, рекомендации, поскольку классический императив в форме второго лица придает сообщению авторитарное звучание и ассоциируется с навязыванием чужих предпочтений. Конструкции со значением побуждения представлены сочетанием безличных глагольных форм *стоит, следует, нужно, необходимо* с инфинитивом, обозначающим желательное действие: *стоит воспользоваться предложением, следует заранее забронировать...*

Стратегия мотивирования потребителя может реализоваться с помощью тактики визуализации. Эта тактика использует зрительные и слуховые образы, что усиливает экспрессивность текста [6, 241-242]:

Это озеро – одно из самых чистых не только в Италии, но и в Европе... Характерная черта пляжей Больсены – черный вулканический песок [«Traveler» № 4 (15) 2015].

Итак, в результате рассмотрения разных видов оптимизирующих и позиционирующих коммуникативных стратегий, используемых с целью прямого и скрытого убеждения последнего приобрести туристический продукт приходим к выводу, что статьи современных русскоязычных журналов-травелогов характеризуются высокой персуазивностью, экспрессивностью и разнообразием риторических средств. Чужая речь упрощает стиль письменного текста, а цитируемые авторы наделяют особой привлекательностью достопримечательность, что повышает эффективность ТД. Стратегии туристического дискурса, рассматриваемые в разных лингвистических аспектах (особенно лингвокультурологическом), являются перспективным предметом исследования.

Литература

1. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа /И.Н. Борисова // Жанры речи. Вып.2. – Саратов: Колледж, 1999. – С.81-96
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
3. Лучинская С. Ю. Журналы-травелогои в условиях глобализации масс-медиа: автореф. дисс. ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Лучинская Софья Юрьевна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2009. - 165 с.
4. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: Монография. – М.: РГГУ, 2005.

5. Седых А.П. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект. Белгород: ИД «Белгород», 2013. 244 с.
6. Терских М.В., Зайцева О. А. Коммуникативные стратегии в дискурсе элитного туризма (на материале рекламных текстов) // Политическая лингвистика. 2013. №4. – с. 234-244.
7. Филатова Н.В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореферат дис. канд. филол. наук; 10.02.01. М., 2014. – 25 с.
8. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.
9. Ferreira S.N.S. Persuasive Language in Tourism Webpages: Official Webpages of Los Angeles, Seattle and Washington. 2013-2014 (https://uvadoc.uva.es/bitstream/10324/8021/1/TFG_F_2014_62.pdf - 37 p.).
10. Tsotra, D., Janson M. and Cecez-Kecmanovic D. 2004. Marketing on the Internet: A Semiotic Analysis. In Proceedings of the Tenth Americas Conference on Information Systems, New York, August 2004. – p. 4210-4220.

References

1. Borisova I.N. Category of goal and aspects of the text analysis//Speech genres. Vol.2. (1999): p.81-96.
2. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of the Russian speech. Moscow: Editorial URSS, 2003. 284 p.
3. Luchinskaya S. You. Journals-travelogues in terms of mass-media globalization: dissertation of the candidate of Philological Sciences; 10.01.10. Krasnodar, 2009. 165 p.
4. Maksimova N.V. «Borrowed speech» as a communicative strategy: Monography. – М.: RGGU, 2005.
5. Sedykh A.P. French language personality. Cognitive and communicative aspect. Belgorod: ID «Belgorod», 2013. 244 p.
6. Terskikh M.V., Zaitseva O. A. Communicative strategies in the elite tourism (on the material of publicity texts) // Political linguistics. №4 (2013): p.234-244.
7. Filatova N. V. Tourism sphere discourse in pragmatic and linguistic aspects: extended abstract of dissertation of the candidate of Philological Sciences; 10.02.01. Moscow, 2014. 25 p.
8. Yanko T.E. Communicative strategies of the Russian speech. Moscow: Languages of the slave culture, 2001. 384 p.
9. Ferreira S.N.S. Persuasive Language in Tourism Webpages: Official Webpages of Los Angeles, Seattle and Washington. 2013-2014 (https://uvadoc.uva.es/bitstream/10324/8021/1/TFG_F_2014_62.pdf). 37 p.
10. Tsotra, D., Janson M. and Cecez-Kecmanovic D. 2004. Marketing on the Internet: A Semiotic Analysis. In Proceedings of the Tenth Americas Conference on Information Systems, New York, August 2004. – p. 4210-4220.

УДК 81

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КВАНТИТАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Томонова Анна Александровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

г.Белгород, Россия

anechka.tomonova.93@yandex.ru

Науч. рук. д.филол.н., проф. Седых Аркадий Петрович

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы национальной специфики фразеологизмов русского, английского и французского языка с квантитативным компонентом, внутренние свойства и отношения между компонентами единиц, понимание распознанной единицы и формы рефлексии ее внеязыковой действительности, а также культурные реалии русского, английского и французского языка. Раскрываются понятия фразеологии, числительного, их классификации и функций как неотъемлемых частей в вопросе межкультурной коммуникации в русском, английском и французском языках, а также семантический анализ фразеологизмов, содержащих компонент «числительное», как реально материальное воплощение концепта числа в национальной картине мира.

Ключевые слова: фразеология, число, числительное, национальная специфика, семантика, лингвокультурология.

NATIONAL SPECIFICITY OF QUANTITATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES

Tomonova Anna

Graduate student Department of German and French languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

anechka.tomonova.93@yandex.ru

Scientific adviser: Professor Sedykh A.P.

Abstract

The article deals with problems of the national specifics of the phraseological units of Russian, English and French with a quantitative component, the problems of the internal properties and relations between them, the understanding of the recognized unit and the form of reflection of its extra-linguistic reality, as well as cultural realities in Russian, English and French. The paper reveals the concepts of phraseology, numerals, their classification and functions as integral parts in the issue of intercultural communication in Russian, English and French, as well as the semantic analysis of phraseological units containing this component, as a real material embodiment of the concept of number in the national picture of the world.

Key words: phraseology, number, numeral, national specificity, semantics, cultural linguistics.

Фразеология как микросистема, входящая в общую систему языка, по праву считается ценнейшим лингвистическим наследием, в котором отражаются видение мира и национальная культура социума. Она аккумулирует в себе коллективный опыт, который передается из поколения в поколения, позволяет исследовать далекое прошлое не только языка, но и истории и культуры его носителей.

Исследование фразеологического фонда занимает языковедов уже не первый десяток лет. Невозможно отрицать некую обособленность и исключительность этой группы языковых единиц. Огромный интерес вызван функционированием в языке фразеологизмов с компонентом «числительным».

Основной круг чисел, используемых во фразеологизмах, специфичен для каждого отдельного языка, что вполне объяснимо и логично. Фразеология требует хорошего знания истории и быта данной страны, точного и свободного владения реалиями языка, кроме того, она связана с традициями, культурой, религией, психологическими особенностями народа-носителя. Поэтому естественны различия в частотности употребления конкретных числительных, их семантической окраске; числа и числовые наборы предметов и понятий всегда имеют, помимо своей основной счетной функции, еще и дополнительное, символическое, ритуальное, отражающее определенную традицию значение.

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины связано с именем В.В. Виноградова (1972), в работах которого были поставлены вопросы об основных понятиях, объеме и задачах науки.

У исследователей фразеологического состава сопоставляемых языков имеется множество мнений о том, что такое фразеологизм, причем наблюдается разница во взглядах на то, каков состав таких единиц в каждом из языков. Авторы по-разному определяют отнесенность к фразеологизмам различных групп словосочетаний и степень устойчивости словосочетаний. Так, например, Шанский Н.М. считает, что к фразеологическим оборотам относятся как устойчивые сочетания слов, семантически эквивалентные слову, так и единства, в структурном и семантическом плане представляющие собой предложения, т.е. буквальное все воспроизводимые в готовом виде единицы [Шанский Н.М. 2012: 33].

Согласно определению Д.Э. Розенталя, «фразеологизм – это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [Розенталь 1985: 377].

В.Н. Телия называет фразеологизмами устойчиво воспроизводимые сверхсловные наименования [Телия 1996]. И.А. Мельчук под устойчивостью понимает предсказуемость появления элементов сочетания в определенном порядке относительно одного из них

[Мельчук 1995]. Например, устойчивость словосочетания бить баклуши относительно элемента баклуши равна 100 % ,а относительность элемента бить - нулю.

Общие признаки фразеологизмов, которые названы во всех определениях, – раздельно-оформленность, устойчивость компонентного состава, воспроизводимость в речи, признак полной или частичной идиоматичности.

Фразеология исследует несвободные сочетания слов с «многоярусной» и размытой системой отличительных свойств, а потому и ее границы условны и подвижны.

Ш. Балли пишет о связанности семантически реализуемого значения, но скорее метафорически: «Когда абстрактное существительное, прилагательное или глагол, сохраняя свою независимость, кажутся связанными в силу обычая с другим словом, обозначающим качество, роль этого слова нередко сводится к тому, что оно усиливает основное значение существительного, прилагательного или глагола, не добавляя никакого нового оттенка, не ограничивая и не уточняя исходное понятие» [Балли 1961. Цит. по: Телия 1996:14].

Среди спорных вопросов фразеологии лингвистический статус компонента ФЕ вызывает наибольшие разногласия. Одни ученые считают, что фразеологический компонент является семантически опустошенным строевым элементом (В.П. Жуков, А.И. Молотков); другие рассматривают компонент ФЕ как специфически употребленное слово (Ю.А. Гвоздарев, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко). Значение одного и того же компонента отличается в составе разных ФЕ. Компоненты ФЕ играют исключительно важную роль в формировании семантической структуры последних. Сопоставив значение лексемы с фразеологическим значением, можно выявить десемантизацию слова, употребляющегося в качестве компонента ФЕ, его роль в формировании фразеологического значения.

Иногда вместо термина фразеологизм ученые употребляют термины фразеологические единицы или фраземы. Так, например, Н.Ф. Алефиренко дает следующее определение термина фразема: «Единицей фразеологии выступает фразема – устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [Алефиренко, 2004, 251].

Одной из основных проблем фразеологии является происхождение, историческое развитие и национальная специфика ФЕ. В предлагаемом исследовании мы пытаемся приблизиться к частичному разрешению этих проблем на примере ФЕ с числительными, а именно подойти к пониманию значений идиом с числительными с позиций когнитивной лингвистики, стараясь показать при этом национальную специфику идиом и их историческое развитие.

В группе изучаемых нами ФЕ основным компонентом, представляющим наибольший интерес, является *числительное*. Имя числительное – это часть речи, обозначающая количество и выражающая это значение в морфологических категориях падежа (последовательно) и рода (непоследовательно). Оно входит в лексико-грамматический разряд количественных числительных, в частности является определенно-количественным, поскольку обозначает определенное количество единиц.

Во многих языках (латинском, греческом, французском, немецком, английском) имена числительные не имеют ни форм рода и числа, ни форм падежей и не определяются прилагательными. Иными словами, они замкнуты в своеобразную категорию количественных слов, которые лишены морфологического разнообразия, не имея морфологических примет ни существительного, ни прилагательного, выступая определяющими членами предметных словосочетаний.

Они ограничены и синтаксически связью с теми предметными именами, счет и количество которых в пределах множества они выражают в цифрах. Специфичность числительных в лексическом плане заключается в том, что они не соотносятся ни с одним предметом, качеством, действием, а являются абстрактными выразителями счета [Реформатский, 1996:188; Телия, 1996:233]. Таким образом, имена числительные в европейских языках - это абстрактные показатели выраженного в цифрах числа однородных предметов, это своеобразные определяющие слова.

Говоря о числе и числительном, следует четко разграничивать эти два понятия, т.к. не все слова, обозначающие количество, являются собой имя числительное как часть речи. К примеру, в английском языке выделяется группа слов, имеющих двойственную природу, и поэтому их относят то к числительным, то к существительным. Семный анализ дефиниций этих слов показал, что как числительные они выражают следующие количественные значения: 1) конкретно-точное число; 2) приблизительно-конкретное число 3) неопределенно-большое число (с дополнительной семой гиперболизации).

В отношении классификации числительных нет единого мнения. Общеизвестными разрядами являются количественные и качественные числительные. Количественные числительные представляют число как общее свойство классов, между членами которых существует однозначное соответствие. Количественные числительные выражают точное число предметов, сочетаясь с существительным: *one book, одна книга, deux pages*. Порядковые числительные показывают, что число приобретает значение постольку, поскольку оно занимает определенное место в какой-то системе. Более того, количественное число отражает свойства равноценных, а порядковое - неравноценных множеств. Семантика порядковых числительных определяется как выражение порядка подлежащих счету предметов. Количественная определенность не зависит от числа предметов, в отличие от количественных числительных. Порядковое числительное содержит семы: "единичность", "порядок" счета. Кроме этих сем, они имеют имплицитную сему партитивное выделение единичного предмета из множества [Панфилов, 1977].

На парадигматическом уровне как количественные, так и порядковые числительные семантически однозначны: первые указывают на суммарное количество, вторые – на место в количественном ряду. В контексте их различия увеличиваются. Порядковые числительные приобретают признаки качества, количественные числительные реализуют как точное, так и неточное число. В сочетании с существительным порядковое числительное не влияет на морфологическую форму определяемого, в то время как количественные числительные конкретизируют множественность, выраженную парадигмой существительного [Швачко, 1981:27]: *считать до девяти, семь столов, второй человек* — здесь числительное выступает в своем основном значении и указывает на конкретное количество. Однако в составе устойчивых сочетаний числовой компонент может наделяться вторичной семантикой: *в двух шагах* "близко", *семь потов сошло* "затрачено много усилий кем-либо для выполнения, осуществления чего-либо". В процессах семантической деривации на базе числительных отражаются наивные представления носителя языка о счетной процедуре (кто считает, что считают, что есть «много» и «мало» в отношении к конкретным счетным предметам и т.п.).

Числительное постоянно балансирует между двумя полюсами денотативной отнесенности: с одной стороны, это связь с конкретными объектами счета, что обеспечивает его конкретность и однозначность; с другой стороны, символические смыслы, позволяющие воспринимать число как качественно нагруженный знак, не привязанный к конкретному количественному значению. В этом отражается смешение логико-«математического» и наивного осмысления счетной процедуры. Такой процесс свойствен людям вообще, и поэтому многие символические значения числительных совпадают в разных лингвокультурах. Вместе с тем наблюдаются национально специфические символические значения числа, которые с особой яркостью проявляются во ФЕ.

Национально-культурная ценность фразеологизмов складывается из трех составляющих. Во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. своими идиоматическими значениями. Некоторые фразеологизмы называют также явления прошлого и настоящего нашей страны, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах. Ср.: *видеть на два аршина в землю, чесать под одну гребенку; half pint* (букв. в полпинты) – «человек маленького роста».

Мировидение каждого народа складывается в картину мира. В отечественной науке последних десятилетий различаются концептуальная и языковая картина мира. Если концепту-

альные картины мира у разных людей одинаковы, то языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «при исследовании феномена языковой категоризации мира акцент делается на установление когнитивных оснований языковых категорий» [Кубрякова, 2004, 326]. Принимая во внимание, что языковые категории формируются как очень сложные ментальные языковые структуры, необходимо учитывать дискурсивные факторы при их формировании.

Картина мира может быть представлена с помощью количественных и других параметров. По мнению Ю.Н. Караулова, границы между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира «кажутся зыбкими, неопределенными» [Караулов, 1976, 50]: «“Языковая картина мира” – это взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 1976, 246].

Число – важный компонент в славянской и европейской языковых картинах мира. Действительно, в каждом языке (в нашей статье – это в первую очередь русский и западноевропейские языки), имеется определенное число идиом с именами чисел, без которых трудно представить их национальную культуру.

В фокусе нашей статьи был проведен семантический анализ фразеологизмов, содержащих компонент «числительное», как реально материальное воплощение концепта числа в национальной картине мира.

Квантитативные компоненты ФЕ русского и западноевропейских языков имеют более или менее развернутую семантическую структуру. К примеру, в русском языке наиболее многозначными являются лексемы, реализующие числа два, в семантической структуре которых есть следующие значения:

- значение противопоставления (*гений и злодейство – две вещи несовместимые*);
- соперничества, вражды (*два кота в одном мешке не улежатся, два медведя в одной берлоге не уживутся*);
- единства, подобия (*два сапога – пара, как две капли воды*);
- значение нестабильности, непостоянства (*бабушка надвое сказала*).

В английском языке наиболее развернутой семантической структурой обладают лексемы, реализующие значение числа три. Были выявлены значения:

- совершенства (*all good things come in three*);
- неординарного явления или предмета (*three foundations*);
- негативной силы (*all bad things come in threes*).

Было установлено, что значение большинства современных лексем взяты из традиций архаичных культур, однако в современных лексемах английского и французского языков меньше архаичных значений, чем в русских. К примеру, французское числительное *trois* несет в себе два значения: совершенства (*brave a trois poils*) и необъяснимого явления или предмета (*jamais deux sans trois*).

Изучение семантики лексем с коннотатом «число» показало, что числа (особенно первого десятка) наделены определенной нематематической значимостью, однако семантическая структура квантитативных лексем в самостоятельном употреблении реализует прямые количественные значения. В семантику фразеологизма заложены определенные культурные коннотации, некоторые его компоненты (числительные) могут иметь и лингвистические и экстралингвистические значения. Анализ ФЕ показал, что семантическая структура квантитативных компонентов изучаемых языков может включать реально-количественные значения, неопределенно-количественное значение, значение степени и символическое значение.

Можно сделать вывод о том, что метафорическое и символическое смыслообразование во фразеологизмах с числовым компонентом в сопоставляемых языках базируется на системе культурных и образных ассоциаций и отражает своеобразный, исторически сложившийся способ интерпретации мира человеком русской, французской или английской культуры.

Фразеологизмы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

Имя числительное как особый словесный знак является важнейшей единицей коммуникации, играющей чрезвычайно важную роль в жизни общества. Факты языка подтверждают, что при фразеологизации имя числительное как компонент претерпевает качественные изменения, обретая новые, несвойственные ему как таковому признаки, а именно выражение не собственно числовое, а несобственное, нечисловое значение, которое обусловлено когнитивно. То есть опыт человека и его знания определяют употребление тех или иных числительных в конкретных идиомах, выражающих те или иные значения [Кубрякова, 2004].

Полученные в статье результаты могут способствовать дальнейшей разработке таких проблем сопоставительной лексикологии, фразеологии, типологии, а также когнитивной лингвистики, как: роль лексического компонента в формировании фразеологического значения, фразообразовательная активность слова, межъязыковые отношения разноязычных фразеологизмов, определение значимости ФЕ в становлении парадигмы познания и отражения мира в вербальном мышлении человека.

Лингвокультурологический подход к изучению единиц языка открывает большие перспективы для дальнейших исследований, поскольку в его основе лежит не только научный интерес, но и духовная потребность познания других народов, их культуры, национального характера и менталитета.

Литература

1. Алифференко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алифференко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Т.А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1989. – С. 5-11.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 176 с.
5. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. – М.: Наука, 1977. – 160 с.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
7. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. - М., 1985. – 357 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. – М., Школа «Языки русской культуры», 1996.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка, - М.: книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 272 с.
10. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. – Киев: Вища школа, 1981. – 143 с.

References

1. Aliferenko N.F. Phraseology and paremiology study guide for the bachelor's level of philological education – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 344 p.
2. Karaulov U.N. From the text grammar to the cognitive theory of discourse. Language. Knowledge. Communication. – M.: Publishing “Progress”. 1989. – p. 5-11.
3. Kubryakova E.S. Language and knowledge: on the way of language knowledge. Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world's knowledge. – M.: Language of Slavic culture, 2004. – 560 p.
4. Melchuk I.A. Language: from meaning to text. – M.: Languages of Slavic culture. – 2012. – 176 p.
5. Panfilov V.Z. Philosophical problems in linguistics. – M.: Science, 1977. – 160 p.
6. Reformatkij A.A. Introduction to Linguistics. - M.: AspectPress, 1996. – 536 p.
7. Rozental D. E. Dictionary of linguistic terms. – M., 1985. – 357 p.
8. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and lingvo-cultural aspects. – M.: School “Languages of Russia culture”, 1996.
9. Shanskij N.M. Phraseology of the modern Russian language, - M.: “LIBROKOM”. – 2012. – 272 p.
10. Shvachko S.A. Language meanings of expressing quantity in modern English, Russian and Ukrainian languages. – Kiev: Vischa shkola. –1981. – 143 p.

УДК 811.114

ЛЕКСИКОН МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (М.П. БУЛГАКОВА)**Харченко Вера Константиновна**доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
wera_kharchenko@mail.ru**Аннотация**

Рассматривается проблема расширения индивидуального лексикона на примере богатейшего по составу лексикона выдающегося историографа русской церкви митрополита Макария (Булгакова). Выделяются группы слов и их аналогов, которые в научном стиле речи использованы митрополитом Макарием, разработчиком образцового стиля изложения, и аналоги которых могут пополнить копилку современного языка. Это наименования лиц, сложносоставные слова, выразительные метафоры и синтагмы, претендующие на устойчивое употребление. Как показало исследование, митрополит широко опирался на словообразовательную мощь русского языка, что придавало разнообразие излагаемому материалу и работало на пластику изложения.

Ключевые слова: лексикон, митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), «История русской церкви», пластика стиля, коэффициент лексического разнообразия, сложные слова, наименования лица.

VOCABULARY OF METROPOLITAN MAKARIUS (BULGAKOV)**Kharchenko Vera**Doctor of Philology, Professor
Belgorod National Research University
wera_kharchenko@mail.ru**Abstract**

The article deals with linguistic characteristics of the exceptional individual vocabulary by Makarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna as a remarkable historiographer of Russian Church. Groups of words and their analogs are singled out, which can be supplemented in the lexicon of modern language. There are names of persons, compound words, expressive metaphors and sentences that can be treated as phraseological units. The analysis shows that Metropolitan efficiently use power of word-building of Russian language, and this method works on variety of styles.

Keywords: Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov), «The History of Russian Church», style, coefficient of lexical diversity, compound words, names of person.

Активизировавшееся особенно в последнее время такое направление в отечественной лингвистике, как исследование языковой личности [6, 8, 12], на наш взгляд, не затрагивает одного наиважнейшего прикладного аспекта. Это «снабжение» языковой личности интереснейшими языковыми средствами, в частности через реконструкцию целого ряда редких слов. Языковая архаика, факты словотворчества могли бы обогатить так называемую сокровищницу современного русского языка. «Так называемую» потому, что в идеале сокровищница только тогда и функционирует как сокровищница, когда пополняется не жаргонизмами и не вынужденными из-за технического отставания страны заимствованными терминами, а действительно достойными социума словами. Причём словами не только высокого регистра, но и нейтральными во имя должного многообразия выбора слова в процессе создания того или иного текста. Редкие слова систематизируются и фиксируются, например, в творчестве И.С. Тургенева [1], однако вне проекции их на возможное современное использование. К этой проблеме творчески подошёл А.И. Солженицын, составив известный словарь языкового расширения. «Тут подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение – а между тем почти целиком заброшенные.

Или частично применяемые, но которым грозит отмирание» [9, с. 4]. *Вынежил* деревцо, *твердозём*, *одноходный* путь (например, рельсовый), *яблоня-неплода*, *смехотвор*, *маловесный*, *человек-корень*, *размаза* (кто говорит неплотно), *новокупка*... «Солженицын пытается воскресить забытые слова, которые употреблялись раньше. Да, они красивы, выразительны, но у них сейчас нет места ля возрождения: они относятся в основном к исчезнувшим ремёслам, к старинным обычаям. А мне кажется, задача должна быть не в том, чтобы воскрешать субстанции языка, а в том, чтобы оживлять его энергии: не конкретные слова, но энергию корня, способного к новым словообразованиям». Далее М.Н. Эпштейн указывает, что из 150 слов с корнем ЛЮБ- в языке осталось сорок, а из 30 некогда существовавших слов с корнем ЛЕП- осталось всего-навсего шесть. Отвечать на поток заимствований, считает учёный, нужно мощным рывком своего словообразования [14, с. 60]. Наша позиция здесь несколько иная. Мы должны быть ближе к истории русского языка, к прекрасным текстам прошлого, любить и цитировать их, и тогда сами контексты с достойными возвращением в социум, привлекательными словами как раз и помогут возвращению этих слов (контекст легче запомнить и использовать как готовый фрагмент, нежели использовать отдельное, тем паче забытое слово). В этом плане творческое наследие митрополита Макария (Булгакова) может представлять значительный интерес.

На основе анализа уникального по богатству индивидуального лексикона митрополита Макария (Булгакова) исследовать словообразовательные возможности потенциальных слов русского языка и контекстуальные выигрыши их употребления, выделив наиболее насыщенные группы индивидуально-авторских слов, заслуживающих лексикографического сбережения.

Что касается материала исследования, то мы применяем полидискурсивный подход, обращаясь не только к «мегатексту» двенадцатитомной «Истории русской церкви» [5], но и к документам (отчётам митрополита в Синод), проповедям, речам, письмам. Так, вместо привычного слова «некогда» в письме к брату митрополитом использовано слово: *недосужно*. Вместо традиционного глагола *постареть* употреблено *остареть*. Слово почерпнуто из отчёта митрополита Макария в Синод: *для остаревших священников*. Мена приставки дала возможность показать начальную степень старости. Методами исследования служили предваряющее эту публикацию исчисление коэффициента лексического разнообразия текста, побудившее провести уже не количественный, а «атомарный» качественный, то есть контекстуальный анализ используемых митрополитом лексем с элементами дефинитивного подхода при формулировке значений того или иного слова. Само собиранье таких лексических изысков заставляет ещё более ощутить опирающуюся на солидный глоссарий пластику макариевского текста. Разумеется, нами высечены и акцентированы далеко не все слова, использованные Макарием и могущие претендовать на новую, свежую жизнь в современном языке как средства коммуникации.

Количественный, квантитативный подсчет частотности всех (и знаменательных, и служебных) слов, проведённый нами ранее по достаточно объёмным фрагментам из «Истории русской церкви» [11, с. 96-104] обнаружил одну интереснейшую особенность макариевского стиля. При развёртывании изложения (подчеркнём, научного, историографического, где будто бы не до разнообразия и изысков!) процент одноразово, однократно употреблённых слов оставался весьма высоким, доходя иногда до половины употреблений, а при суммировании с двукратным употреблением, близок к уровню «золотого сечения» (67,6%). Подробнее [11, с. 96]. Это обстоятельство побудило обратиться непосредственно к составу индивидуального словаря и выделить те группы, которые наиболее ярко представлены в своих словообразовательных, словотворческих авторских «инициативах».

Были выделены три блока возможного пополнения лексикона. Во-первых, это наименования лиц. Во-вторых, абстрактные наименования. В-третьих, выразительные синтагмы, микроконтексты, могущие претендовать на реконструкцию. Мы не настаиваем именно на этих группах, но именно их представители чаще всего обращали на себя наше внимание. Первую весьма объёмную группу составили наименования лиц с подгруппами:

наименования по роду занятий: *казнодей, справщик, подстароста, постриженник*; наименования лиц по чертам характера, недостойному поведению: *ропотник, бесчинник, крамольник, своеволец, обличник, возражатель, помраченники*; наименования лиц по общности действий: *совместник, сопастырь, соумышленники, сослужбник, соправитель*; наименования лиц, отличающихся положительными чертами: *стоятель, книжник, читатель, фундатор, первосоветник, желатель* (добрых дел и любви), *благовестник*. Дополнительные наименования лица необходимы потому, что и в теоретической лингвистике, и при сборе диалектного материала, и при сопоставлении языков наименования лица слишком часто стали сводиться к прозвищному фонду. Укажем одну их характерных работ [7]. Прозвища заслоняют от языковеда другие типы наименований лица как весьма востребованной группы, почему здесь и должны быть запасники наименований различной, однако отнюдь не прозвищной, направленности.

Второй список образуют абстрактные имена существительные, образованные суффиксацией, сложением или сложносуффиксальным способом. *Богомыслие* – думы о Боге. ... Две тесные кельи, где предавалась богомыслию и уединённой молитве [ИРЦ (здесь и далее – История русской церкви). Кн. II: 316]. *Благоснисходительность* – добросердечное понимание, снисхождение. Из текста письма митрополиту Иннокентию 8 сентября 1843 г. ... И потому просил у своего бывшего руководителя «мудрой благоснисходительности к своему первому опыту, опыту студенческому – ученическому» [Титов. Т. 1: 86]. *Благочестие* – достоинство, позитивное восприятие своего долга. Подражать св. епископам в терпении, славословии Бога, подражать, например, Златоустому и другим великим иерархам – дело похвальное, но нужно подражать им и в благочестии, учительстве, долготерпении и примерной жизни [ИРЦ. Кн. VI: 421]. ... Многие вдовы и девицы поступали в монастырь, чтобы учиться у неё [Ефросинии. – В.Х.] благочестию... [ИРЦ. Кн. II: 313]. *Самовластие* – нежелание слушаться старших, советоваться с более опытными. ... Вступают в брак без соизволения родителей, самовластием жениха или невесты [ИРЦ. Кн. VI: 394]. См. также: *самоотчётливость* – ответственность за определения, оформление мысли. Из юношеского сочинения Михаила Булгакова: «Самоотчётливость, если не полная, то основанная на самосознании, соединённая с большею или меньшею самостоятельностью и независимостью от народных преданий и предрассудков, принадлежит каждому греческому философу».

Мы не случайно обращали внимание на двукорневые слова. Абстрактные существительные с одним корнем тоже не особо просты. И митрополит Макарий достаточно часто к ним прибегает. Рассмотрим, в чём заключается их прелесть и сложность. Как пишет автор монографии об абстрактных именах Л.О. Чернейко, абстрактное имя, во-первых [Нумерация наша. – В.Х.], мифологично «как мифологично всё, что не имеет опоры в эмпирической действительности...». Во-вторых, абстрактное имя диалогично. «В функционировании абстрактного имени проявляется психологический закон относительности. Семантический инвариант содержания абстрактного имени, определяющий его существование в коллективном сознании... намного меньше его варианта, производного от опыта конкретной личности и уровня её интеллекта...» Наконец, в-третьих, создание сложной идеи – процесс не рассудочный, а интуитивный, и только уже созданную идею рассудок может препарировать, раскладывать на составляющие [13, с. 264, 265, 61]. Получается, что синтез первичнее анализа, получается, что абстракции нужны нам интуитивно, поскольку они обслуживают нас как компактные, упакованные мифы. Вот почему (продолжим мысль!) имеет место постоянный голод по свежим абстракциям, и обновлённая модель, двукорневая структура таких слов этот голод как нельзя лучше и утоляет. Скажем более того: коль скоро в стилистике митрополита Макария мы зафиксировали обилие удвоенных эпитетов [11, с. 59-68], то сейчас обратили внимание на двукорневые абстрактные имена, которых в современном русском языке явно недостаточно.

Третью группу слов, обративших на себя внимание по мере знакомства с Историей русской церкви, образует более разнородный материал: здесь и слова, и устойчивые словосочетания, могущие также претендовать на включение в современную речь, поначалу в

режиме старинной экзотики, но впоследствии в режиме ожидаемого пополнения, насыщения, обогащения синонимических рядов. В этом третьем списке приставочные глаголы: *низринуть, встащить, подклониться, испросить, излентиться, ископать...*; сложные слова с начальными корнями НОВ- и МНОГ-: *новопереведённый, новоучреждённый, новотворимый, новоустроенный, новосозданный, новостроящийся, многознаменательный, многотрудный, многолетие, многоразличные, многоценное* имущество о своих многоразличных скорбях; потенциальные слова-синонимы к современным словам: *неплодная жена, предбудущий сейм; иные притворяются малоумными, а после оказываются целоумными; крайний, порубежный, сладительно мне*; потенциально устойчивые словосочетания: *как ни достопочтенно для нас ... имя; достойные признательной памяти; удручённый старостью; во всей крепости сил; печаловаться перед кем-либо о ком-либо; речь пошла в задор; принять под свою высокую державу, замаять истину многословием; по своему умышлению, ветхий днями* (о старце).

Митрополит Макарий (Булгаков) не только владел фантастически богатым словарём, в чём мы, читая труды этого человека, постоянно убеждаемся и чем не можем не восхищаться, но и сам создавал, творил производные слова, масштабно используя словообразовательную мощь родного русского языка. И в этом словотворчестве не было налёта экстрима – настолько пластично вписывались производные эти слова в исторический контекст общего повествования: *в продолжение своего митрополитствования; ... устав, или выпись прав духовенства; когда кому-нибудь прилучится по делам побывать, иные притворяются малоумными, а после оказываются целоумными; не по правилам, а по своему умышлению; Мы видели у себя примеры отнюдь не меньшего варварства, кровожадности, бесчеловечия и в князьях, и в самом народе; ... На Святой неделе тотчас после обедни отведают и вечерю для своих пьянственных нравов; по вопросу о перстосложении, заботился о благоустроении...* Как видим, среди таких производных немало сложных слов по структуре (*целоумные, благоустроение, первостоятель*), но отнюдь не по восприятию их со стороны адресатов книги.

Удивительная пластика стиля митрополита Макария (Булгакова) опирается не только на разнообразие «обычных», общеупотребительных слов, но и на мощный словообразовательный потенциал русского языка, что даёт возможность расширять синонимические ряды за счёт использования потенциальных слов.

Наибольший интерес на этом этапе анализа представили две группы. Это, прежде всего, наименования лиц по широкому кругу проекций: род занятий и особенности сиюминутного поведения, черты характера и приверженность к той или иной группировке.

Вторую группу составили «потенциальные» сложные слова, настолько пластично исполненные, что вполне могущие претендовать на вхождение в лексическую сокровищницу языка.

Не меньший интерес вызвали и некоторые метафоры и синтагмы из произведений митрополита Макария, также претендующие на расширение словарного пространства в русском языке.

Итак, наш интерес вызвали слова, выразительность которых может убедить и «заиграть», разумеется, при контекстном их освещении и которые могут претендовать на языковую реконструкцию. Хотя в этих словах сохраняется осязаемый налёт архаики, но согласимся: ни один язык не может претендовать на достойное функционирование без притока нововведений, но и без сбережения значительного процента архаичных форм и лексем. Это требование напоминает труднореализуемую установку взаимодействия человека и времени, когда идеальным считается умение пребывать и в настоящем, и в прошлом, и в будущем. Цитируя «Исповедь» Августина, С.В. Девяткин пишет: ... Вечность – это *одновременность* трёх временных состояний, не последовательность, а одновременность прошлого, настоящего и будущего. Вечность также заключена внутри нас, это нескончаемая жизнь, это некое переживание, когда ясность сознания такова, что цепь переживаний дана целиком... *Nuns stans* – «вечное теперь». Задача перехода в вечность в

таком случае требует изменить восприятие мира, развить память, внимание и ожидание – воображение до максимально доступной индивиду степени, до степени совершенства [3, с. 30]. Приведём ещё два высказывания, как настоящему способны помочь ценности будущего и прошлого. «В качестве «провиденциального регулятора» личной и общенародной истории, обоснования осмысленности существования как «бытия-к-жизни» выступают **ценности завтрашнего дня** [выделено автором. – В.Х.] ... Эти ценности живут в «памяти о будущем». Радостное житнетворчество возможно лишь при условии, что воображение не ограничено прошлым и настоящим» [2, с. 209]. В своём дневнике историк Василий Ключевский пишет: «В душе человеческой есть дивное спасительное свойство реакционной экспансивности. Достигнув высшей степени напряжения, сузившись до крайности и здесь натолкнувшись на препятствие, не пускающее дальше, душа необъятно расширяется в прошедшее. Житейский толчок способен был бы привести в отчаяние, если бы эта расширяемость в прошедшее не являлась на помощь. ... Так всякий раз, когда оставливается движение жизни в будущее, является возможность вновь пережить прожитое, но пережить в другой, идеальной реакции... (6 ноября 1868 г.) [4, с. 11].

В перспективе, полагаем и прогнозируем, могут быть созданы Словари языка выдающихся деятелей церкви, как создаются сейчас словари языка известных писателей. Но это уже задача будущего.

Литература

1. Бахвалова Т.В. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И.С. Тургенева. – Орёл: Изд-во «Полиграфическая фирма Картуш», 2007. – 179 с.
2. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 221 с.
3. Девяткин С.В. Время и вечность в «метафизике света» // Человек – сам себе непонятный: Сборник статей. – Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1997. – С. 29-34.
4. Ключевский В.О. «Жить – значит быть любимым»: Из дневников и записных книжек // Семья. 1989. № 21. – С. 11.
5. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 7 книгах. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994-1995.
6. Нестерова О.А. Психолингвистические и лингвокогнитивный анализ языковой личности (на примере публицистического дискурса В.П. Астафьева). Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Нижний Новгород, 2015. – 24 с.
7. *Потанова С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. – Ярославль: МУБ и НТ, 2003. – 276 с.*
8. Романова М.С. А. Тарковский как языковая личность: способы репрезентации в поэтическом тексте. Дис. ...канд. филол.наук. Пятигорск, 2015. – 171 с.
9. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
10. Титов Федор. Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова). М. – село Белянка, 2015. Т. 1. – 459 с.
11. Харченко В.К. Митрополит Макарий (Булгаков): пластика языка и стиля. – Белгород: Белгородская областная типография, 2017. – 224 с.
12. Хлупина М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова. Дис. ...канд.филол.наук. – М., 2014. – 255 с.
13. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени Изд. 2. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.
14. Эпштейн М.Н. Мысль в сослагательном наклонении // Знание – сила. 2010. № 7. – С. 57-64.

References

1. Bakhvalova T.V. 500 words from “Zahiski okhotnica” by I.S. Turgenyev. – Oryol: Poligraphicheskaya phirma Kartush, 2007. – 179 p.
2. Volkov V.V. Philology in system of modern humanitarian knowledge. – Tver: Izdatel Condratyev A.N. 2013. – 221 p.
3. Devyatkin S.V. Time and eternitu in “metaphysic of light” // The man Novgorod: NovGU imeni Yaroslava Mudrogo, 1997. – pp. 29-34.
4. Klyuchevskiy V.O. “To live well then be loving”: From diary and note-books // Family, 1989. № 21. – P. 11.
5. Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov). The History of Russian Church: in 7 books. – M.: Izdatelstvo Svyato-Preobrazhenskogo Valaamskogo monasturya, 1994-1995.
6. Nesterova O.A. Psycholinguistics and lingvocognitivistics analyze of language personality (on material of publicities discourse by V.P. Astaphiev) // Cand. philol. sci. thesis diss. – Nizhniy Novgorod, 2015. – P. 24.

7. Potapova S.Iy. *Names of person in everyday discourses*. – Jaroslavl: MUB INT, 2003. – P. 276.
8. Romanova M.S. A. Tarkovskiy as language personality: methods of representation in poetics text: Cand. philol sci.dis. – Pyatigorsk, 2015. – P. 17.
9. Solzhenitzin A.I. Russian vocabulary of language widening. – M.: Nauka, 1990. – P. 272.
10. Titov F. Material for biography of Metropolitan Makarius (Bulgakov) M. – selo Belyanka, 2015. T. 1. – P. 459.
11. Kharchenko V.K. Metropolitan Makarius (Bulgakov): plasticity of language and style. – Belgorod: Belgorodskaya oblastnaya tipographia, 2017. – P. 224.
12. Khlupina M.A. Specifically of language personality S.D. Dovlatov: Cand. philol. sci.dis. – M., 2014. – P. 255.
13. Cherneyko L.O. Lingvophilosophical analyze of abstract name. Izd. 2. – M.: Knizhnuy dom LIBROCOM, 2010. – P. 272.
14. Epshteyn M.N. Reflection in subjunctive mood // Znanie – sila. 2010. № 7. – pp. 57-64.

УДК 811'11

ПРОБЛЕМЫ СИНОНИМИИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Щербинина Елена Михайловна

ассистент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия

Shcherbinina_e@bsu.edu.ru

Бондарева Марина Михайловна

ассистент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия

marina_bondareva@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается терминологическая синонимия в сфере переработки сельскохозяйственной продукции на материале немецкого и русского языков. Определяется понятие синонимия, и анализируются пути её возникновения в терминологической сфере. Изучается учет экстралингвистических факторов, влияющих на увеличение количества терминов-синонимов. Анализируется понятие синоним. Выделяются синонимические ряды среди тематических групп терминологической выборки. Приводится семантический анализ одной из синонимических групп для подтверждения факта нахождения лексических единиц в рамках данного синонимического ряда.

Ключевые слова: синоним, синонимия, экстралингвистические факторы, терминология, семантический анализ.

THE PROBLEM OF SYNONYMY IN AGRICULTURAL LEXICOGRAPHICAL TERMINOLOGY

Shcherbinina Elena

Assistant Professor

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

Shcherbinina_e@bsu.edu.ru

Bondareva Marina

Assistant Professor

Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

marina_bondareva@mail.ru

Abstract

The article deals with synonymy in agricultural terminology of meat processing in modern language studies. Terms, origins of synonymy in agricultural terminology are discussed. Different rows of synonyms due to their semantic were marked out, compared and analyzed. The semantic analysis within a synonymic group is carrying out to prove the fact of its semantic identity.

Key words: synonym, synonymy, non-linguistic factors, terminology, semantic analysis.

Терминология в определенной сфере является предметом изучения многих исследователей в последнее время. Термин отличается от общеупотребительной лексики или любого другого вида номинаций тем, что является связанным с определенными научными концепциями. Следовательно, термины всегда подвержены влиянию определенной сферы знаний, что определяет их однозначную принадлежность к определенному узусу.

С одной стороны, усиленное внимание к терминологии объясняется стремлением к унификации терминологии, с другой стороны, попыткой рассмотреть причины терминологической синонимии. Проблемы в сфере синонимии наиболее полно рассматривались в трудах Д.С. Лотте, С.В. Гринева, В.П. Даниленко, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Н.В. Васильевой и др. Вслед за Л.Н. Новиковым под синонимией мы понимаем тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений [2, с. 446]. Синонимия встречается на разных уровнях языка: в лексике, грамматике, фразеологии, словообразовании. Синонимия бывает стилистической и семантической. Зачастую синонимия положительно влияет на функционирование и развитие языковой системы, обогащая, расширяя и разветвляя системы разных уровней отношений. Но, говоря о терминологии, как об особом разделе языка, лингвисты настаивают на большей степени однозначности лексических единиц данного пласта лексики. С одной стороны, присутствие нескольких инвариантов того или иного понятия или явления может вызвать затруднение при общении специалистов, с другой стороны, присутствие параллельно существующих вариантов позволяет более полно описать рассматриваемый объект. Термин не просто назывное понятие, а функциональное, поэтому диапазон его применения, сужаясь до рамок профессионального употребления в той или иной сфере, может расширяться в этих же рамках: с развитием сферы функционирования предметов, расширяется и номинативная способность термина. К.Я. Авербух выделяет следующие причины терминологической синонимии: 1) активные заимствования; 2) метонимическое употребление одного из терминов синонимической пары; 3) наличие у изучаемой или рассматриваемой реалии различных наименований в зависимости от того, с позиций какой предметной области реалия рассматривается. [1, с. 38]. Для более полного рассмотрения синонимии в сфере терминологии, ученый предлагает схематический анализ, опирающийся на денотативно-коннотативные отношения, согласно которым, существуют абсолютные синонимы, синонимы по сигнификату, когда при совпадающем сигнификативном значении различны и знаки и обозначаемые реалии и термины-варианты, или омонимы по сигнификату.

Опираясь на приведенную классификацию, можно выявить несколько синонимических рядов в нашей терминологической подборке. Наиболее обширные синонимические ряды представлены в группе, номинирующей «*Помещения, используемые в процессе мясопереработки*». Рассмотрим один из них:

- **Fleischereibetrieb** m мясоперерабатывающее предприятие; **Fleischverarbeitungsbetrieb** m мясоперерабатывающее предприятие, мясоперерабатывающий завод; **Fleischverarbeitungshof** m мясоперерабатывающее предприятие, мясоперерабатывающий завод; **Fleischwarenfabrik** f мясоперерабатывающий завод **Fleischkombinat** n мясной комбинат, мясокомбинат.

На примере лексических единиц, объединенных в данный синонимический ряд, проведем семантический анализ, рассматривающий синонимические отношения между элементами группы. С точки зрения структуры, рассматриваемые немецкие термины являются композитами, что подразумевает большую вариативность процессов словообразования. Можно сказать, что существительные внутри приведенного ряда являются синонимами по сигнификату, т.к. примерно равны их объемы значений. Общий семантический компонент *Fleisch(bearbeitung)* является объединяющим для данных терминов. Проведя анализ словарных дефиниций, можно сделать следующий вывод: корневой компонент сложных существительных имеет небольшую разницу в значении, относящуюся к величине объёмов производства: *Betrieb* – предприятие, производство, завод (т.е. более крупная производственная единица); *Fabrik* – фабрика, завод; *Kombinat* – комбинат; *Hof* - 1) двор (при доме) 2) (крестьянский) двор; усадьба; хутор (более мелкая, частная производственная единица). Таким образом, объединение в синонимический ряд данных терминов возможен.

Другие обширные синонимические ряды, представленные в нашей выборке, обнаружены в терминологической группе «*Характеристики процесса производства мясной продукции, артикулов и исходных компонентов*» – 4 синонимических ряда и «*Специальности, занятые в процессе переработки мясной продукции*» – 3 синонимических ряда.

Прочие терминологические группы представлены меньшим количеством синонимических рядов, например:

- **Fleischer** m мясник; **Fleischerhandwerker** m мясник; **Fleischermeister** m 1) мясник; 2) специалист мясоперерабатывающего предприятия; **Fleischhacker** m мясник и **Fleischhauer** m *устар.* мясник.

Данный синонимический ряд представлен в терминологической группе «*Специалисты, занятые в процессе переработки мясной продукции*». Объединяющим компонентом послужило слово *Fleisch* (мясо), корневые компоненты также имеют разницу в объеме значений, являясь синонимами по денотативному признаку.

- **Rückenfett** n спинной жир **Rückenspeck** m спинной шпиг.
- **Schweifefett** n свиной жир **Schweifefettgewebe** f свиная жировая ткань.

Синонимические ряды, представленные в группе «*Характеристики процесса производства мясной продукции, артикулов и исходных компонентов*»

В процессе рассмотрения синонимии важно принимать во внимание разницу в степени тождества и различия семантики терминов. Отношения синонимии присутствуют в исследуемой сфере терминологии в виде пар и рядов терминологических единиц, возникших из-за существования терминов с различной словообразовательной структурой. Учитывая влияние на становление и расширение терминологического аппарата экстралингвистических факторов, таких как: постоянное развитие и совершенствование сельскохозяйственного производства, тесное международное сотрудничество в данной сфере, логично предположить увеличение количества терминологических единиц. Но с другой стороны, следует ожидать уменьшения протяженности синонимических рядов ввиду систематизации и стандартизации предметной терминологии во всех сферах человеческой деятельности.

С позиции структуры, терминологические синонимы в сельскохозяйственном словаре представлены однословными терминами, которые в свою очередь, подразделяются на простые, производные, сложные термины и многословными терминами, или терминологическими сочетаниями. Наиболее продуктивными, с точки зрения словообразования, можно считать сложные термины, которые могут цельнооформленной единицей выражать сложные номинации. Синонимические отношения, встречающиеся в выделенных нами семантических группах не нарушают точность описываемого понятия, а лишь дополняют и конкретизируют терминологическое значение.

Синонимия в сфере терминологии рассматривается многими лингвистами, как естественное проявление развития и совершенствования языка с учетом экстралингвистических факторов, так как в процессе постоянного развития науки и производства постоянно увеличивается количество номинаций, необходимых для обозначения уже известных предметов и явлений. Анализ синонимических рядов, представленный в данной статье позволяет подтвердить утверждение о том, что терминологическая синонимия во многих случаях способствует расширению объема семантики лексических единиц, их качественному обозначению.

Литература

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. – 1986. – Т. 6. – С. 38.
2. Новиков Л.А. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь/ под редакцией Ярцевой В.Н. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. - с. 447.
3. <http://www.bauernhof.net/glossar/kategorie/schweine-lexikon/>
4. Product guide [электронный ресурс]. www.german-meat.org

References

1. Konstantin Averbuch. Terminological variety: theoretical and applied aspects // Voprosy yazykoznanija – В. 6. (1986): P. 38.
2. Lev Novikov . Synonyms // Linguistic dictionary/ under edition by Viktoria Jartseva. Moscow. Great Russian Encyclopedia. 2000. 447p.
3. <http://www.bauernhof.net/glossar/kategorie/schweine-lexikon/>
4. Product guide [электронный ресурс]. www.german-meat.org

УДК 81

МАТИЗМЫ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СКВЕРНОСЛОВА

Шокова Ольга Николаевна

студентка историко–филологического факультета
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгоро, Россия
o.shokova@yandex.ru

Аннотация

В статье дается оценка людям, употребляющим матизмы. Автор утверждает, что использование человеком матерных слов и выражений является проявлением таких отрицательных черт личности, как асоциальность, склонность к насилию, грубость, низкий культурный уровень примитивизм мышления, раздражительность, эстетическая слепота. Вместе с тем он высказывает мысль, что в некоторых случаях использование человеком матизмов нельзя рассматривать как дефект его личности.

Ключевые слова: матизмы, матерные слова и выражения, табуированная лексика и фразеология, личность скверносллова.

«MATISMS» AND LANGUAGE PERSONALITY OF SWEARER

Shokova Olga

student of Historical and Philological Faculty,
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia
o.shokova@yandex.ru

Abstract

The article gives assessment to the people who use vulgar, obscene, or profane language. The author says that the usage of swearing words is the display of such negative traits as asociality, propensity to violence, rudeness, low standard of culture, primitiveness of thinking, impatience, and aesthetic blindness. Along with that he gives an idea that in some cases the usage of swearing words can be seen as an imperfection of his personality.

Keywords: vulgar, obscene, or profane language, swearing words, taboos, personality of a swearer.

Матизмы – матерные слова и выражения. Русская матерная лексика включает в свой состав более тысячи слов и выражений, образовавшихся на базе четырех основных матизмов.

Матерные слова всегда были строго запрещены общественной моралью и государством. С точки зрения православия, употребление матерных слов считается серьезным грехом. Церковь рассматривает использование матизмов как черту бесовского поведения: по поверью, дом, где сквернословят люди, наполняют бесы и покидают ангелы.

За употребление матизмов всегда следовало строгое наказание.

В XVII веке матерщиников наказывали розгами. До середины XIX века сквернословие рассматривалось как уголовное преступление. В СССР за нецензурную брань в общественном месте назначали 15 суток ареста. В наше время за употребление матерных слов в общественном месте на нарушителя налагается штраф от 500 до 1000 рублей или арест до 15 суток.

Однако, несмотря на табуированность, матерная лексика широко использовалась и используется многими русскими людьми.

Как правило, факт употребления матерных слов и выражений является проявлением отрицательных черт личности. К ним относятся асоциальность, склонность к насилию, грубость, низкий культурный уровень примитивизм мышления, раздражительность и другие.

Асоциальность. Используя матизмы, сквернословы противопоставляют себя культурному обществу, выражают презрение к культурным людям. Как правило, на нарушении норм морали человек, противопоставляющий себя культурному обществу, не останавливается: вслед за нарушением нравственных норм нередко следует нарушение статей уголовного кодекса.

Агрессивность. Не случайно люди, склонные к насилию, убийствам, как правило, употребляют грубый отборный мат.

Грубость, хамство. Сквернослов нередко употребляет инвективную лексику, чтобы унижить культурных людей, особенно женщин, и вызвать у них страх.

Низкий культурный уровень. Матерятся, как правило, люди низкой культуры. Культурные образованные люди отвергают мат, под каким бы предлогом и с какой целью он ни был употреблен. Когда корреспондент спросил у академика Д.С. Лихачева, который три года провел в сталинском лагере, приходилось ли ему прибегать к «ненормативной» лексике в каких-то крайних ситуациях, он ответил:

– Нет, не приходилось.

– Даже в лагере?

– Даже там. Я просто не мог материться. Если бы я даже решил про себя, ничего бы не вышло [Комсомольская правда, 1996].

Матерный язык был так отвратителен Д.С. Лихачеву, что когда он впервые увидел матерные слова, напечатанные в журнале «Новый мир», ему стало просто страшно.

Примитивизм мышления. К мату прибегают интеллектуально ограниченные люди, люди, обладающие бедным словарным запасом. Матизмы помогают им выразить все свои примитивные мысли.

Вульгарность. К мату прибегают вульгарные люди. Матерная речь – своего рода лакмусовая бумажка вульгарности. Не случайно культурные юноши и особенно их мамы не любят девушек, которые используют инвективную лексику.

Психологическая ущербность. Психологи доказали, что человек нередко прибегает к мату тогда, когда он чувствует свою неполноценность. Мат используется сквернословом как способ повысить самооценку. Неуверенные в себе мужчины и юноши говорят на нем, чтобы подчеркнуть свою мужественность и маскулинность.

Конформность. Конформисты используют матизмы, чтобы стать своими в социальной группе, в которой основным языком общения является мат. Например, подростки, употребляя матерную лексику, стремятся влиться в компанию молодых людей, которые говорят на матерном языке.

Трусость. Известно, что матерные слова способствуют выработке тестостерона у тех, кто их произносит, и, наоборот, замедляют его выработку у тех, кто их слушает, поэтому люди, трусливые по натуре, во время ссор и перед драками используют матерную брань как для запугивания противника, так и для подавления собственного страха. Нередко, вместо того, чтобы вступить в реальный поединок, трусы ограничиваются обменом матерных ругательств.

Скандальный характер. К мату прибегают скандальные люди, которые, как правило, не могут найти общий язык с коллегами, с женами, мужьями, со своими детьми.

Раздражительность, гневливость. Матерные слова склонны использовать люди, которые часто испытывают раздражение, гнев, ярость, чтобы выплеснуть свои негативные эмоции на окружающих. К числу таких людей относился великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии Иван Бунин. Друг и помощник Бунина Андрей Седых вспоминал, что когда они с Буниным ехали на парижском такси, Бунин, по своему обыкновению, вышел из себя и употребил несколько крепких выражений. Экспрессия бунинской речи поразила шофера, русского эмигранта. Он обернулся к пассажирам и добродушно, словно вся эта ругань к нему не относилась, спросил у Бунина, не из моряков ли он. Бунин строго сказал, что он не моряк, а почетный академик по разряду изящной словесности. Услышав слова Бунина, шофер расхохотался и долго потом не мог успокоиться. Он не мог поверить, что Бунин не моряк с военного корабля, а почетный член Российской академии по разряду изящной словесности.

Маскулиность. Косметологи заметили, что те их клиентки, которые злоупотребляют матизмами, имеют низкий мужской голос и повышенную волосатость конечностей. С одной стороны, к употреблению мата склонны женщины с повышенным уровнем ан-

дрогенов, с другой стороны, употребление матизмов стимулирует выработку у женщин мужских половых гормонов.

Эстетическая слепота. Матерящиеся люди лишены чувства прекрасного. Они не чувствуют, что матерные слова и выражения делают речь уродливой, лишают ее красоты.

Итак, мы видим, что использование человеком мата, как правило, свидетельствует о серьезных дефектах его личности. Однако не всегда употребление мата характеризует человека отрицательно.

Во времена крепостного права обращение крестьян к матерной лексике было своеобразной формой протеста против власти крепостников. С помощью матерного слова крепостные крестьяне могли разрушить репутацию того или иного помещика. В "Мертвых душах" Гоголя есть такой эпизод: Чичиков спрашивает у мужика дорогу к поместью Плюшкина. Но мужик не знает такую фамилию. Чичиков с досадой упрекает мужика в том, что тот, несмотря на свой солидный возраст, не знает скрягу Плюшкина.

– А! заплатанной, заплатанной! – вскрикнул мужик и прибавил к слову «заплатанной» очень удачное, скорее всего, матерное слово или его цензурный эквивалент.

«Выражается сильно российский народ! – заключает Н.В. Гоголь, – и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света».

Трудно осуждать людей, которые переходят на матерный язык для того, чтобы выжить. Дмитрий Сергеевич Лихачев рассказал о своем старшем товарище по лагерю коллекционере Николае Николаевиче Виноградове, попавшем на Соловки по уголовному делу. Лихачев заметил, что Виноградов стал своим у лагерного начальства только потому, что ругался матом. За это ему многое прощалось. Если человек матерился, его воспринимали как своего. Расстреливали чаще всего тех, кто не ругался. Они были «чужие» [Комсомольская правда, 1996].

Заслуживает снисхождение человек, который прибегает к мату в целях самозащиты. Осенью 1917 года, когда уже произошла Февральская революция и мужики распоясались, матерная брань спасла жизнь Бунину.

В деревне, где писатель жил с женой в то беспокойное время, появились поджигатели. В мае–июне каждую ночь то там, то здесь полыхал пожар. Однажды на рассвете подожгли гумно в усадьбе, где жил Бунин. Крестьяне, сбежавшие со всей деревни, обвинили Бунина в том, что это он сам поджег гумно, чтобы сжечь всю деревню. В полдень запылал скотный двор соседа Бунина. Крестьяне хотели бросить Бунина в огонь, крича, что это он поджег. Его спасло только бешенство и матерная брань, с которой кинулся на орущую толпу [Бунин: 39].

Употребление мата может говорить о стремлении человека к простоте и народности. Некоторые интеллигентные люди используют матерные слова с целью приблизиться к народу. К числу таких людей относился великий русский писатель Л.Н. Толстой. Чтобы опроститься, он не только пахал землю, не только носил крестьянскую одежду, но и не гнушался народного матерного словца. А.М. Горький, присутствовавшего при беседе Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, вспоминает: «Сегодня в миндальной роще он спросил Чехова:

– Вы сильно распутничали в юности?

А.П. смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что–то невнятное, а Л.Н., глядя в море, признался:

– Я был неутомимый ... – Он произнес это сокрушенно, употребив в конце фразы соленое мужицкое слово. Тут я впервые заметил, что он произнес это слово так просто, как будто не знает достойного, чтобы заменить его. И все подобные слова, исходя из его мохнатых уст, звучат просто, обыкновенно, теряя где–то свою солдатскую грубость и грязь» [Горький, 1979: 95].

Следует помнить, что в стрессовой ситуации даже культурный человек может сорваться и выругаться нецензурно. Например, можно с пониманием отнестись к человеку, который употребил матизм, попав себе по пальцу молотком. По данным некоторых исследова-

дований, нецензурная брань вызывает выделение в головном мозге эндорфинов, оказывающих болеутоляющее действие, поэтому нередко, когда человек получает травму, он рефлекторно матерится, чтобы уменьшить боль.

Матизмы могут использоваться авторами художественных произведений как средство создания комического эффекта. Например, в юмористическом ключе использует матерные слова группа «Ленинград» и ее руководитель Шнуров. Пародийное звучание песен Шнурова приводит к тому, что, несмотря на строгий законодательный запрет мата в нашей стране, группе «Ленинград» предоставляется возможность выступать перед огромными аудиториями.

Подведем итоги.

Использование матизмов может быть проявлением отрицательных черт человека, а именно: асоциальности, склонности к насилию, грубости, низкого культурного уровня, примитивизма мышления, раздражительность, примитивизма мышления, вульгарности, ущербности, конфóрмности, трусости, скандального характера, маскулинности, раздражительности, гневливости, эстетической слепоты.

Вместе с тем в некоторых случаях использование человеком матизмов нельзя рассматривать как дефект его личности. В условиях угнетения матерная брань может выступать как форма протеста против эксплуатации. Матерный язык может быть использован как средство самозащиты. Использование матизмов может говорить о желании человека быть ближе к простому народу. Даже культурный человек может прибегнуть к матизмам в экстремальных условиях. Применение матизмов оправданно, если они используются в художественных произведениях как средство создания комического эффекта.

Литература

1. Бунин И. Окаянные дни. – М.: «Молодая гвардия», 1991.
2. Горький М.. Собр. соч. в 16 том. – Т.16. – М.: «Правда», 1979.
3. Комсомольская правда. 1996. 5 марта. «Я живу с ощущением расставания...»

References

1. Bunin I. Cursed days. – М.: «Molodaja gvardia», 1991.
2. Gorkiy M. Sobr. soch. v 16 tom. – Т.16. – М.: «Pravda», 1979.
3. Komsomolskaia Pravda. 1996. 5 march. «I live with the feeling of parting ...».

УДК 81

СЕРЕБРЯНЫЙ ОБРАЗ РОМАНА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦВЕТА В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ»

Юдина Надежда Андреевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
nadezhda-yudina1994@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализированы особенности реализации концепта серебряного цвета в романе Николая Геймана «Звёздная пыль». Рассмотрена роль концепта в моделировании индивидуально-авторской поэтической картины мира. На основании анализа контекстуальной сочетаемости установлены ассоциативные связи указанного концепта с другими культурными концептами, которые в совокупности образуют его содержание. Предпринята попытка раскрыть концептуальные смыслы цветовых слов и их индивидуально-авторские трансформации.

Ключевые слова: концепт серебряного цвета, цветообозначение, поэтическая картина мира.

SILVER NOVEL VISUALIZATION: COLOUR CONCEPT ANALYSIS IN NEIL GAIMAN'S NOVEL *STARDUST*

Yudina Nadezhda

Graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
nadezhda-yudina1994@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the features of the peculiarities of the silver colour concept in Neil Gaiman's novel *Stardust*. Its role in the building of the individual author's poetic image of the world is considered. It is based on the analysis of syntagmatic compatibility, the links with other cultural concepts are established, which together form its content. An attempt was made to uncover conceptual meanings of colour terms and their individual author's transformations.

Keywords: the concept of silver colour, colour designation, the poetic image of the world.

Цвет как важная часть человеческого опыта представлена в языке обширной системой цветообозначений и определяется сложившейся в данном языковом обществе языковой и культурной традицией.

Цвет является неотъемлемым спутником образов фантастических романов, он привлекает внимание исследователей различных областей науки и искусства: физики, психологии, философии, изобразительного искусства, литературы.

Цветообозначениям отводится одна из ключевых ролей в формировании поэтической картины мира. За всю историю изучения цветообозначающей лексики сформировалось множество подходов к ее рассмотрению. За последнее время исследовательские акценты сместились в сторону проблем когнитивной семантики, этнолингвистики, лингвокультурологии.

Художественный концепт «Цвет» мы будем определять, как единицу сознания писателя, отражающую индивидуально-авторское представление о существующей действительности, а идиостиль, как систему языковых средств, подчинённых эстетическим и коммуникативным задачам художественного произведения. Именно они создают индивидуально-авторскую картину мира [1, с. 240].

Использование методик концептуального анализа, разработанных Е.С. Кубряковой, С.Е. Никитиной и другими учёными, при анализе цвета в жанре фэнтези позволяет определить авторские предпочтения в мире цветопоэтики фантастического романа. Концептуальный анализ предполагает выявление когнитивных структур, стоящих за языковым значением, культурно обусловленных представлений о мире, хранящихся в обыденном сознании и получающих выражение в языке, особенно в его творческих проявлениях, к каковым относится и язык прозы [1, с. 240].

Особенности реализации концепта «Серебряный цвет» в романе Нила Геймана (*Neil Richard MacKinnon Gaiman, 1960*) «Звёздная пыль» (*Stardust, 1999*) стали предметом нашей статьи.

Нил Гейман – английский писатель и сценарист подарил миру «Звёздную пыль» – один из самых выдающихся романов с точки зрения жанра фэнтези, написанный в традициях Дж. Б. Кэйбелла и Лорда Дансени.

Роман «Звёздная пыль» знакомит нас с приключениями Тристрана Тёрна, для которого поиск упавшей Звезды, определяет всю его дальнейшую судьбу.

Использование цветообозначающей лексики в данном романе ещё не получило должного освещения.

Концепт «Серебряный цвет» вербализуется в романе «Звёздная пыль» при помощи лексем “the moon”, “moonlight”, “the star”, “dust”, “silver”, “lead”, “stone”, “granite” и других, делая тематику серебряного цвета ведущей в создании образов романа. Данный концепт представлен существительными в большей степени, прилагательными, глаголами,

стилистическими средствами в меньшей, в тексте также встречаются смешанные варианты вербализации (составные прилагательные, авторские семантические примеры связей прилагательного и существительного, метафорические замещения).

There was no moonlight between the trees, but the unicorn *glimmered* and *shone* with *pale light*, like *the moon*, while the girl herself *glittered* and *glowed* as if she trailed *a dust of lights*. And, as she passed through the trees, it might have appeared to a distant observer that she seemed *to twinkle*, on and off and off and on, like *a tiny star* [6, с. 87].

Серебряный цвет номинируется в романе лексемами “*silver*”, “*the moon*”, “*the star*”, “*moonlight*”, которые репрезентируют концепт. Они выделяются и по степени частотности в романе.

In the moonlight he could see briar-roses in the hedge [6, с. 139].

The star-woman glittered too, as if she had been brushed by the Milky Way; while the unicorn *glowed* gently in the darkness, like a moon seen through clouds [6, с. 75].

Лексема “*silver*” в своем исходном значении – это самостоятельный драгоценный металл, обладающий ценностью; в русской и англоязычной семантической модели слово “*silver*” приобретает качественные характеристики, становится материалом изделий (украшений, монет и т.д.).

Чаще всего лексема “*silver*” вступает в контекстуальные связи с лексемой “*chain*”. Образ цепочки несет в себе символический смысл «единения» в русской и англоязычной культурах: сопровождается художественным концептом «Серебряный цвет», объединяя героев романа единой линией судьбы, показывает их благородное происхождение:

Dunstan reached down to the *silver chain* that ran from her wrist to her ankle, and off away in the grass. He tugged on it. It was stronger than it looked [6, с. 35].

His fingers, swollen-knuckled and twiglike, fumbled with the topaz that hung on a heavy *silver chain* about his neck [6, с. 50].

Слово-концепт *серебряный* обогащается индивидуально-авторским смыслом «судьбы»: для кого-то серебро струящееся, легкое, для кого-то увесистое тяжелое, притягивающее к земле.

It glittered in the moonlight. Tristran took it; the little man’s gift seemed to be a thin *silver chain*, with a loop at each end. It was cold and slippery to the touch... [6, с. 98].

В приведенном выше примере можно выявить основную семантическую характеристику серебряного цвета, как материала: холодность. В этом примере герой романа ощущает только лишь физическую холодность серебра, что воплощает прямое цветовое значение лексемы.

“Exactly,” said the witch-queen, putting a *circlet of silver* upon her head. “The first in two hundred years. And I’ll bring it back to us” [6, с. 108].

В этом примере концепт «серебряный цвет» отличается двуплановостью семантики, совмещая наравне с прямым значением метафорическое. Через ассоциации с холодностью не только физической, но и духовной создается атмосфера враждебности.

Лексема “*silver*” явно репрезентирует концепт «серебряный цвет» в сочетании с лексемами “*pin*”, “*coin*”, “*fire*”, выражая качественные характеристики предметов. Данные лексемы входят в ассоциативный ряд носителей языка, но находятся не на ведущих позициях.

And there was, attached to the baby’s blanket with a *silver pin*, a scrap of parchment, upon which was written in an elegant, if slightly archaic, handwriting the following words: Tristran Thorn [6, с. 39].

Tertius had slipped a *silver coin* to Letitia the chambermaid... [6, с. 81].

Far, far below he could see the real world: the sunlight pricking out every tiny tree, turning every winding river into a *thin silver snail-trail* glistening and looping across the landscape of Faerie [6, с. 208].

Not long ago you burned – your heart burned – in my mind *like silver fire* [6, с. 123].

She reached into her dress, and pulled out a large yellowish stone, which dangled from two lengths of *silver chain* [6, с. 112].

Концепт серебряный цвет вербализуется синтаксически на уровне контекста (*a silver coin*), фонетически (*a thin silver snail-trail*) и стилистически (*like silver fire*).

Серебро сопровождает героев на протяжении всего романа, отражаясь в мелких, но очень значимых деталях. Серебро становится метафорой звёздной пыли, ненавязчиво сияющей на страницах романа.

Самый чистый оттенок серебряного цвета обозначен в тексте произведения лексемой “*crystal*”. Она реализует только позитивные коннотативные смыслы, передаёт ясность сознания героя, отражает яркие краски окружающего мира:

Dunstan paused in front of a stall covered with tiny *crystal* ornaments [6, с. 27].

В теории цветовых кругов серебряный цвет (*silver*) является вариантом серого цвета (*grey*), что, казалось бы, противоречит тому, чтобы поставить этот цвет во главе концепта. Однако, тенденция возвышения серебряного цвета над серым заключается в названии романа, которое несёт в себе значимые маркеры серебряного цвета (*Stardust*). Мы видим в этом также проявление авторской стилизации.

Если серебряный цвет, как вариант серого цвета, становится ведущим в романе, то сам серый цвет, в его вербализации “*grey*” оказывается в ближней к центру периферии, наделяя ядро концепта своими прототипическими реалиями.

Концептуальное содержание цветовых слов, как указывает А. Вежбицкая, задаётся связью с прототипами – типичными носителями цвета [1, с. 236]. Для серого цвета в качестве такого универсального прототипа принимается небо. Это подтверждают материалы ассоциативных экспериментов. Первой по частотности реакцией на слово-стимул «серый» у носителей английского языка является пасмурная погода, прежде всего облачное небо, что объясняется особенностью климата в Англии. Серый цвет обычно наделяется прямыми предметными значениями [4, с. 293].

He could see her now, as the sky lightened into *a dawn grey* [6, с. 37].

При помощи серого цвета Н. Гейман создаёт новые семантические связи, нестандартные для англоязычной культуры, обозначая детали внешности, архитектуры серым цветом:

The town of Wall stands today as it has stood for six hundred years, on a high *jut of granite* amidst a small forest woodland. The houses of Wall are square and old, *built of grey stone*, with dark slate roofs and high chimneys... [6, с. 46].

Immediately to the east of Wall *is a high grey rock wall*, from which the town takes its name. This wall is old, built of rough, square lumps of hewn granite, and it comes from the woods and goes back to the woods once more [6, с. 46].

Серый цвет раскрывает тематику обыденности. Образ жителей Застенья, смирившихся с равномерной текучестью жизни в серых тонах, как и сам город, наделяет концепт «серебряный цвет» новыми семантическими связями:

The inhabitants of Wall are a taciturn breed, falling into two distinct types: *the native Wall-folk, as grey and tall and stocky as the granite outcrop their town was built upon*; and the others, who have made Wall their home over the years, and their descendants [6, с. 7].

She had her mother’s *grey eyes* and heart-shaped face, her father’s curling chestnut hair. Her lips were red and perfectly shaped, her cheeks blushed prettily when she spoke. She was *pale*, and utterly delightful [6, с. 14].

Являясь репрезентантом серебряного цвета, серый вербализуется не только лексемой прилагательного “*grey*”, но и близкими ей по цветовому нейтральному значению лексемами “*pale*”, “*wall*”, “*granite*”, принадлежащих к разным грамматическим категориям частей речи. Последняя, в свою очередь, как существительное и прилагательное несёт в себе сему надёжности и крепости. На страницах романа она дополняет лексему “*grey*”, раскрывая метафорически образы романа:

The Stormhold had been carved out of the peak of Mount Huon by the first lord of Stormhold, who reigned at the end of the First Age and into the beginning of the Second. It had been expanded, improved upon, excavated and tunneled into by successive Masters of Stormhold, until the original mountain peak now raked the sky like the ornately carved tusk of some great, *grey, granite beast*. <...> Four of his sons were dead: Secundus, Quintus, Quartus and Sextus, and they stood unmoving, *grey figures*, insubstantial and silent [6, с. 42].

Цветобозначения включаются во временные и пространственные координаты поэтического мира автора. Ассоциации с дождём, звёздным небом порождают представление о бесконечности, обуславливают связь серебряного цвета с концептами дорога, волшебные миры. Эти смыслы актуализированы в тексте в метафорических сочетаниях цветовых слов с абстрактными именами, обозначающими временные и пространственные промежутки.

Концептуально-художественный образ неба, маркированный серебряным цветом, используется автором как способ передачи индивидуального человеческого взгляда на мир:

– Primus. Go to the window.

Primus strode over to the opening in the rock wall and looked out.

– What do you see?

– Nothing, sire. I see *the evening sky* above us, and clouds below us.

The old man shivered beneath the mountain-bear skin that covered him.

– Tertius. Go to the window. What do you see?

– Nothing, Father. It is as Primus told you. *The evening sky* hangs above us, *the color of a bruise*, and *clouds carpet* the world beneath us, all *grey and writhing*.

The old man's eyes twisted in his face like the mad eyes of a bird of prey. – Septimus. You. Window.

Septimus strolled to the window and stood beside, although not too close to, his two elder brothers.

– And you? What do you see?

He looked out of the opening. The wind was bitter on his face, and it made his eyes sting and tear. One star *glimmered*, faintly, in *the indigo heavens*.

– I see *a star*, Father [6, с. 48-49].

Разнообразие цветобозначений в этом эпизоде дополняется новыми оттенками (“*indigo*”), обратными метафорами (“*the colour of a bruise*”), данные маркеры относятся к дальней периферии.

Ночное небо, мерцающие звезды в романе поднимают тематику вечности. Идея о просторе, воплощенная в концепте серебряного цвета, связывается с цветовыми маркерами смешанного типа или ахроматического порядка:

...the sky above was *a deep color – blue perhaps, or purple, not black* – sprinkled with more stars than the mind could hold [6, с. 32].

Серый цвет занимает нейтральную позицию между черным и белым цветом, наряду с ними, относится к ахроматическим цветам [5, с. 300]. Они не входят в основную палитру цветов, что не делает их менее значимыми, напротив, согласно анализу семантических (ассоциативных) связей белый и черный цвета также помещаются на ближнюю периферию по отношению к «серебряному» ядру.

В романе эти цвета репрезентируются лексемами-прилагательными “*grey*”, “*black*”, “*white*”, которые мы считаем логичным отнести к ближней периферии.

At dawn three lords of Stormhold rode down the craggy mountain road, in a coach pulled by six *black horses*. The horses wore bobbing *black plumes*, the coach was fresh painted in *black*, and each of the lords of Stormhold was dressed in mourning [6, с.170].

In the case of Primus, this took the shape of a long, *black, monkish robe*; Tertius was dressed in the sober costume of a merchant in mourning, while Septimus wore *a black doublet and hose, a black hat with a black feather in it*, and looked for all the world like a foppish assassin from a minor Elizabethan historical play [6, с.170].

Черный цвет создает атмосферу враждебности, продолжает тематику благородства крови, детализируя черным цветом особенностями одежды героев.

Лексемами-существительными “*night*”, “*twilight*”, “*evening*”, “*dusk*” метафорически репрезентируются черный и серый цвета:

Coats of *night*! Coats of *twilight*! Coats of *dusk*! [6, с. 22].

Данные репрезентанты расширяют семантическое поле концепта «серебряный цвет», что в большей мере отражает индивидуально-авторский подход к цвету.

Хроматические цвета в романе (*yellow, green, red, purple, blue*), также сопровождают создание образов романа, однако проявляются в сюжете подобно пыли – ненавязчиво, в мелких деталях, что относит их к дальней периферии:

Five girls sat beside, and upon the branches of, the oldest apple tree in the orchard, its huge trunk making a fine seat and support; and whenever the May breeze blew, *the pink blossoms* tumbled down like snow, coming to rest in their hair and on their skirts. The afternoon sunlight dappled *green and silver and gold* through the leaves in the apple orchard [6, с. 42].

High above him the stars glittered and gleamed, and the harvest moon shone *golden yellow, the color of ripe corn* [6, с. 65].

Не всегда образ луны репрезентирует именно серебряный цвет, иногда автор обращается к другим способам передачи ночной атмосферы: в случае серебряного цвета раскрывается тематика тишины и покоя, в остальных по сюжету следует ожидать внезапного поворота.

Там, где есть место серебру луны, всегда найдется место золотому солнцу:

The sun shone in their eyes, half blinding them and turning their world to *liquid gold*. The sky, the trees, the bushes, even the path itself was *golden* in the light of the setting sun [6, с.167].

They walked side by side, in the *golden-green light of the sun* through the newly opened leaves [6, с. 190].

Если рассмотреть начальное семантическое значение лексем “*gold*”, “*golden*”, мы подобно серебру, снова увидим значение драгоценного металла, качественной характеристики предмета. С одной стороны, золотой цвет ярко дополняет сияющую палитру цветовых репрезентантов серебряного цвета, с другой, лексемы золота, противопоставляются серебру. Данная оппозиция «серебро – золото» («луна – солнце», «день – ночь» в разных своих проявлениях), лишь одна из многих, представленных в романе: концепт серебряного цвета находим также в культурологических оппозициях, восходящих к архетипам: «верх – низ», «небесное – земное», «вечное – преходящее». Поэтический мир автора построен на дихотомиях.

Образ-концепт огня привлекает наше внимание, как способ выражения взаимодействия двух миров, о чем свидетельствует смешение цветов-репрезентантов в огненном пламени (дальняя периферия):

The fire that was burning in the grate of Monday and Brown’s belched and twisted in *a flurry of greens and scarlets*, topped with *a fizz of silver twinkles*, of the kind one can make for oneself at the parlor fire with a handful of tossed iron filings [6, с. 37].

The kitchen fire *fizzed in silver and glimmered green and violet* [6, с. 39].

В этих примерах прослеживается ассоциативная связь концепта серебряного цвета с концептами покой, тишина, волшебство. Такое восприятие цвета возникает благодаря синестезийным механизмам восприятия.

Хроматические цветообозначения романа взаимодействуют с серебряным цветом на уровне контекста, чем обуславливают свое вхождение в концептуальную структуру цвета.

Грамматическим классом глаголов репрезентируется серебряный цвет в романе. Глагол “*glimmer*” становится ведущим, так как несёт в себе сему мерцания, а также по признаку частотности. «Мерцают» в романе неожиданные образы: от искр огня до героя романа, что снова проводит параллель к мерцанию звездной пыли. Вариантами этого глагола становятся “*glow*”, “*shine*”.

...and above them *the lights of the myriad stars, which glittered and twinkled and blazed*,

chilly and distant and more numerous than the mind could encompass [6, с. 32].

Сюжетные образы романа отражают семантические связи серебряных цветообозначений.

Волшебные существа фэнтезийного мира в романе тоже репрезентируются серебряными оттенками, однако, при помощи образных метафор:

This lion was huge, *the color of sand in the late afternoon* [6, с. 145].

There was certainly something odd about the stars: perhaps there was more color in them, *for they glittered like tiny gems...* [6, с. 31]

Таким образом, в романе «Звёздная пыль» получают актуализацию как общекультурные, типичные для носителей английского языка компоненты концептуального содержания лексем, обозначающих серебряный цвет, так и индивидуально-авторские смыслы, обусловленные своеобразием мировосприятия писателя. Все вместе они создают серебряный образ романа в виде падающей звезды, которая оставляет за собой россыпь мерцающих огоньков на ночном небе.

Литература

1. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М.: Русские словари, 1997. – С. 231-290.
2. Кризская Т.В. Язык художественной прозы К.Д. Воробьева: Автореф.дисс...канд. филол. Наук. – Курск, 2009. – 19 с.
3. Кульпина В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – М., 2002. – 31 с.
4. Мишенькина Е.В. Национально-культурная специфика концепта «цвет» у русских и англичан // Ярославский педагогический вестник. 2011. №1. Том 1 (Гуманитарные науки). – С. 288-295
5. Юдина Н.А. Влияние музыкального и цветового компонентов на восприятие художественного произведения (на примере романа Нила Геймана «Американские боги») // Вестник СНО НИУ «БелГУ». 2016. – С. 299-305
6. Gaiman N. Stardust. AvonBooks, 1999. – 256 с.

References

1. Wierzbicka A. Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya // Vezhbitskaya A. YAzyk. Kul'tura. Poznaniye: Per. s angl. – М.: Russkiye slovari, 1997. pp. 231-290
2. Krizskaya T.V. YAzyk khudozhestvennoy prozy K.D. Vorob'yeva: Avtoref.diss ... kand. Filol. Nauk. – Kursk, 2009. P. 19.
3. Kulpina V.G. Teoreticheskiye aspekty lingvistiki tsveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel'nogo yazykoznaneya: Avtoref. Diss ... dokt. Filol. Nauk. – М., 2002. P. 31.
4. Mishenkina E.V. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontsepta «tsvet» u russkikh i anglichan // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 2011. №1. Tom 1 (Gumanitarnyye nauki). pp. 288-295
5. Yudina N.A. Vliyaniye muzykal'nogo i tsvetovogo komponentov na vospriyatiye khudozhestvennogo proizvedeniya // Vestnik SNO NIU «BelGU». 2016. P. 299-305
6. Gaiman N. Stardust. AvonBooks, 1999. pp. 256.

Научное издание

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2017

Сборник материалов
III Международной научной конференции

(г. Белгород, 27–28 апреля 2017 г.)

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Л.П. Котенко
Обложка: Н.М. Сысоева

Подписано в печать 26.06.2017. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 16,0. Тираж 100 экз. Заказ 134.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48